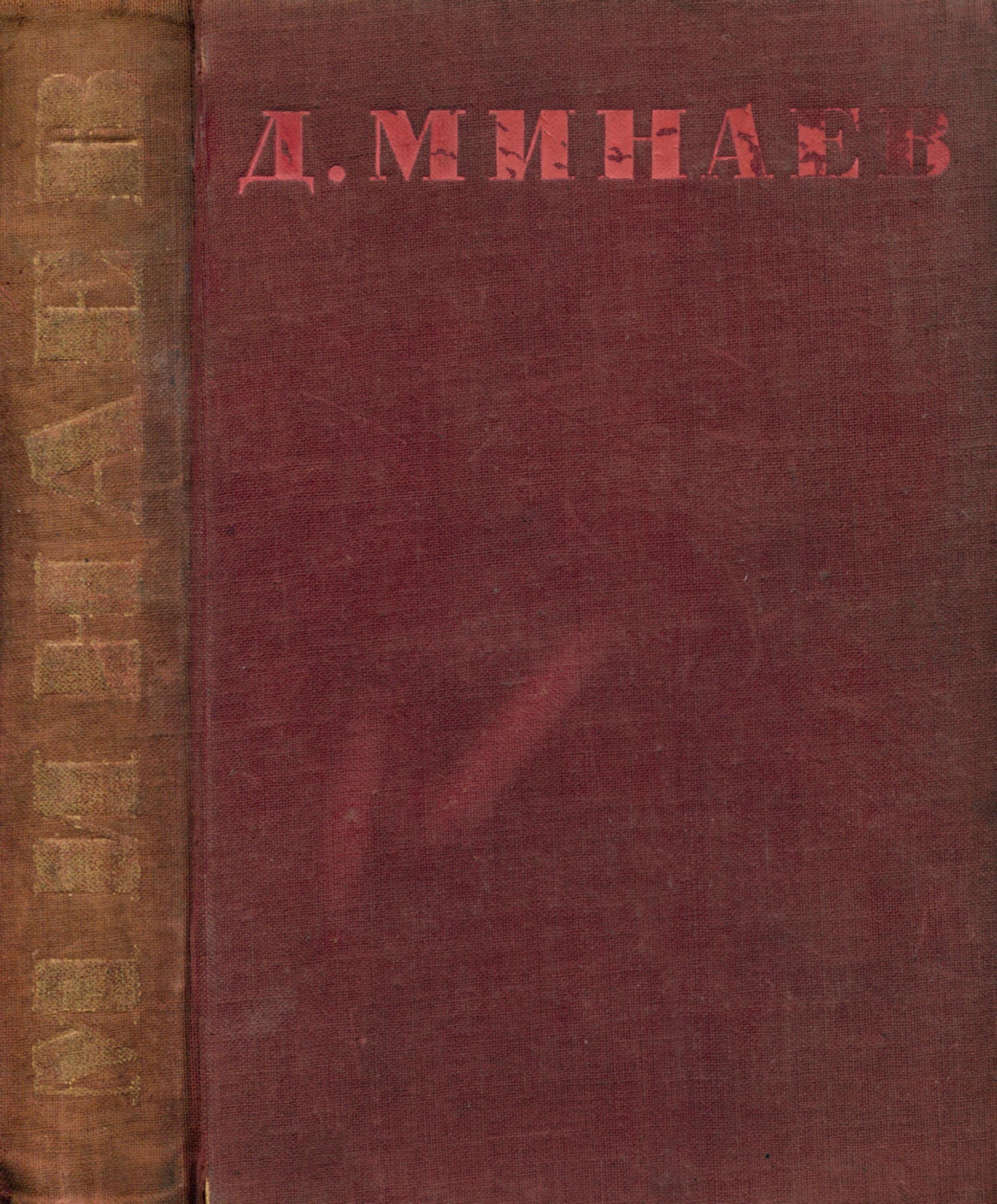
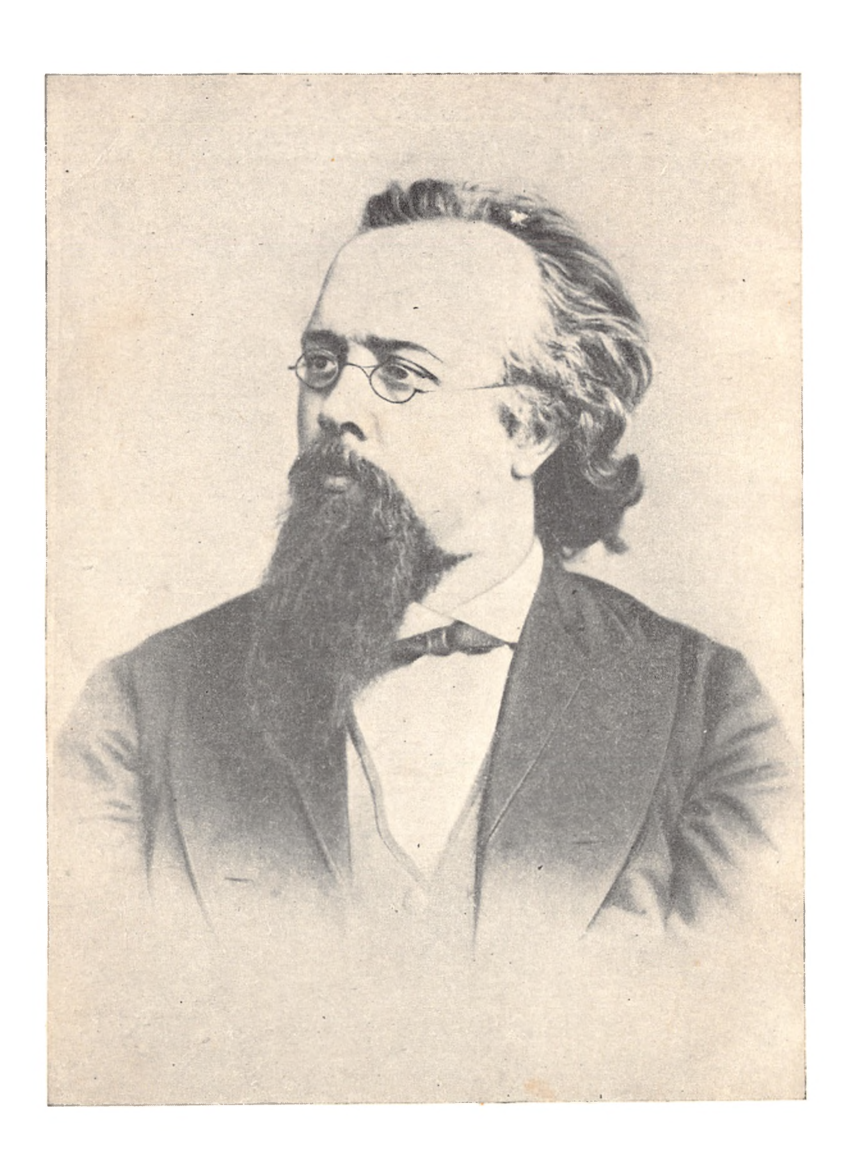

Д. МИНАЕВ
МИНАЕВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ 1947

Д. Д. МИНАЕВ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ,
РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
И. ЯМПОЛЬСКОГО

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ 1947

ОТ РЕДАКТОРА

Минаев издал более двух десятков стихотворных сборников. После смерти поэта, в течение пятидесяти лет, стихотворения его неоднократно включались в разные хрестоматии и антологии, но ни разу не выходили отдельной книгой.

Издание стихотворений Минаева связано с рядом трудностей. Прежде всего, ввиду полного отсутствия библиографии его произведений, нужно было употребить много усилий для разыскания не вошедших в сборники вещей, затерявшихся на страницах журналов и газет 1860—1880-х годов. Необходимо было также найти и первопечатные тексты тех произведений, которые были напечатаны в сборниках. Разыскание последних особенно важно для датировки. Лишь для небольшого числа произведений первопечатные тексты найти не удалось.

Значительно затрудняло знакомство с поэзией Минаева широкой читающей публики огромное количество написанных им стихов — два десятка сборников и очень много не вошедших в них вещей. Читатели, нередко знакомившиеся с Минаевым по случайно попавшему в их руки неудачному сборнику, могли быть, естественно, раздосадованы, найдя лишь несколько хороших стихотворений среди мало интересного в своей массе материала. Но необходимость строгого отбора не определяет еще общей оценки поэта (строгий отбор необходим, например, также для Полонского и Майкова) — решающее значение имеет все же то, что остается после отбора. Поэтому при издании сборника стихотворений Минаева отбор приобретает особенно существенное значение. Я стремился представить Минаева произведениями, с одной стороны, типичными и характерными для него и, с другой — художественно наиболее яркими и интересными для современного читателя. Именно в связи с этим довольно скупо представлена лирика Минаева, и он показан преимущественно как сатирик.

Весь материал разбит на четыре отдела, а внутри каждого отдела расположен в хронологическом порядке. В первый вошли сатирические фельетоны, пародии, а также лирические стихотворения; отделение лирических стихотворений Минаева от сатириче-

ских было бы искусственным и даже почти неосуществимым, поскольку элементы лирики и сатиры у него нередко переплетены и неразрывно связаны; в первую очередь это относится к его негодующей, «ювеналовской» сатире. Во второй отдел вошли эпиграммы, надписи, экспромты, каламбуры; в третий — большие вещи: поэмы, роман в стихах «Евгений Онегин нашего времени» и др.; в четвертый — переводы. Разумеется, отнесение некоторых вещей к тому или иному отделу иногда спорно, но вряд ли целесообразен и удачен сплошной хронологический порядок, при котором вслед за поэмой была бы напечатана четырехстрочная эпиграмма.

Стихотворения, как правило, печатаются в последних редакциях, за исключением нескольких случаев, специально оговоренных.

В примечаниях приведены библиографические сведения, расшифрованы объекты сатиры Минаева, рассыпанные в ней намеки на те или иные явления общественно-литературной жизни 1860—1880-х годов, а также разъяснены упомянутые в его произведениях имена, кроме широко известных. Каждое примечание начинается с указания на оригинал (для переводов) и первопечатный текст; дальнейшие перепечатки без изменений не отмечаются; оговорены лишь перепечатки с теми или иными исправлениями. Когда указано «печатается по такому-то источнику» и не сделано никаких дополнительных оговорок, это значит, что здесь впервые появился текст в своем окончательном виде, а в дальнейшем он перепечатывался без изменений или вовсе не перепечатывался. Подпись или ее отсутствие указаны всюду, кроме случаев, когда стихотворение было подписано полным именем Минаева.

Даты помещены для удобства под стихотворениями. При отсутствии точных данных пришлось руководствоваться датами первой публикации. Большей частью они, впрочем, отделены от дат написания очень небольшим временным промежутком. Минаев обычно печатал свои произведения тотчас же после их создания. Даты первой публикации и даты предположительные заключены в угловые скобки. Стихотворения датированы только годом написания или годом первоначальной публикации, но материал, приведенный в примечаниях, нередко дает возможность несколько уточнить дату внутри года. Двойные даты обозначают не продолжительность писания, а то, что стихотворение написано в один из этих годов.

Принадлежность Минаеву фигурирующих в примечаниях псевдонимов определяется тем обстоятельством, что те или иные стихотворения, подписанные каждым из них, сам поэт включил в свои сборники. Заглавия сборников Минаева приведены в примечаниях в сокращенном виде. В полном виде они даны в списке, помещенном вслед за примечаниями.

ДМИТРИЙ МИНАЕВ

Дмитрий Дмитриевич Минаев происходил из небогатого дворянского рода. Дед его Иван Матвеевич на службу «вступил из солдатских детей в Рязанский карабинерский полк солдатом».[1] Это было в 1773 г. Постепенно продвигаясь в чинах, он получил потомственное дворянство, а в начале XIX века, выйдя в отставку, занимал должность секретаря в Симбирском дворянском депутатском собрании.

У отца поэта — Дмитрия Ивановича, как и у его деда, «ни родового, ни благоприобретенного имения» не было, а у матери (урожд. Зимнинской) было в Карсунском уезде Симбирской губернии небольшое имение с 44 крепостными.[2]

Дмитрий Иванович тоже долгие годы провел на военной службе. Начав ее сейчас же по окончании гимназии, он дослужился до чина подполковника. Сначала строевой офицер, Дмитрий Иванович стал затем военным чиновником: служил в Симбирской комиссариатской комиссии, потом был смотрителем Оренбургского военного госпиталя.

Дмитрий Дмитриевич Минаев родился в Симбирске 21 октября 1835 г. С раннего детства он жил в атмосфере литературных и художественных интересов. Отец его очень любил литературу и живопись, сам немного рисовал и писал стихи, которые в 1839 г. заслужили похвальный отзыв Белинского. Рецензируя альманах Н. Кукольника «Новогодник», Белинский уделил им довольно много места. «Да, небогат «Новогодник» хорошими стихотворениями, даже можно сказать утвердительно, что очень, очень беден ими, — писал он, — но тем с большим вниманием остановились мы на восьми стихотворениях нового поэта, г. Минаева. Во всех них проглядывает если не талант, то что-то похожее на талант, борющийся с фразерством»; а в стихотворении «Иванов цвет» критик увидел даже «решительный талант, хотя еще и не совсем овладевший самим собою».[3]

---

[1] Дело Правительствующего сената департамента герольдии о дворянстве недоросля Минаева, 1823, № 191.

[2] Дело Правительствующего сената департамента герольдии о дворянстве Минаева, 1857 г. (без номера).

[3] „Московский наблюдатель", 1839, часть 2, № 4, стр. 56—57.

Д. И. Минаев печатал свои произведения сравнительно редко. Несколько его стихотворений и поэм появилось в «Библиотеке для чтения» Сенковского, в «Иллюстрации» Н. Кукольника. Сотрудничал он позже в «Сыне отечества», где поместил (в 1850—1851 гг.) ряд статеек, повестей, драму «Русь во времена Донского». В 1846 г. Минаев издал отдельной книгой лучшее свое произведение — «Слово о полку Игоря». Это не перевод, а скорее пересказ и отчасти вариации на мотивы «Слова», переключавшие его в план романтической поэмы. «Слово о полку Игоря» вызвало похвальные и даже восторженные отзывы ряда современников, и лишь один Белинский теперь уже сурово отнесся к самому его замыслу и исполнению, упрекнув Минаева за «разжижение довольно бойкими стихами довольно короткого и сжатого «Слова о полку Игоревом», за «фразистость» и «риторику».[1] Близки к «Слову» Минаева по своему характеру поэма «Слава о вещем Олеге», изданная им в 1847 г., и «былина» «Тысячелетие Руси в русских народных сказаниях», вышедшая в Симбирске в 1857 г.

Белинский недаром упрекал Д. И. Минаева за «фразистость» и «риторику». Человек начитанный и преданный литературным интересам, он по своим симпатиям примыкал к запоздалому романтизму 1830-х годов и неприязненно относился к Гоголю и натуральной школе. «Он пишет одну только грязь. Что это такое? — кричал Минаев в азарте: — его Плюшкин! Его заплата там где-то на спине?»[2]

Мать Д. Д. Минаева, так же как и его отец, была вполне культурным человеком; она знала иностранные языки, много читала.

Первоначальное образование Минаев получил под руководством отца. Затем его учителем был Г. Н. Потанин — в то время гимназист старших классов Симбирской гимназии, а впоследствии беллетрист, автор романа «Старое старится, молодое растет». По воспоминаниям Потанина, Минаев был живой, веселый, умный и сметливый мальчик.

В 1847 г. Д. И. Минаев был причислен к провиантскому департаменту и затем назначен смотрителем Измайловского провиантского магазина в Петербурге, куда и переехал вместе со своей семьей.

В Петербурге Д. И. Минаев отдал сына в военно-учебное заведение — Дворянский полк, где будущий поэт одно время учился вместе с В. С. Курочкиным (Минаев был моложе и кончил позже) и вместе с ним принимал участие в рукописном журнале. Их одно-

---

[1] „Взгляд на русскую литературу 1846 года" — „Современник", 1847, № 1, стр. 29

[2] Г. Н. Потанин, „Воспоминания о Гончарове" — „Исторический вестник", 1903 № 4, стр. 107.

кашник по Дворянскому полку А. Миклашевский рассказывает в своих воспоминаниях: «В одну из лекций Введенского мы поднесли ему довольно объемистую тетрадь, величиною в лист писчей бумаги; на верхнем листе пером была нарисована хорошенькая виньетка с крупной надписью: «Дворянский вестник». На первой странице сияли стихи В. С. Курочкина, потом какой-то рассказ в прозе Д. Д. Минаева и, наконец, критический отдел был мой; конечно, на второй уже месяц журнал не вышел за недостатком материала».[1] В Дворянском полку Минаев начал также писать стихи, но они не дошли до нас.

В эти годы Д. Д. Минаев сошелся и с Николаем Курочкиным. Н. С. Курочкин в показаниях следственной комиссии по делу Каракозова, отвечая на вопрос о своих знакомствах, указал, что Минаева знает с детства: еще гимназистом бывал в доме его отца.[2]

Для характеристики той идейной атмосферы, в которой рос Минаев, существенно отметить, что и его отец и Н. Курочкин, тогда еще студент первого курса Медико-хирургической академии, в связи с их знакомствами, были привлечены к допросу по делу Петрашевского.[3]

Д. И. Минаев нередко бывал у известного переводчика и педагога Иринарха Введенского, который преподавал русскую литературу в Дворянском полку. Кружок Введенского, который нередко посещали студенты Петербургского университета Н. Г. Чернышевский и Г. Е. Благосветлов, был, как известно, идейно связан с петрашевцами. Если не политические взгляды, то во всяком случае политические настроения Д. И. Минаева достаточно ярко отражены в дневнике молодого Чернышевского, который познакомился с Минаевым именно у Введенского. Передавая свои впечатления от кружка и подчеркивая поверхностный характер суждений «в социалистическом духе» одного из его членов — А. П. Милюкова и некоторую «пошловатость» многих присутствующих, Чернышевский выделяет самого Введенского и «военного — Дмитрия Ивановича». 10 мая 1850 г. Чернышевский застал у Введенского Минаева с женой и П. С. Билярского. «Мы говорили о перевороте у нас», — записал он в дневник. Осенью того же года у Введенского собралось большое общество — свыше пятнадцати человек. «Время прошло довольно хорошо. С начала вечера Минаев рассказывал о жестокости и грубости царя и т. д. и говорил, как бы хорошо было бы, если бы выискался какой-нибудь смельчак, который решился бы пожертвовать

---

[1] „Дворянский полк в 40-х годах“ — „Русская старина“, 1891, № 1, стр. 117.
[2] Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии. О вольнопрактикующем враче Курочкине, 1866, № 203, лист 43.
[3] „Петрашевцы. Сборник материалов“, т. 3, М.—Л., 1928, стр. 360-361.

своей жизнью, чтоб прекратить его. Под конец читали Искандера». 9 декабря 1850 г. Чернышевский внес в дневник следующую запись: «Был у Минаева, и вечер прошел довольно занимательно, потому что он рассказывал различные вещи. Обещался достать ему «Кто виноват?» И теперь взял из библиотеки и отнесу ему». В марте 1851 г. Чернышевский и Д. И. Минаев проделали вместе большой путь: Минаев возвращался на новую службу в Симбирск, а Чернышевский — через Симбирск в Саратов. «Дорогою, — пишет Чернышевский, — все рассуждали между собою о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии (я в духе Штрауса и Фейербаха). Д. И. Минаев показался мне человеком еще лучше того, чем раньше — человеком с светлым умом и благородною душою; я имел на него, как кажется, довольно большое влияние своими толками о Штраусе и коммунизме, — он теперь причисляет себя к коммунистам, хотя, может быть, и не понимает хорошо, куда они хотят итти и какими путями».[1]

Все эти встречи, разговоры, настроения отца и его знакомства не могли не оказать существенного влияния на формирование взглядов Д. Д. Минаева.

В 1852 г. Минаев окончил курс учения в Дворянском полку,[2] был выпущен с чином XIV класса и вернулся вслед за отцом на родину, поступив на службу в Симбирскую казенную палату. Здесь он служил около трех лет и в 1855 г. перевелся в Петербург, в земский отдел министерства внутренних дел. В середине 1857 г. Минаев вышел в отставку и занялся исключительно литературной работой.

В конце 1850-х годов Минаев женился на Е. А. Поповой. Семейная жизнь поэта сложилась неудачно и принесла ему много неприятностей. Прожив с женой больше двадцати лет, он разошелся с ней.

В первые годы своей литературной деятельности Минаев печатался во второстепенных петербургских журналах и газетах: «Иллюстрации», «Ласточке», «Светописи», «Русском мире», «Развлечении» и пр., выступая и с оригинальными стихотворениями (первое время — преимущественно лирическими, а затем и сатирическими), и с переводами (Гейне, Гафиза и др.). В эти же годы поэт значительно расширил круг своих литературных знакомств и связей.[3]

В 1859 г. Минаев издал сборник пародий «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта. Вып. I», а в следующем году напеча-

---

[1] Н. Г. Чернышевский „Полное собрание сочинений", т. 1, М., 1939, стр. 362, 371, 395, 400 и 402.

[2] По другим данным, он курса не окончил.

[3] По свидетельству А. Г. Полянской, Минаев еще в 1857 г. бывал, например, у Меев („К биографии Л. А. Мея", „Русская старина", 1911, № 5, стр. 355) и был следовательно, знаком с целым рядом посещавших их писателей и литераторов.

тал в двух номерах журнала «Дамский вестник», под псевдонимом «Д. Свияжский», биографию Белинского, выпущенную также отдельным изданием. Это был первый опыт биографии великого критика, написанный, кроме того, его восторженным почитателем. Вокруг имени и литературного наследия Белинского велась в 1850—1860-е годы упорная борьба, причем представители либеральных и консервативных кругов русского общества или безапелляционно и резко нападали на него, или пытались выхолостить и «обезвредить» революционную сущность его миросозерцания. Они старались доказать, что современные критики революционно-демократического лагеря являются отнюдь не настоящими продолжателями дела Белинского, а его «лжеучениками». Книга Минаева была проникнута стремлением восстановить подлинный облик «неистового Виссариона».

К 1859 г. относится проект еженедельной газеты «Русский телеграф», которую Минаев собирался издавать вместе со своим приятелем, поэтом и беллетристом А. П. Сниткиным (писавшим под псевдонимом «Амос Шишкин»), и при участии Л. П. Блюммера. Им были обещаны деньги на издание; они заручились согласием ряда литераторов сотрудничать в газете, но план этот так и не осуществился. На запрос Главного управления цензуры по поводу ходатайства Минаева и Сниткина начальник III отделения кн. Долгоруков ответил следующее:

«Вследствие отношения вашего высокопревосходительства за № 1779 имею честь уведомить, что право издания журнала, по моему мнению, может быть предоставляемо только таким лицам, которые представляют собою ручательство в нравственном направлении и успехе предпринимаемого дела; а как отставной коллежский регистратор Минаев и бывший студент Сниткин суть люди неизвестные ни правительству, ни в литературе, то я полагал бы просьбу их о дозволении издавать газету под названием «Русский телеграф» отклонить».[1]

В том же 1859 г. Минаев сошелся с А. П. Милюковым, знакомым своего отца по кружку Ир. Введенского. Милюков был фактическим редактором затевавшегося тогда журнала «Светоч», поставившего своей целью объединить лучшие черты западничества и славянофильства. В конце сентября — начале октября 1859 г. Минаев посетил в Твери вернувшегося из ссылки Ф. М. Достоевского и по поручению Милюкова пригласил его сотрудничать в «Светоче».[2]

---

[1] Дело Главного управления цензуры, 1859, № 272. См. также дело С.-Петербургского цензурного комитета, 1859, № 96.

[2] Ф. М. Достоевский, „Письма", т. 2, М.-Л., 1930, стр. 611; см. также Леонид Гроссман, „Жизнь и труды Ф. М. Достоевского", М., 1935, стр. 94.

В 1860—1861 гг. Минаев часто посещал «вторники» Милюкова, на которых бывали Ф. М. и М. М. Достоевские, Вс. Крестовский, А. Н. Майков и другие сотрудники «Светоча».

По свидетельству Н. Н. Страхова, и Достоевский и все другие члены кружка Милюкова были проникнуты «чисто публицистическим направлением»; «политические и социальные вопросы были тут на первом плане и поглощали чисто художественные интересы». Страхов говорит об увлечении членов кружка французскими мыслителями и теориями, в частности «теорией среды», и о равнодушии к немецкой идеалистической философии.[1]

Минаев напечатал в «Светоче» и выходившем при нем «Карикатурном листке» ряд сатирических стихотворений, переводов и фельетонных обозрений «Петербургская летопись». Когда в 1861 г. начал выходить журнал Достоевского «Время», Достоевский поручил Минаеву написать фельетон для первого номера. Но фельетон Минаева не удовлетворил Достоевского, и он заменил его своим («Петербургские сновидения в стихах и прозе»), использовав в нем все стихотворные вставки Минаева.[2] В том же номере Минаев напечатал без подписи фельетон по поводу русских переводчиков Гейне. Но на этом его сотрудничество во «Времени» окончилось.

В 1860—1861 гг. Минаев становится постоянным сотрудником всех трех журналов, занимавших левый фланг русской периодической печати: «Современника», «Русского слова» и «Искры».

Очень любопытно то впечатление, которое произвел Минаев на Г. Н. Потанина, увидевшего своего бывшего ученика после большого перерыва. Они встретились в Петербурге в 1859 г. Человек консервативного образа мыслей, особенно в эпоху, когда он вспоминал об этой встрече, Потанин с огорчением отозвался о переломе, который произошел в Минаеве, и о влиянии на него демократических идей шестидесятых годов. «Моего бесценного Митю я совсем не узнал! Дмитрий Дмитриевич Минаев был совершенно иной, *новый* человек. Странное и непонятное веяние шестидесятых годов, когда бог, семья и правительство считались чем-то ненужным, наука звалась «ерундой», а мазанный дегтем сапог ставился выше дрезденской Мадонны и Аполлона Бельведерского — это странное веяние, как чума, заразило молодого Минаева и искалечило его».[3] Для нас существенно, конечно, не обывательское суждение Потанина о революционно-демократическом движении 1860-х годов, а самый факт — что уже в 1859 г. он увидел в

[1] Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, СПб., 1883, стр. 172.

[2] Там же, стр. 213.

[3] Потанин, „Речь на могиле поэта Минаева" — „Симбирские губернские ведомости", 1899, № 47.

Минаеве нечто резко враждебное своему консервативно-патриархальному мышлению.

Начиная с февраля 1861 г., т. е. сейчас же после неосуществившегося сотрудничества во «Времени», до августа 1864 г. — в течение трех с половиной лет — Минаев вел в журнале «Русское слово» фельетонное обозрение «Дневник Темного человека», в котором зло высмеивал все враждебные демократическому лагерю явления общественной и литературной жизни.[1] Характерен самый псевдоним, заимствованный из «Писем темных людей», написанных Ульрихом фон Гуттеном и другими немецкими гуманистами и направленных против средневековой церкви и схоластики. В прозаический текст фельетона Минаев включал отдельные стихотворения, стихотворные фрагменты, драматические сценки. Кроме того, Минаев напечатал в журнале ряд самостоятельных стихотворений, переводов и критических статей.

Он был одним из основных сотрудников «Русского слова». Уже летом 1861 г. фактический редактор журнала Г. Е. Благосветлов писал своему приятелю — беллетристу и историку Д. Л. Мордовцеву: «Хорошо обставляется наш кружок. Писарев, молодой человек с отличной складкой ума, предан «Русскому слову»; Минаев — «Темный человек» кусается великолепно, весь наш; надеюсь я притянуть еще Соколовского, но из него надо образовать критика, а это требует времени. Еще две или три силы, и мы пойдем славно. Да и вышвырнуть надо кой-кого: все еще остались старые дрожжи, это вышвырнем». И позже, делясь с Мордовцевым своими планами, надеждами и сомнениями, Благосветлов снова пишет о Писареве и Минаеве: «Не будь около меня Писарева и Минаева, я считал бы себя похороненным в любезном отечестве».[2] О том же свидетельствует и Писарев. Летом 1862 г., после своего ареста, на вопрос следственной комиссии Писарев показал: «В Петербурге я знаком с графом Кушелевым-Безбородко, с г. Благосветловым, с Поповым, с г. Минаевым, с г. Крестовским, составляющими ближайший круг редакции «Русского слова». Сошелся я с ними в конце 1860 г., а с гр. Кушелевым-Безбородко весною 1861 г.»[3]

Одновременно Минаев сотрудничал и в «Современнике», печатая там преимущественно переводы (из Барбье, Байрона и др.). Член

---

[1] Некоторое время он вел фельетон параллельно в „Светоче" и в „Русском слове", но редакция „Русского слова", как это видно из письма Минаева к А. П. Милюкову от 22 марта 1861 г. (рукописное отделение Пушкинского дома), возражала против этого, и Минаев прекратил сотрудничество в „Светоче", несмотря на просьбы Милюкова.

[2] Г. Прохоров, „Шестидесятые годы в письмах современника" — сб. „Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественного движения", М.-Л., 1940, стр. 435.

[3] Мих. Лемке, „Политические процессы в России 1860-х гг.", изд. 2-е, М.-П., 1923, стр. 559.

редакции журнала А. Н. Пыпин называет его в письме к И. А. Панаеву «одним из сотрудников, которыми журнал дорожит».[1]

Следует отметить, что во время известной полемики 1864—1865 гг. между «Современником» и «Русским словом» Минаев был на стороне первого и прекратил сотрудничество в «Русском слове». Это случилось в августе 1864 г.[2] (тогда же был напечатан и последний его фельетон в «Русском слове»), а в январе 1865 г. Минаев объявил о своем уходе письмом в редакцию «Современника». Указание В. П. Буренина, что «кажется... из-за «Евгения Онегина нашего времени» Минаев принужден был разойтись с кружком благосветловского журнала», повторенное биографом Минаева Н. А. Державиным,[3] неточно. «Евгений Онегин» написан в ответ на статью Писарева «Пушкин и Белинский», появившуюся в «Русском слове» в апреле и июне 1865 г., а Минаев ушел оттуда за несколько месяцев до этого. «Евгений Онегин» был не поводом к уходу, а фактом борьбы с ошибками «Русского слова».

В «Современнике» Минаев сотрудничал вплоть до его запрещения правительством в 1866 г. после выстрела Каракозова.

Как уже было упомянуто, активное участие принимал Минаев и в «Искре». Старый знакомый Курочкиных, Минаев начал сотрудничать в «Искре» со второго года ее издания, с 1860 г., и в течение четырнадцати лет, вплоть до прекращения журнала, поместил в нем огромное количество своих произведений. Пародии, стихотворные фельетоны, фельетоны в прозе, иногда вперемежку со стихами, драматические сцены, эпиграммы, переводы и пр. — всем этим усердно снабжал «Искру» Минаев. Он выступил в «Искре», а затем и в «Гудке» и как карикатурист. 28 марта 1861 г. Минаев писал Н. А. Степанову: «Присланные карикатуры могут служить Вам доказательством того, что я хочу быть не только сотрудником Василия Степановича, но и Вашим».[4] Минаев был не только одним из самых деятельных сотрудников «Искры», но принимал также участие и в редакционной работе. Почти ни одна кампания, организованная журналом, не обходилась без него; больше того: он был нередко главным застрельщиком таких кампаний.

В 1862 г. Минаев несколько месяцев редактировал «Гудок», который был при нем боевым сатирическим журналом. В объявлении о подписке на журнал он следующим образом сформулировал свой

---

[1] „Вестник Европы", 1915, № 4, стр. 139.

[2] См. письмо А. Ф. Головачева к Н. А. Некрасову от 25 августа 1864 г. — сб. „Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову", М., 1916, стр. 96.

[3] В. Буренин, „Критические очерки" — „Новое время", 1889, № 4803; Н. А. Державин, „Король рифмы (Д. Д. Минаев и его литературная деятельность)" — „Исторический вестник", 1914, № 7, стр. 203.

[4] Рукописное отделение Пушкинского дома.

взгляд на сатиру и ее общественное значение: «Отрицание во имя честной идеи, сатира и юмор во всех их проявлениях, преследование грубого и узкого обскурантизма, произвола и неправды в нашей русской жизни — вот те начала, которыми будет руководствоваться редакция «Гудка»... Мы верим в смех и в сатиру не во имя «искусства для искусства», но во имя жизни и нашего общего развития; одним словом, мы верим в смех как в гражданскую силу».

Уже с первого номера читателям «Гудка» представилось совершенно необычное зрелище. На заглавной виньетке был изображен Герцен, произносящий речь жадно слушающей его толпе крестьян и молодежи; в руках у него знамя, на котором написано: «Уничтожение крепостного права». Помещение подобной виньетки было в ту пору большой смелостью; ведь самое имя Герцена было с конца 1840-х годов запретным для русской журналистики вплоть до весны 1862 г., когда «Русский вестник» Каткова открыл поход против него всей консервативной прессы; тем более «крамольным» должно было казаться «властям предержащим» сочувственное его изображение. С другой стороны виньетки — представители крепостнической России: помещики, военщина, чиновники, с ненавистью глядящие на Герцена, угрожающие ему и крестьянам нагайкой или ищущие спасения от страшной действительности в вине, любовных похождениях и пр. Между ними — бородатый мужчина в цилиндре и в пальто с широкими рукавами, обнимающий женщину. В таком виде виньетка появилась в первых двух номерах, а в третьем некоторые лица и фигуры были подрисованы, в частности поля цилиндра у бородатого мужчины исчезли, и он превратился в клобук, пальто оказалось рясой, перед взором читателей было, без сомнения, духовное лицо в столь компрометирующей его позе.

Виньетка была разрешена, конечно, по недосмотру, хотя и просматривалась не только цензурным комитетом, но и государственной канцелярией. По выходе первых номеров «Гудка» в публике начались всякие толки, журнал читался нарасхват, в цензуре произошел большой переполох, дело дошло до самого Александра II, и по его распоряжению виньетка была запрещена.[1]

С 1865 г. Минаев сотрудничал и в третьем сатирическом журнале левого лагеря — «Будильнике», выходившем под редакцией отделившегося от Курочкина Н. А. Степанова.

Минаев печатался эпизодически и в других изданиях: в конце 1850-х — начале 1860-х годов — в «Русской речи» и в тогда

---

[1] Дело С.-Петербургского цензурного комитета, 1861, № 46, л. 106 и Главного управления цензуры, 1860, № 226; „Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке“, Спб., 1907, стр. 150—151; Н. Николадзе, „Воспоминания о шестидесятых годах“ — „Каторга и ссылка“, 1927, № 5, стр. 31—32.

еще либеральном «Русском вестнике», позже в газете «Русь» (1864) и др.[1]

С самого начала 1860-х годов Минаев, писавший во всех журналах радикального направления и пользовавшийся широкой популярностью, возбуждает подозрения полиции. В 1862 г. III отделение было обеспокоено тем, что Минаев, по имевшимся у него агентурным сведениям, переписывался с Герценом.[2] В следующем, 1863 г., имя его фигурирует в доносе б. студента Технологического института Волгина об образовавшемся будто бы «клубе поморных» в редакции «Искры».[3] С октября 1865 г. Минаев, как и ряд других представителей радикальных общественных кругов, был отдан под постоянный негласный и бдительный надзор полиции «по поводу заявления поименованными лицами учения своего о нигилизме, причем предоставлено, чтобы местное начальство, в случае надобности, принимало против них более строгие административные меры, в пределах предоставленной ему власти».[4]

После каракозовского выстрела, в конце апреля 1866 г., Минаев по распоряжению председателя следственной комиссии М. Н. Муравьева был арестован за сотрудничество в журналах, «известных своим вредным социалистическим направлением, в особенности «Современнике» и «Русском слове».[5]

Следует отметить, что имя Минаева встречается в доносах и письмах разных «благонамеренных» лиц, посыпавшихся в полицейские органы после покушения Каракозова. В одном из этих доносов сообщалось, например, что в доме № 58 по Невскому проспекту, в квартире № 13 Ольги Колмогоровой замечено несколько лиц, занимавшихся «усердно и долго писанием каких-то писем, которые вкладывали в заранее приготовленные конверты. В числе лиц, виденных вчера у Колмогоровой, указывают также на литератора Минаева — крайнего либерала и нигилиста». В другом доносе говорилось, что к делу о покушении на Александра II «прикосновенны все те писатели, которых фотографические порт-

---

[1] Б. П. Козьмин высказал предположение о сотрудничестве Минаева в газете „Народная летопись" (1865), в которой была сделана „попытка сближения легальных литераторов из группы „Современника" с революционными элементами русского общества того времени" (См. его статью о газете „Народная летопись" в сборнике „Русская журналистика. I, Шестидесятые годы", 1930, стр. 76). Предположение это вызывает, однако, большие сомнения, если учесть отклик Минаева на предстоящий выход „Народной летописи" в „Будильнике", 1865, № 9, стр. 35, „Невский альбом".

[2] А. И. Герцен, „Полное собрание сочинений и писем" под ред. М. К. Лемке, т. 16, Пб., 1920, стр. 387.

[3] Там же, т. 16, стр. 170.

[4] Дело департамента полиции исполнительной о представляемых г.г. губернаторами ведомостях о лицах, состоявших под надзором полиции за 1867 г., 1868, № 838, ч. 10. лл. 658—659.

[5] Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии. О покушении на жизнь государя императора 4 апреля 1866 г., 1866, № 163, л. 85.

реты сняты группою еще в 1863 г., во главе каковой группы стоят: сосланный в Сибирь Михайлов, Костомаров, Минаев, Дмитриев, Стопановский и другие. Значение той группы воззвание к молодому поколению о уничтожении верховной власти».[1]

Отбывая заключение в Александро-Невской части, Минаев в припадке нервного расстройства покушался на самоубийство, нанеся себе удары по голове подсвечником. Это случилось через две недели после ареста. В середине мая 1866 г. Минаев был переведен в госпиталь, помещен в «отдельном номере арестантского корпуса, под строгим надзором», через некоторое время был допрошен и освобожден.[2]

Вот как передает свое впечатление от встречи с Минаевым скоро после его освобождения М. И. Семевский: «Третьего дня я ехал в одном вагоне в Павловск с поэтом Д. Д. Минаевым... — писал он 16 августа 1866 г. — Это один из даровитейших современных литераторов: остроумный фельетонист, талантливый стихотворец, ловкий переводчик..., необыкновенный остряк и... жестокий пьяница! Я едва его узнал: он был очень приличен, но его как-то раздуло. Он два месяца высидел в крепости, сошел было там с ума, свезен был в госпиталь, колотился головой об стену и в конце концов, ни в чем не обвиненный, выпущен на волю. Множество его книг и рукописей, как он рассказывает, пропало в III Отделении».[3]

В ведомости о поднадзорных за 1867 г. Минаев и В. С. Курочкин выразительно охарактеризованы как «нигилисты, мало дающие надежды к исправлению».[4]

Сотрудничавший в «Современнике» вплоть до его прекращения, Минаев в 1866 г. резко выступил против Некрасова в связи с его «Муравьевской одой». Когда после покушения Каракозова М. Н. Муравьев был назначен председателем следственной комиссии, стало ясно, что готовится разгром всей революционной и радикальной России, в том числе — разгром левой журналистики. Желая спасти «Современник», Некрасов решился на отчаянный шаг. Английский клуб давал торжественный обед в честь Муравьева. Некрасов явился туда и прочел ему хвалебную оду. Этот поступок вызвал злорадство в реакционных кругах, боль и возмущение у многих соратников и почитателей Некрасова. Минаев написал несколько стихотворений — искренних и сильных, в кото-

---

[1] Производство... следственной комиссии. О заявлении разных лиц по поводу злодейского покушения на жизнь государя императора 4 апреля 1866 г., 1866. № 172, лл. 29, 160.

[2] Производство... следственной комиссии. Об отставном коллежском регистраторе Дмитрии Минаеве, 1866, № 268; дело 1 экспедиции III Отделения соб. е. и. в канцелярии о чиновнике Минаеве, 1866, № 100, ч. 56.

[3] „Былое", 1925, № 6 (34), стр. 41.

[4] Дело департамента полиции исполнительной... 1868, № 838, ч. 10, л. 658.

рых обличал поэта в измене. Разумеется, это была не измена, а ошибочный шаг, сделанный в порыве отчаяния и к тому же не спасший «Современника». Муравьевская ода была одним из проявлений тех колебаний Некрасова, о которых писал Ленин: «Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и *публично каялся* в них» (т. 16, стр. 132). Когда искровцы убедились, что перешедшие в руки Некрасова «Отечественные записки» верны традициям «Современника», недоверие к нему постепенно рассеялось, и «Искра» стала ближайшим соратником «Отечественных записок», как прежде — «Современника». С середины 1868 г. Минаев стал постоянным сотрудником «Отечественных записок».

После прекращения «Современника» Минаев, не оставляя работы в «Искре», возобновил в «Деле», выходившем вместо «Русского слова», свой «Дневник Темного человека» под новым названием «С невского берега» и за новой подписью «Аноним» (1868—1870). В конце 1860-х — начале 1870-х годов он поместил в «Деле» очень много оригинальных и переводных произведений. Сотрудничал он и в ряде других журналов: в конце 1860-х годов — в «Неделе», затем в «Маляре» (как карикатурист), в «Пчеле» Микешина, «Вестнике Европы», «Стрекозе», «Фаланге» и др.

Однако ни один журнал не мог предоставить Минаеву-сатирику столь широкого поля деятельности, как закрытая правительством в 1873 г. «Искра» или «Будильник» 1860-х годов. Последний хотя и продолжал выходить, но совсем измельчал, и Минаев лишь время от времени помещал в нем свои стихотворения. Этим, равно как и некоторыми особенностями сатирического дарования Минаева, объясняется, что в конце 1870-х годов поэт перешел преимущественно к газетной работе; в газетах возможности были шире, — фельетон становился непременной принадлежностью каждой большой газеты; к тому же газетная работа оплачивалась лучше. В «Биржевых ведомостях», «Молве», «Петербургской газете», «Московском телеграфе» Минаев вел фельетонные обозрения «Чем хата богата» и «На часах (Из памятной книжки отставного майора Михаила Бурбонова)», обильно включая в них свои сатиры и эпиграммы.

С самого начала своей литературной деятельности Минаев уделял много внимания переводческой работе. Он перевел «Дон-Жуана», «Чайльд-Гарольда», «Беппо», «Манфреда» и «Каина» Байрона, «Божественную комедию» Данте, «Германию» Гейне, «Дедов» Мицкевича, «Освобожденного Прометея» Шелли, стихотворения

и пьесы Гюго, Барбье, Виньи, Мольера, Ювенала и многих других. Зная только французский язык, Минаев пользовался большей частью подстрочным прозаическим переводом, и поэтому в целом ряде случаев ему не удавалось схватить дух переводимого поэта, передать все своеобразие его мыслей, образов и стиха. И тем не менее заслуги Минаева в этой области совершенно бесспорны. Именно он впервые познакомил широкие круги русской читающей публики со многими выдающимися произведениями европейской литературы.

В 1870-е годы Минаев выступил и как драматург. Но его пьесы «Либерал» (1870) и «Разоренное гнездо» (1874) успеха на сцене не имели, хотя вторая пьеса и была награждена Уваровской премией.[1]

Говоря о литературных связях и знакомствах Минаева в 1870—1880-е годы, необходимо в первую очередь отметить его близость к кругу «Отечественных записок», — правда, не к Некрасову и Салтыкову, а к Гл. Успенскому, Н. К. Михайловскому, Н. А. Демерту и своему старому приятелю Ник. Курочкину, заведывавшему в течение ряда лет библиографическим отделом журнала и заменявшему Некрасова и Салтыкова, когда они уезжали из Петербурга. О близости к Успенскому и Михайловскому, помимо других источников, свидетельствует, например, небольшая неизданная записка к «голубчику Глебу Ивановичу» от 23 ноября 1884 г., в которой он просит Успенского не забыть своего обещания и приехать к обеду: «Михайловский был у нас вчера и заночевал; завтра он тоже обещался приехать».[2]

Михайловский, который одно время очень неприязненно относился к Минаеву, главным образом за его приверженность к нравам и быту литературной богемы, впоследствии резко изменил свое мнение о поэте. Уже в 1880-е годы, — пишет он в своих воспоминаниях, — «я довольно близко сошелся с Минаевым, бывал у него, одно время мы даже жили стена об стену, и я имел много случаев убедиться, какая благородная душа, какое нежное сердце систематически, в течение многих лет заливалось вином. Я тщетно искал хоть следов того грубого, разнузданного человека, который был мне так антипатичен в начале нашего знакомства. Пить попрежнему он перестал», а если даже и случалось ему выпить лишнее, то все же «душа его оставалась просветленной и умягченной, и прежний Минаев быльем порос».[3]

[1] Извещение о том, что Минаев написал комедию в стихах „Либерал", появилось еще в 1867 г. — см. „Недельные очерки и картинки" Незнакомца (А. С. Суворина) в „С.-Петерб. ведомостях", 1867, № 180. Небезынтересный отзыв о „Разоренном гнезде" цензора Ведрова см. в деле С.-Петербургского цензурного комитета, 1865, № 102, ч. 1, лл. 90 - 97.

[2] Рукописное отделение Пушкинского дома. См. также В. Т-ва (Починковская), „Г. И. и А. В. Успенские (Воспоминания и впечатления)" — „Минувшие годы", 1908, № 1 и 2.

[3] „Литература и жизнь" — „Русская мысль", 1891, № 3, стр. 206.

В 1882 г. исполнилось двадцать пять лет литературной деятельности Минаева. 26 октября, в час дня, к нему явилась писательская депутация (С. В. Максимов, К. М. Станюкович, В. О. Михневич, И. Ф. Горбунов, Н. С. Лесков и А. Ф. Иванов-Классик) и поднесла ему приветственный адрес. Было прочитано поздравительное письмо редактора «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича, стихи Иванова-Классика и Ф. В. Вишневского-Черниговца. Вечером в ресторане Бореля состоялся товарищеский ужин.

Автор одного из приветственных стихотворений так охарактеризовал литературную деятельность Минаева:

Кто на Руси гроза хлыщей и шалопаев,
Судебных болтунов и думских попугаев,
Всех званий хищников, лгунов и негодяев,
Родных Кит-Китычей, безжалостных хозяев,
Владельцев лавочек, подвалов и сараев,
Плутов, которые, все честное облаяв,
Кадят тугой мошне, пред властию растаяв?..
Кого боятся так и сельский Разуваев,
И самобытный сброд Батыев и Мамаев —
Грабителей казны и земских караваев,
Ханжей, доносчиков, шпионов, разгильдяев?..
Все он — сатирик наш талантливый — Минаев! [1]

В последние годы своей жизни Минаев много болел. У него была болезнь почек. Минаев ездил лечиться в Крым и на Украину. «В Петербурге я сам бываю теперь только наездом, — писал он 16 апреля 1887 г. из Винницы артисту М. И. Писареву, — и большую часть года, по болезни, живу на юге... Стар становлюсь и «вреден север для меня».[2] В 1888 г. Минаев предполагал отправиться за границу: «Собираюсь весною уехать из России на продолжительное время за границу», — известил он А. Ф. Дамича в феврале 1888 г.[3] Однако намерение это осуществлено не было.

За два года до смерти Минаев вернулся в Симбирск — «лечиться воздухом родины». Местное «общество» встретило его крайне неприветливо, даже враждебно, не забыв тех сатирических произведений (в первую очередь поэмы начала 1860-х годов «Губернская фотография», ходившей по рукам в многочисленных списках и частично напечатанной), в которых оно было зло высмеяно. Никто не водил с ним знакомства. Человек по природе очень общительный, Минаев жил в полном одиночестве. Это одиночество скрашивалось

---

[1] „Исторический вестник", 1889, № 9, стр. 693.
[2] Рукописное отделение Пушкинского дома.
[3] Рукописное отделение Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

только умной и интеллигентной женщиной Е. Н. Худыковской, вдовой симбирского доктора, с которой он сблизился вскоре после развода с женой.

Несмотря на болезнь, Минаев продолжал внимательно следить за современной литературой. Он с большой теплотой отзывался о Короленко, ценил Чехова, а о Фофанове говорил, что тот «при всем своем оригинальном даровании далеко не пойдет, так как тратит слишком много сил и чувства на воспевание чахлой столичной природы и уже и теперь начинает забираться в дебри поэтических сантименталистов». Минаев живо интересовался, чем живет подрастающая Россия, что волнует и увлекает ее.

Большое впечатление произвела на него смерть Салтыкова-Щедрина. Ее скрывали от Минаева, опасаясь нехороших последствий, и когда поэт все же узнал о ней, с ним случился глубокий обморок, приведший к обострению болезни.[1]

Скоро после этого, 10 июля 1889 г., Минаев умер.

Один из поклонников поэзии Минаева Н. Нормов, — в то время симбирский семинарист, — рассказывает, как он и два его товарища тайком от начальства наблюдали за похоронной процессией. За гробом Минаева шло всего несколько человек — друзей, знакомых и нищих.[2]

2

Однажды на волжском пароходе Минаев встретился с провинциальным любителем юмористической поэзии. Они разговорились. Провинциал стал расспрашивать Минаева о столичных писателях. Одобрительно отозвавшись о стихах, печатающихся под псевдонимом «Обличительный поэт», он спросил — не знает ли Минаев их автора. Минаев ответил, что автор этих стихотворений — он сам. Молодой человек очень обрадовался возможности беседовать с знаменитым поэтом и попросил позволения пожать ему руку. Затем он поинтересовался — не знает ли его собеседник, кто такой «отставной майор Михаил Бурбонов». — «Это тоже я», — ответил Минаев. «Ну, а вот недавно появился еще «Общий друг», у него тоже пре-

---

[1] А. Коринфский, „Памяти Д. Д. Минаева" — „Казанский биржевой листок", 1889, № 155. Минаев издавна высоко ценил Щедрина; это тем более существенно, что последний довольно резко отзывался об его поэзии. Интересно, что критик „Русской мысли", упрекая Минаева в огульном высмеивании публицистов и писателей разных лагерей, отмечает, однако, имея в виду стихотворение 1877 г. „Раздумье" („Кого теперь читать"), что в „журнальном муравейнике" поэт „выделяет одного только Щедрина" (Е. Н., рецензия на сборник Минаева „Не в бровь, а в глаз" — „Русская мысль", 1883, № 4, стр. 4[illegible]).

[2] Н. Нормов, „Памятка о Д. Д. Минаеве" — „Биржевые ведомости", 1909, № 11149; см. также статью А. Коринфского „Похороны Д. Д. Минаева" — „Казанский биржевой листок", 1889, № 154.

бойкий стих». Получив ответ: «И это я», молодой человек уже не поверил, решил, что его мистифицируют, и незаметно исчез.[1]

Этот забавный анекдот — даже при неточности его отдельных деталей — свидетельствует о большой популярности Минаева. Об этом же говорит целый ряд мемуаров, статей, заметок и т. п., в которых приводятся по разным поводам его эпиграммы. Небезынтересно в этом отношении, что Минаеву приписывались нередко экспромты, которые ему не принадлежали и не могли принадлежать, так как относятся к фактам, случившимся после его смерти. «Покойному Жукову (Жучец), поэту-юмористу, собирателю якобы экспромтов Минаева, — сообщает в своих воспоминаниях А. А. Соколов, — я как-то говорю: «Дорогой мой, что это вы все печатаете экспромты Минаева, где это вы их слышали? Ведь это же ваше сочинение». На это весельчак Жуков ответил: «Экая важность!.. Не печатают моих, поневоле будешь печататься под псевдонимом Минаева».[2] Популярностью Минаева объясняются и непрестанные выпады против него писателей и критиков враждебного ему антидемократического лагеря. Резко отрицательные отзывы об его литературной деятельности находим мы как в печати, так и в частной переписке. С тем, кто совсем не «опасен», чье влияние совсем незначительно, не борются с таким постоянством и ожесточением. И здесь уместно вспомнить слова Некрасова о поэте, который

ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

Минаева неоднократно обвиняли в беспринципности, отсутствии положительных взглядов и идеалов, но это обвинение явно несправедливо. Вся его поэтическая работа теснейшим образом связана с демократическим лагерем 1860-х годов и с традициями русской революционной мысли и литературы. Декабристы, Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов — вот кто оказал существенное воздействие на формирование его мировоззрения и направление его творчества.

В 1860 г., в первом номере нового журнала «Светоч», вслед за программным «Вступительным словом» редактора было напечатано стихотворение Минаева «Вперед». Этот стихотворный призыв заканчивается следующими строками:

Вперед!.. взывают чьи-то тени...
Их пять... глядят они на нас...
Скорей же, братья, на колени!..

---

[1] Вл. Лихачев, „Из давнего и недавнего быта“ — „Слово“, 1909, № 794. См. также заметку „Мимоходом“ в „Новом времени“, 1901, № 9189.
[2] Иллюстрир. приложение к „Московскому листку“, 1909, № 36, стр. 5—6.

К словам «Их пять» была сделана сноска: «Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Грибоедов, Белинский». Нет никакого сомнения, что все эти имена были дороги Минаеву, но не о них все же идет речь в стихотворении, и сноска эта лишь маскирует его подлинный смысл. Тени, взывающие о борьбе за лучшее будущее, — это, конечно, тени пяти повешенных декабристов. А свою преемственность от декабристов живо чувствовали и неоднократно подчеркивали все лучшие люди этой эпохи (Герцен, Шевченко, Некрасов и др.).

В 1860 г., как уже было указано, Минаев напечатал в «Дамском вестнике», а затем выпустил отдельным изданием краткую биографию Белинского. Книга эта проникнута глубочайшим уважением к его личности и литературно-общественной деятельности. Особенное значение придает Минаев, вслед за Чернышевским и Добролюбовым, последнему периоду его творчества — Белинскому, перешедшему на позиции материалистической философии и неустанно пропагандировавшему идеи социально-направленного, социально-насыщенного искусства. Подобное понимание Белинского шло, разумеется, в разрез с оценками таких критиков, как А. В. Дружинин, с одной стороны, и Ап. Григорьев — с другой, всячески превозносивших Белинского-шеллингианца и считавших дальнейшую его эволюцию глубоким заблуждением.

Не лишено интереса следующее обстоятельство. Не имея возможности открыто говорить в связи с Белинским о Герцене, Минаев пользуется иносказательными формулами («Огарев и его друзья», «кружок Огарева» и т. д.), к которым впервые прибег Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы». В одном месте Минаев цитирует, впрочем, и слова Белинского о «Москвитянине» из его письма к «А. И. Г-ну» (май 1844 г.), приведенные в «Былом и думах» и впервые напечатанные в «Полярной звезде 1858 г.

Но еще более существенно, что значительная часть книги Минаева является компиляцией, а иногда просто монтажем чуть-чуть измененных цитат из двух замечательных источников — из «Очерков гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского и «О развитии революционных идей в России» А. И. Герцена. Обращение именно к этим источникам весьма показательно для идейной физиономии молодого Минаева, только начинавшего свою литературную деятельность. Важно подчеркнуть, что эта книга Герцена еще не была в то время издана на русском языке. Русское литографированное издание, выпущенное кружком Зайчневского и Аргиропуло, вышло лишь в 1861 г. Между тем сопоставление текстов показывает, что Минаев пользовался именно этим переводом,

и, следовательно, он был ему известен в рукописи или в одном из списков. [1]

Итак, книга Минаева пропагандировала в русской читающей публике как самого Белинского, так и Чернышевского и Герцена. Такой пропагандой Герцена была, конечно, и виньетка в «Гудке», о которой говорилось выше.

Вся поэзия Минаева, без сомнения, свидетельствует о его близости к идеологии революционной демократии. Тяжелое положение русского крестьянства, нищета, угнетение, эксплоатация, которой оно продолжало подвергаться и после реформы 1861 г., наконец образ не только задавленного, но и протестующего, бунтующего мужика — все это нашло свое отражение в его творчестве («Сказка о восточных послах», «Пробуждение», «Доля» и др.).

Тесно связана с крестьянской темой в поэзии Минаева и его оценка либерализма. Громкие и пустые фразы о «гласности», о «меньшем брате», о народном благе и наряду с этим отсутствие каких бы то ни было реальных шагов для изменения положения масс, полное непонимание внутренней жизни, интересов и потребностей народа — против этого направлено сатирическое острие многих произведений Минаева. Очень любопытно стихотворение «Насущный вопрос», написанное под несомненным влиянием Добролюбова и представляющее собой диалог «гражданина» и «толпы». Либеральный болтун-«гражданин» возмущен ропотом толпы, нарушающим покой «граждан». Он и ему подобные ведут, мол, толпу к истине и науке, озаряют ее житейскую тропу блеском знанья, глубоко сочувствуют бедным братьям; дорога Ломоносова открыта каждому «мужичку», — чем же они недовольны?

Чего же вам, безумцы, нужно?
Того ль, чтоб дождик золотой,
Как манна, падал прямо с неба,
Балуя праздностью народ?
Чего же вам недостает?
Чего ж хотите?..

Толпа

Хлеба! Хлеба!

Та же тема лежит в основе остроумной сценки «Свой своему вовсе не брат» и ряда других стихотворений. Вообще либера-

---

[1] Подробнее об этом эпизоде литературной деятельности Минаева см. в моей заметке „Первая биография В. Г. Белинского" („Научный бюллетень Ленингр. Госуд. Университета", 1945, № 3, стр. 35—38).

лизм показан Минаевым в его разнообразных обличьях и проявлениях — в политической жизни, в литературе, в повседневном быту.

Сатира Минаева в равной степени направлена как против дореформенных, крепостнических порядков, так и против России пореформенной, более решительно вступившей на путь капиталистического развития. Социальное неравенство, административный произвол, бюрократизм, самодурство, преследование всех проявлений свободной мысли, полицейская слежка, промышленное грюндерство, акционерные общества и темные делишки их заправил, железнодорожная горячка, банковские мошенничества и крахи, продажная пресса и т. д. и т. д. — вот темы, неоднократно фигурирующие в произведениях Минаева. Много места уделено в них мещанству, пошлости, обывательщине, отсутствию каких бы то ни было умственных запросов и интересов как оплоту общественной и правительственной реакции.

Минаев вел неустанную борьбу не только непосредственно с уродливыми явлениями российской действительности, но и с теми течениями русской литературы и публицистики, которые брали их под свою защиту или были их идейным обоснованием. Нет, пожалуй, ни одного более или менее значительного периодического издания, публициста, писателя реакционного или либерального лагеря, который не попал бы в его сатирический фельетон или эпиграмму. Катков и Чичерин, Краевский и Н. Ф. Павлов, Юркевич и Аскоченский, Суворин и Мещерский, Соллогуб и Вяземский, Клюшников и Б. Маркевич, Боборыкин и Писемский, Фет и Майков, Розенгейм и Бенедиктов, Погодин и И. Аксаков — все они и многие другие не раз высмеяны по тем или иным поводам в стихах Минаева.

Если читать сатирические произведения Минаева одно вслед за другим в хронологическом порядке, то станет ясно, что возникновение тех или иных тем, усиленное или ослабленное их звучание, их смена в поэзии Минаева связаны с ходом исторического развития России 1860—1880-х годов. Нередки также (особенно в 1870—1880-е годы) отклики Минаева на события западноевропейской политической жизни. Минаев высмеивал не общечеловеческие пороки или слабости, а явления и черты социально-исторические. Он откликался на те факты, которые были типичны и существенны для данного исторического момента и данной социальной среды. В предисловии к сборнику «Думы и песни» Минаев с иронией говорит о неизбежном гневе по его адресу того критика, который «из юмористических стихотворений признает только помещенные в хрестоматии Галахова эпиграммы на скупцов, волокит, непри-

знанных стихотворцев и других Бавиев, и то потому только, что это — Бавии, а не действительные шарлатаны и самодуры всякого цвета и роста».[1]

Так же как и В. Курочкин, как и другие искровцы, Минаев никогда не ожидал, пока взволновавшие его факты русской социально-политической жизни отстоятся, выкристаллизуются, но тотчас же откликался на них. Едва лишь в «Дне» Аксакова была напечатана ретроградная статья П. Б. Бланка, в которой он говорил о «стадном» поведении крестьянской массы, как в «Русском слове» появилось «Открытие» Минаева (1861). В связи с пребыванием в Петербурге японского посольства он пишет политически очень острое стихотворение «Сказка о восточных послах» (1862). Сообщение о праздновании славянофилами памяти Кирилла и Мефодия дает повод для «Последних славянофилов» (1862). В ответ на статьи Фета «Из деревни» (в «Русском вестнике» 1863 г.) Минаев печатает цикл пародий «Лирические песни с гражданским отливом». Публичные лекции Юркевича, в которых он пытался опровергнуть материалистическую философию, вызывают немедленный отклик — сценку «Москвичи на лекции по философии» (1863). Через две недели после упразднения Третьего отделения появляется стихотворение «6 августа 1880», и т. д. и т. д.

Острое социальное чутье и уменье быстро реагировать на злобу дня составляют сильные стороны поэзии Минаева. При этом наиболее значительные его произведения характеризуются приближением к той подлинной злободневности, которая не есть злободневность однодневок. Подлинный сатирик, высмеивая тот или иной конкретный факт, рассматривает его как проявление каких-либо характерных тенденций эпохи, и именно потому произведения его переживают свое время. Такова сатира Щедрина; к такой сатире приближается в лучших своих произведениях Минаев.

Очень интересно в этом отношении заявление Минаева в одном из его фельетонов, материалом для которого послужили люди и нравы его родного города Симбирска, фигурирующего под названием «Приволжск». Здесь ясно и отчетливо высказан взгляд на взаимоотношения между конкретными фактами, лежащими в основе сатиры, и ее обобщающим значением. «Где я? — скажет мне строгий педант-географ, знающий лучше своих собственных зубов все незначительные местечки и закоулки в России. — Что за мистификация! разве существует губернский город Приволжск?.. Как город, которого нет в календарях, на географических картах, При-

[1] „Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека)“, СПб., 1863, стр. 11.

волжск — город действительно мифологический, не существующий, мною лишь измышленный. Но с другой стороны, как художественный экстракт, квинт-эссенция сорока-пятидесяти русских городов, как характерный тип всем знакомого губернского города — Приволжск не должен казаться каким-то мифом или призраком, и с этой стороны он стоит полного внимания читателей. Если я сам выдумал, выстроил этот город, то выстроил его из тех самых кирпичей, из тех самых элементов, из той самой грязи, из которых слагались все русские провинциальные города». [1]

Разумеется, размах сатиры Минаева был весьма ограничен чисто внешними, цензурными условиями. «На г. Минаева, — писал его соратник и приятель Н. С. Курочкин, — нельзя смотреть как на сильного сатирика. Но быть сатириком весьма трудно, если даже не невозможно, в наше время. Говоря это, мы полагаем, что как условия проявления могучей сатиры, так и условия времени, в которых мы живем, более или менее известны нашим читателям». [2]

Однако дело не только в цензурных условиях, но также и в свойствах таланта Минаева. Он писал и переводил огромное количество стихов, что не могло не сказаться на их качестве. Чрезмерная плодовитость снижала и поэтическую выразительность и идейную ценность литературного творчества Минаева. Недаром не только классово враждебные ему критики, но и люди одного с ним лагеря (Щедрин, Михайловский, Скабичевский и др.) упрекали Минаева в поверхностности, в том, что незначительные факты, привлекающие его внимание, нередко заслоняют в его сознании движущие силы эпохи, наконец в том, что во многих его стихах больше смеха ради смеха, чем протеста против безобразий и нелепостей русской жизни. В упреках этих есть немало справедливого. Просматривая одну за другой книги Минаева, а также его произведения, затерявшиеся на страницах старых газет и журналов, мы часто наталкиваемся на стихотворения, представляющие собой насмешки над такими мелочами повседневного быта, что в них нельзя уловить и тени серьезной сатиры, или рассказывающие пустяковые истории, вроде той, о которой идет речь в «летней поэме» «Роман на Круглом пруде».[3] Действие происходит на петербургской даче. Светские дамы увлечены неожиданно появившимся красавцем, который оказывается парикмахером. Поклонницы его, узнав об этом, приходят в ужас и топятся в пруду. Не следует, впрочем, смешивать такие про-

---

[1] „Русское слово". 1864, № 5, „Дневник Темного человека", стр. 97.

[2] Н. Курочкин, „Библиографическая параллель" — „Дело", 1868, № 1, стр. 24.

[3] „Будильник", 1866, № 54, стр. 213. Библиографические данные приведены лишь для не включенных в настоящую книгу стихотворений; сведения об остальных см. в примечаниях.

изведения с хорошими шуточными стихами, в которых нет острой сатирической направленности, но нет и никаких следов пошлости.

Было бы ошибочно рассматривать многописание Минаева исключительно как следствие его материальной нужды; оно связано и с самой сущностью его таланта; ему были несвойственны тщательное обдумывание и шлифовка произведений. «Человек бесспорно талантливый, — писал о нем Н. К. Михайловский, — он, прежде всего, неимоверно разбрасывался... ни на чем не останавливался вдумчиво и продолжительно, — он скользил по явлениям литературы и жизни».[1] Вредило Минаеву, конечно, и недостаточное образование, питавшее его поверхностный взгляд на окружающее. Недаром Василий Курочкин говорил о своем сотруднике: «Минаев слишком много пишет, ему пора бы что-нибудь и почитать».[2] Есть также доля правды в утверждениях, согласно которым «каламбур, игра слов, трудная и какая-нибудь особенно фокусная рифма всегда соблазняли его, настолько соблазняли, что заслоняли собою подчас мысль...» (Михайловский).

Все это не противоречит, однако, общей демократической направленности творчества Минаева. Несмотря на все недостатки, снижавшие в глазах современников, снижающие и в наших глазах ценность его поэзии, литературная деятельность его прошла далеко не бесследно. «Минаев — не мыслитель, открывающий людям новые пути в области мысли, — писал о нем Николай Курочкин, — но он, так сказать, популяризатор идей прогресса и гуманности». Вернее, Минаев и не популяризатор этих идей, — он занимался не менее почетным и важным делом: расчищал им путь, высмеивал враждебные им явления в жизни и литературе.

«Отрешаясь от практических стремлений века, — писал Минаев о поэтах школы «чистого искусства», — эти литературные жаворонки не умели понять, что каждый поэт тоже практический деятель в собственных своих произведениях».[3] Таким практическим деятелем, поэтом-публицистом и был он сам. Минаев с необычайной быстротой откликался на злободневные события общественно-литературной жизни, как бы выполняя тот пункт программы «Искры», о котором в объявлении о подписке на 1859 г. говорилось следующее: «Рядом с сатирою строго-художественной читатели будут постоянно встречать в нашем издании ту вседневную, практическую сатиру, образцы которой хорошо известны читающим иностранные

---

[1] Н. Михайловский, „Литература и жизнь" — „Русская мысль", 1891, № 8, стр. 207.
[2] В. Буренин, „Критические очерки" — „Новое время", 1889, № 4802.
[3] „Старая и новая поэзия" — „Дело", 1869, № 6, стр. 26.

и преимущественно английские этого рода издания, и которая, уступая первой в глубине содержания и красоте формы, достигает одних с нею результатов всем доступною меткостью выражения и упорством в непрерывно продолжающемся преследовании общественных аномалий». Главным образом в плоскости этой повседневной сатиры, иногда блестящей по форме, и необходимо рассматривать литературную деятельность Минаева.

Интересно, что и сам Минаев именно так оценивал свою работу. «Не сознавая себя достаточно сильным для олицетворения современного[1] зла в общих художественных формах, — писал он в цитировавшемся выше предисловии к «Думам и песням», — автор зато ясно видит нелепости, его окружающие, ясно сознает на самом себе тяготение этого зла и откликается на него протестом. К каждому гнусному и комическому явлению, к каждому возмутительному факту, характеризующему эпоху или время, к которому принадлежит он, автор считал себя вправе отнестись искренно и прямо, вовсе не думая о том, что он задевает этим множество маленьких самолюбиц и страстишек, что он дразнит лягушек в болоте». Его стихотворения «отзываются только на одни частные явления и факты», на первый взгляд незначительные, «но вместе с тем характерные по своему отношению к времени и к общественному прогрессу, и, относясь к сатире как частное к общему, служат для последней только материалами, черновыми тетрадями — не более».

В связи с этой скромной автохарактеристикой нужно все же еще раз подчеркнуть, что среди произведений Минаева есть изрядное количество вещей, являющихся не только живыми откликами на злобу дня, но и сатирическими обобщениями, значение которых далеко выходит за пределы конкретных фактов, их вызвавших.

Неоднократно высказывалось мнение, что Минаев во вторую половину своей литературной деятельности эволюционировал вправо и перешел на позиции буржуазного либерализма. Утверждение это неосновательно. В 1870—1880-е годы слабые стороны его поэзии, действительно, получили свое дальнейшее развитие. Причины этого коренятся и в необходимости сотрудничать в газетах, направление которых далеко не отвечало его взглядам и симпатиям, и в общих тенденциях эпохи. В стихах Минаева, действительно, появляется больше легковесного смеха; усиливаются в них минорные ноты,

---

[1] В „Думах и песнях" явная опечатка (вместо „современного" — „совершенного"), исправленная уже рецензентом „Отечественных записок" в приведенной им цитате из предисловия Минаева (1863, № 8, „Литературная летопись", стр. 126).

исчезает, как у многих его современников, вера в возможность коренного переустройства русской жизни, которое казалось таким близким в 1860-е годы. Появляется некоторая усталость, даже, может быть, надрыв. И все же неизменной остается общая демократическая направленность поэзии Минаева. Она отчетливо сказалась в таком, например, стихотворении, как «Сон великана». Минаев скорбит в нем о пассивности и неподготовленности народных масс к революции, сознавая в то же время, что без их участия революция произойти не может. Эта скорбь была свойственна всем наиболее чутким представителям передовой интеллигенции 1860—1880-х годов. Вместе с тем Минаев попрежнему разоблачает, низводит с пьедестала все враждебное широким народным массам. Он попрежнему преследует своей сатирой и пережитки крепостничества, столь сильные еще в русской жизни, и новый капиталистический гнет. И в этом неразрывная связь Минаева со всеми революционными и демократическими течениями его времени.

3

В 1880 г. А. Н. Островский произнес речь о Пушкине, в которой так определял его роль в истории русской литературы и культуры. «До Пушкина, — говорил он, — ... отношения писателей к действительности не были непосредственными, искренними; писатели должны были избирать какой-нибудь условный угол зрения. Каждый из них, вместо того чтобы быть самим собой, должен был настроиться на какой-нибудь лад... Высвобождение мысли из-под гнета условных приемов — дело не легкое, оно требует громадных сил... Прочное начало освобождению нашей мысли положено Пушкиным, — он первый стал относиться к темам своих произведений прямо, непосредственно; он захотел быть оригинальным и был — был самим собой».[1]

Эта борьба с «условным углом зрения», с замкнутым эстетизированным миром условных поэтических понятий и переживаний, резко противостоящим будничной, повседневной действительности, борьба за обращение искусства к действительности («прекрасное есть жизнь. . .») проходит через всю историю русской литературы XIX века, и одним из самых значительных ее этапов является поэзия Некрасова. В русле этой борьбы протекало и творчество тех поэтов середины XIX века, в том числе Минаева, которые с полным правом могут быть отнесены к «школе Некрасова». Интересно, что именно эти слова («школа Некрасова») были сказаны о Ми-

---

[1] „Вестник Европы", 1880, № 7, стр. XIX—XX.

наеве еще в 1860-е годы.[1] И наоборот, весь ход общественно-литературного развития привел к тому, что многие представители так называемого «пушкинского» направления 1850—1860-х годов (прежде всего Дружинин), опираясь на ими же созданный миф о Пушкине, всячески стремились сохранить этот «условный угол зрения».

Разумеется, и Тютчев, и Фет, и А. К. Толстой по своему поэтическому таланту выше Минаева и других поэтов школы Некрасова, но это нисколько не меняет существа происходивших процессов. При всем своеобразии каждого из названных поэтов всем им было свойственно противопоставление скучного и тесного мира реальной действительности свободному миру поэтической мечты. Между тем для Некрасова и поэтов его школы, воспитанных на эстетических идеях Белинского и Чернышевского, такое противопоставление было в основе своей неприемлемо.

В предисловии к одному из своих сборников Минаев с иронией писал о современных русских поэтах, областью которых является «мир греческих богов, древних и новых красавиц и чувств возвышенно-патриотических и нежно-сантиментальных»; в отличие от них, заявляет Минаев, он «не считает себя художником, стоящим выше явлений современной действительности».[2]

Взгляды Минаева на искусство и задачи современного художника отчетливо выражены в его эпиграммах и фельетонах о художественных выставках 1860—1880-х годов. Пусть некоторые его оценки ошибочны и несправедливы, но для нас существенна в данном случае их общая идейная направленность. Минаев неизменно боролся с представителями академической живописи, их пристрастием к рутине, к освещенным традицией темам. Он высмеивал приглаженность и «красивость» искусства (см. эпиграмму на К. Маковского: «в своих работах мастерских до безобразья вы красивы!»[3]), перенесение внимания с человека на внешние аксессуары («В. Якобий, Портрет г-жи Р-сой», «И. Келлер, Портрет г. С.»[4]), пренебрежительное отношение к обыденной жизни и жизни «социальных низов» как объекту искусства, равно как приукрашенное, фальшивое сантиментально-барственное ее изобра-

---

[1] „Литературное обозрение“ — „Иллюстрации“, 1863, № 268, стр. 275.

[2] Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека), СПб., 1863, стр. II. Интересно в этой связи заявление Г. Н. Потанина, испытавшего большое огорчение при встрече со своим бывшим учеником. В детстве, — с грустью констатировал он, — Минаев любил мифологию и знал всех греческих богов, „но мифология, как известно по направлению шестидесятых годов, оказалась совсем не нужна, особенно с того времени, как Федотов в своей поэме сказал: „И девять муз и Аполлон у нас с позором выгнан вон!“ („Симбирские губ. ведомости“, 189., № 47).

[3] Общий друг, „Похвальные листы (Карманная энциклопедия)“ — „Петербургская газета“, 1885, № 119.

[4] „Не в бровь, а в глаз“, СПб., 1883, стр. 460: „Он верно скунс изобразил, Немало повозился с мехом, А о портрете позабыл“.

жение («Нищие» Гаугер, «Швея» Овсянникова, «Рыбаки» Щербакова[1]). И наоборот, всякая попытка художника преодолеть замкнутый эстетизированный мир и обратиться к широкому потоку жизни, к простым, повседневным сюжетам, даже если она не была связана с пропагандой близких ему социальных идей, вызывала у Минаева внимательный и сочувственный отклик. С большой похвалой отзывался он о Крамском и Шишкине. Очень показателен его отзыв о скульпторе Каменском. Отметив, что наряду с восторженными поклонниками его «Первого шага» раздаются голоса хулителей, «особенно из среды академических эстетиков», Минаев писал: «Как им, в самом деле, не волноваться при виде смелости молодого скульптора, который не побоялся взять для своей группы самый простой, обыденный сюжет: мать, учащая ходить своего ребенка. Пред вами живая, прочувствованная фигура любящей матери, с нежностью и страхом следящей за первым шагом своего сына («А вдруг он упадет!» — читаете вы на лице ее), который тоже с ребяческой серьезностью весь занят вопросом — не оступиться и сохранить баланс. Поистине великая дерзость! — кричат засиженные мухами рутинеры, которые воображают, что из гипса и мрамора можно только воспроизводить одних обнаженных наяд, Венер и других милых барынь эротической мифологии... Порицание таких кладезей академической мудрости, разумеется, лучшая похвала для г. Каменского».[2] Следует также подчеркнуть, что воспроизведение реальной действительности Минаев вовсе не склонен был отождествлять с простым ее копированием. Интересна в этом отношении эпиграмма на П. Верещагина, в которой он упрекает художника в соперничестве с фотографом (ср. еще о «Портрете старушки» Хапалова: «Морщин топографическая карта портретом называться не должна»).[3]

Для Минаева нет «низких» предметов, недостойных поэтического изображения; он широко и свободно вводит их в свои стихотворения. Общие представления об эстетических отношениях искусства к действительности, о социальной роли искусства определяли не только тематику, но и язык поэзии Минаева. Между поэтическим языком и языком разговорным, деловым, не существовало для него никакого разрыва. Касаясь в своих произведениях злобы дня, тех

---

[1] Обличительный поэт, „Путеводитель по художественной годичной выставке“ — „Искра“, 1863, № 30, стр. 491—492.

[2] Что в имени тебе моем?, „Февральские листки (Дневник петербургского старожила)“ — „Дело“, 1870, № 2, „С невского берега“, стр. 77.

[3] Вопрос о художественных взглядах и оценках Минаева затронут в статье Л. Гутман „Борьба за реалистическую эстетику и Академия художеств“ („Искусство“, 1939, № 6, стр. 133—136), но, естественно, автор ее оперирует весьма ограниченным материалом.

или иных вопросов общественной жизни, Минаев не находил нужным говорить о них «красивыми» словами, тем самым как бы возводя их в ранг «поэтического». Наоборот, «поэтизмы» употреблялись им лишь иронически. С другой стороны, так называемые прозаизмы не ощущались им как нарушение каких-то незыблемых законов искусства; самое понятие прозаизма для него собственно не существовало; оно возникло на основе совершенно иных эстетических воззрений. Разрушение «условного угла зрения», новое отношение к поэтическому языку привели к тому, что в стихе все чаще стали появляться, а затем окончательно укрепились свободные разговорные интонации.

Все эти особенности поэзии Минаева связаны в первую очередь с Некрасовым. Идейно-художественное воздействие поэзии Некрасова было для него, как и для многих других писателей 1860-х годов, очень существенным фактом. Разнообразное отражение отдельных образов, мотивов и самой поэтической манеры Некрасова нетрудно обнаружить и в лирике, и в поэмах, и в сатире Минаева. Вот несколько наиболее ярких и типичных примеров.

Стихотворение «Доля» [1] — рассказ старика-крестьянина о том, как жена его сына приглянулась немцу-управителю и как сын, застав их вместе и расправившись с ними, сжег господский дом, — близко по самому своему тону к таким вещам Некрасова, как «В дороге». И отношение крестьянина к фактам, о которых он рассказывает, и особенности народного языка, и начальная реплика автора, адресованная к старику, и обращение крестьянина к автору: «барин», и пр. — все это в своей основе несомненно восходит к Некрасову.

Поэма «Та или эта?» тесно связана с «Убогой и нарядной». Два противопоставленных друг другу образа торгующих собою женщин, рассказ об их прошлом, о том, как они «дошли до жизни такой», отдельные детали (отец Наташи — вечно пьяный и угрюмый приказный; сын второй героини, рождение которого встречается проклятьем; гербы на каретах и пр.) снова напоминают Некрасова.

В стихотворении «1-е января» мы находим специфически некрасовский сплав элементов сатиры и лирики и специфические некрасовские интонации:

Блеском нарядов смущается глаз —
Бархат и соболь и мягкий атлас,
Только ходи да записывай цены...

[1] „Русский мир", 1862, № 2, стр. 42–44.

Моды столичной гуляют манкены,
И усмиряет капризный мой сплин
Выставка женщин, детей и мужчин.

Некрасовские интонации и притом весьма разнохарактерные — и свойственные его сатирическим фельетонам и чисто лирические — отчетливо звучат во многих других вещах Минаева. Например, интонации первого типа — в сатире на Суворина «Через двадцать пять лет», и второго типа — в стихотворении «Целое лето нет дождичка с неба».[1] Последнее, если не считать его плоской юмористической концовки, навеяно «Несжатой полосой».

Стихотворение «1-е января» по своей художественной манере, по своему методу очень близко к Некрасову. Это будто бы беглые, несвязные зарисовки внешней жизни петербургской улицы (в какой-то мере аналогичные некрасовскому циклу «О погоде»), сквозь которые проступает трагедия повседневной жизни, социальные противоречия большого города. Недаром в поэме «Та или эта?» Минаев говорит, что по случайным уличным впечатлениям, мелькнувшей в окне тени, профилю усталого человека и т. д. он воссоздает «незримые драмы». Это типично некрасовское восприятие города. Вспомним признание Некрасова: «Мерещится мне всюду драма», являющееся заключительным аккордом замечательного цикла «На улице» (1850) и своеобразным смысловым ключом ко всей его городской лирике. Нужно, впрочем, оговориться, что подобное восприятие характерно не для одного Некрасова и его поэтического направления, но и для всей демократической линии русской литературы, возникшей на почве натуральной школы. В высшей степени интересно с этой точки зрения признание Герцена в его «Капризах и раздумьи». «Когда я хожу по улицам, особенно поздно вечером, — писал он, — когда все тихо, мрачно, и только кое-где светится ночник, тухнущая лампа, догорающая свеча, — на меня находит ужас: за каждой стеной мне мерещится драма, за каждой стеной виднеются горячие слезы, слезы, о которых никто не сведает, слезы обманутых надежд, слезы, с которыми утекают не одни юношеские верования, но все верования человеческие, а иногда и самая жизнь» и т. д.[2] Разумеется, совершенно очевидное словесное совпадение («за каждой стеной мне мерещится драма», «мерещится мне всюду драма», «и я вижу незримые драмы») здесь не случайно, но оно важно не само по себе, а как выражение общей для них концепции города и острых социальных противоречий современной жизни, общего строя чувств и переживаний.

---

[1] „Отечественные записки“, 1868, № 11, стр. 251.
[2] „Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым“, СПб., 1846, стр. 215—216

Отражение поэзии Некрасова имеет у Минаева двоякий характер. Иногда это простое подражание, повторение некрасовских тем, мотивов, образов; в других случаях — следование общим принципам некрасовской поэзии и создание своих собственных, оригинальных произведений на их основе.

Лирика занимает в литературном наследии Минаева немалое место, но как лирик он, конечно, наименее интересен. В лирических стихотворениях и не сатирических поэмах он подражателен, а кроме того, нередко впадает в риторику, в мало ему удающийся патетический тон. Лишь немногие из его лирических вещей звучат самостоятельно и проникнуты подлинным поэтическим чувством.

Для эволюции лирики Минаева характерен его переход от «некрасовской» линии к «надсоновской». Некая размагниченность, усталость свойственны ей в 1870—1880-е годы. Обозначение «надсоновская» употреблено, разумеется, условно, поскольку настроения значительных кругов русской интеллигенции, подавленных политической реакцией, получили лишь наиболее яркое выражение в творчестве Надсона, но наметились независимо от него у целого ряда других поэтов 1870-х годов, в том числе и у Минаева.

В поэзии Минаева много намеков. Один пример (последняя строфа стихотворения «Вперед» — о тенях повешенных декабристов) был в иной связи приведен выше. Особенно много намеков, естественно, в сатире Минаева. Так, юмористические куплеты «Роковое число» кончается строками:

Чтоб горя в жизни не иметь им,
Во избежанье всяких бед,
Шепнул бы я еще о *третьем*...
Да, жалко, времени мне нет.[1]

Несомненно речь идет здесь о Третьем отделении. Иногда намек касается лишь одной или целого ряда деталей, в других случаях раскрытие его является ключом к общему замыслу произведения.

Своеобразная игра намеками лежит в основе стихотворения «Современные стансы»,[2] где в конце каждой строфы неизменно повторяется:

Нам нужна кон...
Нам нужна кон...

---

[1] „Искра", 1871, № 11, стр. 324.
[2] „Будильник", 1880, № 12, стр. 311, под заглавием „В толпе".

Но в то время как читатель ожидает, что вот-вот будет произнесено слово «конституция», ему то и дело дается иная, цензурная и, разумеется, мнимая разгадка («Концессия другая, третья», «Консервативная газета», «Кончина бабушки богатой», «Конно-железная дорога» и пр.), которая, однако, не устраняет из его сознания подлинной.

Широкое использование намеков было вызвано цензурными условиями, невозможностью говорить о целом ряде вещей прямо и открыто. Но не всегда, конечно, явление это связано непосредственно с цензурой. Нередко на недосказанности и иносказании, рассчитанных на догадливость читателя, построен комический эффект произведения.

В своих сатирах Минаев нередко пользовался иронической маской благонамеренного человека, чуждого всяких «крайностей», «нигилистических» взглядов и настроений. От его лица и ведется речь во многих стихотворениях. Благонамеренный человек восхваляет то, что подлежит осмеянию, он выражает в предельном развитии, в доведенном до своего логического конца виде враждебный поэту образ мысли, — и в результате происходит то же развенчание, но вскрывающее несостоятельность враждебной идеологии и отрицательные стороны действительности как бы изнутри.

Маска благонамеренного человека имеет длинную литературную историю. Это прием очень давний в сатире. Широко распространен он был в сатирической литературе, революционной публицистике и критике 1860-х годов — у искровцев, Щедрина, Чернышевского, Добролюбова и др. Добролюбов писал С. Т. Славутинскому, что из цензурных соображений «необходимо говорить фактами и цифрами, не только не называя вещей по именам, но даже иногда называя их именами, противоположными их существенному характеру».[1] Называние вещей «противоположными» именами нередко встречается в статьях Добролюбова. Вспомним хотя бы в статье «Когда же придет настоящий день?» иронические размышления о том, что в России нет никакой почвы для борьбы, которой воодушевлен Инсаров, что «Россия государство благоустроенное, в ней существуют мудрые законы, охраняющие права граждан и определяющие их обязанности, в ней царствует правосудие» и т. д. Много аналогичных мест в статьях Чернышевского. Но в критике и публицистике этот иронический тон появляется лишь местами и не перерастает в законченную маску, как это происходит

[1] Сб. „Огни", кн. 1, П., 1916, стр. 77.

в целом ряде произведений Щедрина, в поэзии Добролюбова и искровцев.

В сатирах Минаева мы встречаемся с этими масками весьма часто. Они очень разнообразны. Это и славянофил («Конкурсные стихотворения на звание члена Общества любителей российской словесности»), и великосветский писатель («Праздная суета»), и поклонник «Отцов и детей» Тургенева («Отцы или дети?», «Просьба»), и фразер-либерал («Проселком»), и ретроград, скорбящий об упразднении Третьего отделения («6 августа 1880»), и уездная барышня («Жалоба уездной красавицы»), и провинциальный помещик («Провинциальным Фамусовым») и много других.

В большинстве случаев маски эти конструировались Минаевым, как и другими искровцами, на каждый данный случай, в связи с сатирическими откликами на те или иные явления общественной и литературной жизни. Но есть у него и одна устойчивая маска, вроде Козьмы Пруткова или вымышленных Добролюбовым поэтов Конрада Лилиеншвагера, Якова Хама и Аполлона Капелькина. Именно с Козьмой Прутковым связан в первую очередь отставной майор Михаил Бурбонов. Это — не только один из многочисленных псевдонимов Минаева, а созданный им образ, от имени которого написано множество стихотворений и прозаических фельетонов и издана целая книга «Здравия желаю! Стихотворения отставного майора Михаила Бурбонова» (1867). В писаниях Бурбонова имитируются и самый тон и взгляды на жизнь и искусство старого рубаки с его прямолинейностью, тупостью и грубостью, имитируются и вместе с тем, конечно, высмеиваются. Впрочем, тут же, сквозь маску Бурбонова, высмеиваются и конкретные литературные (Фет, Розенгейм и др.) и социальные явления, лежащие за пределами данного образа.

Очень существенна роль остроты и каламбура в поэзии Минаева. То естественно вырастая из общего иронического тона повествования, то возникая совершенно, казалось бы, неожиданно, они усиливают сатирическое жало стихотворения, способствуют полной дискредитации высмеиваемого человека или факта, делая его смешным, нелепым и ничтожным.

Особенно важную роль играет каламбур в эпиграммах, являясь нередко их основой.

Игра на двойном значении слова «донесет», разоблачающая литературную и публицистическую деятельность Б. М. Маркевича («Б. Маркевичу»), ироническое согласие с поэтом, который сравнивает себя с Байроном: «Поэт Британии был хром, а ты в стихах своих хромаешь» («Аналогия стихотворца»), характеристика «теку-

щей журналистики» — «она поистине текущая, но только вспять» («Необходимая оговорка») — таких примеров можно было бы привести очень много.

Наряду с двойным значением слов Минаев использует также звуковую близость далеких по своему смыслу понятий: пьеса сыграна «с шиком, с шиком — много шикали» («После бенефиса»).

Не всегда, впрочем, стержнем эпиграммы Минаева является каламбур. Многие неожиданные и остроумные концовки не связаны с игрой слов. Таков «Печальный выигрыш», таково упоминание о «всеобщем знакомце» Хлестакове в последней строке превосходной эпиграммы «Вопрос», собирающее в одном фокусе перечисленные факты. Иногда в качестве концовки использована пословица: эпиграмма на Мещерского завершается строкой «В семье не без урода».

Есть у Минаева эпиграммы, построенные в форме характеристики («История одного романиста», «Вестнику Европы», «Вопрос»), в форме диалога («Печальный выигрыш», «После бенефиса») и др.

Минаев-эпиграмматист является подлинным мастером, одним из наиболее ярких представителей этого жанра. Сжатость и отточенность, блестящая изобретательность, разнообразие приемов отличают его эпиграммы: два автора, которые «на удивленье многим являются одним четвероногим» («При чтении романа „При Петре I"»); «сумасшедшая задача», возникшая под влиянием картины Лемана «Дама под вуалью» — «картину написать на тему „Дама, из комнаты ушедшая"», или похвала художнику, нарисовавшему картину «Сапожник»:

Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... шилом —
Тьфу! — кистью — я хотел сказать.

Острота и каламбур, наиболее ярко ощутимые в небольшой эпиграмме, имеются у Минаева и в сатирическом фельетоне и в сатирической поэме. При этом следует еще раз подчеркнуть, что в большинстве случаев они не могут быть расценены как простое украшение, орнаментальная деталь, простой словесный фокус и пр. Напротив, они являются одним из компонентов социальной оценки.

Касаясь арсенала художественных средств Минаева, нельзя не упомянуть об его рифме. Каламбурная (большей частью омонимическая, составная) рифма Минаева обращала на себя внимание уже его современников. Выдумка Минаева в области рифмы была поистине поразительна.

Однажды в ответ на утверждение, что к слову «Терек» есть только одна рифма «берег», Минаев, немного подумав, произнес:

От буквы *а* до буквы *ерика*
Я рифмы к Тереку искал:
Нет ничего прекрасней Терека,
Его долин, брегов и скал.

В другой раз Минаев поспорил с поэтом Г. Н. Жулевым — кто скорее подберет рифму к слову «окунь». Жулев долго старался, но безуспешно. «Что, брат, трудно дается рифма? — спрашивает его Минаев, — видно, со вчерашнего еще хмель в голове?» (Накануне они ездили верхом за город, где основательно выпили. На обратном пути Минаев все шутил и острил, а Жулев, сидя на лошади, «клевал носом».) «А что такое вчера было? Я и забыл», — говорит Жулев. — «Ах ты, Жулька, Жулька! — дразнил его Минаев. — Забыл, что с ним вчера было!.. Вспомни только:

Верхом мы ездили далеко
И всю дорогу шли конь о конь,
Я говорлив был, как сорока,
А ты, мой друг, был нем, как окунь».[1]

Сохранилось много других свидетельств об этом незаурядном владении техникой стиха и способности Минаева говорить стихи экспромтом.

«Известно, что Минаев поразительно владел рифмой, — пишет П. П. Вейнберг. — Гуляя однажды с И. П. Киселевским, он обратился к последнему с какой-то просьбой. «Говори стихи от Александринки до Адмиралтейства, только без передышки, тогда исполню!» — ответил Киселевский. И Минаев тут же, «на ходу» сочинил длиннейшее стихотворение с прелестными «минаевскими» рифмами и декламировал вплоть до самого Адмиралтейства».[2]

В целом ряде небольших вещей Минаева, главным образом двустиший и четверостиший, рифма является центральным моментом; ради нее, ради производимого ею эффекта написаны стихи. Таков, например, отдел «Рифмы и каламбуры» в сборнике «Всем сестрам по серьгам». Это, так сказать, поэтические эксперименты и в каком-то смысле заготовки для будущих произведений.

---

[1] М. В. Шевляков, „Русские остряки и остроты их“, СПб., 1899, стр. 100.
[2] Пав. Вейнберг, „Из прошлого“ — „Театр и искусство“, 1903, № 25, стр. 487.

Вот примеры:

Женихи, носов не весьте,
Приходя к своей невесте.

Или:

Что сделала ты из меня,
Постыдно так мне изменя?
Припомнится мне та пора,
И словно удар топора... и т. д.

Но каламбурные рифмы мы находим в изобилии и в других вещах — эпиграммах, сатирах, поэмах, где они уже не являются самоцелью. «Гимназии — гимн Азии», «Царьград нам — ретроградным», «капиталисты — заготовь себе девиз ты», «Сарду напал — Сарданапал», «орган — восторг он», «адрес — ad patres», «о бароне — обороне», «невесты — получишь вес ты», «повредит ли скалам буря — каламбуря», «ел суп сидя я — субсидия», «субсидия — во всяком виде я», — этот список можно было бы значительно увеличить.

Каламбурная рифма обновляет самое звучание стиха, разбивая его сглаженность и неощутимость; она делает еще более выразительными, чем обычно, поставленные в конце строк, рифмующиеся слова. При помощи каламбурной рифмы поэт нередко сближает далекие на первый взгляд понятия, используя это сближение, открывающее новые смысловые возможности, для выражения общей идеи произведения.[1]

Разумеется, каламбурная рифма встречается не только у Минаева, но и у других поэтов его времени. Однако у Некрасова, Курочкина и др. — это сравнительно редкое и для них, в общем, мало характерное явление, между тем как у Минаева она стала одной из существенных черт поэтики.

В мемуарах о Маяковском и в его собственных статьях приведен целый ряд экспериментальных стихов и заготовок, аналогичных минаевским. Да и общая роль каламбурной рифмы в поэзии Маяковского, — правда, более отчетливо осознанная им, — позволяет утверждать, что его предшественником в этой области был именно Минаев.

Следует отметить, что не один Маяковский учел и по-своему переработал поэтический опыт Минаева. Многое заимствовали у

[1] Высокую оценку мастерства Минаева в области рифмы дал А. М. Горький в письме к поэту Дм. Семеновскому — см. Дм. Семеновский, „А. М. Горький, Письма и встречи“, М., 1940, стр. 25—26.

поэтов «Искры» Саша Черный и другие сатириконцы. При этом, однако, как справедливо указали В. Тренин и Н. Харджиев, «момент общественно-политической сатиры в «Сатириконах» был по сравнению с «Искрой» значительно ослаблен».[1] «С поэтами «Искры» (Курочкиным, Минаевым, Жулевым и др.), — пишут они в той же статье, — поэтов «Сатирикона»... связывала и культура застольных экспромтов, каламбурно-игривого стиха».

Минаев был мастером стихового сатирического фельетона. Для сатирического фельетона Минаева характерна легкость включения злободневного и полемического материала и легкость перехода от одной темы к другой (когда фельетон построен по типу «обозрения») — та легкость, без которой фельетон становится неуклюжим, неповоротливым, грузным. Этому вполне соответствуют бойкость и непринужденность стиха и слова, сообщающая фельетону естественные, разговорные интонации, внутренне мотивирующая всякого рода отступления, отклонения в сторону и пр. По такому принципу сатирического фельетона построены, по существу, и комические поэмы Минаева («Юлий Цезарь», «Евгений Онегин нашего времени» и др.), в которых вокруг центральной темы наслаивается много непосредственно не связанного с ней материала. Иногда эта центральная тема и вовсе отходит на задний план. В характере этих отступлений в поэмах Минаева несомненно сказалось также воздействие поэм Байрона и «Евгения Онегина» Пушкина.

Легкость и непринужденность стиха связаны у Минаева с несомненным даром импровизации. Именно об этом писали в первую очередь все мемуаристы. Минаев мог тотчас сочинить блестяще отточенную эпиграмму или почти без подготовки говорить в стихах на заданную тему.

Но, являясь значительным преимуществом Минаева, без которого его сатирический фельетон был бы гораздо бледнее, легкость импровизации имела и свои отрицательные последствия. Разумеется, ею объясняется огромная плодовитость Минаева. Не знавший меры и не очень требовательный к себе, он нередко портил свои интересно задуманные вещи, писал многословно, водянисто, не умея во-время остановиться, нагромождая все новые и новые десятки и сотни строк. И «болтовня» из стилистической манеры превращалась тогда в реальную несдержанность речи.

Говоря о сатирическом фельетоне Минаева, нельзя не отметить, что именно он был подлинным отцом стихотворного газетного

---

[1] В. Тренин и Н. Харджиев, „Маяковский и сатириконская поэзия“ — „Литературный критик“, 1934, № 4, стр. 119—120.

фельетона на злобу дня, который с конца XIX века стал непременной принадлежностью каждой крупной столичной и провинциальной газеты.

Значительное место в творчестве Минаева занимают и пародии. Он является одним из самых известных пародистов 1850—1860-х годов — времени расцвета пародийного жанра, когда на этом поприще подвизались Козьма Прутков, Панаев, Добролюбов, искровцы Гнут-Ломан и Сниткин (Амос Шишкин) и др. Первый, еще очень слабый сборник Минаева целиком посвящен пародиям; в двух следующих («Думы и песни» 1863—1864 гг.) есть специальный отдел «Литературные вариации»; много пародий в других сборниках и в фельетонах Минаева.

В своих пародиях Минаев брал под обстрел как идейную физиономию, так и поэтические принципы, литературную манеру своих противников. Он высмеивал тематическую узость «чистой поэзии» и ее изолированность от современной общественной жизни, эротические мотивы, нарочитую неясность настроений и установку на иррациональность человеческой психологии, внешнюю красивость, экзотику и пр. Целый ряд пародий посвящен лирике Фета (отчасти в связи с его крепостническими статьями в «Русском вестнике»), лже-патриотическим, шовинистическим стихам Бенедиктова и Майкова, либерально-обличительной гражданственности типа Розенгейма и слезливому филантропизму. Большинство пародий Минаева направлено против отдельных стихотворений Фета, Полонского, Майкова, Мея, Щербины, Случевского, Бенедиктова, Крестовского и др. Но есть у него и пародии синтетические, высмеивающие переводчиков и подражателей Гейне, усвоивших лишь внешние признаки его поэзии, и эпигонов, рабски копировавших великих поэтов 1820—1830-х годов, и те или иные тенденции современной поэзии, нашедшие свое выражение в творчестве разных поэтов. «Верно понятый дух и тон пародируемых вещей, игривость и остроумие составляют, по отзыву современника, отличительное достоинство пародий Обличительного поэта». [1]

Но не все пародии Минаева в равной степени остры и удачны. В хорошей пародии должны быть тонко схвачены и в то же время смещены и дискредитированы поэтические особенности пародируемого объекта. Между тем некоторые пародии Минаева могут быть приняты за плохие стихотворения высмеиваемых поэтов или подражания им (по словам Добролюбова, это «особый род — нечто среднее между подражанием и пародией, хотя часто и без претензии на

---

[1] Рецензия на сборник „Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта" — „Светоч", 1860, № 2, стр. 67—68.

значение пародии»[1]); второй план, всегда присутствующий в пародии, теряется, и самое ощущение ее не возникает у читателя. Таково, например, стихотворение «Он коснулся клавиш, разбегались. . .» — пародия на «Он водил по струнам, упадали. . .» А. К. Толстого из первого сборника Минаева. Зато как зло высмеян Кукольник в «Монологе художника», Бенедиктов в «Бале», Фет в «Лирических песнях с гражданским отливом» и «без гражданского отлива», сколько меткого и язвительного в цикле «Мотивы русских поэтов». В своих пародиях и сатирах Минаев бывал грубоват, но вряд ли это можно считать просто недостатком (так грубоват был и Маяковский). Зато он попадал в цель. Вот один пример.

Как известно, Фет неоднократно заявлял в своих стихах о невыразимости душевной жизни, о том, что логическое слово непригодно для передачи иррациональных глубин человеческих переживаний и ориентировался на иные, внелогические качества слова.

Одно из программных стихотворений Фета кончалось восклицанием:

О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

Минаев ответил ему следующим пародийным четверостишием:

Гоняйся за словом тут каждым!
Мне слово, ей-богу, постыло!..
О, если б мычаньем протяжным
Сказаться душе можно было!

Это, конечно, не простая грубость и не простое балагурство. Здесь заключена резко отрицательная оценка фетовского отношения к слову, а вместе с ней и совершенно иное понимание сущности и задач литературы.

Было бы преувеличением называть Минаева крупным поэтом, но совершенно несправедливо и то пренебрежительное отношение к нему, которое по наслышке еще сохраняется до нашего времени. Несправедливо, как мы видели, мнение о нем как о беспринципном юмористе (вроде Лейкина в поэзии), потому что при всех своих недостатках и срывах он был тесно связан с демократическим движением 1860-х годов. Незаурядный мастер стиха, он поставил свой талант на службу передовым идеям своего времени. Примы-

---

[1] Рецензия на тот же сборник Минаева — „Современник“, 1860, № 8, „Новые книги“, стр. 283.

кая к «некрасовской школе», Минаев является одним из создателей стихотворного сатирического фельетона, и многие его произведения можно считать образцами этого жанра — по их художественной выразительности и публицистической остроте. Выдающийся пародист своего времени, он беспощадно высмеивал чуждые демократическому лагерю литературные явления, в частности поэтов школы «искусства для искусства». Наконец, Минаев является одним из самых блестящих эпиграмматистов, чьи эпиграммы, отточенные, хлещущие врага, остроумные, поражают богатством и разнообразием выдумки. Несомненны его заслуги и в области перевода. Все это дает безусловное основание утверждать, что у Минаева есть своя оригинальная поэтическая физиономия и свое место в истории русской поэзии XIX века.

И. Ямпольский.

I

1

В АЛЬБОМ РУССКОЙ БАРЫНЕ

Я люблю тебя во всем:
. . . .
В бальном, газовом наряде,
В море кружев, блонд и роз,
В дымной кухне, на эстраде,
В цирке шумном, в маскараде,
В зной и холод и мороз...
За клавишами рояля,
За тарелкой жирных щей,
За романами Феваля,
Дома, в людях, меж гостей.
В каждом звуке, в каждом взоре,
В яркой россыпи речей,
В споре важном, милом вздоре
О погоде, об узоре,
Об игре без козырей.
В преферансе, танце, пляске,
В драке с девкой крепостной,
В море слез, в потоках ласки,
В сарафане и повязке,
Ты всесильна надо мной.

⟨1859⟩

2

ЕВРЕЙСКО-РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

Приходи, моя желанная!
Ночь темна благоуханная,
Люди спят, лишь мы с тобой, мой друг, не спим.
Только звезды разгораются,
Только страстно заливаются
Соловьи в саду... мы млеем и дрожим.

Ты со мною под темной ложницею,
Вкруг куренья несутся волнами...
За лобзанье — плачу я сторицею
И молю, чтобы утро денницею
Заиграло позднее над нами.

О, забудь же салоны гвардейские
И гвардейца того молодого,
Что шептал тебе речи злодейские:
Я спою тебе песни еврейские,
По-еврейски не зная ни слова.

⟨1859⟩

3

СМЕРТНОМУ

Смолкни, больной и мятежный
Смертный! нет больше страданья!
Мир пред тобою безбрежный, —
Вечная жизнь мирозданья.
Ты в оркестре миров,
Светом их залитой, освященный,
Мировую любовь
И свободы глагол вдохновенный
Обретешь, человек!
Так оставь же борьбе обреченный
И в вражде истлевающий век.
Выйди ты в поле широкое,
Ляг на гряде огорода, —
Горе забудешь глубокое!
Небо стоокое,
Звезды полночного свода
Чувство навеют глубокое!
Ты — и природа!
Звезды считай неба южного,
Слушай, как змеи шипят,
Слушай, что волны жемчужные
В море с волной говорят.
Пусть в тебя гады впиваются,
Кровь твою пьют комары,
Змеи вкруг ног обвиваются —
Слушай! вот хор: то спеваются
В гимне вселенной миры.

⟨1859⟩

4

ГРОЗНЫЙ АКТ

У редактора газеты,
Злой противницы движенья,
Собрались друзья по зову
Для совета в воскресенье.

Уж давно редактор смелый
И сотрудники газеты
Встречу юного прогресса
Слали грозные ответы;

Уж давно они, где можно,
Порицали дружным хором
Наше время, век растленный —
И проклятьем и позором

Всё клеймили; в их «Беседе»
Дон-Кихоты тьмы кромешной
Проповедовали с жаром
Аскетизма путь безгрешный,

Дух терпенья и молчанья...
Но теории прекрасной
Тех новейших публицистов
Не внимал наш век ужасный.

И к редактору «Беседы»
Приглашенные собратья
Собрались, чтобы услышать
Акт торжественный проклятья,

Акт проклятья громогласный
Окаянному прогрессу,
Людям нового развитья, —
Всем — служащим века бесу,

Собралося заседанье
И внимало с умиленьем,
Как редактор, жрец премудрый,
Им читал акт отлученья.

Волоса назад отбросив,
Став с приличной сану позой,

Начал он, сверкнув очами,
Распаленными угрозой:

«Силой правды и закона,
Силой истин всемогущих
Всех, науки и прогресса
Власть открыто признающих,

Мы клянем, и к мукам вечным
Абирона и Дафона
Обрекаем их для казни,
Горьких мук, и слез, и стона.

Мы клянем их именами
Ксенофонта и Фаддея,
И отныне и во веки
Проклинаем, не жалея:

Всюду, где б их ни застали,
Дома, в клубе, в балагане,
За пером, смычком иль кистью,
В министерстве, в ресторане,

Спящих, бодрствующих, пьющих,
Трапезующих, cocando,[1]
Недугующих, плененных,
Чуть живых... flebotomando.[2]

Проклинаем во всех членах,
В сердце, чреве и глазницах,
В волосах, ногтях и жилах,
В бакенбардах и ресницах...

Всюду их найдет проклятье
И предаст в жилище беса:
Так клянем детей мы блудных
Окаянного прогресса...»

И собратья с дружным плеском
«Так и будет» повторили,
И все подписью формальной
Акт проклятья закрепили.

1860

---

[1] Зубоскалящих. — *Ред.*
[2] Истекающих кровью. — *Ред.*

5

ПАРНАССКИЙ ПРИГОВОР

Шум, волненье на Парнасе,
На Парнасе все в тревоге,
И смущенные, толпами,
На совет сбирались боги.
С гор заоблачного Пинда
И с вершины Геликона
Боги мчатся в колесницах
По призыву Аполлона.

Для чего ж богов собранье
На заоблачном Парнасе?
Кто сей смертный, с тусклым взглядом,
Прилетевший на Пегасе?
Кто он, — вялый и ленивый,
Неподвижный, как Обломов,
Стал безмолвно и угрюмо,
Окруженный тучей гномов?..

И божественные гости,
Полукругом став у трона,
С нетерпеньем ждали речи
От красавца Аполлона.
И сказал он: «Смертный! молви:
У богов чего ты просишь?
На земле своей далекой
Ты какое званье носишь?»
И ответил смертный: «Русский
Я писатель! На собрата
Приношу донос вам, боги,
И молю вас — в наказанье
С обвиненным будьте строги.
Он, как я, писатель старый,
Издал он роман недавно,
Где сюжет и план рассказа
У меня украл бесславно...
У меня — герой в чахотке,
У него — портрет того же;
У меня — Елена имя,
У него — Елена тоже.
У него все лица также,

Как в моем романе, ходят,
Пьют, болтают, спят и любят...
Наглость эта превосходит
Меры всякие... Вы, боги,
Справедливы были вечно
И за это преступленье
Вы накажете, конечно».

Смертный смолк... Вот спорят боги,
Шум и говор окрест трона,
Наконец громовый голос
Раздается Аполлона:
«Мы с сестрой своей Минервой
Так решили, смертный! Право
Твое дело и наказан
Будет недруг твой лукавый.
И за то он, нашей властью,
На театре будет вскоре
Роль купца играть немую
Бессловесно в «Ревизоре».
Ты же, — так как для романа
У тебя нет вновь сюжета, —
На казенный счет поедешь
Путешествовать вкруг света.
Верно, лучшее творенье
Ты напишешь на дороге.
Так решаем на Парнасе
Я, Минерва и все боги».

1860

6

АХ, ГДЕ ТА СТОРОНА?..

Ах, где та сторона,
Где был нем сатана
Века?
Где знавал стар и млад
Наизусть Аммалат-
Бека?
Где наш ярый прогресс
Был для всех темный лес —
Братцы,

И всю Русь обучал
Дед Кайданов, как знал —
Вкратце;
В одах ставил поэт
Вместо Феба в куплет —
Фебус,
А князь Рюрик не мнил,
Что в науке он был —
Ребус;
Не пугались мы мглы,
Не стучали столы
Юма,
Гласность в люльке спала,
Хоть и с гласным была
Дума;
Акций бурный поток
Вырывать нам не мог
Ямы,
И на свой идеал
Новый Нестор писал
Драмы;
Не смущались умы,
Как пел Глинка псалмы
Слезно,
И нас трагик пленял,
Как порой завывал
Грозно;
К преньям гласным суда
Мы не были когда
Падки,
И с крестьян становой
Драл весной и зимой
Взятки;
Взятки были в ходу,
Жил исправник в ладу
С роком,
Зимний ветер не знал,
Что Невой он гулял
Боком;[1]
Дни, когда нашу речь

[1] См. стихотв. Случевского: Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой..

Муж грамматики — Греч
Правил,
А Булгарин Фаддей
Сильных мира людей
Славил.
В этот век золотой
Наш смущали покой
Реже.
Где же та сторона?
Други! те времена
Где же?

1860

7

КОНКУРСНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ НА ЗВАНИЕ ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ[1]

I

Во сне

В полдневный жар на даче Безбородко
С Беседой Русскою лежал недвижно я.
Был полдень жгуч, струился воздух кротко,
Баюкая меня.

---

[1] Стихотворения эти присланы нам при следующем письме автора:

Г.г. редакторы!

Надеюсь, что вы не откажетесь поместить письма моего на столбцах вашей газеты.

В одном из последних №№ «Искры» была помещена статья о «Дилетантизме во всех его проявлениях», в которой не совсем благосклонно высказано мнение о московском Обществе любителей российской словесности.

При всем моем уважении к мнениям вашей газеты, я никак не мог вполне согласиться с взглядом «Искры» на Общество любителей. Общество, которое вырабатывает *завтрашние* мысли народа, слышит стон из сердца и *подоплеки народной* и лишает г-на Селиванова звания своего члена за его мечты о благотворительности, — заслуживает бо́льшего внимания и удивления. Дела и заседания Общества любителей с некоторых пор сделались предметом моего жадного любопытства и наблюдения, и мне пришла в голову дерзкая мысль во что бы то ни стало сделаться членом Общества любителей российской словесности. Но как этого достигнуть? Каким

Лежал один под тенью я балкона,
Немая тишь сковала все кругом,
И солнце жгло отвесно с небосклона —
И спал я мертвым сном.

И снилось мне — большое заседанье
Любителей Словесности в Москве,
В кафтанах, в охабнях — творящих заклинанье
Журналам на Неве.

Пред капищем славянских истуканов
Там Лонгинов могилу мрачно рыл:
Да лягут в ней Елагин, Селиванов —
Ликуй, славянофил!

Тогда зажглась в душе моей тревога,
И в полусне прозрела мысль моя,
И видел я, что за два некролога
Там в члены выбран я.

II

Наяву

Я трепетал,
Как говорил,
Явившись в зал,
Славянофил.

путем? Путем заискивания, протекции мне не дозволяет идти мое глубокое уважение к строгим принципам этого Общества. Мне остается другая дорога, тернистая и трудная, — достигнуть этого собственными своими силами, положившись совершенно на беспристрастный суд гг Любителей.

Не заявив в российской словесности еще ничем настолько своего имени, чтобы прямо просить своего выбора в члены Общества, я решился чрез посредство вашей газеты представить Обществу несколько своих стихотворений, из которых гг. Любители могут, во 1-х, узнать мой взгляд на вещи, а во 2-х, — мою способность владеть российским словом — *этим мечом правды, который никогда не должен быть обращаем в кинжал клеветы,* и, наконец, решить: могу ли я надеяться удостоиться высокой чести быть выбранным в члены Общества любителей российской словесности.

Приводя здесь мои стихотворения, я с трепетом и робким чувством новичка буду ждать решения важного для меня вопроса: быть или не быть?

Обличительный поэт.

Я изнывал
От ног до плеч,
Как он читал
Собратьям речь.
Я тосковал
И тер свой лоб,
Как он строгал
Европе гроб,
Как Запад клял,
И мудр и строг,
И прославлял
Один Восток.
И тех идей
Водоворот
В душе моей
Переворот
Тогда свершил,
К Москве свой взор
Я устремил,
Поддевку сшил
И стал с тех пор
Славянофил!

III

Московская легенда XIX века

Друг друга любили они с бескорыстием оба;
Казалось — любви бы хватило с избытком до гроба!

Он был Славянин — и носил кучерскую поддевку,
А ей сарафан заменял и корсет и шнуровку.

То платье обоим казалось и краше и проще,
И в нем они вместе гуляли по Марьиной роще.

Читал он ей Гегеля, песни Якушкина, сказки,
Цалуя то в губки, то в щечки, то в синие глазки.

И в ней развивал он вражду к молодым либералам,
К прогрессу, к Европе, ко всем не московским журналам.

Он ей по-французски болтать запретил совершенно
И с ней о народности он говорил вдохновенно.

Суровый завет для нее был тяжелой веригой,
Но Кирша Данилов у ней был настольною книгой.

Так дни проходили — их счастье все шире да шире, —
Казалось, четы нет блаженней, довольнее в мире.

Но счастья лучи не всегда одинаково жарки.
Ужасную весть от соседней болтуньи-кухарки

Узнал Славянин, весь исполнен грозы и испуга,
Что носит украдкой корсет с кринолином подруга!

Узнал — не спасла, не пошла, верно, в прок
пропаганда —
Что ночью Славянка... читает романы Жорж-Занда.

Узнал он и, верный принципу московских собратий,
Любовь свою предал всей силе суровых проклятий.

Угрюмо и мрачно всегда проходил он Лубянкой,
Страшась повстречаться с коварною псевдо-славянкой.

Друг с другом навеки они так расстались оба,
А счастья, казалось, обоим хватило б до гроба!

1860

8

БУДТО БЫ ИЗ ГЕЙНЕ

Разуваясь, ходят в небе
Звезды ножками босыми,
Чтоб земля не пробудилась
Под туманами ночными.
Я давно люблю вас, звезды,
И во всем вам подражаю,
И теперь в глухую полночь
Сапоги с себя снимаю.
Проберусь тихонько к милой
Прямо на ногу босую,
Чтоб во сне не потревожить
Тетку старую, седую.
Ходят звезды-босоножки,
Над землей сны веют кротко,
И в пикет во сне играет
Подозрительная тетка.

⟨1860⟩

9

МОНОЛОГ ХУДОЖНИКА В ДРАМЕ «ДЖУЛИАНО БЕРТИНИ, ИЛИ ТЕРНОВЫЙ ВЕНОК ГЕНИЯ»

Я весь в жару, как в первый день признанья.
Души моей натянутые струны
Готовы вдруг одним певучим хором
Ответить небесам мелодиею звуков.
Чело горит, струится в жилах пламень,
Я чувствую приливы вдохновенья
Во имя чистого великого искусства! ..
Искусство!

(Падает на колени.)

Весь я твой — и ты мое, искусство!
Вот здесь, в груди, божественная искра
Горит огнем небесного веленья,
Тревожит, жжет меня, и я, небес избранник,
Весь трепещу под чарой вдохновенья.

(Быстро встает и начинает импровизировать.)

Я расторгнул жизни путы,
Вдохновенный без границ.
В те великие минуты,
Люди, люди-лилипуты,
Предо мной падите ниц.
На колени! песнопений,
Для грядущих поколений,
Я пролью за звуком звук.
Вы — толпа, я — светлый гений,
Я — рожден для вдохновений,
Вы — для мелких бед и мук.
Для детей погибших мира
Я пою, — смиряет лира
Горе, скорби и печаль.
С именами Гете, Данта
Имя нового гиганта
Люди впишут на скрижаль.
Душно, душно! .. мир мне тесен...

(Срывает с себя галстук и сюртук.)

Муза, муза! лиру мне!
Нужно звуков, рифм мне, песен —
Я горю, я весь в огне...

(Обессиленный и облитый холодным потом, опускается на ковер, поддерживаемый музой.)

⟨1860⟩

10

БАЛ

Залит бал волнами света;
Благовонием нагрета,
Зала млеет, как букет.
Упоительно-небрежно,
Зажигательно-мятежно
Ноет скрипка и кларнет.
В вихре звуков, в море жара,
С сладострастием угара
В вальс скользит за парой пара,
Опьянения полна,
В ураган огнепалящий,
Душу пламенем мутящий,
Волканически летящий,
Грудь взрывающий до дна.
Вот она, царица бала:
Раздраженная смычком,
Быстро сбросив покрывало,
В танце бешеном летала,
Припадя ко мне плечом.
Кудри змеями сбегали,
Волновались, трепетали
И, играя предо мной,
По щекам меня хлестали
Ароматною волной.
Мы неслись — мелькали люди,
Ряд колонн и ряд гостей,
Фермуары, плечи, груди,
Лампы, люстры, блеск свечей,
Косы, жемчуг, бриллианты,
Дымки, кружева, атлас,
Банты, франты, аксельбанты
И алмаз горящих глаз.

Мы неслись — кружилась зала,
Я дрожал, как кровный конь,
Весь был жар я, весь огонь,
В жилах лава пробегала,
И корсет ей прожигала
Воспаленная ладонь.

⟨1860⟩

11

ЧУВСТВО ГРЕКА

Мы на ложах сидели пурпурных
В благодатной тени сикоморы;
Ароматы курилися в урнах,
И гремели певучие хоры.
И Эллады живые напевы,
Как вино, нашу кровь разжигали,
На коврах ионийские девы
С негой южною нас щекотали.
Целовала меня Навзикая,
На груди волновался гиматий,
И, устами к устам приникая,
Ожидала ответных объятий;
Но ни ласка, ни песня, ни шутка
Мне не милы от девы Эллады:
Мальчик розовый — дивный малютка
Привлекал мои жадные взгляды;
Я внимал, как лились, не смолкая,
Его песни согласные звуки,
И рыдала вдали Навзикая,
Опустив свои смуглые руки.

⟨1860⟩

12

ПРОСЕЛКОМ

Раз проселочной дорогою
Ехал я — передо мной
Брел с котомкою убогою
Мужичок, как лунь седой.

На ногах лаптишки смятые,
Весь с заплатками армяк.
Верно, доля небогатая
Тебе выпала, бедняк!

Подпираясь палкой длинною, —
Путь-то, верно, был далек, —
Брел он с песней заунывною.
— «Дядя, сядь на облучок!»

Сел старик. Седую бороду
Только гладит. — «Ты куда?»
— «Пробираюсь, барин, к городу,
Ждут оброка господа,

Крепко староста наказывал...
Вот бреду, болит спина...»
И, склонившись, мне рассказывал
Свою повесть старина.

— «Погоди, дед! С тяжкой болию
Ты не ляжешь умирать,
На отчизну божьей волею
Сходит мир и благодать;

После лет долготерпения,
Бесконечного труда,
Под лучами просвещения
Смолкнет лютая нужда.

От его превосходительства
Слышал я, — а он мне зять, —
Что теперь само правительство
Будет слабых защищать».

В мужике сердечный пламень я
Этой речью оживил,
И старик честное знаменье
С благочестьем сотворил.

⟨1860⟩

13

ПОДБОЧЕНЯСЬ, ХОДИТ МЕСЯЦ...

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой.

К. Случевский.

Подбоченясь, ходит месяц
Голубой, лазурной высью,
От востока и на запад
Пробегая плавной рысью.

И, прищуря томно глазки,
Со звездой звезда болтает,
А Меркурию Венера
Подозрительно мигает.

И над миром усыпленным,
Где не спят жуки да блохи,
Рея плавают в тумане
Лишь одни людские вздохи.

⟨1860⟩

14

ПРАЗДНАЯ СУЕТА

СТИХОТВОРЕНИЕ ВЕЛИКОСВЕТСКОГО ПОЭТА ГРАФА ЧУЖЕЗЕМЦЕВА
(ПОСВЯЩАЕТСЯ АВТОРУ „LA NUIT DE ST.-SYLVESTRE“ [2]
и „ИСТОРИИ ДВУХ КАЛОШ“)
(ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО)

Был век славный, золотой,
Век журнальной знати,
Все склонялись перед той
Силой нашей рати.

---

[1] Автор переведенного мною стихотворения — русский, что заметно и из самой его фамилии. Рожденный в среде высокообразованного и светского общества, но мало знакомый с русской речью, он — за невозможностию изъясняться по-русски — пишет на французском языке. Его муза — русская только по духу, но

Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И изъяснялася с трудом
На языке своем родном.
Итак, писала по-французски ..

Всё вельможи, важный тон...
Но смешались краски —
И пошли со всех сторон
Мошки свистопляски.

Бородатый демократ
Норовит в Солоны;
Оскорбить, унизить рад
Светские салоны.

Грязь деревни, дымных сел
В повестях выводит,
Обличает кучу зол,
Гласность в моду вводит.

Свел с ума его — Прудон,
Чернышевский с Миллем,
А о нас повсюду он
Пишет грязным стилем.

А глядишь, — о, века срам!
Прогрессистов каста
Без перчаток по гостям
Ходит очень часто.

А глядишь — Прудона друг,
Сочиняя книжки,
Носит вытертый сюртук,
Грязные манишки.

Нас нигде он не щадит,
Отзываясь грубо,
Даже гения не чтит
Графа Соллогуба.

Им давно похоронен
Автор «Тарантаса»;

Движимый патриотическим чувством и уважением к таланту великосветского поэта, я старался в своем переводе по возможности передать все красоты и юмор подлинника; насколько я успел в этом — судить не мне. *Примечание переводчика.*

[2] «Ночь под Новый Год». — *Ред.*

Свой не шлет ему поклон
Молодая раса.

Где же автор «Двух калош»
С грузом старой ноши?
Нет! теперь уж не найдешь
Ни одной калоши!

Что ж? быть может, Соллогуб
Уступил без бою?
Иль, как старый, мощный дуб,
Был спален грозою?

Нет, он в битвах не бывал,
Не угас в опале;
Но свой гений пробуждал
Вновь в Пале-рояле.

Что ж? быть может, наблюдал
Там он русских нравы
И себе приготовлял
Новый путь для славы?

Нет, ему российских муз
Лавры опостыли,
Он в Париже, как француз,
Ставил водевили.

Что ж? быть может, он стяжал
Лавры и на Сене,
И Париж его встречал,
Павши на колени?

Нет, и там он, как поэт,
Не был запевала,
Хоть порой его куплет
Ригольбош певала...

Вот парадный, пышный зал.
Туш, финал из «Цампы»,
Кверху поднятый бокал,
Спичи, люстры, лампы,

И напудренный конгресс
Старичков зеленых,
И старушек — целый лес,
Пышных, набеленных,

Немец-гость, сказавший речь,
Звуки контрабаса,
Николай Иваныч Греч,
Автор «Тарантаса»,

Дев прекрасных хоровод
В русских сарафанах,
И гостей безмолвных взвод
Длинный на диванах,

На эстраде, все в цветах,
В виде панорамы,
С поздравленьем на устах
Дамы, дамы, дамы!

Всё вокруг стола, — гостям,
С гордостью сознанья,
За столом внимает сам
Президент собранья.

Тут парижский виц-поэт
С расстановкой, басом
Спел хозяину куплет
Вслед за контрабасом:

«Не умрешь ты никогда, —
Пел он в длинной оде: —
Ты последняя звезда
На туманном своде,

Ты живой уликой стал
Века чахлым детям...»
И пошел, и распевал,
Верен мыслям этим.

Пел поэт. Весь замер зал...
Стоя за эстрадой,

Я, как все, ему внимал
С тайною отрадой.

О, поэт! Ты тот же был
На Неве, на Сене!
И я мысленно твердил:
— Bene! bene! bene![1]

В наш немой, пустынный век,
Век без идеала,
Ты единый человек
Старого закала!

1861

15

НАД УРНОЙ

Ах, неужель ты кинул свет,
Хозяин мой седой?
Таких людей уж больше нет
Под нашею луной.
Ты состояние с трудом
Всю жизнь свою копил,
У Покрова построил дом,
А в дом жильцов пустил.

С процентом скромным капитал
Пуская частно в рост,
Раз в год ты нищим помогал,
Ел постное весь пост.
Умел узнать ты стороной,
Кто деньги занимал,
И ежедневно на Сенной
Сам мясо покупал.

Хотя ты был не из числа
Чувствительных сердец,
Но от тебя не ведал зла
Домовый твой жилец.
До самой смерти не женат

[1] Хорошо! хорошо! хорошо! — *Ред.*

И чужд семейных уз,
Носил ты ватошный халат
И плисовый картуз.

Ты сам себе приготовлял
Лукулловский обед:
Картофель с свеклою мешал
В роскошный винегрет.
Без темных дум, без тайных мук
Добрел до поздних лет;
Всегда с тобой был твой чубук
И вязаный кисет.

С чухонцем-дворником был строг,
Журил его слегка;
Ходил ты изредка в раек
Смотреть «Жизнь игрока».
Порою, чтоб себя развлечь,
Ты почитать любил:
Тобой прочитан был весь Греч
И Зотов — Рафаил.

Я на потухший твой закат
Без слез смотреть не мог,
Как, сняв свой ватошный халат,
Ты в гроб сосновый лег.
С тех пор, как ты покинул свет,
Я всё твержу с тоской:
— Таких людей уж больше нет
Под нашею луной!

⟨*1861*⟩

16

КУКУ...

(ПОСВЯЩ. «КУКУ»,
СТИХОТВОРЦУ «ОТЕЧЕСТВ. ЗАПИСОК»)

Избавь нас, боже,
От элегических Куку!..

В лесу, под зеленым навесом,
Кукушка поет на суку;
Она недовольна прогрессом —
Куку!

Все плачет кукушка о мире:
Пора, дескать, в гроб старику..
А кто-то ей вторит на лире —
Куку!

Все вторит, что свет безотраден,
Бесцветен, как глыба песку,
Что много червей в нем и гадин —
Куку!

Над жизнию глухо хохочет,
Вещует всем смерть и тоску,
И в тину запрятаться хочет —
Куку!

Уйду, — говорит, — о, народы!
От вас я один за реку
Сбирать насекомых породы —
Куку!

Так долго рыдала о мире
Кукушка в лесу, на суку,
А кто-то ей вторил на лире —
Куку!

Поэты! забудьте ж кручину
И бренного мира тоску,
Но пойте, зарывшися в тину —
Куку!

1861

17

ПРОВИНЦИАЛЬНЫМ ФАМУСОВЫМ

Люди взгляда высшего,
Книг вы захотите ли!
Пусть для класса низшего
Пишут сочинители.
Для чего вам более
Всё людское знание?
Не того сословия —
Чтоб читать издания!

Нынче — травля славная,
Завтра — скачка тройками;
То обед, где — главное —
Угостят настойками.
То к родне отправишься,
С дворнею — мучение...
Ясно, что умаешься, —
Тут уж не до чтения.

Пусть зубрят приказные
Те статьи ученые,
Где идеи разные
Очень развращенные.
Мы ж, допив шампанское,
Спросим с удивлением:
Дело ли дворянское
Заниматься чтением?

⟨1861⟩

18
ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ НАПЕЧАТАЕТСЯ

«Неужели так поздно? —
Лениво удаляясь прочь,
У башен спрашивает ночь: —
Который час?»
— «Да уж девятый», —
Звонит ей Спасская в ответ.

Я. Полонский.

Потух последний луч зари,
Туманы сизые упали,
И звезды, будто фонари
В саду у Излера, мерцали.
Роса на листьях, как алмаз,
Слезами крупными дрожала,
А в небесах луна, как таз,
Суконкой вытертый сейчас,
Над темным городом всплывала.
«Куда ж мне деться?» — молвил день,
Спросив у стража Нарвской части;

Но страж молчал... лишь, в блеске власти,
Над ним всплывала ночи тень.
«Который час, кума?» —
«Не рано!..»
И из жилетного кармана,
Ночь, вынимая свой брегет,
Дню шлет решительный ответ:
«Иди! уж час пошел десятый,
Дремотой сладкой мир объятый
Теперь весь мой...»
И мнилось мне:
В тот час по мрачному эфиру,
Надевши темную порфиру,
Ночь, при звездах и при луне,
Гнала день палкой по спине...

1861

19

⟨РАЗГОВОР ТРЕХ ТЕНЕЙ⟩

На мрачном темном фоне появляются три угрожающие тени...
Затем следует страшная сцена, достойная Шекспира:

Тени сходятся и начинают погребальную пляску, схватившись руками

Тень 1-я

Смерть идет,
Гром ревет!
Ночи мгла!
Смерть поет...

Тень 2-я

Кто поет
Вести зла?

Тень 3-я

Черный кот!

Тень 2-я

Гром ревет!
Тучи рвет
Ветра стон...

Тень 3-я

Сгинь и сгинь,
Пропади,
Фельетон!

Все вместе

Пропади, пропади, фельетон!

(Танец прекращается.)

Тень 1-я

Беда идет, беда!
Летала я...

Тень 2-я

Куда?

Тень 1-я

В журнальный ад,
Где в каждом — грех
Казнит сто крат
Мертвящий смех,
Где судят ложь
И злобы смрад,
Где новых лож
Открылся ряд.
От эпиграмм
Пощады нет...

Тень 2-я

О, срам! О, срам!..

Тень 3-я

Позор газет!..

Тень 2-я

Скорей сбирайтесь дружно в ряд!
Казнить, казнить мы их должны:
Готовьте зелье им и яд...

Тень 3-я

А как зовут их?

Тень 1-я

Свистуны!

Общий хор

Мяукни, кот!
Сова, завой!
Свисток идет:
Готовьтесь в бой.
Мрак, свет гони,
Ломайся, лес!
Прогресс, прогресс
Похорони!

(Тени исчезают.)

1861

20

НАШЕСТВИЕ СВИСТОПЛЯСКИ

(ЛЕГЕНДА XIX ст.)

Что за волненье в рядах журналистики?
Жалкий, испуганный вид!
Жертвенник пуст и журнальные мистики
Бросили скит.

Ту́ники смятые, лица печальные,
Очи тревогой горят,
Стонут и плачут витии журнальные
Все зауряд.

Хроники в трауре; сонная критика
К нам нагоняет тоску,
Лиры не тронуты, даже, взгляните-ка,
Смолк и «Куку»...

Где же их жажда труда и опасности,
Где их походы за дам,

Даже погас перед статуей гласности
Вдруг фимиам.

Что ж их тревожит? игра ли фантазии?
Слава ли сводит с ума?
Или холера идет к ним из Азии,
Или чума?

Иль, наконец, им грозит наводнение.
Новый всемирный потоп?..
Нет! их иное пугает сомнение,
Хмурит их лоб.

Ужас наводит чума азиятская,
Страшен холеры возврат,
Но наказание послано адское
Хуже в сто-крат.

Враг их явился под гаерской маскою!
Нет от беды оборон...
Имя ж ее (хоть зовут свистопляскою)
Есть «Легион!»

Ходит она, словно тень неотвязная,
И, потешая народ,
Ловит всё пошлое, всё безобразное, —
Ловит и бьет.

Что б ни увидела, что б ни заметила,
Пусть лишь сфальшивит где звук, —
Так эпиграммою прямо и метила,
Дерзкая, вдруг!

Мысль, уж преданьем давно освященную,
Нужно, так, смотришь, казнит,
Даже Буслаева — личность ученую
Не пощадит.

Жрец журналистики пляской скандальною
Назвал ту пляску с тех пор,
И похоронную песнь погребальную
Пел хроникер.

Пел он протяжно, — жрецы ж, сняв сандалии,
Древних молили богов,
Чтоб не смущал этот свист вакханалии
Старческих снов.

1861

21

ДЕТЯМ

Розги необходимы, как энергические мотивы жизни.
П. Юркевич.

Розог не бойтеся, дети!
Знайте — ученым игривым
Прутья ужасные эти
Названы жизни мотивом.

Пусть вырастают березы,
Гибкие отпрыски ивы, —
Вы, улыбаясь сквозь слезы,
Молвите — это мотивы!

Если ж случится вам ныне
С плачем снести наказанье —
Что ж? и мотивы Россини
Будят порою рыданья.

Дети! отрите же слезы!
Можете строгость снести вы:
Прежде терпели ж вы лозы,
Так и стерпите *мотивы!* ..

1861

22

ОТКРЫТИЕ

Все люди — скоты.
Бланк.

Не гордись, о смертный,
Быстротой развитья:
Господином Бланком
Сделано открытье.

Брось труды науки,
Ей ни в чем не веря:
Мир — *стадообразный,*
Люди — хуже зверя.

Всё встречай на свете
С чувством беззаботным:
Господином Бланком
Ты сравнен с животным.

Лишь один вопрос есть
В следующем роде:
Так к какой же Бланка
Отнести породе?

1861

23

КУМУШКИ

— Эх! не плачь, кума!
Значит — дело земское! ..
— Знаю и сама,
Да ведь сердце женское.
Врозь с ним — нет житья...
— Не вернешь Кондратьева,
Вышла — вишь — статья
Гнать, и гнать, и гнать его.

Знай! везде бедняк
(В умных книгах значится)
До могилы так
Все с бедой маячится.
Мать на свет родит —
Нечем воспитать его,
И судьба спешит
Гнать, и гнать, и гнать его.

Бедняки снесут —
Сладко ли, не сладко ли —
Всё: по шее ль бьют,
Лупят под лопатку ли.
Сирому — сна нет,
Давит зло, как тать, его,

И один ответ —
Гнать, и гнать, и гнать его.

Раз уйдет от зла —
Словно жизнь и ладится,
Глядь — из-за угла
Снова горе крадется.
Так не плачь, кума!
Позабудь Кондратьева:
Нужно из ума
Гнать, и гнать, и гнать его.
1861

24

1-е ЯНВАРЯ

Нового года лишь вспыхнет денница,
С раннего часа проснется столица.

В праздничный день никого не смутит,
Стонет ли ветер, иль вьюга крутит,

Хлещет ли снегом в лицо непогода —
Всюду на улицах волны народа;

Мчатся кареты то взад, то вперед,
Смело шагает везде пешеход,

Словно с плеча его спала забота,
Словно свершилось великое что-то,

Словно сегодня — не то, что вчера...
Город проснулся и ожил с утра.

Хмурые лица — свежей и пригожей:
Барин в медведях, в тулупе прохожий,

Женщин головки в замерзшем окне...
Только невесело что-то всё мне...

Право, не знаю, — от зависти, что ли —
Только смотреть не могу я без боли

И без досады на праздный народ:
Что же вас тешит? что жизнь вам дает?

Что веселитесь, беснуетесь что вы?
Дай-ка взгляну я на ваши обновы

И, замешавшись в толпе без труда,
Ближе на вас погляжу, господа!

Вот вы скользите по гладкой панели:
Сколько ж обновок на вас, в самом деле! . .

Золотом шитый швейцар у дверей,
Яркие канты потертых ливрей,

Кружева модниц, рубины булавок, —
Вот и герои милютиных лавок,

Баловни счастья и щедрой судьбы...
Как металлически светят их лбы!

В лицах читаешь всю важность их целей:
«Устриц бы свежих, да свежих камелий! . .»

Блеском нарядов смущается глаз —
Бархат и соболь и мягкий атлас,

Только ходи да записывай цены...
Моды столичной гуляют манкены,

И усмиряет капризный мой сплин
Выставка женщин, детей и мужчин.

Долго портные, модистки, торговки
Шили им к празднику эти обновки;

Жаль, что не шьют они новых идей —
Вот бы примерить на этих людей,

В мысли здоровой дать лучшую моду, —
Как бы пристало-то к новому году!

Право, пристало бы... но, говорят:
Нам не к лицу незнакомый наряд.

Дальше смотрю я... фельдъегерь несется,
В ветхой шинельке чиновник плетется,

Тащит подмышкой старуха салоп,
Ванька, качаясь, заехал в сугроб,

И пред толпой разодетой, богатой
Тянет шарманка мотив «Травиаты»,

Плачет в сказанье каких-то потерь...
Вот и питейного здания дверь.

Дровни подъехали, словно украдкой,
Пар от мороза стоит над лошадкой,

Входит в питейный, с оглядкой, бедняк,
Чтоб, заложив свой последний армяк,

Выпить под праздник, забыться немного:
Завтра опять трудовая дорога,

Серые будни и ночи без сна.
Как не хватить зеленóва вина!..

Тут, одержим публицистики бесом,
Думал смутить бедняка я прогрессом,

Думал блестящий прочесть монолог:
«Пьянство-де страшный, великий порок,

Нового дела приспела минута...»
Но посмотрел — и замолк почему-то,

И, как пристыженный школьник иной,
С новой досадой побрел я домой.

⟨1862⟩

25

ПОДРАЖАНИЕ СОВРЕМЕННЫМ ЛИРИКАМ

Мне был нестрашен жизни холод,
Когда я с ней вдвоем сидел:
Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто во-время созрел!

При взгляде девы черноокой
Я был немым ее рабом,
Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Но легче призрака Ундины
Она явилась и ушла,
Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела?
И все мне снилась ночь свиданья,
Скалистый берег под луной,
Печальный демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей.
О, сколько новых угрызений,
Рыданий жгучих и тревог!
Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок.
Как обесславленный предатель,
Бродил я с пасмурным лицом,
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!

⟨1862⟩

26

ЖАЛОБА УЕЗДНОЙ КРАСАВИЦЫ

ЭЛЕГИЯ

Что это, тетенька, — просто мучение
Новые книги читать!
Нет никакого почти развлечения:
Так и захочется спать.

Повесть раскроешь — герои всё штатские;
Нет интересных двух лиц,
Всё разговоры такие дурацкие —
Скука одна для девиц.

А уже критики — вот наказание!
Словно туман в голове;
Нет и примет благородного звания,
Тон — настоящий *мове*...

Очень ведь нужно порядочной женщине
Знать, как живут мужики.
Слышите: чувство нашли в деревенщине,
Сердце нашли... Пустяки!..

Бьют их! Так что же? за дело и следует,
Так говорит сам *папа.*
Что ж сочинитель-то тут проповедует —
Я и сама не глупа.

Нет, погадаю уж лучше о суженом...
Просто заснешь у носка!..
Хоть бы лесничий пришел перед ужином!
Господи! что за тоска!..

⟨1862⟩

27

ОТЦЫ ИЛИ ДЕТИ?

ПАРАЛЛЕЛЬ

Уж много лет без утомленья
Ведут войну два поколенья,
Кровавую войну;
И в наши дни в любой газете
Вступают в бой «Отцы» и «Дети»,
Разят друг друга те и эти,
Как прежде, в старину.

Мы проводили, как умели,
Двух поколений параллели
Сквозь мглу и сквозь туман.
Но разлетелся пар тумана:
Лишь от Тургенева Ивана
Дождáлись нового романа, —
Наш спор решил роман.

И мы воскликнули в задоре:
«Кто устоит в неравном споре?»
Которое ж из двух?
Кто победил? кто лучших правил?
Кто уважать себя заставил:
Базаров ли, Кирсанов Павел,
Ласкающий наш слух?

В его лицо вглядитесь строже:
Какая нежность, тонкость кожи!
    Как снег, бела рука.
В речах, в приемах — такт и мера,
Величье лондонского «сэра», —
Ведь без духов, без несессера
    И жизнь ему тяжка.

А что за нравственность! О, боги!
Он перед Феничкой, в тревоге,
    Как гимназист, дрожит;
За мужика вступаясь в споре,
Он иногда, при всей конторе,
Рисуясь с братом в разговоре,
    „Du calme, du calme!“[1] — твердит.

Свое воспитывая тело,
Он дело делает без дела,
    Пленяя старых дам;
Садится в ванну, спать ложася,
Питает ужас к новой расе,
Как лев на Брюлевской террасе
    Гуляя по утрам.

Вот старой прессы представитель.
Вы с ним Базарова сравните ль?
    Едва ли, господа!
Героя видно по приметам,
А в нигилисте мрачном этом,
С его лекарствами, с ланцетом,
    Геройства нет следа.

Он в красоте лишь видит формы,
Готов уснуть при звуках «Нормы»,
    Он отрицает и. . .
Он ест и пьет, как все мы тоже,
С Петром беседует в прихожей,
И даже с горничной, о боже!
    Играть готов идти.

Как циник самый образцовый,
Он стан madame де-Одинцовой
    К своей груди прижал,

[1] Спокойствие, спокойствие. — *Ред.*

И даже, — дерзость ведь какая, —
Гостеприимства прав не зная,
Однажды Феню, обнимая,
В саду поцеловал.

Кто ж нам милей: старик Кирсанов,
Любитель фесок и кальянов,
Российский Тогенбург?
Иль он, друг черни и базаров,
Переродившийся Инсаров —
Лягушек режущий Базаров,
Неряха и хирург?

Ответ готов: ведь мы недаром
Имеем слабость к русским барам —
Несите ж им венцы!
И мы, решая всё на свете,
Вопросы разрешили эти...
Кто нам милей — отцы иль дети?
Отцы! отцы! отцы!

1862

28

ПРОСЬБА

Я, жены севера, ныне с участием
К вам обращаюсь с благими советами,
Ваше развитье считая несчастием,
Вашу ученость — дурными приметами.

Пусть перед мудростью женскою муж иной
Рад предаваться в душе умилению, —
Встретясь с Авдотьей Никитишной Кукшиной,
К новому я прихожу убеждению.

Женщины севера, в помыслах строгие,
Анны, Варвары, Лукерьи и Софии!
Бойтесь вы физики, эмбриологии,
И математики, и философии.

Бойтесь, как язвы, *якшаться* с студентами,
В Думе на лекциях, в аудитории;

Но развлекайтесь нарядами, лентами,
Вместо всеобщей и русской истории.

Лучше держитесь порядка вы старого!
Скучно ведь думать и чувствовать заново.
Замуж идите — но не за Базарова,
А уж скорее за Павла Кирсанова.

Знайте, о женщины: эмансипация
Лишь унижает сословье дворянское;
Вдруг в вас исчезнет опрятность и грация,
Будете пить вы коньяк и шампанское.

Сбросив наряды душистые, бальные,
Станете ногти носить безобразные,
Юбки, манишки, белье некрахмальное
И разговаривать, точно приказные.

Нет, позабудьте все пренья бесплодные,
Будьте довольны, как прежде, рутиною;
Вечно нарядные, вечно свободные,
Бойтеся встретиться с мыслью единою.

Чем утомляться в ученых вам прениях,
Лучше хозяйкою быть полнокровною,
«Дамой, приятной во всех отношениях»
Или Коробочкой, Дарьей Петровною.

1862

29

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИГОВОР

(ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА)

Посреди огромной залы,
Где скользит вечерний свет,
Грамотеи-радикалы
Собралися на совет.
Бродит мысль по лицам важным,
Хмуры брови, строгий вид, —
И лежал пред мужем каждым
Букв российских алфавит.
Час настал, — звонок раздался,

И суровый, как закон,
Перед обществом поднялся
Председатель Паульсон.
Двери настежь — и квартальный
Вводит связанную рать —
Букв российских ряд печальный
Счетом ровно тридцать пять.
Для позора, для допросов
Привели на стыд и срам
Буквы те, что Ломоносов
Завещал когда-то нам.
Не скрывайте ж тайных мук вы,
Не сжимайте бледных губ;
Не одной прекрасной буквы
Мы увидим хладный труп.
Первый враг ваш есть Кодинский.
Он, о ужас! *(смех и крик)*
Думал шрифт ввести латинский
В благородный наш язык;
И, отвергнутый Советом,
Чуть не пролил горьких слез...
Но постойте: в зале этом
Начинается допрос.
— Буква *ять!*
                    И мерным шагом,
Глаз не смея вверх поднять,
Перед всем ареопагом
Появилась буква *ять*.
Как преступница, поникла
И, предвидя свой позор,
От новейшего Перикла
Слышит смертный приговор:
«Буква жалкая! Бродягой
Ты явилась в наш язык,
Сам подьячий за бумагой
Проклинать тебя привык,
За тебя лишь называли
Нас безграмотными всех;
Там, где люди *ять* писали,
Е поставить было грех.
Даже избранную братью
Педагогов *(крики: вон!)*
Допекали буквой *ятью*

С незапамятных времен.
Так в тебе гермафродита
Мы признали, — и теперь
Выдти вон из алфавита
Приглашаем в эту дверь!»
Ниц склонясь, как хилый колос,
Ять уходит.
— «На места!»
Раздается новый голос:
«Шаг вперед, мадам *Фита!*
Так как с русским человеком
Кровной связи нет у вас,
То ступайте к вашим грекам...»
Но *Фита* вдруг уперлась:
«Мир ко мне неблагодарен!»
Дама рвется, вся в поту:
«Даже сам Фаддей Булгарин
Век писался чрез *фиту*.
Вашу верную служанку
Не гоните ж...» *(резкий звон)*.
И несчастную гречанку
На руках выносят вон.
Та же участь ожидала
Букву *Э* и *Ер* и *Ерь:*
Стража вывела из зала
Их в распахнутую дверь.
Потеряв красу и силу,
Всем им в гроб пришлося лечь,
И теперь на их могилу
Ходит тайно плакать Греч.

1862

30

ПОСЛЕДНИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ

(ЕЩЕ СВЕЖЕЕ ПРЕДАНИЕ)[1]

Когда в челе своих дружин,
Победу празднуя заране,
Стоял Аксаков Константин, —
Мужали духом все славяне.

[1] В то время, когда в Петербурге орфографические митинги хлопочут об обновлении русской азбуки, московские славянофилы воз-

«Маяк», дремавший столько лет,
Вновь проявил свой голос смелый,
И «Москвитянина» скелет
Забыл в гробнице саван белый.

Пронесся клик: «О, смелый вождь,
Пробей к народности ты тро́пу,
Лишь прикажи: каменьев дождь
Задавит дряхлую Европу;

Иди, оставь свой дом и одр, —
Кричат славянские витии: —
И все, что внес в Россию Петр —
Гони обратно из России.

Верь прозорливости друзей:
Назад, назад идти нам надо!
Для этих западных идей
Безумны милость и пощада».

И вождь им радостно внимал,
Бичуя Запада пороки.
«Мы постоим, — он восклицал, —
За честь «народной подоплеки!»

дают должную почесть давно позабытым *кириллицам.* Рыцари «народной подоплеки», отвергая мудрость новейших нигилистов, не забывают почитать память словенских мудрецов и наставников. Недавно, и именно 11 мая, они праздновали память древних просветителей Кириллы и Мефодия и устроили по этому случаю пиршество, на котором присутствовали следующие особы: М. П. Погодин, С. А. Маслов, А. Ф. Вельтман, И. С. Аксаков, О. М. Бодянский, В. М. Ундольский, С. М. Соловьев, М. Н. Лонгинов, П. И. Бартенев, В. А. Елагин, И. Д. Беляев, И. В. Беляев, В. И. Лешков и многие другие. Торжественный праздник «последних могиканов» славянщины (которые, в порыве благодарности к первым славянским просветителям, собрали 300 р. с<еребром> для их портретов) мы не можем оставить без внимания. Хотя и без нас, вероятно, М. П. Погодин увековечит этот праздник и оставит потомству полную его летопись, мы все-таки обязаны для наших современников сказать о нем несколько слов, тем более что этот пир есть полное выражение настоящих сил и деятельности московских славянофилов. Так как г. Полонский прекратил печатание своего «Свежего предания», то мы, желая угодить поэту, решились продолжать его.

Автор.

В негодовании в те дни
Славяне фраки с плеч срывали
И за Москвою жгли огни,
И на кострах их сожигали;

Славяне в мурмолках, в бобрах
Сидели, с злобою циклопа,
И ждали — скоро ли во прах
Падет разбитая Европа.

Но время шло. Редел их круг,
Не улыбалась им победа;
Среди усилий и потуг
Угасла «Русская беседа»;

Перун угрюмый, чтимый встарь,
Упал, крапивой зарастая,
И только «Светоча» фонарь
Чадил, кого-то примиряя.

Во тьме гробов своих немых
Лег за боярином боярин,
Осталось двое только их:
Иван Аксаков и Самарин.

Разбит славянский их кумир,
Едва мерцает «День» в тумане,
И одиноко в новый мир
Глядят последние славяне.

Они глядят — и взор их ждет:
Вот богатырь Илья очнется,
Перун поднимется, — вот-вот
Вся Русь старинная проснется.

Ответа нет. Тот век почил;
И вот, собрав остаток силы,
У позабытых двух могил
Сошлись на пир славянофилы.

Сошлись и молвили они:
«Вот здесь, средь дедовских угодий,
Нам близки только в эти дни —
Один Кирилл... один Мефодий».

Пируют... речи их мертвы,
Бессильны гневные угрозы;
На дно широкой ендовы
Они роняют только слезы.

И в даль, угрюмо, сквозь туман
Глядят последние славяне, —
А им Погодин, как баян,
Читает спичи на кургане.

1862

31

СКАЗКА О ВОСТОЧНЫХ ПОСЛАХ

Шлет нам гостинцы Восток
Вместе с посольством особым.
«Ну-ка, веди, мужичок,
Их по родимым трущобам».
Ходят. Всё степи да лес,
Всё, как дремотой, одето...
«Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это!..»

В села заходят. Вросли
В землю, согнувшись, избенки;
Чахлое стадо пасли
Дети в одной рубашонке;
Крытый соломой навес...
Голос рыдающий где-то...
«Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это!..»

Город пред ними. В умах
Мысль, как и в селах, дремала,
Шепчут о чем-то впотьмах
Два-три усталых журнала.
Ласки продажных метресс...
Грозные цифры бюджета...
«Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это!..»

Труд от зари до зари,
Бедность — что дальше, то хуже.

Голод, лохмотья — внутри,
Блеск и довольство — снаружи...
Шалости старых повес,
Тающих в креслах балета...
«Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это! ..»

— «Где ж мы, скажи нам, вожак?
Эти зеленые зимы,
Голые степи и мрак...
Полно, туда ли зашли мы?
Ты нам скажи наотрез,
Ждем мы прямого ответа:
Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это! ..»

1862

32

ДВА ВЕКА

(ИЗ ХРОНИК БУДУЩЕГО СТОЛЕТИЯ)

I

«Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой».
На берегу Невы широкой,
Меж двух высоких пристаней,
Где волны прядали сердито
У ног недвижного гранита, —
Акционер один стоял
И в даль глядел. Пред ним, как львица,
Река неслася. Город спал.
Безмолвна шумная столица.
Вдоль берегов суда стоят,
Не мчатся лодки, гички, яхты,
Пустынны площади, — и спят
Дома, казармы, гауптвахты,
Трактиры, будки, кабаки,
Аптеки, лавки, рестораны,
И утра раннего туманы,
Прозрачны, влажны и легки,
Бегут над городом. Венера
На светлом небе чуть видна...

И в этот час не знал лишь сна
Пытливый ум акционера
Водопроводов. Думал он,
Любуясь площадью свободной:
— Большой бассейн водопроводный
Здесь будет нами заложен;
Проект огромный, строгий, важный
Палибин в «общество» внесет,
И бельведер семиэтажный
На диво внукам возведет...
Мы перероем город в ямы
И запрудим горою труб...
Откупщики, банкиры, дамы
В водопроводный вступят клуб.
Весь Петербург придет в движенье,
Гражданский подвиг наш хваля,
И в члены нашего правленья
Введут героя Шамиля.
Потом в него войдут попарно
Иные члены: Пель, Ильин,
Друзья Палибина, Веймарна —
За гражданином гражданин.
Посредством ловкости и силы,
Которых тратить нам не жаль,
Мы водяные пустим жилы
Во все концы чрез *магистраль,*[1]
И жилы те в две-три недели
Столицу всюду обовьют:
Так точно нервы в нашем теле,
Виясь и путаясь, бегут.
И скоро чудную картину
Увидят жители, когда
Чрез водоемную машину
Взбежит прозрачная вода
И потечет подземным ходом,
Заглянет в каждый бедный дом, -
Везде усталым пешеходам
Открытый будет водоем.
И пронесется не однажды
Отрадный крик по Руси всей:

---

[1] Название самой большой и главной трубы.

«Так свой народ спасал от жажды
В степи когда-то Моисей».
И наше «общество» до века
Прославит нищий и калека,
Толпа сирот, больных, вдовиц,
И даже в хронике Громека
Нам посвятит пять-шесть страниц.

II

Прошло сто лет.
Иное племя
В столице севера живет,
«Пчелу» и «Почту», «Наше время»
Забыл бесчувственный народ.
Не пел Зарин о ласках «милой»,
Сразил Чичерина недуг,
И над Скарятина могилой
Ходил поплакать добрый внук;
Громеки старые сказанья
Уже не помнила молва,
И только «Свежего преданья»
Явилась новая глава.
Как прежде, был прогресс наш ломок,
Безмолвна гласность, жизнь скупа,
И лишь Краевского потомок
Хвалил в газете откупа;
Как прежде, люди брали взятки,
Вели гуманный разговор,
Жил в отдаленной нашей Вятке
Такой, как прежде, прокурор.
Как прежде, в азбуке жив *ерик*,
Фита и *ижица* жива;
Как прежде, в свой гранитный берег
Волнами прядает Нева,
А близ Невы стоят руины
Какой-то башни. Старики
Смотреть не могут без кручины
На это зданье. Две доски
Прибиты наглухо у входа,
Стена надтреснула едва,
И заросла кругом трава
Подъезд и дверь водопровода.

Обломки труб со всех сторон...
Один край башни был отшибен,
На нем начертан ряд имен:
Пель, Окель, Веймарн и Палибин,
Ильин, Овсянников и Крон...
Прошло сто лет. Стоят обломки,
Гниют в канавах труб ряды,
И всё, как прежде, ждут потомки
Водопроводов и воды;
Как прежде, в городе, на даче,
В июльский день, зимой в мороз,
На изнуренной, чахлой кляче
Развозит воду водовоз.

1862

33

ПРИЗВАНИЕ ЛЬВА КАМБЕКА В НОВГОРОД В 1862 г.

ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ЭПОСА

Не древнее вече пою я, не Рюрика, добрые люди,
Не подвиги витязей славных и Яси, и Веси, и Чуди,

Не Новгород с вольной дружиной его и посадом
Хочу я прославить по миру высоким, эпическим складом;

Нет, к этому я вместе с музой своею капризной — негоден,
На то Иоанн есть Аксаков и старец Михайло Погодин.

В них самое небо вложило познание древнего века...
Хочу я прославить теперь похождения мужа Камбека.

Пою о деяньях его и о подвигах истинно львиных
(Недаром прозвание *Льва* получил он еще на крестинах).

Начнем же, о муза, собравшися с духом и мощью заране:
В поддевке, в смазных сапожищах и в смуром славянском кафтане,

С кудрями под мурмолкой-шапкой, с брадой, от рожденья не бритой,
Уж много годов на Руси стал известен сей муж именитый,

Которого мудрые боги послали на землю с наказом:
Мешать всем скандалам людским и предел положить
их проказам.

Положен ли был тот предел, или нет — мы наверно
не знаем,
Но знаем, что имя Камбека грозой пронеслося над краем;

Плаксивых детей усмиряли пугающим именем этим;
Где двое дрались меж собой — Камбек там, бесспорно,
был третьим;

Где только кулак поднимался, хоть будь то за Волгой,
за Доном,
Он всюду являлся для кары каким-то зловещим
Тифоном —

В гостиных, в театре, в харчевнях, в вагонах, в уездных
этапах,
Особым чутьем открывая скандалов удушливый запах.

Но в будущем ждало Камбека иное геройское дело:
Когда по словенскому миру стрелою молва пролетела,

Что тысячу прожитых лет будет праздновать Русь
в Новеграде
И дедам поминки свершит в новгородском старинном
посаде,

Почтит вечевое начало и Рюрика белые кости, —
Толпами народ наш отправился к дедушке Волхову в
гости,

И вот по чугунке до Волховской станции мигом
домчался,
Но здесь-то нежданно-негаданно вдруг он с бедой
повстречался.

Бежит он проворно на пристань и требует в кассе билетов,
Но заперта касса пустая; на просьбы, на крик нет
ответов.

В объятиях сладких Морфея покоится тело кассира,
И только в волнах пароход на веревке качается сиро.

Часы пробегают без пользы... Всё ждут новгородские
гости,
Дрожа от холодного ветра, от утренней стужи,
от злости...

Но стойте, миряне! смиритеся духом и в ряд становитесь:
Спасет вас все он же, Камбек, обличенья упорного
витязь,

Все он же, чье имя знакомо гражда́нам и старым и юным:
Он в Новгород послан на славное дело могучим Перуном.

Сверкая глазами от гнева и ноздри раздувши широко,
Летал он и мчался в народе, как в Африке знойной
сирокко,

Директора громко он кликал и звал он кассира к ответу:
«Я Ка́мбек, известный Лев Ка́мбек! Статью напишу
я в газету.

Я громы протестом низвергну, я все перед миром
раскрою...»
И плеском и радостным воплем толпа отвечала герою.

«Билетов, билетов!» — вопил он, но касса как будто
заснула...
Вдруг новая смелая мысль в голове у Камбека сверкнула.

«За мною, гражда́не! на берег! — он крикнул, махнувши
народу: —
Вас выручит Ка́мбек! за мною!» — и ринулся вниз
к пароходу.

«Ура!..» — и кидая на воздух кто зонтик, кто шапку,
кто шляпу,
Толпа, за вождем поспешая, спустилася дружно по
трапу,

Отбросивши в сторону стражу, покрыла корму и каюты.
«Отваливай! — гаркнул Камбек. — Ну, живей!»... Через
две-три минуты

Колеса, стуча, завертелись и, волны реки рассекая,
Летел уж, дымясь, пароход, только брызги и пену
бросая.

А там, на корме парохода, в величьи классической позы,
Герой наш, Лев Ка́мбек, стоял, как живая статуя угрозы.

С тех пор-то и ходит рассказ к поучению нового века:
«Призвание в Новгород древний сурового мужа
Камбека».

1862

34

(ПОДРАЖАНИЕ КН. ВЯЗЕМСКОМУ)

При вас и Скутари, и Пера,
И поэтический Стамбул
Вам делали, княгиня Вера,
На караул.

Кн. Вяземский.

Когда в любви однажды полька
Клялася мне,
Я эту ночь лишь вспомню только —
Вся кровь в огне.
Команды нежной чую звуки...
Глаза горят...
Мои опущенные руки
По швам лежат.

Я помню сад и вечер лета
Далеких мест,
Где посадила сердце это
Ты под арест.
«О, я любви твоей достоин», —
Я деве рёк,
И сделал ей, как честный воин,
Под козырек.

Когда ж коснулся к губкам алым, —
Какой афронт! —
Как пред бригадным генералом
Я стал во фронт.

«Я хороша? — ты мне шептала: —
Я не стара»,
И небо самое кричало
Тебе: ура!

1862—1863

35

ЮМОРИСТАМ

Юмористы! смейтесь все вы,
Только пусть ваш стих,
Как улыбка юной девы,
Будет чист и тих.
Будьте скромны, как овечка,
Смейтесь без тревог,
Но от желчного словечка
Сохрани вас бог! ..

Без насмешки, без иголок,
Весело для всех,
Смейтесь так, чтоб не был колок
Безобидный смех;
Чтоб ребенок в колыбели
Улыбнуться мог...
От иной гражданской цели
Сохрани вас бог! ..

Смейтесь... ну хоть над природой, —
Ей ведь нет вреда, —
Над визитами, над модой
Смейтесь, господа;
Над ездой в телеге тряской
Средь больших дорог...
От знакомства с свистопляской
Сохрани вас бог! ..

Пойте песнь о стройном фронте,
О ханже, хлыще,
Только личностей не троньте,
Смейтесь — *вообще*...

И от кар, от обличений
Вдоль и поперек,
От новейших всех учений —
Сохрани вас бог!..

1862—1863

36

ВИЛЬЯМУ ШЕКСПИРУ ОТ МИХАИЛА БУРБОНОВА

Любезный друг Шекспир, талантлив ты, — не спорим,
Тебе соперников не часто я встречал,
Но всё же, признаюсь, с большим смотрю я горем,
Какую ложную дорогу ты избрал.

Ты слишком горд, Шекспир, друзей забыл советы:
Тебе б всё древний мир, старинных хроник тьма,
Где лишь какие-то Отелло да Макбеты,
Иль датский принц, спрыгнувший вдруг с ума.

Дай лучше драму нам, без всяких дальних споров,
Военный быт рисуй, жизнь лагеря раскрой,
Где б на коне скакал великий наш Суворов
И манием руки за строем двигал строй.

Ты вместо Дездемон, Корделий и Офелий,
Без деклараторских ходулей и прикрас,
На сцену выведи Ефремовских камелий —
Тогда, тогда, Шекспир, почтут тебя у нас.

⟨1863⟩

37

ДУЭТ

Михаил Розенгейм

Если дурен народ, если падает край,
Зло проникло в него глубоко,
Легкомысленно в том не тотчас обвиняй
Учрежденья, законы его.
Осторожно вглядись, обсуди и тогда

К убежденью, быть может, придешь,
Что в народе самом затаилась беда,
Что закон сам собою хорош.[1]

Михаил Бурбонов

Если выйдет мужик из дверей кабака
И его расшатает травник,
Ты скажи, указав на него, мужика:
«Утопает в разврате мужик».
И тогда откупам сладко гимны запой:
«Журналистика наша слепа:
Ведь в народе самом затаился запой,
Не виновны ни в чем откупа».

Михаил Розенгейм

Если зол ты на свет, точно правду любя,
То не тронь в нем порядка вещей,
Но исправь-ка сперва, мой почтенный, себя,
Отучи от неправды людей.[1]

Михаил Бурбонов

Если ты по призванью совсем не поэт,
Но его только носишь ты сан,
Не сердись на людей, что твой каждый куплет
Им ужасней, чем сам кукельван.

Михаил Розенгейм

Если жидкость дурна, если скислось вино,
То куда ты его ни налей,
Только каждый сосуд замарает оно,
Но не будет, не станет светлей.[1]

Михаил Бурбонов

Если ты благороден, как истинный росс —
Полицейских ни в чем не кори,
Но по улицам невским не жги папирос
И сигар никогда не кури.

---

[1] Стихотворения М. Розенгейма. 1858 г. Спб.

Михаил Розенгейм

Если сплав нехорош, если дурен металл,
То какой ни придай ему вид,
В каждой форме, куда б отливать ты ни стал,
Он пороки свои сохранит.[1]

Михаил Бурбонов

Если будешь журнал издавать на Руси,
Хоть у нас их порядочный рой, —
По кварталам билеты везде разноси
И при будках подписку открой.

Михаил Розенгейм

Ведь не случай один правит миром, о нет!
И застою не может в нем быть,
И дух века подаст в свое время совет,
Как и что в нем должно изменить.[1]

Михаил Бурбонов

Если в жизни застой обличитель найдет,
Ты на месте минуты не стой,
Но пройдися по комнате взад и вперед
И спроси его: где же застой?

⟨1863⟩

38

СОВЕТ

> В собственном сердце и уме человека должна быть внутренняя полиция...
>
> *Н. Павлов.*

От увлечений, ошибок горячего века
Только «полиция в сердце» спасет человека;

Только тогда уцелеет его идеал,
Если в душе он откроет бессменный квартал.

---

[1] Стихотворения М. Розенгейма. 1858 г. Спб.

Мысль, например, расшалится в тебе не на шутку —
Тотчас ее посади ты в моральную будку;

В голову ль вдруг западет неприличная блажь —
Пусть усмирит ее сердца недремлющий страж;

Кровь закипит, забуянит в тебе через меру —
С ней, не стесняясь, прими полицейскую меру,

Стань обличителем собственной злобы и лжи
И на веревочке ум свой строптивый держи.

Знайте ж, российские люди, и старцы, и дети:
Только «с полицией в сердце» есть счастье на свете.
⟨1863⟩

39

ФАНТЫ

СОВРЕМЕННАЯ ЭЛЕГИЯ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЕТЯМ, НАЧИНАЮЩИМ УЧИТЬСЯ РОССИЙСКОЙ АЗБУКЕ)

Бросив газет беспорядки
И отрицания сети,
Будем играть хоть в загадки,
    Милые дети!

Будем, вверяяся року,
Чужды задорного спора,
Все понимать по намеку
    Быстро и скоро.

Дети! в вас эти таланты
Крепки с самóй колыбели...
Ну, так сыграемте в фанты
    Мы, в самом деле!

Классную доску я вытер.
Слушать! займемся мы делом:
Азбуки тридцать шесть литер
    Вывел я мелом.

Аз — первый фант, нас зовущий!
Кто же враг западных фраков,
Западной прессы гниющей?
Кто же? — *А*...[1]

Кто о погибели края
С эманципацией женской
Воет, нам ад предрекая,
Кто? — *А*...

Новая литера: *Буки!*
Кто, русский эпос прославив,
Сделался дивом науки?
Кто же?.. — *Б*...

Кто в фельетонах (чуждаясь
Всяческих *истов* и *илов)*
В прессу явился, ругаясь?
Кто же?..— *Б*...

Литера *Веди!* В народе
Кто для журнальных курьезов
Гейне терзал в переводе?
Кто? — *В*...

Вот подошли и к *Глаголю.*
Кто же над «бомбами» века
В жизни наплакался вволю?
Кто же? — *Г*...

В чьих песнопеньях, о дети!
Каждая строчка — слезинка?
Кто всех скучнее на свете?
Кто ж это? — *Г*...

---

[1] Вот разгадки всех загадок по порядку: Аксаков, Аскоченский, Буслаев, Безрылов, Водовозов, Громека, Глинка, Дьяченко, Дружинин, Катков, Касьянов, Краевский, Кори, Молинари, Погодин, Скарятин, Щербина, Юркевич. — *Ред.*

Вот и *Добро* вам на смену.
Кто (и его ждет оценка)
Вывел животных на сцену?
Кто же? — *Д*...

Кто для российского мира
Вечно был скучен и длинен?
Кто обрусил нам Шекспира?
Кто же? — *Д*...

Кто. . . . .
Пишет «заметки» сурово?
Дети все плачут, услыша
Имя? .. — *К*...

Кто земляков из Парижа
И из его ресторанов
Гонит? .. Малютка, пойми же —
Кто он? — *К*...

Кто постоянно рифмуем
С рифмой избитою: «невский»?
Кто свистунами волнуем?
Кто он? — *К*...

Кто одиноко и сиро,
В битвах ослабнувший вскоре,
Бросил свой жезл триумвира?
Кто ж это? — *К*...

Вот и *Мыслете. О, кто ты,*
Славивший в лютом угаре
Разные тяжкие льготы?
Кто? — *М*...

Кто под охраной *Покоя*
Стал для науки негоден?
Дети! шепну на ушко я —
Это... П...

Литера *Слово*. Загадки
Смысл, вероятно, понятен:
Ржет в постоянном припадке
Только... *С*...

Кто он, сорвавший гиматий
С музы афинской в час сплина,
Пост завещавший для братий?
Кто он? — *Щ*...

Кто он, воспевший нам лозы,
В деле наук — Собакевич,
Бюхнеру славший угрозы?
Кто он? — *Ю*...

Здесь остановимся, дети!
Что ж, непонятно вам? или
Новые ребусы эти
Вы разрешили?

1863

40

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

ЭЛЕГИЯ

(СЮЖЕТ ВЗЯТ ИЗ ОДНОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОВЕСТИ)

Для моциона, после ванны
(Жар только спал),
Куря сигару из гаванны —
Я в лес попал.

В ветвях гремел певцов пернатых
Звенящий хор,
И весь курился в ароматах
Зеленый бор.

И гас и таял день румяный...
Я шел, но вот,
Смотрю и вижу — над поляной
Мелькнул капот.

Я вижу даму — страстно, громко
Поет она...
О, кто ты, кто ты, незнакомка?
Кто ты, жена?

Раскрыть не смея в то мгновенье
Горячих уст,
Я лег, без всякого движенья —
Под ближний куст.

Она поет — лицо пылает,
Она поет!
(И грудь, волнуя, поднимает
Ее капот.)

Зовет любовь и сердцу милых,
Как день чиста...
И я вскочил, терпеть не в силах,
Из-за куста.

Я весь дрожал, как от озноба...
Взыграла кровь...
К друг другу мы познали оба
В тот миг любовь.

На нас напал припадок странный..
Мы обнялись —
И в поцелуй благоуханный
Без слов слились.

Потом — как сон, исчезла дева,
Как страсть моя...
Мы разошлись; она — налево,
Направо — я.

1863

41

Кто сия? Она склонилась
На подушках ста веков;
Вместо мантии покрылась
Серой ризой облаков.

Кто сия? Почила сладко,
Скрыт огонь палящих глаз:
Под челом ее — Камчатка,
Под пятой ее — Кавказ.
Вместо кос, спадавших в ноги,
Темным лесом обвита,
Вместо пояса на тоге —
Ветвь уральского хребта;
Вместо ленты — Волга вьется,
В диадеме — голова,
И в груди не сердце бьется —
Бьется матушка Москва.
Молвит — двинутся громады,
Встанет — рост до облаков,
Мощной власти — нет преграды
И пронизывают взгляды
Миллионами штыков.

. . . .

1863

42

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ С ГРАЖДАНСКИМ ОТЛИВОМ

ПОСВЯЩ. А. (ФЕТУ)

I

— Сядем здесь, под этим кленом! —
Говорит моя подруга: —
Посмотри: над небосклоном
Брызжет светом солнце юга...
Позабыть пора давно нам,
Что груба теперь прислуга.

Посмотри, как эта нива,
Точно море, колыхает;
Как, к реке склонясь лениво,
Зеленеющая ива
В струйках ветви обмывает, —
И забудь, что так лениво
Дворня шапки нам снимает.

Посмотри, как вся поляна
Задымилася от жара,
А за лесом даль румяна,
Точно в зареве пожара...
Так оставь бранить Ивана,
Что не чистил самовара.

— Нет, ни волны аромата,
Ни сияние денницы,
Мной воспетые когда-то,
Не разбудят струн цевницы,
Оттого, что гусенята
Съели пук моей пшеницы.

II

Когда наплыв противных мне идей
К нам ворвался, — смирить не в силах стона,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда меня журнальный асмодей
Преследовал как лирика салона,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда табун соседних лошадей
Топтал мой хлеб, — увидя то с балкона
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда один из нынешних судей
Оправдывал работника Семена, —
Стал плакать я, как плакал иудей.
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда в мой сад явился гусь-злодей
Для похоти гусиного мамона, —
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

И вот теперь, бродя между людей,
Я не пою, как пел во время оно, —

Но плачу все, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

III

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян.
От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень,
И работника Семена
Плутовство и лень.
На полях чужие гуси,
Дерзость гусенят, —
Посрамленье, гибель Руси,
И разврат, разврат!..

IV

Солнце спряталось в тумане.
    Там, в тиши долин,
Сладко спят мои крестьяне —
    Я не сплю один.
Летний вечер догорает,
    В избах огоньки,
Майский воздух холодает —
    Спите, мужички!

Этой ночью благовонной,
    Не смыкая глаз,
Я придумал штраф законный
    Наложить на вас.
Если вдруг чужое стадо
    Забредет ко мне, —
Штраф платить вам будет надо...
    Спите в тишине!

Если в поле встречу гуся,
    То (и буду прав)
Я к закону обращуся
    И возьму с вас штраф;

Буду с каждой я коровы
Брать четвертаки,
Чтоб стеречь свое добро вы
Стали, мужички...

1863

43

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ БЕЗ ГРАЖДАНСКОГО ОТЛИВА

I

Ты предо мною сидишь;
Весь я горю от любви:
Ум я теряю всегда,
Если сидим vis-à-vis.

Сядь же напротив меня
Или к себе подзови:
Будем мы молча сидеть
Целую ночь vis-à-vis.

II

Что это: ночь или день?
Дай мне, мой ангел, ответ!
Свет, прогоняющий тень,
Тень, застилавшая свет.
Тучки нигде ни следа,
Ярко зарделся восток...
Шепчешь ты мне — *середа*,
Я ж говорю — *четверток*.

III

Тихая звездная ночь.
Друг мой, чего я хочу?
Сладки в сметане грибы
В тихую звездную ночь.

Друг мой, тебя я люблю,
Чем же мне горю помочь?
Будем играть в дурачки
В тихую звездную ночь.

Друг мой! Умен я всегда,
Днем я — от смысла не прочь.
Лезет в меня ерунда
В теплую звездную ночь.

1863

44

Гоняйся за словом тут каждым!
Мне слово, ей богу, постыло!..
О, если б мычаньем протяжным
Сказаться душе можно было!

1863

45

Чудная картина!
Грезы всюду льнут:
Грезит кустик тмина,
Грезит сонный пруд,
Грезит георгина,
Даже, как поэт,
Грезит у камина
Афанасий Фет.
Грезит он, что в руки
Звук поймал, — и вот
Он верхом на звуке
В воздухе плывет,
Птицы ж щебетали:
— Спой-ка нам куплет
О «звенящей дали»,
Афанасий Фет.

1863

46

Пусть травы на воде русалки колыхают,
Пускай живая трель ярка у соловья,
Но звуки тишины ночной не прорывают...
Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я.

Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой,
Порой тяжелый карп плеснет у тростников;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Уснули рыбаки у сонных огоньков.
Скользит и свой двойник на влаге созерцает,
Как лебедь молодой, луна среди небес.
Русалка белая небрежно выплывает;
Уснуло озеро; безмолвен черный лес.

1863

47
ОПЫТЫ ПЕРЕВОДОВ ГЕЙНЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

(ПОДРАЖАНИЕ РУССКИМ ПЕРЕВОДЧИКАМ НЕМЕЦКОГО ПОЭТА)

(ПОСВЯЩ. М. БУРБОНОВУ)

I

В могиле

Ночь над мертвым тяготела;
Вкруг могилы тишина...
Мозг застыл, замерзло тело...
Я лежал в оковах сна.

Я лежал в сырой могиле
И проснулся: слышу — стук;
Голоса ли там, шаги ли —
Я не понял — странный звук.

«Гейне, Гейне! Где ты, где ты?» —
Слышу голос в высоте.
То российские поэты
Подошли к моей плите.

«Гейне, встань! Твои мотивы
Перевел я, — сбрось свой сон!
Песни Гейне будут живы!» —
Шепчет Майков Аполлон.

— Не могу из темных сводов
Я подняться, Майков, вновь:
От российских переводов
В жилах снова мерзнет кровь.

— «Гейне, встань! Мы, для примера,
Познакомим русский свет
С «Intermezzo», с «Romanzero»! . .» —
Шепчут Миллер, Берг и Фет.

— Не тревожьте Гейне кости.
Если кончится ваш труд,
Я — умру тогда от злости,
Люди — со смеху умрут.

— «Гейне! Прачек, водовозов
Познакомлю я с тобой,
Только встань! . .» И Водовозов
На могилу пал с мольбой.

И, склонившись у гробницы,
Вынув толстую тетрадь,
Из «Германии» страницы
В переводе стал читать.

Этой рубленою прозой
Я был так в гробу смущен,
Что под новой тяжкой грезой
Снова впал в могильный сон.

II

Была весна. Из сада несся гул,
Пел соловей, пел сладострастно так...
Прошли мы весь любовный артикул,
Ты обняла, а я свечу задул
И... мрак.

Осенний день и ветра резкий звук,
С деревьев листья падают кругом...
Ты реверанс мне сделала, мой друг,
Я ж повернул налево круг-
Гом.

III

Мне попалась в январе ты, —
Эта памятна зима, —
Ты взглянула из кареты
И — свела меня с ума.

Что ж! Едва беды не вышло...
Но тебя ль винить я мог,
Что твоей кареты дышло
Мне заехало в висок?

Ясный взор твой — дышло то же,
Я сражен им на убой, —
Так висок ли мне дороже
Сердца, взятого тобой?

⟨1864⟩

47

УЕЗДНЫЙ ГОРОДОК

1

В натуре

I

В нашем городе жизнь улыбается
Прощелыгам одним да ворам;
Что ни шаг — то душа возмущается,
Как пойдешь по уездным дворам.

II

Залита грязью площадь базарная,
И разбитый гниет тротуар;
Здесь нередко команда пожарная
Прикатит без воды на пожар.

III

Все начальство пропахло здесь взятками,
Всем берут — что кладут на весы:
Ситцем, сахаром, чаем, лошадками
И, пожалуй, куском колбасы.

IV

Здесь обычай такой городничего:
Если в лавку поедет жена —
Говорит: «Ты, смотри, не купи чего —
Лавка даром давать мне должна».

V

Наш исправник старинного норова,
Пьет за двух он тринадцатый год,
А уж грабит — так грабит он здорово
Да и ухом себе не ведет.

VI

Не боясь обличенья столичного,
Лихоимством живет наш судья;
По словам стихотворца отличного:
«При колодце пустынь он бадья».

VII

Сплетни, карты, баталии с женами,
Вот и все, что встречаешь у нас;
С крючкотворами теми прожженными
Не зевай, попадешься как раз.

VIII

В нашем городе жизнь улыбается
Прощелыгам одним да ворам;
Что ни шаг — то душа возмущается,
Как пойдешь по уездным дворам.

2

В газете

I

В нашем городе жизнь улыбается
Всем, кто в городе только живет,
И невольно слеза проливается,
Если ступишь ногой из ворот.

II

Мостовой крыта площадь базарная,
Тротуар, как картинка, на вид,
Аккуратна команда пожарная,
В фонарях керосин здесь горит.

III

Здесь начальство гнушается взятками,
И привычки такие давно

Называют привычками гадкими:
«Брать-де стыдно теперь и грешно».

IV

Городничий у нас... городничего
Мы такого не сыщем нигде
(Не всегда лишь умеют постичь его) —
Он любому поможет в беде.

V

Наш исправник без всякого норова,
Ведь хмельного и в рот не берет,
А поймает он вора которого —
То его со слезами дерет.

VI

Наш судья же не тронет и волоса,
Если видит, что прав человек,
И в статейках издания *«Голоса»*
Одобряет он нынешний век.

VII

Сплетни, пьянство, с семейством баталии —
Их не знает у нас гражданин;
Здесь у женщин высокие талии
И высокая честь у мужчин.

VIII

В нашем городе жизнь улыбается
Всем, кто в городе только живет.
И невольно слеза проливается,
Если ступишь ногой из ворот.

⟨1864⟩

49

Я, обожая панну Лизу,
Меж двух огней попал, как в ад:
Любовь — влечет меня на мызу,
Долг службы — тянет на парад.

О, панна! вы меня зовете,
Я — подлетел бы к вам к крыльцу,
Но — служба ждет... *(Фельдфебель, роте*
Вели сбираться на плацу.)

Любовью вся душа объята,
В груди, как в бане, горячо.
(Команды слушайся, ребята!
Равняйся! Смирно! на пле-чо!)

Дождусь ли с панной встречи новой!
Как сабля, блещет панны взгляд!..
(Штык на себя, эй, ты, фланговый!
Зарубкин! подтяни приклад!)

Она теперь, наверно, дома
И приготовила мне грог...
(Учебным шагом в три приема!
Носок вытягивать, носок!)

От нежных ласк ее тупею,
Готов ягненком кротким лечь!..
(Пучков! Не чистил портупею!
За это буду больно сечь!)

Любовь и — подчиненье старшим!..
Нет, долг служебный верх берет!
(Равняйся! смирно! скорым маршем!
Глаза направо! грудь вперед!)

Довольно! Вижу я в окошке
Платком мне панна машет там!
(Ребята, вольно! ружья в сошки
И расходитесь по домам.)

1864

50

Жизнь наша вроде плац-парада;
И в зной, и в холод на ветру
Маршировать тем плацом надо,
Как на инспекторском смотру.

Как рекрут, выучись смиряться,
Но забегать не хлопочи:
Похвалят — крикни: «рад стараться!»
А не похвалят — промолчи.

Тебе прикажут — делай дело!
Терпи — вот лучший твой паек,
А в остальное время смело
Носок вытягивай, носок!..

1864

51

ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ

Я не Пятковский, а другой
Еще неведомый избранник...

I

Солнце весны улыбается кротко.
В сердце усталом тоска:
Верно, кого-нибудь злая чахотка
Гонит долой с чердака.

В поле всех манит румяное лето —
Мысль моя бродит во тьме:
Где-нибудь, верно, без ласк, без привета
Узник томится в тюрьме.

Ветер осенний проносится, плача, —
Ужасом скорчен мой рот:
Бьет тебя палкой, несчастная кляча,
Грубый фургонщик-деспот.

Зимнею ночью скорблю я: дика ты,
Нашей планеты судьба!
Господи! скоро ли южные штаты
Снимут ошейник с раба?..

II

В глухую ночь я шел Коломной,
Дождь лил, и ветер с ног сбивал;

Один вопрос головоломный
Меня дорогою смущал:

«Я так устал... идти далеко...
Но как извозчика найму,
Не заслужив за то упрека
В неуважении к нему?»

Иду. «Наймите, что ли, барин!
Возьму двугривенный один».
— «Нет, милый друг мой, — благодарен·
Как я — ты тоже гражданин.

Могу с тобой я покалякать!
Ты брат нам всем, — но для чего ж
В такую ночь, в такую слякоть
Меня ты, друг мой, повезешь?

Тебе, как мне, нужна свобода,
Ступай домой, — ты весь продрог», —
Проговорив такого рода
Красноречивый монолог,

Побрел я площадью пустынной;
Уныло Ванька крикнул вслед:
«Ну дайте хоть пятиалтынный!»
Но я шепнул гуманно: «Нет».

1863—1864

52

ОСЕННЕЕ ПЕТЕРБУРГСКОЕ УТРО В 7 ПЕСНЯХ НА ОДНУ ТЕМУ

I

(По Некрасову)

Ночь зловещую, гнойную, серую
Гонит утро... За дело пора...
День поплелся обычною мерою,
Дышит язвой сибирской, холерою

Воздух города... Злость и хандра!..
Лишь едва человек просыпается
И, глаза раскрывая, глядит,
Уж в груди его желчь разливается
И бессильная злоба кипит.
Слышны в ветре глухие рыдания
И тягучий, пронзительный свист;
Над трубою огромного здания,
Точно дьявол, торчит трубочист.
На дворе с кем-то дворник ругается
И метлой вычищает крыльцо.
Вон напротив окно отворяется,
Молодое мелькнуло лицо,
Белый чепчик и кофта узорная...
После сна дышит грудь горячо..
И коса удивительно черная
Опустилась змеей на плечо.
А на улице жизнь начинается,
Будни шумного, тусклого дня.
Вон с конвоем чуть-чуть подвигается
Дюжий парень, цепями звеня;
Вон модистка промчалась с картонкою,
Вон в квартал забулдыгу ведут
На веревке с какой-то бабенкою;
Вон извозчик над потной клячонкою
Обновляет вновь купленный кнут.
Завернувшись угрюмо шинелями,
По панелям, где лужи стоят,
Торопливо с своими портфелями
Там плетутся служаки в Сенат;
Вон мальчишка со спичками шведскими,
С целой кипой газет почтальон,
Вон подмышкою с книжками детскими
Два ребенка бегут в пансион.
Вон лакей у ворот с комплиментами
Перед толстой служанкой стоит,
С ридикюлем большим, с инструментами
Повивальная бабка бежит.
В этом городе смерти, калечества,
Где недуги и бедность сильны,
Чтоб плодилося вновь человечество,
Повивальные бабки нужны.

II

(По Плещееву)

Ах, отдерни занавеску, —
Мне несносна эта тень, —
Уж врывается в окошко
День веселый, ясный день.
Ах, отдерни занавеску,
Темный ставень отвори, —
Уж игла Адмиралтейства
Вся горит в лучах зари.
Утро ясно — в сердце праздник,
Тянет в город улиц шум...
Отчего ж мне нет покою
От моих упорных дум?
Оттого, что в это утро
Где-нибудь — а где их нет? —
Много бедных и голодных
Проклинают черствый свет;
Оттого, что в это утро
Тянут жизнь средь чердаков
Столько сирых и бездомных,
Столько горьких бедняков.

III

(По Фету)

1

Мы сидели на балконе,
Утро к нам несет любовь,
До ланит взбегает кровь,
И рука горит в ладони.
Вспыхнул заревом восток,
Ярким светом город залит,
И лучами солнце жалит
Кожу нежных, детских щек.
Друг мой, страсть нам вновь знакома,
В нас любви проснулась блажь...
Шепчешь ты: пойдем в пассаж,
Я ж шепчу: останься дома...

2

Посмотри кругом, малютка:
Пышный город встал от сна,
Тает в утреннем тумане
Бледнолицая луна;
Посмотри — при свете солнца
Все сияет и блестит:
Эти улицы и зданья,
Мостовая и гранит.
В магазинах бриллианты,
Бриллианты в брошках дам,
В бриллиантах старцы, франты,
Бриллианты здесь и там.
И теперь, о друг мой милый,
Недоволен я судьбой
Оттого, что бриллианты...
Заложили мы с тобой.

IV

(По Полонскому)

Я хандры не могу превозмочь,
Если финская белая ночь
Над столицею невской проносится.
Ночи бледный и девственный лик!
Я к нему, как к страданью, привык:
Ночью легче тоска переносится,
Но чужда и дика для меня
Ты, красавица невского дня...
Не люблю твою песню унылую
И напевы зловещие те
О нужде, о мирской нищете,
О слезах над убогой могилою.
Для чего на меня ты глядишь
И страданье мое бередишь?
Пусть вокруг погибает вселенная,
Пусть нужда развращает людей, —
Я поэт — не из сонма судей,
Для небес моя песнь вдохновенная.

О, красавица дня! поспеши
Потеряться в полночной тиши,
Выплывай же ты, ночь ароматная,
И мой дух воспарит в облака,
И пройдет роковая тоска
По ночам, для меня непонятная...

V

(По Тютчеву)

Над Невою посребренной
День сияющий встает,
Солнце — страж земли бессонный
Над планетою влюбленной
Совершает свой обход.
Небеса поют и тают,
Слышен гул издалека,
Птицы весело порхают,
Грезы мира улетают
Вместе с ночью в облака.
Постоянно дни сменяют
Ночи трепетную тень,
Им и люди подражают:
Ежедневно умирают
И родятся каждый день.

VI

(По Майкову)

Да, ты хорош, великий Рим...
Твои священные останки
Я посещал, как пилигрим:
Там сладострастные вакханки
Нередко мой смущали сон;
Там перед образом мадонн,
С благоговеньем капуцина,
Я был в молитву погружен.
Твой Колизей с семьей аркад
И остов арки триумфальной
Я видел, трепетом объят...

Мне пел фонтан струей печальной
Напевы грустные наяд.
А Лара милая! .. О, боже!
Могу ль забыть великий Рим? ..
Но я на родине... и что же?
Мне этот тусклый день дороже
С осенним холодом своим.
Он дорог мне под сенью мрака
Без итальянской синевы,
Мне дорог плеск родной Невы
И яркий купол Исаака...
Бродя по Риму в поздний час,
Меня манила та картина,
И на отчизну каждый раз
Просилось сердце славянина.

VII

(По Бенедиктову)

День осенний над столицей...
Солнце в тучи прорвалось
И глядит, как пред денницей
Вспрянул северный колосс,
Разодвинул быстро полог
И орлом глядит кругом:
Сон его всегда недолог,
Долгий отдых незнаком.
Просыпается Петрополь
И бежит туда-сюда.
Что же это? не Европа ль
Перед нами, господа?
Дождь иль грязь — ему нет дела,
Шум, езда и здесь и тут,
Мостовая загудела,
И летит под громом смело
Петербурга бодрый люд.
И толкутся люди эти,
Точно летние шмели,
То в коляске, то в карете,
В щегольском кабриолете,
На извозчике в пыли;

Их преследуют горячки,
Им дантисты зубы рвут,
А они — и не мигнут,
Им не делают потачки,
И хоть станут на карачки,
А дневной окончат труд.
Поговорка есть у янки:
«Время — деньги» — свищет он,
Здесь твердят со всех сторон
Горожане, горожанки:
«Час один — есть миллион».
Мы в расходах знаем — минус,
В барышах повсюду — плюс,
И с дешевкою «на вынос»
Легок нам гражданства груз.
Слышен грохот барабана,
Визг шарманки, гул колес;
Здесь оглоблю шарабана
Бедняку вкусить пришлось,
Там — он стонет под копытом
Городского рысака.
Но до битого небитым
(Ведь беда невелика)
Дела нет. В лучах Авроры
Ожил город. Блещут шпоры,
Взоры, дамские уборы,
Каски, канты, козырьки,
На панелях — полотеры,
Букинисты, куафёры,
Дети, дамы, старики.
В беготне, в всеобщей скачке
Мчится люд во все концы —
Почтальоны, денди, прачки,
Омнибусы, дрожки, тачки
И курьеры и купцы.
Все кружится, все пускает
В дело силу и талант,
Пишет, судит, распекает,
И работу начинает
Грозный северный гигант.
⟨1864⟩

53

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

НОВЫЙ ПЕРЕВОД ПО СПИСКУ, НАЙДЕННОМУ МЕЖДУ БУМАГАМИ МИХАИЛА БУРБОНОВА

I

Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о пълку Игореве...

Аль затягивать, ребята,
Нашу песню для славян?
Кроме сала и булата,
Русь баянами богата,
Что ни шаг у нас баян.
В старину боярский терем
Был баянам вещим рад,
Нынче — мы в поэта верим
И восторга не умерим,
Хоть бы создал он «Разлад».
В старину баяна гусли
Развлекали русский свет;
Нынче свиньи ль, овцы, гусь ли
В сад войдут — и ноет Фет.

Что не соколов спускали
    В старину на лебедей,
То баяны распевали:
Только струны рокотали,
Только груди трепетали
    Под кольчугой у людей.

Наша песня с тем же толком
    Совершает чудеса:
Рыщет в поле серым волком,
Мчится зайцем по проселкам,
Перепелкою — по елкам
И заносчивым орленком
    Улетает в небеса.

Хоть спросите у Галахова —
Все певцы закала лучшего:

От Полонского до Страхова,
От Щербины и до Тютчева,
От пииты премудреного,
Перед кем вся Русь растаяла —
Розенгейма свет-Михаила
До Михаила Бурбонова.

Так возьмем же гусли в руки,
Снова песни потекут...
Пусть докажут песен звуки,
Что от дедов наши внуки
Ни на шаг не отстают.

II

Игорь възре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты.

Смотрит в небо Сикофантов-князь.
Видит: меркнет солнце ясное,
Заслонила солнце на небе
Нигилизма туча черная.
И промолвил Сикофантов-князь
Пред московскою дружиною:
«Други-братья, помужаемся!
Нигилистов всех в полон возьмем.
О, проклятая утопья!
Уничтожу эту топь я...
Братцы, ринемся мы в сечь
Преломить стальные копья,
Иззубрить славянский меч».

Вся Москва сверкнула пиками,
Загудела под копытами,
Застенала всюду кликами
И угрозами сердитыми.
Встала буря над славянами —
Нигилистами опальными,
Поражая их романами
И протестами журнальными.
Что не гром гремит за тучею,
Потрясая землю сирую —

«Русский вестник» длань могучую
Поднял с тяжкою секирою,
И, краснее цвета макова,
Под славянскою поддевкою,
Поднимает «День» Аксакова
Булаву с лихой сноровкою...
Вот «Отцы и дети» на́-поле
Нигилистов поцарапали,
Их нечесаную бороду
Потрепали всласть по городу,
Все от малого до старого
Рвали за́ полы Базарова
И пред тем врагом измученным
Всплыли «Морем взбаламученным».
Поражая племя новое,
Встало «Марево» суровое.
Мысль пришла и Боборыкину —
«Дай и я здесь штуку выкину»,
И Стебницкого творение
Он пустил на посрамление.

Длилась битва ровно три года.
Изгнан враг без сострадания.
«Нигилистом быть — невыгода»,
Порешили все издания.

III

Комони ржуть за Сулою,
звенить слава в Кыеве.

Кони ржут за Сулою,
    Публицисты — в «Вести»,
На Неве и в Киеве
    Все заржали вместе.
Восклицает Берг Фита:
Ах ты, буй-тур Всеволод!
Аль в нас нынче силы нет?
Аль с тобой я не́ молод?
Встань же с балалайкою,
Пой стихотворения,
Мной давно уж собраны
Все мои творения,

Майковым исправлены,
Меем Львом дополнены,
Тютчевым навеяны,
Чувством преисполнены,
Розенгейму ведомы,
Фет вошел раз в пассию,
Лишь пропел я песенку
Фету Афанасию.

IV

Плач новой Ярославны[1]

Ярославнын глас слышыть: зегзицею незнаем, рано кычеть...

Не кукушка куковала
За околицей на сене, —
Причитая, тосковала
Тур Евгения на Сене:
«Русь... морозит... санный полоз
Режет снег... висит туман...
Напишу статью я в «Голос»
Для спасения славян.
По салонам, по бульварам
Я заметила давно,
Что российским нашим барам
Три несчастия дано.
Есть ужасные три книжки:
Кинглек, Бокль и Милль... Увы!
Их читают все мальчишки
От Урала до Невы».
Не кукушка куковала
За околицей на сене, —

---

[1] Г-жа Е. Тур в письмах своих из Парижа гневалась за то, что между русскими невеждами развилась сильная охота читать и изучать трех авторов: Бокля, Милля и Кинглека; гневалась за то, что эти три книги встречаются везде и всюду; гневалась она за то, что Бокль в России «удостоился чести двух переводов»...

Причитая, тосковала
Тур Евгения на Сене:
Ветер, ветер! В наказанье
Вызывая много слез,
Три зловещие изданья
Ты на север перенес.
Али нет тебе простора
По поднебесью летать?..
Книги злобы и раздора
Унеси от нас опять.
И покуда яд не выпит,
Чтоб наш север отдохнул,
Занеси их хоть в Египет,
В дальний Пекин иль в Стамбул».
Не кукушка куковала
За околицей на сене, —
Причитая, тосковала
Тур Евгения на Сене:
«О, Нева, ты королева
Между рек страны родной,
Так зачем в порыве гнева
Не затопишь ты волной
Этих книжек хлам ненужный?..
О, нахмурь свой гневный лик
И струей своей жемчужной
Смой печать зловредных книг.
Разыграйся на просторе,
Волю дай своей волне,
Пусть они в Балтийском море
Отдохнут на темном дне».
Не кукушка куковала
За околицей на сене, —
Причитая, тосковала
Тур Евгения на Сене:
«Солнце, солнце! ты пригрело
Бокля, Милля вредный труд,
И печатают их смело
И в России издают.
Солнце красное! На свете
Жечь лучи твои могли,
Так сожги ты книжки эти,
Их листы испепели,

Чтоб никто отравы не́ пил
От зловещего труда,
Чтобы даже самый пепел
Разлетелся без следа».

1864

54

АЛЬБОМ СВЕТСКОЙ ДАМЫ, СОСТАВЛЕННЫЙ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ ПОЭТОВ

Вдали сверкают Апеннины.
Передо мной разбитый храм,
Где отдыхают капуцины,
Но под плющом, в тени руины
Я мысленно летаю к вам,
И этот край, и Рим суровый,
Блеск неба ярко-бирюзовый
Забыл для улицы Садовой.

Последний вечер помню живо.
К подушкам голову склоня,
Лежали вы полулениво,
А я читал вам песню: «Нива»...
Вы чутко слушали меня,
И вот теперь, под бюстом фавна,
Грущу, — вам, может быть, забавно, —
О вас, Настасья Николавна.

А. Майков

Мы встретились с вами на бале.
Всю ночь до утра был в экстазе я...
Со мною вы в вальсе летали,
Как грезы легки, как фантазия.
На эту волшебную встречу,
На страсть поэтически-детскую
Я драмою светской отвечу,
Где выведу женщину светскую.
Брожение мысли неясной
В ней будет понятно для всякого...

Вы явитесь музой прекрасной
И славой Полонского Якова...

Я. Полонский

Давно ли, безумный и праздный,
Я с вами по лесу бродил,
И он нас росою алмазной
С ветвей изумрудных кропил.
Вчера я прочел «Положенье»!
В прихожей послышался стук:
Семен — каково положенье! —
Сервиз мой сронил на сундук.
Уснул я — и сон неотвязный
Меня в ту же рощу унес,
И сосны росою алмазной
Сверкали, как брызгами слез.

А. Фет

Итальянских певцов-теноров
Я не слушаю с их примадоннами,
Но, закутавшись в плащ, под колоннами,
Я с цветами, в природу влюбленными,
Чую музыку вечных миров.
Уловить этих звуков нельзя,
Выраженье для них не придумано:
Слаще гимнов Россини и Шумана,
Льется музыка, в душу скользя.
Вечный враг театральных кулис,
Сидя в поле с афинскою лирою,
Я поющим мирам аплодирую,
Восклицая неистово: bis!

Н. Щербина

Поздним летом, ночью тихой
Дышит поле теплым сном,
Спелой рожью и гречихой...
Тихо в небе голубом.
Усыпительно-безмолвны
Спят вершины дальних гор,
И серебряные волны
Льет луна на сонный бор.

Ф. Тютчев

Из Саути

Все в природе плачет.
Плачет ветер в поле,
Плачет в хате пахарь,
Плачут дети в школе;
Плачет мир по селам,
Городам и дачам...
Милая! с тобою
Сядем и заплачем.

А. Плещеев

Хотелось мне для вашего альбома
Сложить десятка два веселых строк,
Но мне, увы! веселье незнакомо,
Есть скорбь одна, — скорбеть я только мог.
Едва ль себя для вас переиначу,
Могу лишь петь страданье и грозу...
Поверьте мне: я и теперь вот плачу
И вместо точки ставлю здесь — слезу.

А. Плещеев

Из Беранже

Выпив миску жженки,
К речке я подкрался:
Там без рубашонки
Мылись две сестренки...
В ближний куст в сторонке
Тихо я прижался.
Что за формы, боже!..
Торс — как у Венеры...
Что за тонкость кожи!..
Был бы я моложе,
То... но для чего же
Городить без меры?..
Званием поэта
Пользуяся кстати,
Про купанье это
Сорок три куплета
Я сложу для света
И — предам печати.

М. Розенгейм

По случаю поступления в дом гувернантки из англичанок

Вы поддалися на приманку
Цивилизованных затей
И взяли в дом свой англичанку
Для обучения детей.
Предупреждаю вас заране:
Они вертлявее ужей;
Притом же эти англичане
Суть «фабриканты мятежей».
Страшитесь меньше скорпионов,
Кредиторов и обезьян,
Чем попирателей законов —
Рыжеволосых англичан.

М. Розенгейм

Из Гейне

Ночь. На море качка.
Убоясь истерик,
Милая рыбачка,
Выдь ко мне на берег.

В вихре непогоды
Пред рыбачкой таю,
Гейне переводы
Нежно ей читаю.

Но она, о горе! —
Стал пред ней, как пень, я —
Вновь пустилась в море,
Испугавшись чтенья.

В. Греков

Я не рожден в альбомы дам
Писать в лирическом припадке;
Могу кнутами эпиграмм
Лишь бичевать людей за взятки.
Но если б знал я, что и вы
До лихоимства очень падки,
Тогда б, не слушая молвы,
Вас обличил бы я за взятки.

Один из многих

На чужбине каждый жаден
С земляком пробыть хоть час;

Прискакал я в Баден-Баден,
Но увы! не встретил вас.
Что ж! в любви я безвозмезден,
Как верблюд я терпелив —
И по рельсам в милый Дрезден
Мчал меня локомотив.
Но на Брюлевской террасе
Обманулся вновь поэт:
Там гулял лишь автор «Аси»,
А от вас простыл и след.
Где вы? В Риме, в Ницце? или...
На судьбу свою злюсь я:
Мне и рифмы изменили,
И старинные друзья...

Кн. Вяземский

1865

55

ПОЭТ И ПРОЗАИК

Поэт

Ты, огнедышащее око,
Лучами жги весь горизонт!..

Прозаик

Послушай, нам итти далеко:
Не худо бы раскрыть свой зонт.

Поэт

О, птицы! Славьте луч денницы,
Воспойте розовый восток!..

Прозаик

Милей мне жареные птицы:
Я певчих птиц терпеть не мог.

Поэт

Весенний воздух дышит сладко!..
Живей струится кровь во мне...

Прозаик

Как раз затреплет лихорадка:
Надеть советую кашне.

Поэт

Душе и весело и жутко...
Пресыщена моя душа!..

Прозаик

Теперь бы, впрочем, для желудка
Была бы пища хороша.

Поэт

Оставь меня! Восторг поэта
Тебе ль понять? Ты духом — сир.

Прозаик

Восторг — восторгом, а котлета
Вкусней, чем солнце и эфир.

Поэт

Ты эгоист и черствый книжник:
Ты вечно можешь рассуждать...

Прозаик

Да, я тебе плохой сподвижник:
Не стану к сердцу жать булыжник
И воздух с трепетом сосать.

Поэт

(с негодованием отходя прочь)

Природа-мать! Мы с музой нашей
Тебя прославим до конца...

Прозаик

Зови природу хоть мамашей
И даже именем отца,
Но всё ж рожден ты смертным мужем:
Риск бесполезный для чего ж?
Так будь внимательнее к лужам
И вылей воду из галош.

⟨*1865*⟩

56

ДВУЛИКИЙ ЯНУС

I

Жизни камень философский
Я постиг и помирил
Строгий опыт стариковский
С порываньем юных сил.
Всюду лезу я из кожи,
Поспеваю здесь и там,
Угождаю молодежи,
Потакаю старичкам.
Всем сочувствую я живо,
И хоть часто мелют вздор:
«Совершенно справедливо!» —
Я вставляю в разговор.

II

Молодого поколенья
Уважая идеал,
Прогрессивные стремленья
Я с восторгом разделял;
Но когда внимал в гостиной
Приговорам стариков,
Возвещавших с кислой миной:
«Новый век наш бестолков.
От мальчишек ждать ли дива?
В грош они не ставят нас. . .»
— «Совершенно справедливо!» —
Я подхватывал тотчас.

III

Там, где нужно, полный сметки,
Громко гласность защищал;
«Петербургские отметки»
Даже в «Голос» посылал.
Но когда мое начальство
Раз изволило сказать:
«Эта гласность — верх нахальства,
Эту гласность нужно гнать. . .
Мы живем и так счастливо. . .»
Я ответить тороплюсь:

«Совершенно справедливо!
Гласность губит нашу Русь. . .»

IV

Вред закрытых заведений
Прогрессисты признают.
«Я таких же точно мнений», —
Замечаю смело тут.
Но когда про зло гимназий
Слышны крики матерей:
«То — рассадник безобразий,
Яд для наших дочерей. . .
Там научат только лживо
Их все вещи понимать. . .»
— «Совершенно справедливо!» —
Тороплюсь я отвечать.

V

«Я бежать хочу от мужа! —
Мне супруга говорит: —
Он тиран! . .» — «Так почему же?
Вас никто не обвинит».
Муж же мне твердит, как другу:
«Друг! хоть ты бы мне помог:
Чтоб спасти, свою супругу —
Посажу я под замок.
Нигилизм испортит живо —
Эту женщину. . . потом. . .»
— «Совершенно справедливо!
Пусть побудет под замком».

VI

Хоть скиталец вечно праздный,
Деловым я всем кажусь
И, как ум разнообразный,
Всяких принципов держусь. . .
Управлять людьми нетрудно —
Изучите их коньки:
Люди сами безрассудно
Попадутся к вам в силки.

Пусть все врут самолюбиво,
Мой ответ готов давно:
«Совершенно справедливо!
Это дельно и умно».

⟨1865⟩

57

УЖАСНЫЙ ПАССАЖ, ИЛИ ИСТИНННОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ, КАК ОДИН ГОПОДИН ВАЖНОГО САНА ОБРАТИЛСЯ В ВОДОЛАЗА И ЧТО ОТ ЭТОГО ПРОИЗОШЛО

(ПОДРАЖАНИЕ Ф. ДОСТОЕВСКОМУ)

I

Однажды я с супругой Анной
Почил от дел,
И скоро сон благоуханный
Ко мне слетел.
Вкруг нас легло молчанье гроба
И царство тьмы...
Под одеялом ватным оба
Храпели мы.
Вдруг клоп, столь лакомый до кожи,
В меня впился,
И на своем двуспальном ложе
Я поднялся.
Хотел рукой схватить злодея,
Чтоб не кусал,
Но от волненья холодея,
Я застонал,
И в страшном ужасе, в испуге
Сознал в тот час,
Что я — не муж своей супруги,
А... *водолаз!*..
Собачья шерсть, собачья морда...
Пропал мой рост...
И по ковру шагал я твердо,
Поднявши хвост.
Себе не веря, я у шкапа
Огня ищу,
И вот моя собачья лапа
Зажгла свечу.

И я в трюмо смотрел в два глаза
И изнывал,
Что в нем фигуру водолаза
Я узнавал.

II

Испуган случаем той ночи
(Он был жесток!),
Хотел я крикнуть что есть мочи
И... и не мог.
Застигнут новой неудачей,
Я начал выть
И только громкий лай собачий
Мог испустить.
Жена проснулась в полумраке...
Раскрыла рот...
Но мужа верного в собаке
Не признает.
Напрасно ей хотел сказать я,
Что я — не пес
И что законные объятья
Ей в дар принес,
Но шерсть моя, мой вид звериный
Ее смущал,
И пред дражайшей половиной
Я зарыдал.
Когда ж на грудь хотел я рыло
Склонить к жене,
Она с подсвечником вскочила
Навстречу мне.
И вот на крики глупой бабы
Весь дом бежит,
И если мысль мне не пришла бы,
Отбросив стыд,
От страха, с удалью горячей,
Скакнуть в окно —
В сырой земле б мой труп собачий
Истлел давно.

III

Пять дней без крова и без пищи
Я так блуждал,

Но вновь идти в свое жилище
    Не рисковал.
На пятый день меня поймали
    И — так добры! —
Мне цепь на шею навязали
    У конуры.
Никто не знал, что пес мохнатый —
    Был человек...
Ужель мне жребий дан проклятый
    На целый век?
Ужель продлится долго прихоть
    Твоя, о рок?
О, Достоевский Федор! Ты хоть
    Мне б здесь помог!..
Хоть ты воспой мои несчастья!..
    Прошу с мольбой...
Смотри: раскрыл собачью пасть я
    Перед тобой.
Зато (недаром водолазом
    Я начал выть)
Могу меж псов «Эпоху» разом
    Распространить.
Когда журнал твой знает плохо
    Шальной народ,
То меж собак найдет «Эпоха»
    Большой почет.

1865

58

От германского поэта
Перенять не в силах гений,
Могут наши стихотворцы
Брать размер его творений.

Пусть рифмует через строчку
Современный русский Гейне,
А в воде подобных песен
Можно плавать, как в бассейне.

Я стихом владею плохо,
Но — клянусь здесь перед всеми —

Напишу я тем размером
Каждый вечер по поэме,

Каждый вечер по поэме,
Без усидчивой работы,
Где сплетутся через строку
Вместе с рифмами остроты

Начинающим поэтам
Я могу давать уроки,
Как писать стихотворенья
В незначительные сроки,

Как писать такие песни
(Изучил я ту науку),
Чтоб читатель был доволен
И редактор сжал вам руку.

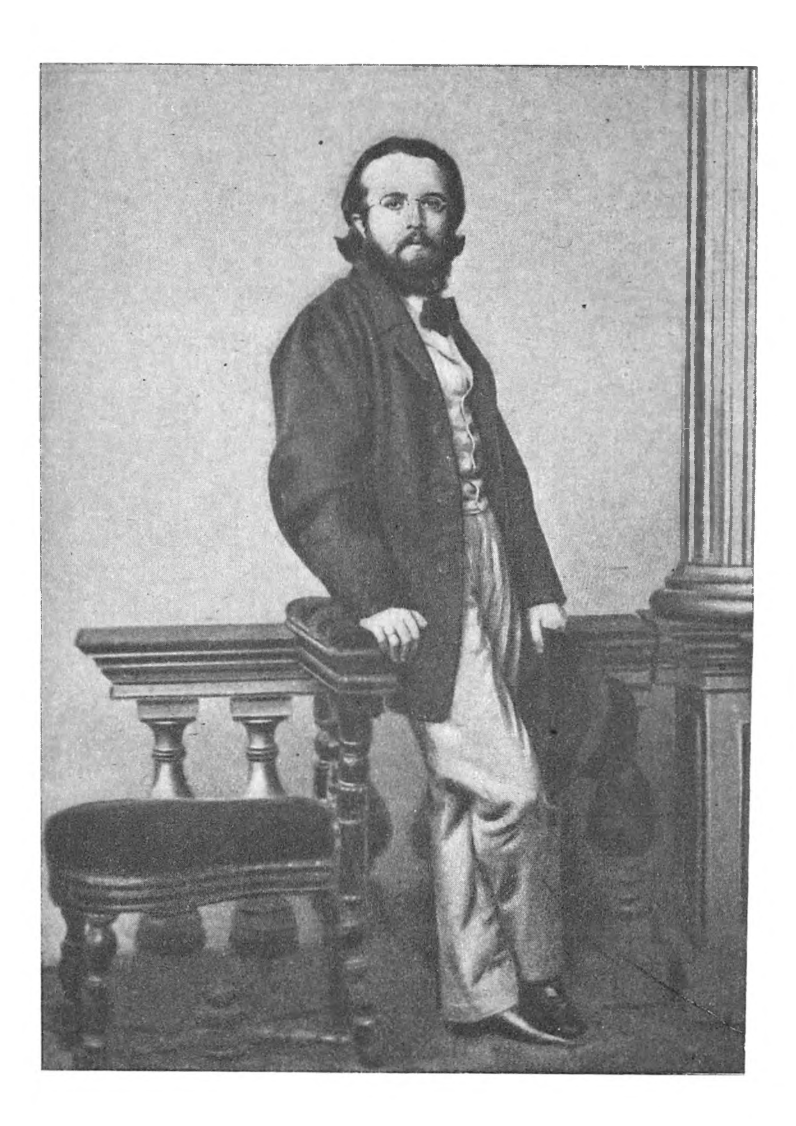
Превосходная манера!..
Учит нас прием готовый
Вместо шляпы Циммермана
Надевать венок лавровый.

Я постиг отлично тайну,
Как писать оригинально:
Стих начну высокопарно,
А окончу — тривиально.

Запою я песню звездам,
Вспомню лилий, незабудок,
А потом замечу *кстати*,
Что расстроил я желудок.

Расскажу я в песне «к деве»,
Как мои объятья жарки, —
И при этом ей напомню
Про горячие припарки.

Фимиам куря природе,
Я воскликну вдруг: о, россы!
Все по улицам столицы
Курят нынче папиросы.

Заведу я речь о неграх,
О Жюль Симоне, Жюль Фавре,
А потом перескачу я
Хоть к своей кухарке Мавре.

Неожиданно сближая
Всевозможные предметы,
Я уверен, — о, читатель! —
Что талант найдешь во мне ты!

А затем, чтоб журналисты
Поднесли мне лист похвальный,
Оскорблять я их не стану
Эпиграммою нахальной.

Мимоходом не надену
Я на них колпак дурацкий,
Чтоб они меня не звали
«Голью нравственной кабацкой».

Целый ряд живых событий
Обходя небрежно мимо,
Буду брать сюжет из мифов
Древней Аттики иль Рима.

И тогда согласным хором
Посреди журнальной свалки
Запоют мне песню славы
Все скворцы, стрижи и галки.

1865

59

ЛИРИК

I

Лет... неизвестных он лет.
    Ясный, как день, напомаженный,
Ходит счастливый поэт,
    Словно амур переряженный;
Смотрит на всех свысока...
Барышни лет сорока
    Шлют ему с краской девической
    Вздохи любви платонической.

II

Кудри отбросив назад,
    В песне искусственно-пламенной
В каждой гостиной он рад
    Бросить свой стих отчеканенный,
Нежа и сердце и слух
Пудрой затертых старух,
    Фатов, без дела скучающих,
    И старичков отцветающих.

III

Льется блестящий каскад,
    Звуки холодные, лживые...
Блеском подобным горят
    Все бриллианты фальшивые.
В зале молчанье царит,
Только поэт говорит,
    Как он однажды в Неаполе
    С нимфой беседовал на́ поле...

IV

Чуждый житейских тревог,
    Бредит он небом Италии,
В песне не скажет — сапог,
    Скажет наверно — сандалии.
В Рим переносит нас он:
Образы римских матрон,
    Лес кипарисный и тополи...
    Все мы неистово топали —

V

В зале, когда он читал
    Стансы свои вдохновенные.
Даже, я сам замечал,
    Лысины очень почтенные,
В сани влезая, с крыльца
Вслух поощряли певца:
    Скрыть не могли одобрения
    После публичного чтения.

VI

Кончен парадный обед...
    Общество всё дожидается...
Вот, наконец, сам поэт
    Из-за стола поднимается,
Сделал классический жест
(Публика больше не ест)
    И с грациозной свободою
    Вдруг разрешается одою.

VII

Жалок отпетый творец...
    В прессе над ним насмехаются,
Но не робеет певец:
    Им и теперь увлекаются —
Барышни лет сорока,
Два-три седых старика...
    И меж своими знакомыми
    Он осаждаем альбомами.

⟨1865⟩

60

В кругу друзей у камелька
    Уселся старичок,
И льются речи старика,
    Как в поле ручеек.
О прошлых днях он вспоминал,
    Скрывая тайный вздох:
«Друзья! людей я умных знал,
    Хоть сам был очень плох.
Карамзина я знал, как вас, —
    Не счесть его услуг,
Хоть Николай Михайлыч раз
    Сказал: «ты глуп, мой друг».
В те дни, скажу без дальних слов,
    Известность я стяжал:
В карикатурах сам Брюллов
    Меня изображал.
Я сам ходил к Ростопчиной,
    Хотя меня потом

Она, — нельзя ж мешать больной! —
И не пускала в дом.
В одном приятельском кругу
С Жуковским говорил:
Меня он принял за слугу
И квасу попросил.
Меня почтил своим стихом
Сам Пушкин, наш певец:
«Люблю тебя, сосед Пахом»...[1]
Я позабыл конец.
Меня обедать Дельвиг ждал
И всех смешил до слез:
Из хлеба шарики катал
И их бросал мне в нос.
Я с Соколовским[2] вместе пил.
Отличный был пиит!
Меня однажды он прибил —
Ну, бог его простит.
Булгарин! С ним я до зари
Играл однажды в вист...
Булгарин, что ни говори,
Был честный публицист.
Сам Грибоедов мне сказал,
Вот так же у огня,
Что он Молчалина списал
С меня, друзья, с меня!
Барон Брамбеус, как родной,
Снимал мне свой картуз,
И хоть смеялся надо мной,
Но этим я горжусь.
Я был и с Гоголем знаком,
Ценю такую роль:
Он как-то в цирке каблуком
Мне отдавил мозоль.
Когда, хилея день от дня,
Я ездил на Кавказ,
Там встретил Лермонтов меня,
Обрызгал грязью раз;

---

[1] Известная эпиграмма Пушкина, которая кончается так:

Люблю тебя, сосед Пахом:
Ты просто глуп — и слава богу!

[2] Покойный автор «Мироздания».

Любил трунить и Полевой,
Застав меня врасплох...
Всё это люди с головой,
И я пред ними — плох.
Панаев был мой ученик,
Хоть говорят враги,
Он осмеял и мой парик
И с скрыпом сапоги.
Теперь иные времена,
Куда ни погляжу —
Везде иные имена
В журналах нахожу,
Но я уж стар, почти без ног,
Знакомых новых нет —
И даже я достать не мог
Хоть Лейкина портрет.

1865

61

МОТИВЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

I

Мотив мрачно-обличительный

Мир — это шайка мародеров,
Где что ни шаг, то лжец иль тать:
Мне одному такой дан норов,
Чтоб эту сволочь усмирять.

Не буду петь я: mia cara! [1]
«Ночной зефир струит эфир»,
Но как гроза, как божья кара,
Заставлю дрогнуть целый мир.

Во все трактиры, рестораны,
Как зоркий страж, начну ходить,
Для вас, общественные раны,
Я буду пластырем служить.

Во всех приказных, бравших взятки
(Подогревая в сердце злость),

---

[1] Моя дорогая! — *Ред.*

Во всех, кто грубы, грязны, гадки,
Мой стих вопьется, словно гвоздь.

Рысак ли бешеный промчится,
Спадет ли с здания кирпич,
Хожалый вздумает напиться —
Я буду всех разить, как бич,
И стану сам себе дивиться.

Людей сдержу я, как уздой,
И буду в жизненном потоке
Для них живой сковородой,
Где станут жариться пороки.

II

Мотив слезно-гражданский

Мне жаль тебя, несчастный брат!..
Тяжел твой крест — всей жизни ноша.
Не предложу тебе я гроша,
Но плакать, плакать буду рад.

Пусть возбуждают жалость в мире
Твои лохмотья, чахлый вид —
Тебе угла не дам в квартире,
Но плакать буду хоть навзрыд.

Ходи босой в мороз и слякоть,
Я корки хлеба не подам,
Но о тебе в альбомах дам
Я стану плакать, плакать, плакать!..

III

Мотив ясно-лирический

Тихий вечер навевает
Грезы наяву,
Соловей не умолкает...
Вот я чем живу.
Месяц льет потоки света...
Сел я на траву, —
Огоньки сверкают где-то...
Вот я чем живу,

В летний день, в затишьи сада,
Милую зову,
Поджидаю в поле стадо...
Вот я чем живу.
Лаской девы ненаглядной,
Rendez-vous [1] во рву,
Видом бабочки нарядной —
Вот я чем живу.
Я срываю шишки с ели,
Незабудки рву
И пою, пою без цели...
Вот я чем живу.

‹1865›

IV

Юбилейный мотив

(Кому угодно)

Когда сном крепким спал народ,
И спячка длилась год за годом...
(Тут нужно древний эпизод
Сравнить с новейшим эпизодом.)

Когда на всех, в ком сила есть,
Смотрела Русь в немом испуге...
(Поэт обязан перечесть
Здесь юбилятора заслуги.)

Тогда *(обеденный певец*
Встает в порыве вдохновенья)
Ты появился наконец!
(Сбегают слезы умиленья.)

Как луч из мрачных облаков,
Ты вдруг сверкнул, нам дал отвагу!..
(Чтоб не забыть своих стихов,
Поэт косится на бумагу.)

И вот теперь весь этот зал
Тебя помянет в общем тосте!..
(Певец хватает свой бокал,
А лоб певца целуют гости.)

1865

---

[1] Свиданием. — *Ред.*

V

Мотив бешено-московский

Русь героями богата,
Словно вылита она
Из гранита и булата,
И прихода супостата
Не боится вся страна,
Не обдаст врагов картечью,
Не покажет им штыка,
Но отбросит перед сечью
Молодецкой, русской речью,
Просолив ее слегка,
Этой речью сочной, рьяной,
Крепкой, цепкой так и сяк,
Забубенной, грозной, пряной,
Удальством славянским пьяной,
Едкой, меткой, как кулак.
Кто ж противиться нам может?
Славянин перед врагом
Руку за ухо заложит,
Гаркнет, свистнет и положит
Супостатов всех кругом.

⟨1870⟩

62

НА УЛИЦЕ

(ЧЕТЫРЕ МГНОВЕНИЯ)

I

Утро. Весь город от сна просыпается...
Люди рабочие всюду бегут.
Гул и движение... Кто-то ругается
И... непременно кого-нибудь бьют.

II

Полдень. Столица как будто наряднее,
Взад и вперед экипажи снуют...
Треск: на передних наехали задние
И... непременно кого-нибудь бьют.

III

Вечер. По улицам газ зажигается,
Речи свободней слетают, и кнут
Как-то живее в руке поднимается
И... непременно кого-нибудь бьют.

IV

Ночь. Люди спят уже. Время приспело им
Кончить поденный свой труд,
Если же шаг мы по улице сделаем —
Там непременно кого-нибудь бьют.

⟨1865⟩

63

КТО ОН?

I

Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ...
Говорит немного,
Больше *да* и *нет*,
Сядет молча, строго,
С кипою газет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

II

Все его встречали,
Но не знал никто,
В театральной зале,
В клубе у лото.
Для него дорога
Не закрыта в свет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

III

В дверь у Доминика
Входит, «Весть» берет...
«Вот он! посмотри-ка!..» —

Кто-нибудь шепнет.
Общая тревога...
Опустел буфет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

IV

Утром в день приемный
Журналисту он
С рукописью скромной
Отдавал поклон,
Корчил демагога,
Порицал бюджет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

V

В зале Бенардаки
Чтение... народ...
Он уж в черном фраке
Пробрался вперед
Слушать прелесть слога
И живой куплет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

VI

Ночью в час урочный
Начался шпиц-бал, —
Как депеша точный,
Он уж там — и взял
В кассе у порога
Даровой билет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

VII

Тучи вкруг нависли..
В слякоть через мост
Труженика мысли

Тащат на погост...
Поотстав немного,
Он бредет вослед...
Кто ж он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

⟨*1865*⟩

64

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКИ

Стой, ямщик! жара несносная:
Дальше ехать не могу!
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

Н. Некрасов.

«Стой ямщик! лошадки в мыле все...
Жарко ехать поутру.
Ну-ка, братец, разом вынеси
К постоялому двору».

У двора у постоялого
Барин встретил паренька:
Он в рубашке цвета алого,
Лента вместо кушака.

Кудри скобкой выше глаз его.
С головы до самых ног
С «Огородником» Некрасова
Потягаться бы он мог.

Под панамской круглой шляпою
Барин смотрит свысока:
«Дай-ка я теперь состряпаю
Пестрый спич для мужика...»

Дело, знаете, знакомое...
Как по маслу речь пошла:
«Посвятил три ровно тома я
Честным прасолам села.

За обозами скрипучими
Вместе с ветром я стонал,

Над крестьянскими онучами
Слез немало проливал».

И затем с одушевлением
Продолжал он разговор,
Как родился с мощным гением
Мужичок из Холмогор, —

Что он сам с свободной лирою
Вызывал судьбу на бой
За голодную и сирую
Жизнь под русскою избой,

Что вся Русь им отуманена,
Что карал он откупа,
Что за русского крестьянина
Обличил он Петипа,

Что ему, знать, роком выдана
Власть карать по мере сил.
Но витию неожиданно
Мужичок остановил:

«Полно, барин! Сядь на лесенку, —
Не останусь я в долгу:
Ты однажды спел мне песенку —
Нынче спеть и я могу.

Пел ты с силой потрясающей
Мне у этого крыльца:
«Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупца».

Эка песня устарелая!
Ты не тот, как погляжу,
И тебе в отплату смело я
Песню новую сложу:

Будь умнее... Бич бездарности,
Тупоумья с крепким лбом,
Добивайся популярности
Ты другим теперь путем;

Братством, Истиной, Свободою
Спекулировать забудь,
Лишь обеденною одою
Надрывай больную грудь.

Пусть мальчишки все строптивые
И засвищут на Руси —
На пирах куплеты льстивые
В честь вельмож произноси.

Чти богатства власть великую
И в сатирах уничтожь
Необузданную, дикую
И шальную молодежь.

И тогда-то...»
Тут у барина,
Не прошло пяти минут,
Показалася испарина:
«Кто ты? Как тебя зовут?»

Барин стал желтей соломушки,
Пот сбегает по усам...
«Ну-ка, вспомни песнь Еремушке...
Тот Еремушка — я сам.

Вспомнил? что ж, кваску отличного
Принести тебе, аль нет?»
Но уж барина столичного
Там простыл и самый след.

1866

65

ЛУННАЯ НОЧЬ

I

Полночный мрак!.. Лишь лунным светом
В моей тюрьме озарена
С ночного неба, теплым летом,
Решетка узкого окна.
О, сколько раз, с ночного крова,

В иные дни, с закатом дня,
Вот так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

II

Я был дитя. Вскочив с кроватки,
Прижавшись к няне в поздний час,
Я слушал, словно в лихорадке,
О змей-горыныче рассказ.
Всё в страшной сказке было ново,
А в детской тёмно, нет огня...
И так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

III

Я помню ночь. Все в доме спали,
Лишь мы в аллее, милый друг,
Как дети, в трепете дрожали
За каждый шелест, каждый звук...
Руки пожатье... полуслово...
И, мягким светом осеня,
Вот так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

IV

Осенний вечер. Тускло зала
Освещена, а впереди,
В гробу, в цветах она лежала,
Сложивши руки на груди.
В углу от горя рокового
Рыдал я, жизнь свою кляня,
И так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

V

Метель, сугробы... С диким воем
Кругом меня стонала степь.
Я шел закованный, с конвоем,
В ногах звучала мерно цепь.

Повсюду снег блестел, и снова,
Как будто путника виня,
Сквозь иней с неба голубого
Луна смотрела на меня.

VI

Свидетель жизни неудачной,
Мне ненавистна ты, луна! ..
Так не смотри в мой угол мрачный
Сквозь раму тусклого окна
И не буди того нескромно,
Что улеглось во мне давно...
Пусть лучше в небе будет тёмно,
Как на душе моей темно.

⟨1866⟩

66

ДОБРЫЙ ПЕС

БАСНЯ)

К тяжелой конуре привязан,
Рвался, метался пес:
«За что, за что я так наказан?»
Его хозяин тронут был до слез
И наконец, смягчившись как-то, раз он
От цепи пса освободил.
Ну что же пес? На шаг не отходил
От конуры и на цепь вновь просился,
Как будто с ней спокойствия лишился.

Так ты, газета «Голос»... но едва ль
Здесь нужно пояснять мою мораль.

1865 – 1867

67

ДВОЕ

Я слушал беседу двух старцев в гостиной,
Мой бас превратился в дискант:
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

Внимая речам их, забился я в угол
И дергал на галстуке бант...
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

Профессор мой мудрый! Припомнил тебя я,
Но ты перед ними педант...
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

Они порицали наш век развращенный,
«Что делать?», Прудона, Жорж-Занд...
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

И думал я, слушая старцев беседу:
Что, люди, ваш ум и талант?
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

1866

68

МУЗА

Муза, прочь от меня!
Я с тобой разрываю все узы...
Право честного слова ценя,
В мир хочу я явиться без музы.
Прочь, развратница! Твой Геликон
Шарлатанам стал местом базара,
Лучезарный твой бог Аполлон
Нарядился в ливрею швейцара;
Опозоренный, дряхлый старик
Мелкой лестью сменил вдохновенье
И в прихожих, в грязи униженья,
От речей неподкупных отвык.
Муза, прочь!.. не нужна
Мне опора твоя ненавистная.
Ты порой, как весталка, скромна,
То нагла, как блудница корыстная.
Перед юным и честным певцом
Ты свой умысел гнусный скрывала,

Я слушалъ беседу двухъ старцевъ въ гостиной,
Мой басъ превратился въ дискантъ
Одинъ былъ — Действительный Статскій Советникъ,
Другой — Генералъ-Лейтенантъ

Внимая речамъ ихъ, забился я въ уголъ
И думалъ на гамуре бантъ..
Одинъ былъ — Действительный Статскій Советникъ,
Другой — Генералъ-Лейтенантъ.

Профессоръ мой лучшій! Припомнилъ тебя я,
Но ты передъ ними — педантъ
Одинъ былъ Действительный Статскій Советникъ,
Другой — Генералъ Лейтенантъ.

Они порицали нашъ векъ развращенный,
„Что делать?", Прудона, Жоржъ-Зандъ..
Одинъ былъ Действительный Статскій Советникъ,
Другой — Генералъ Лейтенантъ

И думалъ я, слушая старцевъ беседу,
Что люди, былые умы и таланты?
Одинъ былъ Действительный Статскій Советникъ,
Другой — Генералъ Лейтенантъ

Дмитрій Минаевъ

1866 г. 16 Апреля

Подходила с невинным лицом,
Как невеста пред брачным венцом,
Целомудренно взор опускала.
Ты водила поэта в поля,
В наши грустные, русские степи;
Ты рыдала, кляня
Крепостничества ржавые цепи,
Ты на вопли народные воплем своим отвечала,
И могучая песня стонала,
Как стонала родная земля.
Время шло... На мотивы гражданские мода
Обратилась в плохое фиглярство;
Спали цепи с народа
На глазах изумленного барства;
На вчерашние темы напев
Что ни шаг представлял неудобства,
И свободная муза свой гнев
Променяла на лиру холопства.
А ты, поэт, спокойней путь избрав,
Не постыдился жалкого юродства:
За чечевичную похлебку, как Исав,
Ты продал на обедах первородство.
Нет, муза, — прочь!..

1866—1867

69

ДОБРЫЙ СОВЕТ

(ПАМЯТИ И. И. ДМИТРИЕВА)

I

«Кружась в житейской суете
Мирских тревог, забот,
Друзья мои, вы уж не те —
И я не тот.

И то сказать: пятнадцать лет —
Ведь не короткий срок.
Пожалуй, стал и дряхл и сед
Весь наш кружок.

Бывало, помнишь, спор и смех,
Стаканов мерный звук...
Ты расскажи мне обо всех...»
— «Изволь, мой друг!»

II

«Где наш оратор? В тридцать лет,
В душе своей — дитя,
Он верить в жизнь, в грядущий свет
Мог не шутя.

Всю ночь он часто напролет
Нас слушать заставлял
И скорый солнечный восход
Нам предвещал;

Одушевлять умел легко
Приятельский наш круг...
Пошел он, верно, далеко?»
— «Он умер, друг!»

III

«А наш поэт, герой пиров?
Он в прошлые года
Был вечно весел и здоров
И пьян — всегда.

Ром и стихи, стихи и ром —
Вот весь его удел;
Последний рубль пускал ребром
И — пир кипел.

Искусству посвящал добряк
Всю трезвость, весь досуг...
Ну, что теперь — живет он как?»
— «Он умер, друг!»

IV

«Наш желчный доктор — сибарит...
О нем скажи мне... Ну,
Все бредит Фогтом да бранит
Свою жену?

Иной, бывало, из проказ
В честь женщин спич начнет,
А он казнить пойдет тотчас
Весь женский род,

Хоть всем словам наперекор
Был любящий супруг...
Что сталось с ним? Уж с давних пор...»
— «Он умер, друг!»

V

«А тот румяный весельчак...
Ведь он не умер, нет?
Неистощимый наш остряк,
Душа бесед?

Взбесить педанта иль глупца
Лихой он мастер был;
Отца для красного словца
Он не щадил...

Бросает тысячи острот
И мимоходом, вдруг,
Бывало, фата оборвет...»
— «Он умер, друг!

VI

И всех оставшихся в живых
Считай за мертвецов.
Не различишь ты нынче их
В толпе льстецов,

Низкопоклонников, вралей,
Фразеров... В свой черед
Я сам — меня ты пожалей —
Я сам — не тот...

Чтоб кончить во-время свой век,
Чтоб не сказал твой внук:
Он был нечестный человек —
Умри, мой друг!»

1867

70

ШУТ

Его удел — смешить нас всех.
    Блажен такой удел!..
Ведь в наши дни мы ценим смех —
Лишь только б он не ставил в грех
Нам наших собственных прорех
    И наших темных дел.
Он шутит мило и легко...
    Угрюмейший педант,
Ценя в нем юмор высоко,
С ним разопьет стакан клико,
О нем шепнув вам на ушко:
    «Талант, большой талант!»

Едва он в комнату вошел,
    Едва раскроет рот —
Веселья общего посол —
Все гости покидают стол;
Смеется весь «прекрасный пол»,
    Смеется весь народ:
Смеется жирная вдова,
    Смеется тощий франт;
Не смотрит барышня на льва
И может смех скрывать едва,
И все твердят одни слова:
    «Талант, большой талант!»

Пусть у других в насмешке — яд,
    Но он одним смешит:
Как две старухи говорят,
Как раз напился пьян солдат,
Купцы на ярмарке кутят,
    А в этом нет обид.
Без соли весел и остер,
    Мишенью для потех
Он изберет мужицкий спор,
Ничем нас не введет в задор —
И слышишь общий приговор:
    «Вот настоящий смех!»

Зевают в клубе от статей
    Угрюмого чтеца,
Глаза смыкает нам Морфей,
Но вышел клубный корифей —
И у старух и невских фей
    Забились вдруг сердца...
Все чутко слушают рассказ,
    Хотя столичный шут
Его читал уже сто раз...
Дрожит вся зала в этот час,
От смеха тухнет в люстре газ,
    Перчатки дамы рвут...

Кутит богатый самодур —
    И шут, в главе льстецов,
Всех забавляет чересчур —
И за дешевый каламбур
Он награжден визжаньем дур
    И хохотом глупцов.
Без остановки круглый год
    Кривляться он готов,
Смеша лакеев и господ
Дождем копеечных острот,
Не замечая в свой черед,
    Что шут он из шутов.

Теперь шутам везде привет
    За их бесценный дар
Шутить, хоть в шутках смысла нет...
— Молчи ж, озлобленный поэт!
Займет твой пост на много лет
    Общественный фигляр...
Твои насмешки нас язвят
    Сильнее клеветы...
Нам нужен смех на старый лад,
На жизнь веселый, светлый взгляд,
Нам нужен гаера наряд...
    Да здравствуют шуты!..

⟨*1867*⟩

71
ГРАЖДАНИН НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА

I

На Невском проспекте в четыре часа
Пышней и нарядней столицы краса;

Счесть всех экипажей блестящих нельзя,
И зимнее солнце, по окнам скользя,

Дробится лучами в зеркальном стекле.
Огромные шлейфы влача на земле

И шляпкой прикрывши затылок едва
(Подобная мода у нас не нова),

Мелькают обычные группы из львиц,
Румяных старушек и чахлых девиц —

И вьются вблизи их — то вычурный франт,
То сбруей гремящий лихой адъютант,

То модный художник с кудрями до плеч,
Но, чу! раздается знакомая речь...

В обеденный час целый Невский проспект
Судьбой осужден на привычный эффект —

Смотреть, как гуляет чиновный приап,
Разгулов вакхических ментор и раб,

Которому память такая дана,
Что знает камелий он всех имена,

Их адрес последний и номер квартир,
И, если заглянем в их замкнутый мир,

У каждой под рамкой знакомый портрет
На стенке красуется, как амулет...

Смотрите, бежит он! Смеясь, на бегу
Жмет женские ручки на каждом шагу;

С одной перекинется парою слов,
С другою к Борелю поехать готов,

Забыв свое дело, служебную цель
И с срочной работой изящный портфель.

Юнейший из старцев! .. Безделью ты рад, —
Пропустишь ли ты хоть один маскарад?

Забудешь ли новый скандальный балет,
Где с каждой статисткой знаком много лет?

Кто лучше научит богатых повес
Скоромным куплетам французских пиес?

Кто лучше устроит секретный пикник,
Где жрицы веселья, разгульный старик,

Откинув назад соблазнительный стан,
Тебя увлекают в безумный канкан,

И песни сменяются криком — ура! ..
И оргия длится всю ночь до утра...

II

А утром... А утром в приемной твоей,
Под скромной вуалью, у самых дверей

Видали просительниц... Гнет нищеты
Не с каждой стирает следы красоты,

Не каждую женщину бедность хранит
От пошлых намеков и горьких обид.

Красавицы прелесть, как ловкий знаток,
Под бедной одеждой заметить ты мог

И, слушая голос, дрожащий от слез,
Вопрос предлагал ты... невинный вопрос:

«Хотите любить меня, милочка?» Что ж,
Ну чем же подобный вопрос нехорош?

И чем он обиден? С чего же она
Вдруг вся задрожала и вышла бледна,

Как будто бы грубо была принята? ..
Решительно портит людей нищета!

О, юный из старцев! Не трать своих слов
Для бедных чиновниц и плачущих вдов.

Зачем переходят они твой порог?
Оставь ты в покое таких недотрог

И крови напрасно своей не тревожь:
Их ласки — печальны, их гнев — нехорош;

Они огрубели от вечных забот,
И с честною женщиной много хлопот.

Ласкай ты цыганок, танцовщиц, актрис...
За шляпу, за шляпу скорее берись —

Тебя ожидают побед чудеса
На Невском проспекте в четыре часа.

⟨1867⟩

72

ПРАЗДНИЧНАЯ ДУМА

Христос воскрес! Я помню времена:
Мы этот день с волненьем невозвратным
Встречали кружкой доброго вина
И честным поцелуем троекратным.
Пылал румянец юношеских лиц,
В речах срывались искренность и сила,
И общее лобзанье свято было,
Как чистый поцелуй отроковиц.
Но шли года. Редел кружок наш тесный,
Жар юности в друзьях моих исчез,
И не с кем встретить праздник наш воскресный
И некому сказать: Христос воскрес!..

Христос воскрес! Напрасно ждать ответа...
Одних уж нет, другие далеко,
Среди снегов, где северное лето
Так сумрачно, так грустно-коротко.
К другим же, изменившим нам, собратьям
Я только сожаленье сохраню
И грязным их циническим пожатьем
Своей руки теперь не оскверню.
Их воздух — заразительней больницы...
Скорей пойду я в степь иль в темный лес,
Где песнями ответят только птицы
На громкий мой привет: Христос воскрес!..

За всех, убитых пошлостью житейской,
Ничтожных честолюбцев, медных лбов,
За всех льстецов в сиятельной лакейской,
Забивших в грязь с усердием рабов
Их благородной молодости грезы
И честную, как молодость, любовь —
Не раз во мне вскипала гневно кровь,
А на глазах навертывались слезы.
Круг бескорыстных, пламенных повес
Погиб в среде ничтожной и развратной,
И не с кем встретить праздник благодатный
И некому сказать: Христос воскрес!..

Как после битвы, в сказке древней, витязь
Меж трупами живых бойцов искал,
Я звал своих: «кто жив еще? проснитесь!»
Но мне никто на зов не отвечал.
Лишь от бойцов, любимых мной когда-то,
В мой уголок неслось издалека
Шипящее проклятье ренегата
Иль купленный донос клеветника...
Никто связей с прошедшим уж не ценит,
И недоверчиво смотрю теперь вокруг:
Цинически предаст вчерашний друг,
И женщина любимая изменит.
Куда зовут наука и прогресс,
Никто нейдет... Напрасно ожиданье!..
И некому сказать: Христос воскрес!
И нет людей... Вкруг — мертвое молчанье.

Но, стойте... Чу! мы слышим детский крик:
Ведь это наши собственные дети;
Их лепет и ребяческий язык
Вещуют возрождение на свете.
Они растут близ вырытых могил,
Они детьми уж лучше нас по виду...
Признаем же всю немощь наших сил
И по себе отслужим панихиду...
А ты, под сводом северных небес
Растущее, иное поколенье —
Прими в священный праздник воскресенья
Мой праздничный привет: «Христос воскрес!»

1868

73

НАСУЩНЫЙ ВОПРОС

Гражданин

Молчи, толпа!.. Твой детский ропот
Тревожит мирный сон граждан.
Ужели был напрасно дан
Тебе на свете долгий опыт?..
Тебя, капризную толпу,
Ведем мы к истине, к науке
И, яркий светоч взявши в руки,
Твою житейскую тропу
Мы озаряем блеском знанья.
Среди блестящего собранья
Мы проливаем много слез,
Слагая речь за бедных братий,
За всех, кто много перенес
Обид, гонений и проклятий.
Твои невзгоды и тоску
Мы чтим в созданиях поэта
И среди земского совета
Даем мы место мужичку;
Всему, что сиро и убого,
Мы сострадали столько раз,
И Ломоносова дорога
Открыта каждому из вас.
Чего ж вам надо? Не робея,
Вкушайте знанья сладкий сок:
Сплетем лавровый мы венок
Для гениального плебея
И — будь он селянин простой —
Пред ним преклонимся мы дружно.
Чего же вам, безумцы, нужно?
Того ль, чтоб дождик золотой,
Как манна, падал прямо с неба,
Балуя праздностью народ?
Чего же вам недостает?
Чего ж хотите?..

Толпа

Хлеба! Хлеба!..

⟨1868⟩

74

На борзом коне воевода скакал
Домой с своим верным слугою;
Он три года ровно детей не видал,
Расстался с женой дорогою.

И в синюю даль он упорно глядит,
Глядит и вздыхает глубоко...
«Далеко ль еще?» — он слуге говорит.
Слуга отвечает: «Далеко!»

Уж стар воевода; скакать на коне,
Как прежде, он долго не может,
Но хочет узнать поскорей о жене,
Его нетерпение гложет.

Слуге говорит он: «Скачи ты вперед,
Узнай ты, всё ль дома здорово,
С коня не слезая, у самых ворот,
И мчись ко мне с весточкой снова».

И скачет безу́стали верный слуга...
Скорее ему доскакать бы...
Вот видит знакомой реки берега
И сад воеводской усадьбы.

Узнал обо всем он у барских ворот
И вот, как опущенный в воду,
Печальные вести назад он везет
И жалко ему воеводу.

«Ну, что?» — Воевода скрывает свой вздох
И ждет. — «Все в усадьбе исправно, —
Слуга отвечает: — лишь только издох
Любимый ваш сокол недавно».

— «Ах, бедный мой сокол! Он дорог был мне...
Какой же с ним грех приключился?»
— «Сидел он на вашем издохшем коне,
Съел падаль и с жизнью простился».

— «Как, конь мой буланый? Неужели пал,
Но как же погиб он, мой боже!»
— «Когда под Николу ваш дом запылал,
Сгорел вместе с домом он тоже».

— «Что слышу? Скажи мне, мой терем спален,
Мой терем, где рос я, женился?
Но как то случилось?» — «Да в день похорон
В усадьбе пожар приключился»...

— «О, если тебе жизнь моя дорога,
Скажи мне как брату, как другу:
Кого ж хоронили?» — И молвил слуга:
«Покойную вашу супругу».

⟨1868⟩

75

ХРАБРЫЙ РАТНИК

На селю вернулся ратник,
Где он долго не бывал,
И расспрашивали парни:
«Где ты жил? с кем воевал?»
— «На татар ходил походом», —
Хвастал ратник... — «На татар? —
Парни вкруг заголосили: —
А скажи-ка нам, Макар,
Коль не трус ты, то, вестимо,
Одного хотя врага
На войне за Русь святую
Да убил ты, брат...» — «Ага!..
Точно, братцы, было дело, —
Отвечает им храбрец: —
Сам дивлюсь я, как от смерти
Уберег меня творец...
Раз иду я, братцы, лесом,
Глядь — лежит передо мной
Здоровеннейший татарин,
Растянувшись под сосной.
Я к нему подкрался с саблей
И — хоть в гроб сейчас, не лгу —
Отрубил ему я руку,
А татарин — ни гу-гу,
Все лежит. Что, мол, за диво?
Видно, крепкий человек!
И ему другую руку
В ту ж минуту я отсек,
А татарин — хоть бы дрогнул,

И ногой не шевелил. . .»
— «Да ему, — кричали парни, —
Ты бы голову срубил. . .»
— «Бестолковые ребята!
Знать, большие дурни вы:
Как я мог с ним это сделать,
Коль он был. . . без головы».

⟨1868⟩

76

РЕНЕГАТ

По недовольной, кислой мине,
По безобидной воркотне,
По отвращенью к новизне
Мы узнаем тебя доныне,
Крикун сороковых годов! . .
Когда-то, с смелостью нежданной,
Среди российских городов, —
Теоретически-гуманный,
Ты развивал перед толпой,
Из первой книжки иностранной,
Либерализм еще туманный,
Радикализм еще слепой.

Каратель крепостного ига,
Ты рабство презирал тогда,
Желал свободного труда;
Ты говорил красно, как книга,
О пользе гласного суда.
Предвестник лучшего удела,
Такую речь бросал ты в свет:
«И слово самое есть дело,
Когда у всех нас дела нет! . .»
Глашатай будущей свободы,
Ты в дни печали и невзгод
Сидел у моря — ждал погоды
И нам указывал вперед.

Но вот пришло иное время,
Свободней стала наша речь,
И рабства тягостное бремя
Свалилось с крепких русских плеч.

Открытый суд с толпой «присяжных»
К нам перешел из чуждых стран;
Но сонм ораторов отважных
Вдруг отошел на задний план.
Защитник слабых, подневольных,
Переменив свой взгляд, свой вид,
Теперь, в разряде «недовольных»,
Порядки новые бранит.

Как промотавшийся повеса,
Смолк либеральный лицемер
В толпе друзей полу-прогресса,
Полу-свободы, полумер...
Движеньем новым сбитый с толку,
Везде чужой, где нужен труд,
Корит он прессу втихомолку
И порицает гласный суд;
Из-за угла и не без страха
Бросает камни в молодежь,
И оперетки Оффенбаха
В нем возбуждают злости дрожь.
Зато порой, по крайней мере,
Отводит душу он: готов
Отхлопать руки все в партере,
Когда дают «Говорунов».

О, ренегаты! Вам укоров
Мы не пошлем... Казнить к чему ж
Давно расстриженных фразеров,
Сороковых годов кликуш!..
Их гнев и старческая злоба
Уже бессильны в наши дни, —
Так пусть у собственного гроба
Теперь беснуются они!

1868

77

ИНТИМНАЯ БЕСЕДА

— «Ваш начальник нрава, говорят, крутого?»
— «Тише, тише, тише! Что вы!.. Что за слухи!..
В мире человека не найти такого:

Добр и справедлив он, честное вам слово,
Он не только ближних, не обидит мухи».
— «Он в отставку подал...»
— «Да? Что ж вы молчите!
Лучше всех подарков весть такого сорта...
Коли правду точно вы узнать хотите —
Это человек был даже хуже чорта,
И в его прошедшем есть такие пятна...»
— «Он свою отставку взял на днях обратно...»
— «Взял назад?.. А я-то... Впрочем, что ж такое:
Только ради шутки несколько легко я
Говорил о графе... Вот вам бог свидетель:
Наш начальник — общий друг и благодетель;
Мы души не чаем в нашем генерале!..»
— «Да вчера он умер. Разве вы не знали?»
— «Умер. Полно, так ли?.. Вы не лжете если,
Я готов издохнуть, сидя здесь на кресле,
Коль совру пред вами, да и врать к чему же? —
В мире человека не бывало хуже:
Зол, сварлив, развратен и, — того не скрою, —
Жил он перед смертью с собственной сестрою, —
Но должна казаться для судебной власти
Смерть его, однако, истинной потерей:
Мне сказал недавно пристав нашей части,
Что замешан даже он в подделке серий».

⟨1869⟩

78

ФИСКАЛ

Sic transit gloria mundi.[1]

С расстройством в голове
Давно, — лет десять будет, —
Доносит, рядит, судит
Фискал один в Москве.
Он мечется в припадке
Безумства, — но ни в ком,
Однако, нет догадки,
Что он в бреду таком
Шалеет с каждым разом...

---

[1] Так проходит земная слава. — *Ред.*

В рассудке кутерьма. . .
Перо мокая в разум,
Фискал сошел с ума.

Фискалом con amore [1]
Начав карьеру, стал
Работать как фискал
Из выгоды он вскоре
И, тронувшись умом,
Он так вошел в фискальство,
Что даже и начальство
Решило: «В желтый дом
Он годен по проказам;
Бог весть, творить что стал! ..»
Перо мокая в разум,
С ума сошел фискал.

Забившись где-то в угол,
Он видит на Руси
(Господь его спаси!)
Каких-то красных пугал.
Он чует всюду там
Маратов, Робеспьеров...
(Не первый из примеров:
«Чай, пил не по летам!»)
Фискал кричит с экстазом:
«Позор для них, тюрьма! ..»
Перо мокая в разум,
Фискал сошел с ума.

Когда подчас на бале
Явившийся фискал
Увидит, что тот бал
Мазуркой заключали,
Он крикнет, став на стул
(Дрожи, танцоров лига!):
«Здесь польская интрига! ..
Измена! Караул! ..»
Мигни-ка кто тут глазом,
Он стражу бы позвал...
Перо мокая в разум,
С ума сошел фискал.

---

[1] Из любви к делу. — *Ред.*

Скажи-ка кто печатно,
Что «давит мух паук»,
Он разразится вдруг
Доносом, вероятно.
«Смысл этой фразы взвесь! —
Взревет фискал беспутный: —
Над властью абсолютной
Насмешка скрыта здесь!»
К невинным самым фразам
Пристанет, как чума...
Перо мокая в разум,
Фискал сошел с ума.

Для всех великоруссов
Отличный в нем урок:
Московский наш Видок,
Сводя с ума всех трусов,
Рехнулся сам теперь;
В своем недуге злейшем,
Рыча, как лютый зверь,
Он равен стал с Корейшем.
Нам жаль его весьма,
Хоть он и был пролазом...
Перо мокая в разум,
Фискал сошел с ума.

⟨1870⟩

79

ДИКИЕ СНЫ

Я уснул, и в каком-то безумном бреду
Мне приснился волшебный, невиданный свет:
Будто в дивном саду
По цветам я иду,
И бессмертные птицы поют мне привет,
И кивают цветы мне головками вслед.
Вот селенья людей: лица — кровь с молоком,
Я не встретил убогой избы ни одной,
С нищетой селянин лишь по сказкам знаком...
Что за дикие сны снятся людям весной!..

Из-за рощ поднимались, росли города:
Пышной роскоши в них не найти и следов,

Но порок и нужда
Не свивали гнезда,
Под тяжелым ярмом непосильных трудов,
В самых дальних и темных углах городов.
О свободе гражданской, о братской любви
Споров нет там, как здесь, на планете земной,
Но свобода и братство у всех есть в крови...
Что за дикие сны могут сниться весной!..

Не мрачит чистых душ преступления тьма,
И железные цепи для ног и для рук,
Эшафот и тюрьма
Для людского ума
Там еще — непонятный, неслыханный звук.
Речи, странные мне, раздаются вокруг:
Как про зверский разбой, о войне говорят,
И нигде, проносясь над счастливой страной,
Я нигде не видал ни штыков, ни солдат...
Что за дикие сны могут сниться весной!..

Это вечное счастье в волшебной стране,
Вечный блеск незакатного дня
В заколдованном сне
Были тягостны мне,
И в бреду бесконечно смущали меня.
Грешный мир наш земной, мир печали и слез,
Так сжился, так сроднился со мной,
Что шептал я невольно, очнувшись от грез:
Что за дикие сны прилетают весной!..

⟨1870⟩

80

В стихах и в прозе, меньший брат,
Мы о судьбе твоей кричали;
О, в честь тебе каких тирад
Мы в кабинетах не слагали!
А там, среди убогих хат,
За лямкой, в темном сеновале,
Всё те же жалобы звучат
И песни, полные печали.
Всё та же бедность мужиков;

Всё так же в лютые морозы,
В глухую ночь, под вой волков
Полями тянутся обозы...
Терпенье то же, те же слезы...
Хлеб не растет от нашей прозы,
Не дешевеет от стихов.

⟨1870⟩

81

НА ПЕРЕПУТЬИ

Жизнь, обновись! — О, желанье нескромное!
Давит тебя только скука смертельная...
Умное слово подметишь — заемное,
Ласке поддашься — так, верно, поддельная.

Книгу раскроешь — одни повторения,
Скучны зады для ума ненасытного;
Даже в разврате, в любом преступлении
Нет у людей ничего самобытного.

Самый разгул измельчал до ничтожества,
Юности нет в нем и нет вдохновения;
Только копошится многое множество
Мелких страстишек... Во всем расслабление,

Всё опустилось от вечного роздыха,
Словно застыла кровь наша ленивая...
Воздуха хочется, свежего воздуха!..
Только напрасно желанье тоскливое.

Воздух недвижен, как будто над кладбищем
В летние дни, утомительно знойные;
Замкнутый мир наш становится пастбищем,
Где мы пасемся, сонливо-покойные.

На перепутьи мы, что ли? Осталось нам
Это одно утешенье печальное,
И над тобой, наша лень колоссальная,
Люди смеются с злорадством безжалостным.

Не научила история прошлая
Нас ничему, разве только терпению;
Тянется жизнь, как комедия пошлая
Пошлого автора, но к представлению

Все равнодушно и тупо относятся:
Вижу повсюду довольные лица я,
Только порой из райка свист доносится,
Да и его усмиряет полиция.

⟨1870⟩

82

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Природа манит всех к себе, но как?
По-своему глядят все на щедроты неба...
В лесу густом сошлись — богатый весельчак
И нищий, без угла, без паспорта и хлеба.
Невольно странники замедлили свой путь,
Увидя пышный лес, но думали различно:
Один — «ах, здесь в лесу отлично отдохнуть!»
Другой — «ах, здесь в лесу повеситься отлично!»

⟨1870⟩

83

(Н. П. Р—П—ВУ)

Когда-то, милые друзья,
Среди студенческого пенья
С сознаньем вторил вам и я:
«Вперед без страха и сомненья!»

Я снова петь готов «вперед!»
Иным, грядущим поколеньям,
Но страх в груди моей живет,
И мысль отравлена сомненьем.

⟨1870⟩

84

НЕОТРАЗИМАЯ ЛОГИКА

Трактовать об отмене телесного наказания не значит ли посягать на уважение к народным обычаям? Нужно относиться с уважением к народной жизни.

В. Безобразов.

В народной нашей жизни
Есть недостатков много,
Но можно ль очень строго
Их осуждать в отчизне?
Положим, взятки — гадки
И ниже всех приличий,
Но взятки брать — обычай...
Да здравствуют же взятки!

Жизнь западного строя
Пришлась не по душе нам:
Бьют жен у нас поленом
И плеткой Домостроя.
Кулак — эмблема брака
Всех классов без различий,
Но драка — наш обычай...
Да здравствует же драка!..

Приносит вести почта:
В Одессе, в Шуе, что ли,
Ни за́ что и ни про́ что
Крестьян перепороли.
Следя за этим зорко,
Виним мы быт мужичий:
Пороть у нас обычай...
Да здравствует же порка!..

С обычаем, как с бурей,
Не совладать в принципе.
О том Самарин Юрий
И Безобразов с Шлиппе

Сказали много спичей,
Поднявши шум великий:
«Да здравствует обычай,
Хотя бы самый дикий!»

1871

85

СВОЙ СВОЕМУ ВОВСЕ НЕ БРАТ

(СОВРЕМЕННАЯ ПОСЛОВИЦА)

Стремясь к сближению с народом,
Сошелся барин с мужиком
И разговор с ним мимоходом
Подобным начал языком.

Барин

Дай руку, пахарь! По принципам
Я демократ и радикал...
Но как же звать тебя?

Мужик

Антипом.

Барин

Я твой гражданский идеал
Желал бы знать хотя отчасти.
Защитник ты какой же власти:
Консервативной, или нет?
В свои «дорожные наброски»
Вписать хочу я твой ответ.

Мужик

Ты это баишь по-каковски?

Барин

Чего ж боишься ты, хитрец,
Мне отвечать категорично?
Сообрази же наконец:
Друг друга мы поймем отлично
При полном тождестве идей.
«Свободу совести» людей
Ты признаешь и понимаешь?

Мужик

Чаво?

Барин

Ну, то есть... отрицаешь
Ты право каждого иметь
Свою религию, любезный?
Вопрос весьма не бесполезный,
Чтоб нам собща его решить...
Мир старины приходит в гнилость...

Мужик

Да что вам нужно, ваша милость?
Вы тёмно говорите так,
Что вас понять мне трудновато...

Барин

Да ты не бойся же, чудак!
На том стоим мы, чтоб, как брата,
Теперь встречали мужика;
Мы все на том стоим пока,
Чтоб реставрировать картину
Всей вашей жизни бытовой
И вековечную кручину
Сменить на праздник вековой...
А ты на чем стоишь, друг мой?

Мужик

На чем? Да на земле, известно!..

Барин

Ах, всё не то! Ну как тут честно
К ним относиться! Нас поймут
Скорей колбасники из Риги...

Мужик

Что хлеба мало в нашей риге —
Могу сказать...

Барин

(наставительно)

Хлеб там, где труд,
И вас, поверь, mon cher,[1] спасут

[1] Мой милый. — *Ред.*

От вашей бедности и спячки
Ассоциации и стачки.
Я без ума от них!..

Мужик

Эх-ма!
Признался сам, что без ума!..

Барин

Читал ли ты хотя Жорж-Занда?

Мужик

Да я, кормилец, не учен.

Барин

Возможна ль с ними пропаганда!
Нам нужно лень забыть и сон,
Вступить в борьбу открыто, смело,
Нам нужно всем, карая зло,
Чтобы в руках горело дело...

Мужик

У нас сгорело всё село,
Так не поможешь ли мне, барин?

Барин

Ну как тут будешь солидарен
С подобным скифом? Как его
Встряхнуть, чтоб он от сна проснулся?

Мужик

(тихо)

Мой барин, кажется... того...
Немножко головой рехнулся.

Смущенный странным языком,
Мужик пришел в недоуменье,
И прогрессиста с мужиком
На этом кончилось сближенье.

Один из них пошел *домой*,
Себя беседой растревожа,
Другой домой побрел бы тоже,
Да дом его сгорел зимой.

⟨1871⟩

86

ПРОТЕСТ

Когда заводит речь бедняк
О городской дороговизне
И плачет о тяжелой жизни
Среди житейских передряг —
Всегда дивлюсь я бесконечно:
От колыбели — сын беды,
Бедняк привык нуждаться вечно —
До нужд его нам нет нужды!..
Где только нищенство, всегда там
В ад превратится самый рай...
Но каково вот нам, богатым?..
Хоть просто ляг и умирай.

Про нищих скажут мне, что нечем,
При страшных ценах на дрова,
Топить в своих приютах печь им,
Но нищий — участь такова! —
Вином согреется, потопит
В нем горе, выпить очень рад,
А если грош последний пропит —
То в этом кто же виноват?
Всем горемыкам, вместе взятым,
Все ж хлеб дает родимый край,
А каково вот нам, богатым?
Хоть в гроб ложись и умирай.

Привыкли с детства мы к комфорту,
А нам приходится, в борьбе
С судьбой, пославши роскошь к чорту,
Во всем отказывать себе.
Пятнадцать комнат занимая,
Я жил, как позволял бюджет,
Теперь смотрю квартиры с мая

И просто приступу к ним нет.
Мы не привыкли к дымным хатам,
Нам нужен дом, а не сарай,
И в наше время всем богатым
Хоть в гроб ложись и умирай.

Ресурсов прежних нет и следу,
Растут и дети и... долги.
Жена кричит: «Я в Эмс поеду!»
А Берта хнычет: «Помоги
И денег дай без отговорок»...
Везде расход, расход, расход...
Как ни хитри, а тысяч сорок
Прожить придется каждый год...
Хоть стань купчиной бородатым,
Хоть в карты шулерски играй,
Иначе жить нельзя богатым:
Хоть ляг и молча умирай.

Нет тени прежней дешевизны.
Того гляди — все прогорим;
Хоть из родной своей отчизны
Беги в Карлсбад иль в скучный Рим,
Чтоб жить попрежнему, блистая —
Иль нас затрет в конец худой
Лесопромышленников стая
С домовладельческой ордой.
Они живут лишь нашим братом,
Девиз их — «ближних разоряй»,
Так как тут людям жить богатым?
Закрой глаза и умирай.

Мы можем шляться по Европе,
Как шлялись деды наши встарь,
Но чтоб издать, как этот... Гоппе,
Иль Гатцуг, что ли, календарь
Для ежедневного питанья,
Или ремесленником быть —
Мы до такого прозябанья
Еще не можем доходить.
К труду, к мозолям и утратам
Привык плебей иной, холоп,

Но сесть за труд аристократам?!.
Скорей всажу я пулю в лоб!..

Легко сводить концы с концами
Тому, кто вечно жил в обрез,
Вот почему бедняк над нами
Всегда имеет перевес,
И долг прямой литературы
Не за него стоять — за нас,
За представителей культуры,
За высший по рожденью класс,
А в прессе к социальной ломке
Стал уськать всех любой журнал,
А мы тузы, вельмож потомки...
Хоть в гроб ложись и умирай.

1871

87

ПОЛУСЛОВА

Обучена в хорошей школе
Ты, муза бедная моя!
От света, с тайным чувством боли,
Желанья жгучие тая,
Ты изломала бич сатиры
И сходишь так в мир грустный наш:
В одной руке — обломок лиры,
В другой же — красный карандаш.
Ты тихо песни мне диктуешь,
То негодуя, то любя,
И вдруг, прервав сама себя,
Свой каждый стих процензируешь,
И, дрогнув порванной струной,
Твой голос слух на миг встревожит,
Но только смех один больной
Наружу вырвется, быть может.
К чему ж нам петь?
И я едва
Расслушал, затаив дыханье,
Ее ответ: «Полуслова
Всё ж лучше вечного молчанья...»

⟨1871⟩

88

ПРОБУЖДЕНИЕ

Зачем его мы разбудили?
Зачем обманывали мы?
В глубоком сне он, как в могиле,
Не отличал от света тьмы,
Любви от вечного гоненья,
Отвык желать и думать он
И тем был счастлив в сновиденьи,
Что наяву считал за сон.
И этот сон вы разогнали,
Вы разбудили бедняка
И вместо хлеба камень дали,
Когда дрожащая рука
За подаяньем потянулась.
Но берегитесь, чтобы в нем
Негодованье не проснулось,
Глаза не вспыхнули огнем;
Тогда, стряхнувши униженье,
Он сам себе не будет рад,
И те же самые каменья
На вас обратно полетят.

⟨*1872*⟩

89

ЗОЛОТОЙ ВЕК

(ОКТАВЫ)

I

Немало развелось теперь людей
Всем недовольных — холодом и зноем,
Печатью, сценой, множеством идей,
Нарядами с нескромным их покроем,
Решеньями присяжных и судей,
И стариной и новой жизни строем,
И русскою сатирой, наконец...
Вступись же, сатирический певец,

II

Скорей за репутацию сатиры
И отвечай: вы правы! мы скромны,
Не кровопийцы мы и не вампиры,

Но в этом не видать еще вины,
Как думают различные задиры.
Когда нет зла среди родной страны,
Где каждый счастьем ближних только занят,
Где без улыбки праздничной лица нет,

III

Как может быть сатира наша зла?
Какие сокрушительные ямбы
Придут на ум, когда одна хвала
Сама собой ложится в дифирамбы,
Когда поэт, как из цветка пчела,
Отвсюду мед сбирает, и не вам бы,
Друзья мои, скорбеть, что этот мед
Сатире нашей пищи не дает.

IV

Живем мы в век «отчетностей» и съездов,
Общественных, обеденных речей,
Манифестаций шумных у подъездов
И экономной топки для печей,
Прогресса всех губерний и уездов,
Где что ни шаг, то всюду для очей —
«Отрадное и светлое явленье»,
Достойное похвал и умиленья.

V

Сегодня — где-нибудь народный пир,
А завтра шумный праздник юбилея
И торжество на целый русский мир,
Где, от вина и счастия алея,
Сливаемся мы в сладкозвучный клир,
И никогда такая ассамблея
Насмешки злой — о, боже сохрани! —
Не вызовет в печати в наши дни.

VI

Кто ж явится с сатирою бесстыдной
Среди торжеств, веселья и утех
Смущать в толпе покой ее завидный?
Нет, на такой мы не способны грех.

У нас есть только юмор безобидный
И цензированный самими нами смех,
Без всякого ехидства и протеста:
В Аркадии сатирикам нет места.

VII

Но все-таки мы смелы чересчур
И говорим с известною свободой;
Без страха наш развязный балагур
Трунит над бедной финскою природой,
На «чернь» рисует ряд карикатур
(Над «чернью» смех повальною стал модой),
А иногда, как гражданин-пиит,
Городовых и дворников казнит.

VIII

До колик мы смеемся иногда,
С эстрады клубной слыша анекдоты
О плутовстве одесского жида,
О мужичке, который до икоты
Напился пьян... Все это без вреда
Нас развлекает в клубе в день *субботы;*
Тот смех лишь возбуждает аппетит
И нашему веселью не вредит.

IX

Наш юмор безобиден. Скуки ради
Стишки запретные мы любим почитать,
Мы подтруним над «сильным мира» сзади,
Чтоб льстить в глаза и стулья подавать,
И наши черновые все тетради
Наполнены — коль правду вам сказать —
Хвалебными посланьями к вельможам...
Мы никого сатирой не тревожим.

X

И это ли не признак, что настал
Век золотой? Смех горький затаился
В груди людей, и каждый думать стал
Теперь: «И я в Аркадии родился!»
И потому российский Ювенал
В Полонского у нас преобразился

И начал славить умственный застой,
Как делает граф Алексей Толстой,

XI

Который некогда так весел был и боек...
— Да, век прошел проселочных дорог,
Валдайских колокольчиков и троек,
Исчез и крепостник и демагог;
Цыганок нет, нет ухарских попоек,
А вместе с тем почил на долгий срок,
Похороненный с прочими грехами,
Наш прежний смех — и в прозе и стихами.

XII

По рельсам чинно ездим мы теперь,
Цыганок заменили оперетки,
И прогрессистом смотрит прежний зверь;
Безумные попойки стали редки,
Крепостники, смирившись от потерь,
Не могут жить, как прежде жили предки,
Повсюду тишь да божья благодать...
Откуда же сатиры ожидать?

XIII

Сатира с отрицаньем неразлучна,
А мы давно девизом запаслись,
Что вкруг «все обстоит благополучно»,
И, искренно поверив в тот девиз,
Нашли, что и без смеха нам не скучно,
А если б даже им мы увлеклись,
То этот смех не смех ведь, а скорее
Хихиканье ливрейного лакея.

1872

90

НЕОТРАЗИМЫЕ ИСТИНЫ

(РОБКОЕ ПОДРАЖАНИЕ «ГРАЖДАНИНУ»)

Тот не огонь, который жжется,
Холодный лед совсем не лед,
И то прогрессом не зовется,
Когда народ идет вперед.

Пусть целый мир мотает на́ ус:
Тьма нам полезнее, чем свет,
Движенья в мире нет без пауз,
Реформ и книг без точек нет.
Должны мы пить сухую воду,
Ее налив в стакан без дна,
И слаще сахару и меду
Сатира быть всегда должна.
Писатель должен быть без мысли
И действие без всех причин,
И никогда о здравом смысле
Не должен думать «Гражданин».

1872

91

В ТОЛПЕ

Гремит полночный пир. В граненом хрустале
Шипучее вино играет на столе,

И разогретая живительным напитком,
Дав волю сдержанным движеньям и улыбкам,

Блестящая толпа, разбившись на кружки,
Пирует и шумит. Злословят языки;

Здесь крупный спор идет, там хохот раздается,
Рулада прозвучит и смехом оборвется;

Здесь беглый разговор в углу стихает вдруг
В интимном шопоте с немым пожатьем рук,

Там сети новые интриг и спекуляций
Под грохот музыки и праздничных оваций

Дельцы всех возрастов сплетают под шумок,
И, блеском залиты от головы до ног,

Бездушные, «как свет», воздушные, как пери,
Скользят красавицы в душистой атмосфере...

Но все же мертв наш пир, в веселье жизни нет,
И дышит скукою торжественный банкет:

Не отличишь в толпе безделья от заботы,
Улыбки радости от сдавленной зевоты,

Веселья от тоски, привитой к нам давно...
Не действует на нас и самое вино.

С усталой головой и водянистой кровью
Лениво спорим мы иль придаем злословью

Характер личных дрязг и всяких пустяков...
От старых юношей до юных старичков,

От скромных девственниц, как сфинксы, молчаливых,
До женщин, как шампанское, игривых

И, как шампанское, способных опьянять,
На всех, на всех лежит зловещая печать

Холодной пошлости и неотвязной скуки...
Как рода слабого расслабленные внуки,

Как вывески людей, как куклы напоказ,
Всю жизнь исчерпали мы дюжиною фраз;

Одна посредственность — пришло такое время! —
Под общий уровень подводит наше племя,

Дает ему одни понятья и язык,
И где б мы ни были, у нас везде — двойник.

Нам, жалким рыцарям блаженной середины,
Страшны и мудрецы и самые кретины,

И слишком смелый ум и трепетный глупец,
И шутовской колпак и гения венец;

Прослыть титанами и в грезах не посмея,
С презреньем в свой черед глядим мы на пигмея.

Посредственности блеск — вот новый наш кумир!
Ничтожество одно — вот муза наших лир,

И в каждом действии полнейшее безличье —
Вот новый идеал из кодекса приличья

И нашей мудрости общественный зенит.
Вот почему везде, один принявши вид,

Все люди точно списаны друг с друга:
Не отличаешь явного супруга

От тайного любовника, жены
От первой горничной, лоретки от княжны,

По ремеслу присяжного фискала
От журналиста в чине либерала,

Старух раскрашенных от бледных дочерей,
Врача от продавца мозольных пластырей,

Отъявленной ханжи от женщины публичной...
Весь этот пестрый сонм толпы многоязычной

Как будто выкроен и сшит одним портным,
Единой нянькою везде руководим.

Уравнивают всех одни стремленья —
Дешевеньких страстишек исполненье:

Крест, место теплое, венчальное кольцо
И — пошлость всем дала одно лицо.

В гражданских подвигах и в преступленьях даже
Становимся все мельче мы и гаже,

Мещански скромен тайный наш разврат,
И юридически неуловим тот яд,

Которым ближнего мы часто отравляем
И на скамью судов за то не попадаем.

У нас прогресс — колоколов трезвон,
У нас разгул — подобье похорон,

У нас слюна — замена дарованья,
У нас жена — родник существованья

Супругами торгующих мужей;
У нас друг друга режут без ножей

Орудьем клеветы, доноса и обмана;
У нас поэзия — поэзия канкана,

У нас любовь — танцкласс или гарем,
У нас и кровь не красная совсем.

1872

92

СКАЗКА О СЛАВНОМ ВИКОНТЕ СЫР-БРИ

I

Жил да был виконт Сыр-Бри,
Жил на воле, в полной холе,
От зари и до зари
То гоняя зайцев в поле,
То из дома в каждый дом
Распуская массу сплетен,
И на Невском был заметен,
Всем известен и знаком.
На столичном горизонте
Он считал себя звездой,
И молвы вполне худой
Не ходило о виконте.
Кто там что ни говори
Про его умозатменье,
Но в гостиных уваженье
Возбуждал виконт Сыр-Бри.

II

Вот однажды в небе звезды
Лишь зажглись, как фонари, —
В близлежащие уезды
Собрался виконт Сыр-Бри.
Чтоб в пути не сбиться с толку,
Взял с собою он компас,
Патронташ, рожок, двустволку
И мещерский сыр в запас.
Шел он долго ль, коротко ли
Под ночною тьмой небес, —
Наконец, из поля в поле,

Забрался в дремучий лес.
Вкруг себя глядит он в оба,
Зги не видно, хоть смотри:
Настоящая трущоба!..
И струхнул виконт Сыр-Бри.

III

Задрожал, и вдруг из мрака,
Словно волк голодный зла,
Одичавшая собака
Лая вышла и легла.
Взвел курок он, приложился,
Снял двустволку из-за плеч,
Вдруг лай пса преобразился
В человеческую речь:
«Господин виконт, не троньте!
Неровен на свете час:
Я припомню о виконте,
Помогу ему не раз,
Услужу без всякой фальши!..»
Постояв минуты три,
Вновь путем-дорогой дальше
Зашагал виконт Сыр-Бри.

IV

Вновь идет чрез темный бор он,
Тайным страхом одержим;
С мшистой ели черный ворон
Вдруг закаркал перед ним.
«Что ты каркнул из тумана
Мне, проклятый вестник зла?» —
И навел виконт на врана
Роковые два ствола.
«Эй, виконт, меня не троньте!
Там, на невском берегу,
Я припомню о виконте
И помочь ему могу».
— «Хорошо же! Это слово
Не забудь же ты, смотри!» —
И путем-дорогой снова
Зашагал виконт Сыр-Бри.

V

Неудачно шла охота...
Уж за ночью день спешит;
Вот пред путником болото,
А с болота дичь летит.
Разом вырвался из груди
У стрелка невольный крик,
Но лесная дичь, как люди,
Закричала в этот миг:
«Господин виконт, не троньте,
Не стреляйте лучше в нас!
Мы припомним о виконте,
Угодим ему не раз...
Пригодится дичь — не трогай!»
— «Ну, так чорт вас побери!» —
И вперед путем-дорогой
Вновь побрел виконт Сыр-Бри.

VI

Год прошел. Свою газету
Издавать стал наш виконт,
Но, создав затею эту,
Потерпел везде афронт.
Ждет, а пользы нет, однако;
Вдруг пред ним, как пред травой
Лист, является собака:
«Мой совет, виконт, усвой:
Лай и вой в своем журнале,
Лай на солнце, лай на свет;
В том собачьем идеале
Скрыт успех таких газет.
Люди глупы; похвала им
В прок нейдет, так ты схитри...»
И тогда собачьим лаем
Занялся виконт Сыр-Бри.

VII

Лай изданье спас в ту пору,
Но потом всем надоел,
И к виконту раз в контору
Ночью ворон прилетел.

«Ты полемикою жаркой, —
Начал вран, — журнал спаси;
Как зловещий ворон, каркай
Постоянно на Руси;
Предвещай беды и горе,
Попридерживай прогресс,
И тогда в журнальном хоре
Будешь брать ты перевес.
За совет мой благотворный
Ты меня благодари!..»
И с тех пор, как ворон черный,
Каркать стал виконт Сыр-Бри.

VIII

Процветает орган новый,
Но, исполненный забот,
Думать стал виконт суровый:
Дичи мне недостает!
И тогда свершилось чудо:
Только мысль ему пришла,
Дичь взялась бог весть откуда
И журнал весь заняла.
С этих пор в нем раздаются
Лай и карканье и дичь,
И хоть в обществе смеются,
Но — как нрав людской постичь? —
Все же орган тот читают
И в Якутске и в Твери,
И ташкентцы восклицают:
«Молодец, виконт Сыр-Бри».
1872—1873

93

СОН ВЕЛИКАНА

В степи, на кургане склонясь,
Спит старый, седой великан;
Спит старый, седой великан,
И стаями птицы, кружась,
Глядят с высоты на курган.

В кольчуге, в стальном шишаке
Он спит, в мертвый сон погружен;
Он спит, в мертвый сон погружен,
Меч стиснув в железной руке,
Сыпучим песком занесен.

Он долгие годы проспал,
В недвижности самой могуч;
В недвижности самой могуч,
Он бурь над собой не слыхал,
Не жег его солнечный луч.

Над ним разрасталась трава,
Песком занесен он до плеч;
Песком занесен он до плеч,
И только одна голова
Осталась открытой да меч.

Сном скованный много веков,
Однажды раскрыл он глаза;
Однажды раскрыл он глаза,
И в них, как во тьме облаков,
Казалось, сверкнула гроза.

Казалось, один поворот —
И вспрянет опять великан;
И вспрянет опять великан,
Насевшую землю стряхнет,
Покинет песчаный курган.

Дохнул он и — дрогнула степь,
Неведомых звуков полна;
Неведомых звуков полна...
Как будто рассыпалась цепь
Волшебного долгого сна.

Но вежды сомкнулись опять
И — спит великан прежним сном;
И спит великан прежним сном,
И снова его засыпать
Стал ветер сыпучим песком.

1873

94

Поэт понимает, как плачут цветы,
О чем говорит колосистая рожь,
Что шепчут под вечер деревьев листы,
Какие у каждой капусты мечты,
Что думает в мире древесная вошь.
Он ведает чутко, что мыслит сосна,
Как бредит под раннее утро, со сна,
И только поэт одного не поймет:
О чем это думает бедный народ?

⟨1873⟩

95

НА ВОСТОК

(В. А. М—ВУ)

Пристрастьем к Западу я странен,
А ты — к Востоку, милый мой;
Ты в этом истый мусульманин,
Хоть и не ходишь под чалмой.
Как мусульманин, в честь Востока
Ты совершаешь свой намаз,
А я жду с Запада пророка,
Откуда он сходил не раз...
Там новой жизни возрожденье,
Там въявь сбывались наши сны,
А твой Восток — кладбище тленья
И царство мертвой стороны.

⟨1873⟩

96

СМЕХ

Всегда неподкупен, велик
И страшен для всех без различья,
Смех честный — живой проводник
Прогресса, любви и величья.

Наивно-прямой, как дитя,
Как мать — многолюбящий, нежный,
Он мудрости учит шутя,
Смягчает удел безнадежный.

Струясь, как по камням вода,
Как чистый фонтан водоема,
Торжественный смех иногда
Доходит до грохота грома,

Сливаясь в густых облаках
В немолчное, грозное эхо,
И тот, кто забыл всякий страх,
Дрожал от подобного смеха.

Смиряя рыданья порыв,
И гордую скорбь гражданина
Под маской шута затаив,
Запрятав под плащ арлекина,

Стремление к лучшей судьбе
Родит он в груди всего мира
И с гидрой пороков в борьбе
Сверкает и бьет, как секира;

Он сонную мысль шевелит
И будит во мраке глубоком:
Плясал вкруг ковчега Давид,
Но был и царем и пророком.

1875

97

ПЕРЕМЕШАННЫЕ ШАШКИ

(СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ)

I

Однажды заболел Зевес
Недугом мрачным мизантропа,
Вон выгнал всех своих метресс
И стал смотреть из телескопа
На нашу землю с облаков,
С планеты не спуская взгляда:
«Нет, мир не должен быть таков!
Там все идет не так, как надо.

II

Разлад всеобщий поутих
Среди людей, — за ум хватились:

На дело каждое у них
Специалисты расплодились,
Но мне все это не с руки:
Я первый юморист в природе
И, как лекарство от тоски,
Спектакль мне нужен в новом роде.

III

А потому...» Схватив звонок,
Трезвонить громко он пустился,
И, честь отдав под козырек,
Пред ним Меркурий очутился:
«Что вам угодно, ваше—ство?»
И услыхал глагол Зевеса:
«Оставив лень и баловство,
Мне службу сослужи, повеса!..

IV

Ступай на землю и сюда
Сгони поболее народу:
Кто первый встретится — ай-да!
Побольше б только было сброду.
Беги ж теперь что силы есть,
И наскочи на землю бурей...»
Отдавши властелину честь,
Как пуля, полетел Меркурий.

V

И на Олимпе через час
С людской толпой он появился.
Тогда Зевес, развеселясь,
Сортировать людей пустился,
С карандашом в одной руке,
В другой — с полоскою бумажки:
«На вашей шахматной доске
Давно смешать мне нужно шашки.

VI

Я ваши роли изменю
При общей сделке полюбовной,
Составив новое *меню*
Для вашей трапезы духовной».

Людей поставив под ранжир,
Зевес допрашивать их начал
И всем, их отпуская в мир,
Призванье новое назначил.

VII

«Ты кто такой?» — «С давнишних пор
Я, сударь, ламповщик — не боле...»
— «Отныне будешь ты актер,
Берущий jeune premier'a[1] роли...
Ты кто?» — «Я уличный маляр:
Малюю потолки, дома я...»
— «Будь пейзажистом! Этот дар —
Твоя профессия прямая.

VIII

А ты?» — «Швейцар я». — «Будь поэт!..
Эй, Аполлон, — ему дай лиру».
— «Я евнух». — «В этом смысла нет.
Примкни к ученому ты миру
И сядь на кафедру...» — «Зовусь
Я, ваша милость, акробатом...»
— «Тебя же сделать я берусь
Общеизвестным адвокатом.

IX

Ты из каких?» — «Я из портных».
— «Строчить умеешь! Потому ты
Будь публицистом с сей минуты:
Строчит ведь и сословье их.
А это кто с затылком бритым?»
— «Из дома желтого субъект».
— «Так будь отныне ты спиритом:
Произведешь везде эффект».

X

Так на Олимпе сортировка
Смущенных смертных шла весь день.
Меркурий, быстрый, как олень,

[1] Первого любовника. — *Ред.*

Потом их выпроводил ловко
С особым на спине клеймом,
Чтоб после отыскать их в свете...
— Вот почему, — поймите, дети, —
Все на земле пошло вверх дном.

⟨1876⟩

98

МАСЛЕНИЦА

(НОЧНАЯ ЭЛЕГИЯ)

Луна, как блин, плывет в эфире,
Иль как мещерский круглый сыр,
И воздух в северной Пальмире,
Как плащ, в воде промокший, сыр.

Снег под ногами, точно каша...
Тоска ушла от бедняка
И, точно масленица наша,
Родная удаль широка:

Гвалт, тройки, пиршества, попойки;
Поднявшийся во весь свой рост
Разгул, ведущий многих к койке
Больничной или на погост.

В любом из клубов и в трактире
Угла не сыщет тишина,
И смотрит празднично в эфире
Блинообразная луна.

⟨1877⟩

99

РАЗДЕЛ

(СКАЗКА)

При разделе мира Зевс, все громы спрятав,
Всевозможных наций собрал депутатов.

Угостил сперва их завтраком отличным,
Олимпийски-пышным, истинно-античным:

Аристов Василий, говорят, при этом
Управлять был призван кухней и буфетом...

А потом встал с трона: «Дело делать будем!» —
И делить стал землю поровну всем людям,

Положив на глобус мощную десницу,
В облако закутан, словно в багряницу...

Кончилось все скоро. Зевс, коль верить сказкам,
Всю планету нашу роздал по участкам,

И когда земной весь шар был размежеван,
Молвил Зевс (был в деле точен, как Межов, он):

«Кто моим разделом недоволен, — смело
Говори — какого хочет он раздела...»

Но довольны были все без исключенья, —
Лишь, переминаясь и не без смущенья,

Почесав затылок, снявши рукавички,
Попросил на водку русский, по привычке.

«Что ж, твое желанье скромно и законно!» —
И ему на водку Зевс дал благосклонно.

И изрек: «У смертных еще нет ли просьбы?
Каяться, смотрите, после не пришлось бы...»

— «У меня есть просьба!» — и перед Зевесом
Англичанин начал рассыпаться бесом:

«Много благодарен! Дал ты мне владенья
Двух Соединенных королевств, — именья,

Множество колоний, Индию с Калькуттой
(Где еще узнают мой характер лютый), —

Милостью твоею я довольно взыскан,
Но недаром мною целый мир обрыскан,

И, его узнавши, я, хоть наудачу,
Кое-что желал бы получить в придачу, —

Например, Египет: брежу я Египтом
И, как фараоны, я бы не погиб там...

А Египет давши, полный благодати,
Уступи, Зевес, мне Африку уж кстати.

Дальше — я логично говорю и строго —
У меня колоний в Новом Свете много,

В Азии владею тоже я Цейлоном,
И у австралийцев тоже жить тепло нам...

Так прошу — чтить будут вечно тебя бритты —
Мне четыре части света подари ты.

Лев британский будет уж тогда не львенком,
А с Европой сам я справлюсь, как с котенком».

Зевс слова Джон-Буля слушал, сдвинув брови,
И прервал британца на последнем слове:

«У тебя отнять мне *все* — было б приятно,
Но что раз даю я — не беру обратно...

Пользуйся покуда частью, мною данной:
Индусов подвластных край обетованный

Золотом Востока даст британцу силу,
А потом ему же выроет могилу...

Ты ж, рожденный жадным, торгашом бесстыжим,
До скончанья века будь отныне — рыжим,

Чтоб был виден всюду огненный твой глянец,
Всем везде кричащий: «вот идет британец!»

Чтоб тебя при встрече сторонились люди
И грудные дети жались робко к груди

Матерей...»

Вот с тех-то самых пор, пойми же,
Друг-читатель, стали все британцы рыжи.

⟨1878⟩

100

Говорят про сладость
Честного труда...
Милая! он в радость
Был ли нам когда?

Очерствели оба
Мы в когтях нужды:
Зависть, голод, злоба —
Вот ее плоды.

Ты лежишь, больная,
Не сомкнешь очей;
Я сижу, не зная
Сна уж пять ночей,

Пять ночей над пыльной
Кипой скучных дел...
Сонный и бессильный
Мозг окоченел.

Милая, больна ты;
Но, хоть грудь в огне,
Мы не так богаты,
Чтобы слечь и мне.

Слег бы, впрочем, тоже...
Затекла рука,
А болезнь, о боже! —
Отдых бедняка.

Но нужда на страже,
Ждет, чтоб одолеть...
Не имеешь даже
Права заболеть.

⟨1878⟩

101

НА ВЗМОРЬЕ

(ИЗ Я. ПОЛОНСКОГО)

Гаснул день в дымке сумерек нежных,
Солнце скрылось, когда я стоял
На одной из прибрежных,

Над заливом поднявшихся скал
И с тоскою смотрел неизменною,
    Позабыв всю вселенную,
    Как морские валы
Серебристо-молочною пеною
Омывали подножье скалы,
Как неслись надо мною волокна
Облаков золотисто-лиловые,
Как в прорехи их, словно как в окна,
Улыбались мне звезды перловые...
Вот и ночь... Ароматна она,
Эта ночь благодатная, южная...
Вот, как лебедь, всплыла молодая луна,
Отражаясь в воде, как жемчужная...
И в тот час я, забывши свой челн,
И свой насморк, и тело недужное,
    Слушал музыку волн.
Песни волн были полны причуды,
И в их ропоте слышен совет:
«Ревматизма побойся, поэт,
И домой уходи от простуды...»

1877—1878

102

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ВОРОВСТВУ

I

Не рожден я ликующим лириком,
Я не склонен к хвалебным речам,
К юбилейным стихам, к панегирикам,
Не пишу мадригалов «очам»,
Алым щечкам и губкам коралловым,
Не хвалю я маститых ослов
(Без меня, господа, разве мало вам
На Руси всяких спичей и «слов»).
Исповедую дух отрицания,
Хоть и слышу за то порицания
Я, как русский реальный певец;
Но теперь долг гражданский молчание
Мне нарушить велит наконец.
Часто в жизни молчанье обидное
Хуже всяких крикливых обид,

И всеобщая робость постыдная
Мне подняться за правду велит.
Тон для песни избрав соответственный,
Я похвальную оду спою.
На возвышенный лад и торжественный
Перестроивши лиру свою,
У державинской музы сообщества
Я прошу, чтоб бесстрашно сказать
То, что смутно в сознании общества
Уже бродит давно, что печать
Лишь по трусости жалкой, ей свойственной,
Громогласно не смела почтить...
Публицист наш, с натурою двойственной,
Любит торной дорожкой ходить.
Мысль, которая в воздухе носится,
Чтоб облечься в горячую речь,
И у всех с языка точно просится,
Я попробую в звуки облечь.

II

Я пою воровство!.. Брать не смело ли,
Скажут мне, столь опасный сюжет?
Но какой бы вопрос мне ни делали,
У меня есть готовый ответ.
Воровство на Руси оклеветано.
В массе всяких общественных бед оно,
Став давно «очищенья козлом»,
Самым меньшим является злом.
Зло — понятье коварно-тягучее...
Если в виде лишь частного случая
Заявляет себя воровство,
Если деньги, толпы божество,
Оставаясь в пределах отечества,
Из кармана, положим, купечества
Переходит в карманы мещан,
А от них к плутократам в карман,
От погонцев к дельцам и так далее,
То какая же в том аномалия
И какой для отечества вред?
Патриот русский, дай мне ответ!..
От домашней такой операции
Не скудеют богатые нации;

Так и наша страна не бедна,
Хоть кишит вся ворами она,
Хоть идут грабежи в ней повальные,
По размерам своим колоссальные,
Хоть орда жадных хищников ждет
Только случая грабить народ.
Велика их орда разнолицая;
Отличить невозможно патриция
От червонных валетов порой,
А иной биллиардный герой,
Спавший некогда вместе с маркерами,
На своих рысаках кровных, с шорами,
Выезжает, живет как набоб,
Вверх закинув свой бронзовый лоб.

III

Но за что же пред целой отчизною
Будем в них мы бросать укоризною,
Надоевшею всем одинаково?
Без того уж о них вздору всякого
Много молото и перемолото...
Если нашего русского золота
Не швыряют они в Баден-Бадене
(Больше любят Москву, Петроград они),
По Парижу теперь не мотаются
(Парижанки к ним сами съезжаются)
И те деньги, которые сцапали,
Не бегут тратить в Риме, в Неаполе, —
То решимся ли, быв патриотами,
Подстрекаемы личными счетами,
В них бросать обличенья каменьями,
С жаждой мести, со злобой нервической,
И считать их дела преступленьями?
Кто знаком хоть слегка с *политической*
Экономией и хотя на́-слово
Верит знанью Вернадского, Маслова,
Тот на свежую голову в утренний
Час придет к мысли той, что наш «внутренний
Вор» — явленье совсем не опасное,
А подчас, — говорю беспристрастно я, —
Есть явленье такое полезное,
Что смягчить может сердце железное.

IV

Русский вор — честный рыцарски мот,
Сам ворует, другим жить дает,
Поощряет в отчизне коммерцию,
Нарушает торговли инерцию,
Рассыпает свой дождь золотой,
Оживляя фабричный застой,
Наживаться дает окружающим,
От щедрот его дань получающим,
Рестораторам, погребщикам,
Поварам и голодным приятелям,
Всевозможных сортов прихлебателям,
Фигуранткам, портным, игрокам
И кокоткам последней формации...
Тот, кто жжет на огне ассигнации,
Тот, кто нажил легко капитал
Или, попросту, смело украл,
Для него наше золото дешево,
Может сделать немало хорошего
При посредстве различных даров, —
И немало «почтенных воров»,
Обирая чужого и ближнего
Без смущенья до платья их нижнего,
Жить дают в то же время другим,
Поправляя зло делом благим,
Нас подобною честностью трогая...
Пусть же наша юстиция строгая
Привлекает к суду их, громит,
Отдаленною ссылкой грозит,
Но все мы, став на точку особую,
Укорять их не будем со злобою;
Я же, лиру настроив свою,
Им похвальное слово пою.

⟨1879⟩

103

ПЕЙЗАЖ

(ИЗ К. СЛУЧЕВСКОГО)

Природу всю томит жар сильный;
Бежит *прилежная* река,
И *расторопно,* как посыльный,
Скользят по небу облака.

На берегу, румяны, полны,
Две бабы с ведрами стоят;
Благовоспитанные волны
Лизнуть у них не смеют пят.

1879

104

ЗВЕЗДЫ И СЛУЧЕВСКИЙ

По эфиру, как с поминок
Возвращающийся инок,
Месяц крадется бочком;
По эфиру без ботинок
Бродят звезды босиком,
Бродят ночью без опаски,
Сняв чулки и сняв подвязки,
И мигая, словно глазки
Засорили им песком,
Пылью нашею земною,
Говорят они со мною
Мне понятным языком.
Их язык чужд нашей сфере,
Их язык, как очи Мэри,
Состоит весь из лучей,
И ему, по крайней мере,
Ни в каком диксионере
Равносильных нет речей.
С языком лучистым этим
В мире я знаком один
И внимаю звездам-детям.
Нынче вздумалось пропеть им:
«Для тебя лишь только светим
Мы, Случевский Константин!..»

1879

105

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

(БАЛЛАДА)

I

Утро позднее. Небо туманное
Над столицей, как саван, висит,
И движенье кругом беспрестанное —

Шум, и говор, и звон от копыт.
Всё торопится, с ног всё сбивается,
Словно времени каждому нет,
Но столица не той представляется,
Как назад тому двадцать пять лет.
Вновь проложены улицы многие,
Омнибусы бегут на парах;
Репортеры, как мухи двуногие,
На воздушных летают шарах.
Электричеством весь освещается
Петроград... Каждый день, например,
Домонтович, чтоб в Думу отправиться,
Приготовить велит монгольфьер.
Посмотрите — кругом не Европа ли?
Питер с Лондоном спорить готов.
Обессмертили Струве в Петрополе
Чрез Неву пять висящих мостов.
Телефоны связали все здания,
Все жилища: при помощи их
Композиторов новых создания
Можно слушать в квартирах своих
И, забыв суматоху напрасную,
В зимний или в осенний сезон,
Чтоб не бегать в погоду ненастную,
Можно сплетничать чрез телефон,
Разболтавшись при этой оказии
С «дамой сердца» удобно весьма...
Две-три лишних явилось гимназии
И чрез пятый-шестой дом — тюрьма.
Словом, всюду прогресса знамения,
И хоть два миллиона людей —
Невских жителей, стало всё ж менее
Завирательных прежних идей.
Перестроилось общество заново,
Места нет в нем реальным творцам;
Пять домов генерала Мартьянова
Отдаются бесплатно жильцам.

II

На Неву из Усолья далекого
Прикатил коммерсант-сибиряк;
От казны был тяжел кошелек его,

Сам он был далеко не из скряг.
Новичком он явился в Петрополе,
И при виде различных чудес
Не однажды глаза его хлопали:
Восхищал его невский прогресс.
Всё его возбуждало внимание,
Так что с раннего часто утра,
Свой восторг предвкушая заранее,
Он чуть свет покидал номера
И по городу рыскал богатому,
Где смущал его грохот и гул...
Раз, — знаком уже был Петроград ему, —
В лавку книжную он завернул.
«Подписаться хочу на газету я,
А притом и на толстый журнал.
Укажите, по правде советуя,
Чтобы сам я впросак не попал,
Чьи изданья в ходу теперь более?»
— «Господина Суворина. Он,
Знать такая далась монополия,
Всю печать нынче зáбрал в полон.
Да-с, один завладел прессой целою,
И других соиздателей нет.
Все журналы — я список вам сделаю —
«Огонек», «Голос», «Слово» и «Свет»,
«Время новое», «Речь», «Иллюстрация»,
«Нива», «Вестник Европы» и «Сын»
(Чтоб в руках была целая нация)
Издавать стал Суворин один,
Чем ужасно была раззадорена
Отставных журналистов толпа...»
— «А вот эта чья лавка?» — «Суворина.
В книжном деле нет выше столпа:
Он убил магазины все книжные,
И бороться нельзя с ним никак.
Верьте в слово мое необлыжное...»
Лишь руками развел сибиряк,
Речь приказчика важного слушая,
И, покинувши лавку, шептал:
«Видно, бил лишь в Сибири баклуши я,
Если дива такого не знал...»

III

Суета на проспекте обычная.
Сибиряк по панели бредет,
Погружен в размышленья различные,
И, лицо свое пряча в енот,
Чтоб от ветра избавиться резкого
(Петербургский неласков зефир),
До угла дотащился он Невского
И Владимирской; видит — трактир
С освещенной парадною лестницей.
К ней стремятся в обеденный час
Туз-делец с рыжекудрой прелестницей,
Правовед, только кинувший класс,
Аферисты, валеты червонные,
Бюрократы, шагистики цвет,
И татары, как бы окрыленные,
Их в особый ведут «кабинет»
Или в общую залу громадную...
Увлеченный толпой, наконец
В ту же залу трактирно-нарядную
Пробрался и сибирский купец.
Заказавши уху со стерлядкою,
Блюдо редкое очень зимой,
Он спросил у слуги с миной сладкою:
«А чей это трактир, милый мой?»
И, вопросом смущенный сильнее, чем
Всякой грубостью, молвил слуга:
«Куплен он Алексеем Сергеичем
Был у Палкина втридорога́».
— «Куплен кем? Человеку нездешнему
Ты толковее должен сказать:
Алексея Сергеича где ж ему
По единому имени знать.
Кто такой он?» Татарин куражится,
Посмотрел на купца, словно зверь:
«Господина Суворина, кажется,
Знает каждый младенец теперь».

IV

Вечер. Прежнего сада Демидова
Не узнать. В нем огромный вокзал,
И каскадно-заманчивый вид его

Всех невольно к себе привлекал.
А в вокзал так и ломится публика
Торопливо с различных сторон:
Ей знакома газетная рубрика,
Что гласит: «Вновь открыт Демидрон».
Можно здесь позабыть важность чинную,
Все дневные заботы и труд, —
И валит, и валит в залу длинную
Петербургский скучающий люд.
На эстраде — певицы французские,
Знаменитостей целый реестр;
Музыканты приезжие, прусские
Занимают огромный оркестр;
Плясуны и плясуньи канатные,
Много клоунов, «Новый Боско»,
Шансонетки клубнично-приятные
И игривые, точно клико;
Блеск и шум, гул толпы прибывающей,
Полусвета отборный цветник,
Самый воздух слегка одуряющий —
Всё влечет в Демидрон в этот миг.
Сибиряк сбросил шубу тяжелую,
Занял кресло в четвертом ряду
И певицу в трико, полуголую,
Созерцает в каком-то чаду,
То краснеет, то, жмурясь, волнуется
(Он недаром родился в избе),
А сосед его просто беснуется
И отхлопал все руки себе.
Атмосфера такая уж жгучая,
Быть нельзя хладнокровным никак...
Вот, дождавшись удобного случая,
Речь с соседом завел сибиряк:
«Превеселое здесь заведение
И пьянит оно, словно вино,
Только думаю — на поведение
Может действовать дурно оно».
— «Почему же?» — взглянул вопросительно
На купца еще юный сосед.
— «Да уж очень здесь всё соблазнительно
И обычной пристойности нет».
— «Отстало́е у вас очень мнение...»

— «Чей же, сударь, теперь Демидрон?»
— «Лишь на днях перешел во владение
Алексея Суворина он».
— «Как, и здесь он поспел?» — «Воротилою
Стал он первым у нас на Неве,
Стал финансовой нашею силою,
Да и в прессе стоит во главе.
Хоть в идеях дошел до убожества,
Но барыш от изданья таков,
Что имеет он портерных множество
И четыреста шесть кабаков».

V

День субботний. Погода суровая,
Жмется каждый столичный жилец,
Но отправился в бани торговые
По привычке сибирский купец,
Взял фуфайку, в дороге полезную,
И с бельем небольшой узелок,
Занят думой одной разлюбезною:
«Поскорей бы залезть на полок!»
Вот и баня. Дверь настежь растворена,
Но уж сам порешил сибиряк:
«Вероятно, здесь бани Суворина?»
И швейцар отвечал: «Точно так...»

1878 - 1879

106

НАРОДНЫЕ МОТИВЫ

I

«Ты куда бежишь?» — «Купаться», —
Крикнул сын из-за угла,
И старуха-мать ругаться
По привычке начала:
«Попадись-ка мне, парнишка,
Встрепка будет, — погоди!..
А утонешь если, Мишка,
То домой и не ходи».

II

Лунное затмение

По селу идет с котомкой
Отставной солдат.
В небе светит полный месяц,
Звездочки горят.

Всюду тихо; только где-то
Лает сонный пес.
Вдруг солдат остановился,
В землю словно врос.

«Что за диво! Тучки малой
Нет в выси небес;
Надо мной сейчас плыл месяц,
Плыл и вдруг исчез.

Про затменье толковали,
Помню, господа,
Но его мне не случалось
Видеть никогда».

В этот миг ему навстречу
Мужичок. «Земляк,
Что вдруг с месяцем случилось?
Не пойму никак.

Не успел набить я трубки,
Месяц с неба — прыг. . .»
— «Я, голубчик мой, нездешний», —
Отвечал мужик.

⟨1880⟩

107

ПРИВЫЧКА — ВТОРАЯ НАТУРА

Вчера попробовал чижа
Я выпустить из клетки,
Но птица глупая, дрожа,
Порхнувши в сад, на ветке

Не посидела двух минут,
    С испугом посмотрела
На дальний лес, на светлый пруд
    И — в клетку вновь влетела:

Присмотр обычных сторожей
    Ей полюбился больно...
И «нововременских» чижей
    Припомнил я невольно.

Для опыта вы клетку их
    Оставьте без задвижек
И без затворов роковых,
    Но ни единый чижик,

Своей неволей дорожа,
    Не тронется, при сметке,
Что для журнального чижа
    Покойнее жить в клетке.

⟨1880⟩

108

6 АВГУСТА 1880

(РАЗДУМЬЕ РЕТРОГРАДА)

Про порядки новые
Подтвердились слухи:
Августа шестого я
Был совсем не в духе,
И меня коробили
Ликованья в прессе:
Ей perpetuum mobile [1]
Грезится в прогрессе...
Плача от уныния
И по той причине
Окуляры синие
Надевая ныне,
С чувством содрогания
Я убит был просто
Упраздненьем здания
У Цепного моста.

[1] Вечное движение. — *Ред.*

Учрежденья старые, —
Их ломать мы падки, —
Возбуждают ярые
Общие нападки,
Лишь по малодушию
Либеральной клики,
И с тоской я слушаю
Радостные крики,
Толки суемудрые...
Всюду лица блещут,
Даже среброкудрые
Старцы рукоплещут;
Но без колебания
Нравственного роста
Можно ль жить без здания
У Цепного моста?

Истина давнишняя
Есть в подобном роде:
Пугало — не лишняя
Штука в огороде.
Пугало единое
Держит в вечном страхе
Царство воробьиное.
Люди ж — вертопрахи,
С воробьями схожие.
В страхе — их спасенье;
А теперь прохожие
Без сердцебиенья
И без трепетания,
Как в саду у Роста,
Ходят мимо здания
У Цепного моста.

А давно ль, — не надо ли
Повторять нам детям! —
Сами шапки падали
Перед зданьем этим;
Мысли нецензурные
Прорывались редко;
Радикалы бурные —
И у них есть сметка, —
Фразу их любимую

Повторяли людям
С резкой пантомимою:
«Все, дескать, там будем!»
Я же в назидание
Внукам до погоста
Буду славить здание
У Цепного моста.

Днем иль в ночи звездные
По Фонтанке еду, —
Зданье мне любезное
Увидав, беседу
Завожу с ним нежную,
Не реву едва я,
С грустью безнадежною
Головой кивая.
Сердце разрывается
У меня на части,
Дух же возмущается...
Впрочем, хоть отчасти,
Два иль три издания,
Стоющие тоста,
Заменяют здание
У Цепного моста.

1880

109

БЛУДНЫЕ ДЕТИ

Когда пред нами в образах поэта
Под серым небом бедных деревень
Встает народ, несущий ночь и день
Тяжелый крест, — до слез картина эта
Нас трогает... Дивит нас, сельский люд,
Порою доводя до умиленья,
Твое неистощимое терпенье,
Безропотность и бесконечный труд,
И сердце в нас становится моложе
От грустных нот певца, и, наконец,
Отзывчивые нервы растревожа,
  Мы сами плачем, как певец,
И чувствуем, что связаны судьбою

С тобой, народ, что кровна эта связь...
Потом, вполне довольные собою,
Чувствительностью собственной гордясь,
Как практики сухие по природе,
Среди забот и наших личных нужд
Позабываем скоро о народе,
Который нам на самом деле чужд.
Так блудный сын, усталый от разврата,
В минуту светлую, чтоб успокоить мать,
Клянется всем, что дорого и свято
Еще ему, иную жизнь начать;
Клянется на коленях он, с рыданьем —
Загладить прошлое бесславие и стыд...
Потом, очистив совесть покаяньем,
Опять на оргию полночную бежит.

⟨1880⟩

110

ВЗГЛЯД И НЕЧТО

(БЛИЗКОЕ ПОДРАЖАНИЕ «НОВОМУ ВРЕМЕНИ»)

Утром. Мненья либеральные
Я всегда предпочитал.
Ночью. Самая скандальная
Нынче кличка — либерал.
В людях. Смысла нет и логики —
Сечь детей и колотить.
Дома. Дело педагогики
Снова розги в ход пустить.
Утром. Преобразования
Нужны в Думе, господа!..
Вечерком. Кричу заранее —
Все реформы — ерунда!
В среду. Гласности значение
Отвергать ли?.. Мысль дика!
В четверток. Держусь я мнения
Господина Поздняка.
Полдень. Немцев ненавижу я,
Но люблю всех англичан.
Полночь. К чорту раса рыжая!
Немец — первый друг славян.

1880

111

ДВЕ СМЕРТИ

(БАЛЛАДА)

I

Действительный статский советник Курдюк,
Дородный, румяный, как солнечный круг,

Обедов хороших знаток и ценитель
И пола прекрасного страстный любитель,

Позавтракав плотно в трактире «Москва»
И шубу медвежью надевши, едва

На улицу вышел, как скрыть удивленья
Не мог. Никогда он такого движенья

Не видел, не помнил таких похорон:
Как тихое море, с различных сторон

Вокруг колесницы толпа тысяч во сто
Содвинулась как-то торжественно просто...

Отдельными группами шла молодежь
С венками лавровыми, — их не сочтешь, —

И убраны пышно венки были эти.
Смешались мужчины, и дамы, и дети,

Печально у многих потуплен был взор,
За хором одним новый следовал хор,

И весь подвижной погребальный тот клирос
От самой Литейной до Знаменской вырос.

II

Действительный статский советник Курдюк,
Толпой увлеченный, смотреть стал вокруг

На пышный кортеж, на толпу вокруг гроба,
И думал: «Конечно, большая особа

Скончалась, вельможа помре, крупный чин,
А иначе не было б вовсе причин

В столице его хоронить так парадно...
Однако... однако, тут что-то не ладно, —

Курдюк с беспокойством раздумывать стал. —
Я сам в крупном чине, я сам генерал,

Различных особ хоронил я немало
И знаю, что так на Руси генерала

Нельзя, невозможно никак погребать.
Во-первых, регалий нигде не видать,

А их для парада, — они не игрушки, —
Всегда до кладбища несут на подушке;

Затем нет мундиров, чиновных фигур;
Толпа либеральна на вид чересчур,

И слишком уж много в ней «длинноволосых»:
Сюда пять-шесть тысяч, не меньше, сошлось их...

Притом полицейских не видно почти,
Хотя образцовый порядок в пути

Народ соблюдает... Теряюсь в догадках!
Приходится век доживать при порядках

Таких, что идет кругом вся голова.
Бывало, два-три человека едва

Сойдутся случайно, — глядь, бог весть откуда
Является чин полицейский, как чудо,

А нынче посмотришь... Однако, кого б
Спросить: в Лавру, что ли, несут этот гроб?

И кто был покойник: почтенье внушая
Такое, он, верно, особа большая...»

III

«Позвольте спросить, — оглянувшись вокруг,
Действительный статский советник Курдюк

Спросил одного господина в еноте: —
Кого хоронить, господа, вы идете?»

— «Кого? — с изумленьем заметил енот,
Невольно свой шаг замедляя: — идет

За гробом почти целый город, и вдруг вы
(Курдюк стал красней кумача или клюквы)

С вопросом подобным!..» — «За этот вопрос
Прошу извиненья, — но умер-то кто-с?»

— «Не знаете разве? Известный писатель».
— «Писатель, и только, — что слышу, создатель!

Подобный кортеж... цугом шесть лошадей...»
— «Покойник был автором «Бедных людей»

И «Мертвого дома»... Вам этого мало?»
— «Простите, я думал, везут генерала

Иль знатного барина, что ли, — а он...»
— «А он был бедняк, и чинов всех лишен,

И выдержал каторгу даже в Сибири,
Но чтут его память в читающем мире,

И имя его, хоть кого ни спроси,
Известно повсюду у нас на Руси

И лишь незнакомо безграмотным людям,
Которых за то и винить мы не будем...»

IV

Курдюк не дослушал его до конца.
Курдюк то горел, то бледней мертвеца

От мыслей, бушующих в нем, становился;
Курдюк поскакал и дорогой крепился;

Когда же завидел квартиры порог,
В дверях оборвал он мгновенно звонок,

Рванул ручку двери, и ахнула громко,
Всплеснувши руками, его экономка;

Но, сбросивши шубу с себя и сюртук,
Действительный статский советник Курдюк

Дал полную волю проклятьям и гневу,
Смутив экономку, почтенную деву,

Потоком ругательств отборных таких,
Что немка застыла, услышавши их.

Та дева из Риги, лет за сорок с лишком,
Хотя к генеральским капризам и вспышкам

Давно попривыкла, робка по натуре,
Но всё ж не слыхала она такой бури.

Курдюк же ревел, словно раненый: «Как?
Писака какой-нибудь... нищий... голяк

(Он тут оборвал у сорочки весь ворот)
Такой удостоился чести! Весь город

За гробом его нес хоругви, венки!..
Что власти смотрели? Мои кулаки

Сжимались все время при этом скандале...
О, если бы волю... сегодня... мне дали,

То я...» Тут упал как подкошенный вдруг
Действительный статский советник Курдюк,

И, — был генерал оскорблен очень тяжко, —
Хватил его на́смерть в то утро кондрашка,

И доктор, взглянувши на казус такой,
Ушел, безнадежно махнувши рукой.

V

Прошло трое суток. По грязной дороге
На Волково двигались крытые дроги,

На них возвышался глазетовый гроб,
За гробом, нахмуривши низкий свой лоб,

Плелась экономка, с ней две-три старушки;
Несли ордена на обычной подушке,

А сзади шла кучка знакомых, родных, —
Покойник едва ли узнал бы иных,

Отставши от многих родных и знакомых:
Путейский полковник, что выпить не промах

И ради поминок покушать, кадет,
Чиновник из банка — партнер и сосед

Умершего, писарь, какая-то полька,
Курьер да племянник с супругой — и только.

И если бы мог оглянуться вокруг
Действительный статский советник Курдюк,

Слегка приподняв над собой крышку гроба,
Такая б проснулась в нем дикая злоба,

Увидя своих провожатых, что вновь
Застыла б слегка забродившая кровь,

И, выбранив эту компанию зычно,
С досады наверно б он умер вторично.

1881

112

ЗАГОВОР В ЛЕСНОМ

БАЛЛАДА

> Редакция журнала «Полярная звезда» помещается за городом, в Лесном.
>
> *Газетное известие.*

> С волками жить — по волчьи выть.
>
> *Пословица.*

Ночь, мороз трещит. На сонный
Парк льет бледный свет луна.
Там и здесь — сугроб саженный,
Холод, глушь и тишина.

Запушились снегом елки...
Непробудно-поздний час...
В парке только рыщут волки
И издатель Салиас.

— «Братцы-волки! Не простая
У меня есть просьба к вам...»
И волков сбежалась стая,
Удивясь таким словам.

«Позадумал издавать я
Здесь «Полярную звезду»
И от вас, о, волки-братья,
Дорогой услуги жду.

Для изданья не барашки
Нужны мне, а волчья рать,
Чтоб за икры и за ляжки
Либералов всех кусать.

Помогите — вы мне любы —
Издавать в Лесном журнал:
Пусть узнает волчьи зубы
Современный радикал.

Волчий стиль мы все усвоим...
Не жалейте же клыков»...
И свое согласье с воем
Изъявило сто волков.

Мораль

Не советую на тройке,
Господа, скакать в Лесной:
Могут кончиться попойки
Там катáстрофой одной.

Либералов вкусно мясо, —
Нынче ж кто не либерал?
Так что волки Салиаса
Вас съедят и — кончен бал.

1881

113

ТУЗЫ

Тузы в общественной колоде
Меняют часто вид и крап:
Сегодня туз в почете, в моде,
А день прошел и — цап-царап! —

Судьба в одно мгновенье ока
Его сконфузила вполне,
И марширует он далеко
С тузом бубновым на спине.

Кругом осматриваясь зорко,
Не знаешь, где сверкнет гроза:
Порой козырная шестерка
(Не в картах только) бьет туза.
Но к людям мы не будем строги,
Дельцу нетрудно — верьте мне —
Проснуться где-нибудь в остроге
С тузом бубновым на спине.

Игра в удачу — не без риска;
Нас счастье ловит наугад:
Тузам то кланяются низко,
То в час недобрый их тузят.
Иной дельцом был видным, земцем,
Был маркитантом на войне,
И глядь — туз омским стал туз. . .емцем
С тузом бубновым на спине.
⟨1881⟩

114

ЖИТЕЙСКАЯ ИЕРАРХИЯ

Строго различаем мы с давнишних пор:
Маленький воришка или крупный вор.

Маленький воришка — пища для сатир,
Крупный вор — наверно где-нибудь кассир;

Маленького вора гонят со двора,
Крупного сажают и в директора;

Маленький воришка сцапал и пропал,
Крупный тоже сцапал — нажил капитал;

Маленький воришка угодил в острог.
Крупному же вору — впору всё и впрок;

Маленьким воришкам — мачеха зима,
Крупных не пугает и сама тюрьма,

И они спокойно ждут законных кар...
Там, где шмель прорвется, берегись комар!..
⟨1881⟩

115
ТОГО ГЛЯДИ

С людьми, что одного со мною круга,
Я лажу, восхваляю их умы;
Но завести себе не смею друга:
Того гляди, попросит он взаймы.

Привык любить искусство я родное,
Ценю талант, как высший божий дар,
Но не хожу в театр уже давно я:
Того гляди, случится там пожар.

В таможне мне местечко предлагали,
Я послужить непрочь, ей-богу, сам,
Но поступлю на службу я едва ли:
Того гляди, там волю дам рукам.

О, женщины! От взгляда их я таю,
Одна улыбка их мне дорога,
Но о жене доныне не мечтаю:
Того гляди, наставит мне рога.
⟨1882⟩

116
СОВРЕМЕННАЯ БАСНЯ

Вороне, хищнице известной, где-то бог
Послал с начинкой вкусною пирог...
Хоть ей грозил путь отдаленный,
Все ж уплетать ворона начала
Пирог казенный,

А в это время мимо шла
Лиса, известная юристка и софистка,
И, поклонившись низко,
Сказала: «Упекут
Тебя, голубушка, под суд,
Где защищать тебя готова я, пожалуй,
«Присяжным» псам сказав: лежать! ни с места! куш,
Когда вперед заплатишь мне немалый
За это куш».
Ворона знала, странствуя по суше
И по воде,
Что раздавать такие куши
Приходится везде,
Чтоб дело выиграть в суде.
И заключила тотчас же условье
С лисой и ей дала от пирога кусок.
Но это только предисловье
Истории, а вот и эпилог:
Попала скоро хищница в острог
И о таком «пассаже»
Скорбела день и ночь, совсем лишившись сна,
Лиса же
Осталась в барышах одна.

Как вора ни зови — шакалом иль вороной,
Узнают все, однако, кто вор оный.

1882

117

КОРОЛЬ И ШУТ

Король негодует, то взад, то вперед
По зале пустынной шагая;
Как раненый зверь, он и мечет и рвет,
Суровые брови сдвигая.

Король негодует: «Что день, то беда!
Отвсюду зловещие вести.
Везде лихоимство, лесть, подкуп, вражда,
Ни в ком нет ни правды, ни чести...

Поджоги, убийства, разврат, грабежи,
Иуда сидит на Иуде...»
Король обратился к шуту: «О, скажи:
Куда делись честные люди?»

И шут засмеялся: «Ах, ты, чудодей!
Очистив весь край понемногу,
Ты в ссылку отправил всех честных людей
И — сам поднимаешь тревогу!»

⟨1882⟩

118

ВОПЛЬ РЕТРОГРАДА

От опасений вечных тая,
Как жертва гласности шальной,
Под небо дальнего Китая
Бегу я из страны родной...
На прессу сильно негодуя
И раньше срока стар и сед,
Туда, туда, — в тот край уйду я,
Где репортеров вовсе нет.

Готов бежать я к готтентотам,
К даякам... Пусть страна дика, —
Жить несомненно хорошо там,
Где нет печатного станка,
Где человек к природе ближе,
Неграмотен, совсем раздет...
Туда, туда направлю лыжи,
Где репортеров вовсе нет!

⟨1883⟩

119

ИЗ И. АКСАКОВА

(СМ. ПОСЛЕДНИЙ № «РУСИ»)

Школьник

Еду. Спереди и сзади
Лишь поля одни встают.
— Ну, пошел же, бога ради!
Покажи лошадкам кнут.

Полетела птицей тройка...
Шел с котомкой за спиной
Впереди мальчишка бойко.
— Стой, ямщик! Куда, родной,

Пробираешься? — Не близко:
В город... — Этакий сверчок
И один идет! Садись-ка
Ты ко мне на облучок.

Подвезу. — Присел парнишка.
— Что в котомке ты несешь?
— Две рубашки в ней да книжка.
Я иду учиться. — Что ж,

Будешь писарем, быть может.
— Поучившись шесть-семь лет,
Попаду, коль бог поможет,
Даже в университет.

— Что-о? Как? В университете
Хочешь быть ты, мальчуган?..
Вот о чем мечтают дети
Добрых наших поселян!..

Боже, это уже слишком!..
У меня зудит рука...
Помогать таким мальчишкам
Не хочу... Прочь с облучка

И ступай пешком... Проселки
Каковы у нас?.. Разврат!..
Погоняй, ямщик! Хоть волки
Пусть его здесь заедят.

1883

120

ПОВЕТРИЕ

Имея пломбу от Европы,
Нетрудно гением прослыть;
Всегда найдутся остолопы,
Чтоб приговор такой скрепить.

«Он человек великий!» — часто
Мы слышим их табунный крик.
Глупцы решили так и — баста!
Он потому для них велик,

Что, на колени ставши, снизу
Вверх на него они глядят,
Но если рабскому капризу
Они служить не захотят,

То, вставши на ноги и просто
Взглянув, узнают в миг один,
Что незначительного роста
Их изумлявший господин.

Теперь же обратили в идол
Они его, плетут венки, —
Но аттестат единый выдал
Им, верно, сам он: «Дураки!»
⟨1884⟩

121

НАПРАСНЫЕ ОПАСЕНИЯ

Мы, люди старого закала,
Смотря, как мир идет вперед,
Скорбим и сетуем немало,
Что обновился жизни ход,
Что изменились люди, нравы,
Черты нет прежней ни одной, —
Но в этом мы, друзья, неправы:
Все тот же он, наш край родной.

Как старовер журнальной лиги,
Смотрю кругом я без забот:
У жизни, как у старой книги,
Лишь обновился переплет.
Под неизменным зодиаком
Живет и дышит божья тварь,
И под блестящим, новым лаком
Еще сквозит родная старь.

В столицах и в глуши уезда
Все те же блага старины,
Лишь не с парадного подъезда,
А с заднего крыльца должны
Мы в бытовые наши гнезда
Вступать в родимой стороне,
Где все мы рано или поздно
Вернемся к прошлому вполне.

Прогресса ширмы лишь для виду
Скрывают наш старинный быт,
Но он не даст себя в обиду,
За дело предков постоит,
Не променяет идеала,
Которому служил века,
И — поскобливши либерала,
Мы в нем найдем крепостника.

Держась за старые порядки,
Мы противу рожна не прем;
Где нужно, предлагаем взятки,
Где можно, сами их берем;
Не отрицая просвещенья,
Имеем в сердце божий страх
И выставляем в день крещенья
Кресты на всех своих дверях.

Любая пришлая химера
У нас мутит одних детей;
Мы любим почитать Вольтера
И верим в леших и в чертей;
Заботясь о домашнем мире,
Просыпав соль, скрываем вздох,
И изумляемся, в квартире
Не находя клопов и блох.

Идеи западные с толку
Не сбили нашу «соль земли»,
И ту же «Северную пчелку»

Мы в «Новом времени» нашли.
В его любой заглянешь нумер
И крикнешь радостно всегда:
«Булгарин жив, и Греч не умер!»
Чего ж еще вам, господа?!.

⟨1885⟩

122

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

БАЛЛАДА

В виду океана ревел, как Борей,
Джон Буль, находясь в ажитации:
«Явись, о Фетида, богиня морей,
Защитница английской нации,
Явись и скажи мне, кто может со мной
Соперничать в силе и в славе земной?..»

На двух полушариях английский флаг
Всевластно теперь развевается;
Пред золотом нашим как друг, так и враг
Почтительно ныне склоняется;
Где меч не проложит дорогу себе,
Там деньги осилят в неравной борьбе.

Весь мир — мой!» Тогда из пучины морской,
Где стихло волнение шумное,
Ему отвечала Фетида с тоской:
«Какая кичливость безумная!
О, смертный, скажу, справедливость любя,
Заносчивость эта погубит тебя.

Как ты, был заносчив мой сын Ахиллес
И боя искал рукопашного;
Однако, к несчастью, по воле небес,
Пята Ахиллеса бесстрашного
Была уязвима, и пал он в бою,
Наполнивши скорбью всю душу мою.

Британский твой лев также грозен на вид,
Кичливость за ним та же водится,
Но все же своих «ахиллесовых пят»
Ему забывать не приходится.
Египет — Ирландия — Индия: ты
Сперва залечи-ка три эти пяты».

⟨1886⟩

123

СОН

Мне снился сон. Погас осенний, тусклый день,
Сгущалась и росла за новой тенью тень,

И надвигался мрак, как крылья черной птицы.
На западе потух последний луч денницы,

Лениво, без борьбы с гнетущей темнотой;
Всевластно над землей висел туман густой,

Непроницаемый, как пелена льдяная.
Тогда настала ночь, удушливо-больная,

Безлунная, без звезд, и грязно-мутной тьмой
Окутанная вся. Томительный, немой

Недвижим воздух был, а город колоссальный
Гудел и грохотал, и мертвенно-печальный

Свет электрических высоких фонарей
Мрак одолеть хотел как будто, но скорей

Усиливал его, и выступала резко
Ночная темнота из городского блеска.

Чу! мерно прозвучал вдали двенадцать раз
Церковный колокол: то был полночный час.

Последний замер звук, как порванная нога...
Тогда произошло неслыханное что-то,

Невероятное до ужаса. Впотьмах
На башнях городских, на храмах, на домах,

Под каждой кровлею, в палатах и в подвале —
Единовременно часы повсюду стали:

Пружина лопнула, и маятник упал
Иль без движенья стих, и биться перестал

Пульс времени. Земли движенье прекратилось,
Свет, Время умерли, и Полночь воцарилась,

Пространство обняла, как черная броня,
Ни утренней зари, ни голубого дня

Не видел больше мир, и солнце золотое
Не разгоняло тьмы полночного застоя.

Тьма непроглядная везде, — и там и здесь, —
Ночь длилась без конца и — в этом ужас весь —

В громадном городе, где люди суетились,
Шумели, плакали, страдали, веселились,

Хлеб добывали свой иль отнимали хлеб
У ближнего, никто, — весь мир как бы ослеп, —

Никто не замечал, что ночь не уходила,
Что животворный луч небесного светила

Не грел, не разгонял могильной темноты.
Никто не восклицал: «О, солнце, где же ты?

Где ярких звезд недремлющие очи?
Мы задыхаемся под гнетом вечной ночи,

Без света и тепла... Иль навсегда погас
Шар солнца в небесах, как выколотый глаз

Вселенной?..» Всех людей как будто охватило
Одно безумие, и темный, как могила,

Свод неба не пугал слепой толпы людской.
Она, ведя борьбу за личный свой покой,

Жила бессмысленно, стихийно и случайно,
Лгала, лукавила, развратничала тайно,

Давила слабого, и смело шел порок
На преступление... Но не алел восток

От пурпура зари, и Полночь ризой черной
Стояла над землей с недвижностью упорной.

Тогда от ужаса проснулся я, — иль мне
То пробуждение почудилось во сне? —

Смотрю: все та же тьма и ночь на небе хмуром;
Трепещет лампы свет под темным абажуром,

А стрелка на часах, над головой моей,
Дошла до полночи и замерла на ней.
⟨1886⟩

124

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕРОИ

Колупаев
(подходя к Обломову)
Здравствуй, барин!

(Обломов отворачивается.)

Разуваев

Видишь, кланяться
Не желает нам гордец.

Колупаев
(Обломову)

Эй, не плюй в колодец! Чваниться
Переставши наконец,
Сам к колодцу за водицею
Непременно ты придешь
И вокруг нас сам лисицею
Увиваться ты начнешь.
Ныне властные хозяева
Кто, скажи-ка, на Руси?
Ты об этом Разуваева,
Колупаева спроси.
Ту двойную, всем знакомую,
Кличку знает русский люд.
Величают вас — *соломою,*
Нас же — *силою* зовут.
Барство прежнее умело ли
Так хозяйничать? Поверь,
Даже климат переделали
Мы в родном краю теперь;
С той поры, как вкруг да около
Истребляем мы леса,
А у вас всех сердце ёкало, —
Совершились чудеса:
Климат сделался суровее,
Юг на север стал похож,
И, скажу без празднословия,
Молотить мы можем рожь
На обухе... Не сторонятся
Нас, кому нужны гроши...

Обломов

Дайте руку. Познакомиться
С вами рад я от души.

⟨1887⟩

125

ПОЭТ ПЕРЕД СУДОМ АДВОКАТА

(ПОДРАЖАНИЕ СОФИСТУ XIX ВЕКА)

Автор «Демона» и «Мцыри»
Даровитый был поэт,
Но, как дважды два — четыре,
Ясно мне (я *первый* в мире
Об его замечу лире):
Самобытности в нем нет.

Да, пора предать огласке,
Что российский сей баян,
Создавая песни, сказки,
Все эпитеты, все краски
Брал нередко без опаски
У привислинских славян.

У «оставленного храма»
Пел он: «это все же храм!»
Но настаивать упрямо
Буду, высказавши прямо:
У Мицкевича Адама
Тот же стих найду я вам.

Есть «желтеющая нива»
В стансах русского певца,
Есть «малиновая слива»,
Но, однако — что за диво? —
Те ж слова, их вспомнив живо,
Я нашел у Одынца.

У поэта «волны сини»
В океане...[1] Стих богат,
Слаще музыки Россини, —
Но могу заметить ныне,
Признаюсь не без гордыни:
У Словацкого он взят.
Все же, публика, причисли

[1] «По синим волнам океана».

Ты певца к среде светил!
Хоть и не жил он на Висле,
Но ее поэтов чтил,
Брал их образы и мысли
И от них лишь, в строгом смысле,
Понабрался мощных сил.

1888

II

126

ГАЗЕТЕ «ДЕНЬ»

«Дню» мадригала лучше нет:
«Ни *день*, ни ночь, ни мрак, ни свет».

1861—1862

127

ЗАГАДКА

Кто на Руси возрастил красноречья афинского розы?
В веке прогресса, скажи, кто казаков угадал?
Кто Славянин молодой, Греч мощью, а духом Булгарин?
Вот загадка моя: хитрый свистун, разреши.

1862

128

В ДЕНЬ ИМЕНИН И. А. А⟨РСЕНЬ⟩ЕВУ

Почтить в день ангела — обычай
Блюдет издревле славянин,
Иной хоть крендель из приличий
Да поднесет в день именин.
И в этот праздник — так ведется —
Никто до ночи от утра
Над срочным делом не согнется
И не коснется до пера;
И мы теперь, не без причины,
Вам восхвалив безделье, лень,
Желаем все, чтоб именины
У вас бывали каждый день.

1862

129

ЭКСПРОМТ ЕМУ ЖЕ

Твой политический письмовник
Прочтя, воскликнет целый свет:
— Ты в литераторах — чиновник,
А меж чиновников — поэт.

1862

130

НА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКЕ

I

Нищие (г. Гаугера)

В этих нищих мы напрасно
Бедняков несчастных ищем:
Мне, смотря на них, ужасно
Быть таким хотелось нищим.

1862

II

К картине «Битая дичь» г. Граверта

Здесь в указатель глядеть не приводится,
Можно здесь разом постичь,
Что на картинах пред нами находится
Дичь, господа, только *дичь*!..

1863

III

«Голова осла» профессора Швабе

Твое произведенье
Каких же стоит слов?
— О, скудно вдохновенье,
Творящее... ослов.

1863

IV

«Прощание Гектора с Андромахой» С. Постникова

Вздохнул я от горя немалого:
Твой Гектор похож на хожалого,
Твоя ж Андромаха — о боже! —
Совсем ни на что не похожа.

1863

V

Отелло и Дездемона

(Картина К. Кенига)

Ах, покорись судьбы закону.
Отелло твой весьма смешон:
Хотел зарезать Дездемону [1]
И лишь *тебя* зарезал он.

1863

VI

К картине г. Крестоносцева

Я думал, глядя на треножник,
Где помещались три этюда:
— Ты только потому *художник*,
Что уж рисуешь очень *худо*.

1863

131

НАДПИСЬ К РОМАНУ г. БОБОРЫКИНА «В ПУТЬ-ДОРОГУ!»

«В путь-дорогу!» — новейший роман!
Для какой же он публики дан?
Да спасут Боборыкина боги:
Сбился он и *с пути* и *с дороги.*

1863

[1] «Отелло» у г. Кенига убивает Дездемону кинжалом.

132

НАДПИСЬ К ПИЕСЕ «БЫЛО ДА ПРОШЛО»

Прохожие! забудьте зло
И, успокоясь понемногу,
Скажите здесь: о, слава богу,
Что это *было да прошло!*

1863—1864

133

К ПЬЕСЕ «ЧУЖАЯ ВИНА» г. УСТРЯЛОВА

Эта драма назваться должна,
Чтоб избегнуть скандала немалого,
Уж совсем не «Чужая вина»,
А вина — господина Устрялова.

1863—1864

134

К КОМЕДИИ «БЫТЬ И СЛЫТЬ»

Она *была*
Комедией плохою;
И *прослыла*,
И умерла такою.

1864

135

ПАМЯТИ АРТИСТОВ, ИГРАВШИХ В «ДОХОДНОМ МЕСТЕ» ОСТРОВСКОГО

Когда вы здесь играли вместе,
У всех бродило на устах:
Друзья! ведь вы в «Доходном месте»
Не на своих совсем местах.

1863—1864

136
БОБОРЫКИНУ В РОЛИ ЧАЦКОГО

Карету мне, карету!
(«Горе от ума», акт IV)

На сцене видя пьесу эту,
Я об одном лишь плакал факте,
Что Боборыкину карету
Не предложили в первом акте.

1864

137
АНАЛОГИЯ СТИХОТВОРЦА

«Я — новый Байрон!» — так кругом
Ты о себе провозглашаешь.
Согласен в том:
Поэт Британии был хром,
А ты — в стихах своих хромаешь.

⟨1865⟩

138
А. МАЙКОВУ И Ф. БЕРГУ, СТАВШИМ ПОСТОЯННЫМИ СОТРУДНИКАМИ ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА «ДЕЛО И ОТДЫХ»

Вы правы, милые певцы!
Всё изменяется на свете:
Не признавали вас *отцы,*
Так, может быть, признают *дети.*

1865

139
ПО ПРОЧТЕНИИ ДРАМЫ «МАМАЕВО ПОБОИЩЕ»

Своею драмой донимая,
Ты удивил весь Петербург:
Лишь только в свите у Мамая
Мог быть подобный драматург.

1864—1865

140

ПРИ ПОСЫЛКЕ РОМАНА «ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»

Доктора в леченьи странны.
Все они — не смело ли? —
Говорят: морские ванны
Многим пользу делали.

Эта книга тоже *«море*
Взбаламученное»,
Встретит в ней большое горе
Грудь измученная.

И теперь пред целым светом
Я на ванны эти сетую
И купаться в море этом
Вам я не советую.

1863—1865

141

ГАЛАНТНОМУ ЖУРНАЛИСТУ

Когда статьи о бедном брате
Ты сочиняешь, полный мук,
Прошу тебя, взгляни ты кстати
На бриллианты пухлых рук,
И, может быть, тебя алмазы
Заставят вздрогнуть хоть слегка:
Ведь бриллиантовые фразы
Легко гранить в честь бедняка.
Притом введешь ли нас в обман ты?
С тебя личина уж снята:
На жирных пальцах бриллианты,
А в деле мысли — нищета.

1865

142

В ресторане ел суп сидя я,
Суп был сладок, как субсидия,
О которой сплю и думаю,
Соблазняем круглой суммою.

1865

143

ПУШКИНУ, ПОСЛЕ ВТОРИЧНОЙ ЕГО СМЕРТИ

Гоним карающим Зевесом,
Двойную смерть он испытал:
Явился Писарев Дантесом
И вновь поэта расстрелял.

1865

144

Н. ЩЕРБИНЕ, ИЗДАВШЕМУ СБОРНИК «ПЧЕЛА»

Поэт! к единственной я склонен похвале:
«Пчела» Булгарина сродни твоей «Пчеле».

1865

145

ЗАМЕТКИ

(ПОДРАЖАНИЕ МОСКОВСКОМУ ПОЭТУ)

I

«На нашей почве урожайной
Растит и тупость семена...»
Так молвил в злобе чрезвычайной
Поэт, воспрянувший от сна.
Вы правы, злобою алея:
В одни и те же времена
Взросли — ведь нет насмешки злее —
Таланта Пушкина лилея
И вашей музы белена.

II

Проснулась в нем страстей игра,
За то, что мысль не сходит к барду,
И вместо прежнего пера
Схватился он за алебарду.

Напрасно будочника вид
Приняв, он ею машет гордо,
Но на Парнасе Держиморда
Уж никого не устрашит.

1866

146

У ВХОДА В ПРЕССУ

«Кто там?» — «Я истина». — «Назад!
В вас наша пресса не нуждается».
— «Я честность!» — «Вон!» — «Я разум!» —
«Брат,
Иди ты прочь: вход запрещается.
— Ты кто такая?» — «Пропусти
Без разговоров. Я — субсидия! . .»
— «А, вы у нас в большой чести:
Вас пропущу во всяком виде я!»

⟨1867⟩

147

— Когда я нравлюсь публике? — спроста
Сказал актер. Ответил я невольно:
«О, семь недель великого поста
Тобою очень публика довольна. . .»

⟨1868⟩

148

БЕЗЫМЕННОМУ ЖУРНАЛИСТУ

Сразить могу тебя без всякого усилья,
Журнальный паразит:
Скажу, кто ты и как твоя фамилья,
И ты — убит.

⟨1868⟩

149

У тебя, бедняк, в кармане
Грош в почете — и в большом,
А в затейливом романе

Миллионы нипочем.
Холод терпим мы, славяне,
В доме месяц не один.
А в причудливом романе
Топят деньгами камин.
От Невы и до Кубани
Идиотов жалок век,
«Идиот» же в том романе
Самый умный человек.

1868

150

Каков талант? И где ж его
Поймет простой народ?
Он сам напишет «Лешего»
И сам его споет...

Слез много нами вылито,
Что он в певцы пошел...
Иван Сергеич! Вы ль это?
Вас *Леший* обошел.

1868

151

СКОПЦУ П⟨ЛОТИЦЫ⟩НУ, КОТОРОГО ПРЕСЛЕДОВАЛА ОДНА МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА

Журнальный враг твой очень злится.
Но он ведь жалок в свой черед:
Он может только тем гордиться,
Чего тебе недостает.

1869

152

Гордись же ты, надменный росс!
Свободное печати слово
Под алебардою Каткова
Преображается в донос.

⟨*1870*⟩

153

ПРИ НОВОЙ ПОСТАНОВКЕ «ГОРЯ ОТ УМА»

Поднялся занавес, и вскоре
Решила публика сама:
На сцене видели мы *горе*,
Но не заметили *ума*.

1869—1870

154

ЖУРНАЛУ «НИВА»

Пусть твой зоил тебя не признает,
Мы верим в твой успех блистательный и скорый:
Лишь «нива» та дает хороший плод,
Навоза не жалеют для которой.

1870

155

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Чтоб утонуть в реке, в нем сердце слишком робко,
К тому же, господа, в воде не тонет пробка.

⟨1870⟩

156

ОДНОМУ ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ СЫЩИКОВ

I

К доносам склонностью сгорая,
Побойся, наконец, Христа:
«Хлыстов» с «хлыстовщиной» карая,
Остерегись и сам — *хлыста.*

II

Тебе мерзки скопцы-кастраты,
Тебе бы всех их — на костер,
Но сам не стоишь ли костра ты,
Литературный «Тушин вор».

1870

157

ГРАФУ СОЛЛОГУБУ

Хотя из памяти своей
Меня давно вы, верно, вымели,
Но вам, как другу прежних дней,
Я шлю теперь свое факсимиле.
Меж нами сходства много, граф,
И сходства, право, очень милого,
Так пусть вот этот автограф
Напомнит вам про Репетилова.
Как вы, я Пушкина знавал...
Раз увидал на Невском издали,
О нем статейку издавал,
Как сами вы когда-то издали.
Как вы, и я пишу стихи,
Стихи, как ваши, хромоногие,
Зато уж юности грехи...
В грехах мы сходны, как немногие.
Своих не выдумав острот,
Вы пробавлялись не моими ли?
Так не дивитесь вы, что шлет
Вам старый друг свое факсимиле.

⟨1870⟩

158

КЛЕВЕТА

Не верьте клевете, что мы стоим на месте,
Хоть злые языки про это и звонят...
Нет, нет, мы не стоим недвижно, но все вместе
И дружно подвигаемся... назад.

⟨1870⟩

159

Когда в гостях супругам говорят:
«Пожалуйста, вы будьте здесь, как дома»,
Я всякий раз свой потупляю взгляд,
Я всякий раз при этом жду содома
И думаю, знакомый не с одной

Славянскою семьей: пора бы догадаться —
Когда в гостях, *как дома,* муж с женой,
Они, пожалуй, могут и подраться.

⟨1870⟩

160

Нельзя довериться надежде,
Она ужасно часто лжет:
Он подавал надежды прежде,
Теперь доносы подает.

⟨1870⟩

161

Я не гожусь, конечно, в судьи,
Но не смущен твоим вопросом.
Пусть Тамберлик берет *do* грудью,
А ты, мой друг, берешь do — носом.

⟨1870⟩

162

Я. ПОЛОНСКОМУ ПО ПОВОДУ ЕГО КНИГИ «СНОПЫ»

В поэте этом скромность мне знакома,
Но все-таки я очень поражен:
Свои стихи *«Снопами»* назвал он,
А где *снопы*, там и *солома.*

1871

163

ПРОТЕСТ

Я Марса одного недавно назвал Марсом...
Ну, кажется, скромней не может быть печать,
Но Марс обиделся и просто лютым барсом
Хотел меня на части разорвать.

Ведь после этого житья нет в божьем мире,
Ведь после этого, отбросив всякий фарс,
Нельзя хулить «картофеля в мундире»,
Чтоб не обиделся иной мундирный Марс.

⟨1871⟩

164

ИСТОРИЯ ОДНОГО РОМАНИСТА

Коротенькие мысли, коротенькие строчки,
Клубничные намеки от точки и до точки,
Широкие замашки и взгляд мещански-узкий,
Язык преобладающий — не русский, а
французский;
Легко все очень пишется и без труда читается,
И из голов читателей тотчас же испаряется.

⟨1871⟩

165

ВОПРОС

Послушать вас — вам все сродни на свете.
Заговорят случайно о Гамбетте,
Окажется Гамбетта ваш confrère;[1]
Рошфор — ваш кум, граф Бисмарк—друг завзятый,
Гюго земляк и однокашник Тьер,
И, кажется, сродни немножко Пий IX.
Везде у вас друзья — их сорок сороков —
В Париже, в Лондоне, в Берлине и в Мадриде,
И вертится вопрос у ваших земляков:
Как вам приходится, пожалуйста, скажите,
Знакомец наш всеобщий — Хлестаков?

⟨1871⟩

166

АРТИСТУ-ЛЮБИТЕЛЮ

«Служителем искусства» постоянно
Ты, милый мой, привык себя считать.
Что ты «служитель» — это мне не странно,
Но об искусстве-то зачем упоминать?..

⟨1871⟩

---

[1] Собрат. — *Ред.*

167

ЗАГАДКА

Для чего на небе звезды?
Много толков я слыхал.
Но верней всех заключенье
Сделал прусский генерал.
Долго он смотрел на небо
И решил загадку сам:
«Вероятно, за отличье
Даны звезды небесам».

⟨1871⟩

168

НА ПРОЩАНЬЕ

«Услышавши, что скоро, ваше—ство,
Вы нас оставите, чиновники все плачут».

(В глазах «особы» видно торжество.)
— «Гм! Плачут! Да? Что ж слезы эти значат?

Я их не баловал. За баловство
Меня не упрекнут, не нарушал я долга...»

— «Они о том скорбят все, ваше—ство,
Что с ними вы служили очень долго!..»

⟨1871⟩

169

ОДНОМУ ИЗ ДЕЯТЕЛЕЙ

Всего, чем жизнь кипит вокруг,
Термометр в некотором роде,
Он брюки, «принципы», сюртук
Имеет по последней моде.
Сейчас с парижской мостовой,
Он парижанин в каждой строчке,
И даже строчки на сорочке
Парижской сделаны швеей.
Он из Парижа все новинки

Ловить умеет налету:
И убежденья, и ботинки,
И звонкой фразы пустоту.
Но ветер может измениться,
И он, без многих дальних дум,
Из Вены выпишет костюм
И венским духом заразится.

⟨1871⟩

170

ПРИ ЧТЕНИИ РОМАНА «ПРИ ПЕТРЕ I»

СОЧ. КЛЮШНИКОВА И КЕЛЬСИЕВА

По паре ног у них двоих,
Теперь же, видя вкупе их,
Два автора, на удивленье многим,
Являются *одним* четвероногим.

1871

171

М. О. М⟨ИКЕШИ⟩НУ

Художник смелый наш, Орфей в карикатуре!
Таланта твоего нельзя не оценить:
Ты камни заставляешь говорить. . .
О собственном бессилии в скульптуре.

⟨1871⟩

172

ПО ПРОЧТЕНИИ РОМАНА И. ТУРГЕНЕВА «ВЕШНИЕ ВОДЫ»

Недаром он в родной стране
Слывет «талантом». . . по преданьям;
Заглавье вяжется вполне
В его романе с содержаньем.
При чтеньи этих «Вешних вод»
И их окончивши, невольно
Читатель скажет в свой черед:
«Воды, действительно, довольно. . .»

1872

173

ПАРАЛЛЕЛЬ

Перед домом Вяземского
(на Каменноостровском проспекте)

«Какой прелестный дом! Все, до пустых безделиц,
Изящно в здании. Сказать могу вперед,
Что множество людей живет в нем...»
— «В нем живет
Всего один домовладелец».

Перед домом Вяземского
(на Сенной площади)

«Что за развалины! Скажите, мой любезный:
Тут разве крысы могут только жить!»
— «В нем столько жителей, что городок уездный
Не в состояньи всех их поместить».
⟨1872⟩

174

К ПОРТРЕТУ
ЧУГУНОЛИТЕЙНОГО ЗАВОДЧИКА Г.

В литейном деле он силен,
И даже слух прошел в народе,
Что новый череп на заводе
Себе недавно отлил он.
⟨1872⟩

175

П. В. ШУМАХЕРУ

Раскрыл я Пушкина недавно.
«Поэт, ты сам свой высший суд», —
Он восклицал весьма забавно;
Не ведал он, что дни придут,
Когда и музы приговора
В любом суде не избегут,

И уж певцы не запоют
В ответ на громы прокурора:
«Поэт, ты сам свой высший суд!»

1872—1873

176

НА СОЮЗ Ф. ДОСТОЕВСКОГО С КН. МЕЩЕРСКИМ

Две силы взвесивши на чашечках весов,
Союзу их никто не удивился.
Что ж! первый дописался до «Бесов»,
До чортиков другой договорился.

1873

177

ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЫИГРЫШ

«Я дом купил!» — «Ах, очень рад!»
— «Постойте радоваться: вскоре
Он за долги мои был взят».
— «О, боже мой, какое горе!»
— «Но адвокат вернул назад
Мне этот дом». — «Вот так удача!»
— «Ну, нет большой удачи в том:
Мой адвокат взглянул иначе
И за «защиту» взял мой дом».

⟨1873⟩

178

ОСЕННЯЯ ВИНЬЕТКА

Кислая осень в окошко врывается.
Дома сидеть невозможно никак:
Выйдешь на улицу — злость разыграется:
Сырость и грязь отравят каждый шаг.
Целые сутки льет дождь с неба хмурого,
Некуда деться от сонной тоски,
Будто бы ты все статьи Гайдебурова
Перечитал от доски до доски.

⟨1873⟩

179

ЭКСПРОМТ

Сейчас ты истину мне горькую сказал
И все-таки прими за это благодарность.
Ты прав — на мелочи талант я разменял,
А ты попрежнему все — крупная бездарность.

⟨1873⟩

180

А. О⟨ЛЬХИ⟩НУ

Между тобой и Робеспьером
Есть сходства общего черты.
Служа ораторов примером,
Он адвокат был, как и ты;
Как ты, был в обществе прославлен,
Одна лишь разница с тобой:
Он — гильотиной обезглавлен,
Ты обезглавлен был судьбой.

⟨1875⟩

181

В. ОРЛОВСКОГО

(РЫБАКИ)

Его картина цели достигает:
Спят «рыбаки», а публика зевает.

1875

182

А. БУРГЕРУ

(УБИТЫЙ ОЛЕНЬ)

Шатки искусства ступени...
Скажем одно без упрека:
Ах, на убитом олене
Вам не уехать далеко!..

1875

183

В ФИНЛЯНДИИ

Область рифм — моя стихия,
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаясь с каламбуром.

⟨1876⟩

184

МОЕМУ СОСЕДУ

Сегодня дядя Клим собакой мне приснился,
Но это не дивит пускай нисколько вас:
По-моему, страннее во сто раз,
Что он действительно собакой не родился.

⟨1876⟩

185

**ТРЕЛИ И СИГНАЛЫ
ОТСТАВНОГО МАЙОРА М. БУРБОНОВА**

I

Муж уговаривал ревнивую супругу:
«Да успокойся, милая! Как другу,
Мне окажи услугу...
Меня ревнуешь ты к чему ж?
Поверь мне, душенька, как муж,
Я человек примерный
И, право, верный»...
— «Да, именно, как турок правоверный,
Имеющий в гареме не одну
Жену...»

⟨1876⟩

II

Домашнее горе

Несчастная жена рыдает день и ночь.
Напрасно ей стараются помочь,
Напрасно врач все средства предлагает —

Все плачет, бедная, и только причитает:
«Голубчик мой! .. Оставил он жену...
Погибнет он... погибнет он, ей-богу! ..
Иль руку оторвут, иль голову, иль ногу...»
— «Куда же он уехал? На войну?! !»
— «Нет, на Балтийскую... железную дорогу! ..»

⟨1877⟩

III

Мой булочник стал дурно булки печь,
За что его я поспешил распечь:
— Я гласности предам дурное ваше тесто! —
А он мне отвечал: «Ну что ж, держите речь;
«Про тесто» не было у нас еще «протеста».

IV

Два бедняка из лавки угловой
Стащили колбасу, поели и — попались.
Известно — к мировому... Мировой
Спросил их, не входя в особенный анализ:
«Скажите: да иль нет —
На колбасу вы в лавке *покушались?*»
— «Покушали-с!» — наивный был ответ.

⟨1876⟩

186

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ОТВЕТ

Джон Буль и бес — родные братья —
Сошлись и пили как-то грог.
— «Скажи мне, есть ли вероятье,
Чтоб потонуть наш остров мог?»
— «Вы лишены такого горя, —
Ответил мрачно Вельзевул: —
Когда б ваш остров потонул,
То вновь им вырвало бы море...»

⟨1876⟩

187

В. ОРЛОВСКИЙ

(МОТИВ ИЗ (?) ПЕТЕРБУРГ. ПОБЕРЕЖЬЯ «ВЕЧЕР»)

Хоть клевета и входит в моду,
Как общая черта сословная,
Но клеветать на *мать-природу*
Есть преступленье уголовное.
Орловский подлежит укору
И, может быть, о том не ведает,
Что прокурорскому надзору
Его предать в искусстве следует.

1877

188

В. ЯКОБИЙ

«ПОРТРЕТ Г-ЖИ Р-СОЙ»

Так много таланта и чувства
Потрачено, *но,* скажем прямо:
Атласному платью реклама
Едва ли есть дело искусства.

1877

189

Б...

По виду скромен, как игумен,
Микроскопический зоил,
Он был бы даже остроумен,
Когда бы менее острил.

⟨1877⟩

190

ЛИТЕРАТУРНЫМ НАСЕКОМЫМ

Ни волновать они, ни трогать
Не могут, укусив врасплох:
Ведь в ход пуская даже ноготь,
Никто не сердится на блох...

⟨1877⟩

191

СОВРЕМЕННОМУ ГАРПАГОНУ

Именье все распродав,
Он умер бы без сожаленья,
Да жаль ему расходов
На гроб и погребенье.

⟨1877⟩

192

ЧИТАУ

Конечно, недостатки есть и в ней, —
Ведь пятна и на солнечном есть диске, —
Но я восторженно до настоящих дней
Готов слагать хвалы... ее модистке.

⟨1877⟩

193

МАЛЫШЕВУ

В партер как будто сходит свыше
Веселье, разогнав тоску,
Когда читают все в афише:
«Актер такой-то в отпуску».

⟨1877⟩

194

«Какого мненья вы об С.?» — «Да о котором?»
— «О fils' е: ведь на сцене только fils!»[1]
— «Он — я о нем замечу не с укором:
Актера сын, племянник трех актрис,
Но самого его кто ж назовет актером?..»

⟨1877⟩

---

[1] Сын. — *Ред.*

195

ПРИТВОРЩИКУ

Его притворство так обыкновенно,
Что если он «прикажет долго жить»,
То все воскликнут непременно:
Не может быть!

⟨1877⟩

196

**ЖУРНАЛУ,
ПЕРЕМЕНИВШЕМУ РЕДАКТОРА**

Мы перемены в нем дождались,
Но пользы нет и нет пока:
Переменили ямщика,
А клячи прежние остались.

1877

197

НАШИ ТИТАНЫ

Кого пленит теперь затея,
Познав земного счастья вес,
Идти дорогой Прометея
И похищать огонь с небес?

Огня такого похищенье
Не дразнит нынешних страстей,
Но тысяч триста без смущенья
Похитит новый Прометей.

⟨1877⟩

198

Давно ли были эти времена?
Я говорил в припадке исступленья:
Ах, если б изменила мне она,
Способен бы я был... на преступленье!!
Но отцвела любви моей весна,
И у меня совсем другое мненье:
Ах, если б изменила мне она,
Я в Киев бы сходил на поклоненье.

⟨1877⟩

199

КН. В. МЕЩЕРСКОМУ

«Я внук Карамзина!» —
Изрек в исходе года
Мещерский. — «Вот-те-на!»
Пошел такого рода
Гул посреди народа:
«При чем же тут порода?
И в наши времена —
В семье не без урода».

1877

200

ЗА КУЛИСАМИ

За кулисами пел песенку
Как-то Нильский, сев на лесенку:
«Мы свернули шею Лессингу
    И еще кому-нибудь
    Шею надо бы свернуть.
Пусть дрожит вся драматургия:
Проживаю в Петербурге я
С Марковецким, с Леонидовым...
Мы еще покажем виды вам,
    Пыль подняв до облаков,
    Драматурги всех веков!»
Так, свернувши шею Лессингу,
Пел наш трагик, сев на лесенку.

1878

201

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИРИКИ

Они под звон нестройных лир
Поют и вяло и туманно
Иль, как швейцарский старый сыр,
Слезятся только беспрестанно.

⟨1878⟩

202

Любя везде совать свой нос,
Не привели еще вы в ясность,
Где скромно ставит точку «гласность»
И начинается «донос».

1878

203

АЛЕКСАНДРИНСКОМУ ТЕАТРУ

Мировой судья Трофимов за известные деянья
Скоро будет вместо штрафа иль другого наказанья
Приговаривать виновных всех спектакля на два, на три,
Чтоб виновный до конца их в этом высидел театре.

⟨1879⟩

204

СВОИ ЛЮДИ

Вор про другого не скажет и в сторону:
«Вор он! ..»
Глáза, известно, не выколет ворону
Ворон.

⟨1879⟩

205

П. ВЕРЕЩАГИН.

(РЕКА Ч(Ч)УСОВАЯ)

О, академик! Извлеки
Ты пользу из такого мненья,
Что, всем надеждам вопреки,
Твой путь от Чусовой реки
Тебя ведет к реке забвенья.

1879

206

ХАПАЛОВ

«ПОРТРЕТ СТАРУШКИ»

Хапалов даровит, быть может, только дар-то
Особый у него, и в наши времена
«Морщин топографическая карта»
Портретом называться не должна.

1879

207

ЗАПИСКА

Я вместо всякого письма
Тебе шлю Пушкина изданье.
В нем есть Геннади примечанья:
«Фу, братец, сколько в них...» Ума,
Ты думаешь, поди? А я так
В них больше вижу опечаток.

⟨1879⟩

208

ЧИНОВНЫМ НЕМЦАМ

В России немец каждый,
Чинов страдая жаждой,
За них себя раз пять
Позволит нам распять.
По этой-то причине
Перед тобою, росс,
Он задирает нос
При ордене, при чине:
Для немца ведь чины
Вкуснее ветчины.

⟨1879⟩

209

НЕОБХОДИМАЯ ОГОВОРКА

Текущей журналистику назвать,
Конечно, можем мы, и это правда сущая:
Она поистине «текущая»,
Но только вспять.

⟨1879⟩

210

ОДНОМУ ИЗ МНОГИХ

Он всюду тут как тут, живет во весь карьер,
Он новости до их рожденья слышит,
Он за два месяца уж чует, например,
Кто женится, а кто на ладан дышит...
A livre ouvert[1] играет он и пишет
И даже врет à livre ouvert.

⟨1879⟩

211

ЗОИЛУ

Ведя журнальные дебаты,
Страшись одной ужасной казни:
Того гляди, из неприязни
Укусишь самого себя ты
И сгинешь от водобоязни.

⟨1879⟩

212

ПОСЛЕ БЕНЕФИСА

«Чья же пьеса нынче шла?»
— «Александрова». — «Была
С шиком сыграна, без шика ли?»
— «С шиком, с шиком: громко шикали».

1879

213

БОЛЕСЛАВУ М⟨АРКЕВИЧУ⟩

Не дается боле слава
Бедной музе Болеслава,
И она, впадая в детство,
Избрала плохое средство
Отличиться перед россом
Обстоятельным доносом.

1879—1880

---

[1] Без подготовки. — *Ред.*

214

Л. ЛАГОРИО

«ПРИСТАНЬ В ГАПСАЛЕ»

Тебе, чтоб избежать насмешек злых и жалоб,
О мирной пристани подумать не мешало б.

1880

215

Н. ГЕ

Какие ни выкидывай курбеты,
А все-таки, друг милый, не Курбе ты.

1880

216

Ю. ЛЕМАН

«ДАМА ПОД ВУАЛЬЮ»

Мысль Лемана развить задумавши упрямо,
Явилась у меня задача сумасшедшая:
Картину написать на тему «Дама,
        Из комнаты ушедшая».

1880

217

И. КРАМСКОЙ

(ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА И. ШИШКИНА)

Когда к портрету только подойдешь,
То крикнешь, в пафосе хохол свой теребя,
Что более портрет на Шишкина похож,
Чем сам оригинал на самого себя.

1880

218

Б. М⟨АРКЕВИ⟩ЧУ

На днях, влача с собой огромных два портсака,
Приплелся он в вокзал; с лица струился пот...

«Ему не донести!» — вкруг сожалел народ,
И только лишь какой-то забияка
Сказал: «Не беспокойтесь — *донесет*! . .»

1879—1880

219

Едва ль придет художнику охота
Когда-нибудь писать его портрет:
На свете прозябая много лет,
Он сам похож на копию с кого-то.

⟨1880⟩

220

ХЛЕБ И СОЛЬ

Хлеб с солью дружен... Так подчас
Болтаем мы иль просто мелем;
Но часто «*соль* земли» у нас
Сидит без *хлеба* — по неделям.

⟨1880⟩

221

РИФМЫ И КАЛАМБУРЫ

(ИЗ ТЕТРАДИ СУМАСШЕДШЕГО ПОЭТА)

I

Женихи, носов не весьте,
Приходя к своей невесте.

II

Ценят золото по весу,
А по шалостям — повесу.

III

Не ходи, как все разини,
Без подарка ты к Розине,

Но, ей делая визиты,
Каждый раз букет вези ты.

IV

Я, встречаясь с Изабеллою,
Нежным взглядом дорожу,
Как наградой, и, за белую
Ручку взяв ее, дрожу.

V

Черты прекрасные, молю я,
Изобрази мне, их малюя,
И я написанный пастелью
Портрет повешу над постелью.

VI

С нею я дошел до сада,
И прошла моя досада,
И теперь я весь алею,
Вспомнив темную аллею.

VII

Семьей забыта и заброшена,
За ленту скромную, за брошь она
    Ласкалась некогда ко мне;
А нынче, позабыв о суженом,
Лишь только жаждет оргий с ужином,
    С забвением в вине.

VIII

Что сделала ты из меня,
Постыдно мне так изменя?
Припомнится мне та пора,
И словно удар топора
Я чувствую в скорби немой.
Мой угол как будто не мой,
Мне нынче обед не в обед...
Забыв воздержанья обет,

Я стал по твоей лишь вине
Топить свое горе в вине,
И прежде служивший мне стих
Струною оборванной стих.

IX

Ты грустно восклицаешь: «та ли я?
В сто сантиметров моя талия...»
Действительно, такому стану
Похвал я выражать не стану.

X

Он емким сердцем очень нежен:
В нем поместится целый Нежин.

XI

Парик на лысину надев,
Не уповаю я на дев
И ничего не жду от дам,
Хоть жизнь подчас за них отдам.

XII

Экспромт

(Бойкой барыне)

Везде слывете вы за ловкую
Хозяйку, с титлом «разбитной»,
Но лучше вас иметь золовкою,
Чем называть своей женой.

XIII

В полудневный зной на Сене
Я искал напрасно сени,
Вспомнив Волгу, где, на сене
Лежа, слушал песню Сени:
«Ах, вы, сени мои, сени!..»

XIV

На пикнике, под тенью ели
Мы пили более, чем ели,
И, зная толк в вине и в эле,
Домой вернулись еле-еле.

XV

Вас в детстве слишком нежили;
Как мы, в нужде вы не жили
И при хорошем старосте
В имении до старости,
Забот не зная, прожили,
Но средств своих не «прожили».

⟨1880⟩

222

ОГОВОРКА

Как адвокат, от невских плит
Известен он до самой Риги,
И хоть молва о нем гремит,
Что он «как книга говорит»,
Но ведь и глупые есть книги.

⟨1880⟩

223

НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Его короток гороскоп:
Два заступа и гроб.

1880

224

ЛИБЕРАЛ ОТ «ПОРЯДКА»

Либерал от ног до темени,
Возвещал он иногда:
«До поры лишь и до времени
Я молчу, — но, господа,
Будет случай, и могучее
Слово я скажу, клянусь!»

И — того дождался случая:
— «Говорите, сударь, ну-с!»
И прищуря глазки карие,
На свой фрак роняя пот,
Из времен Гистаспа Дария
Рассказал он анекдот.

1880

225

**Г-НУ БАРЫШЕВУ,
ПЕРЕВОДЧИКУ БАЙРОНОВСКОГО «КАИНА»**

Барышев! ты отомстил:
    Каин нераскаянно
Брата Авеля убил,
    Ты ж ухлопал Каина.

1880

226

**В АЛЬБОМ
КРУППУ-МЛАДШЕМУ, ПРИЕХАВШЕМУ
В ПЕТЕРБУРГ**

Ем ли суп из манных круп,
Или конский вижу круп —
Мне на ум приходит Крупп,
А за ним — большая масса,
Груда «пушечного мяса»...
Ах, да будет не тернист
Путь такого человека:
Он великий гуманист
Девятнадцатого века!

1880

227

П. М⟨АРТЬЯНОВУ⟩

К чему напрасно лезть в шуты?
Принадлежа к чиновной расе,
Столоначальник в штабе ты
И жалкий писарь на Парнасе.

⟨1880⟩

228

⟨М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВУ⟩

Как член российской нации,
Привык к субординации...
Ввиду ж порядка строгого
Мы просим, граф, немногого:
Вы дайте конституцию,
На первый раз хоть куцую!

1880

229

НОВАЯ НОВИНКА

Украсился журнальный огород,
И новая в нем появилась грядка,
Но скукою «порядочной» несет
От первого же нумера «Порядка»,
Хоть даже сам Тургенев очерк дал,
Чтоб оживить хоть несколько изданье.
Так в дом купца, в день бракосочетанья,
Зовется свадебный, парадный генерал.

1881

230

ЛЕС

(И. ШИШКИНА)

Правдиво так написан лес,
Что все невольно изумляются.
В таком лесу насмешки бес
И эпиграмма заплутаются.

1881

231

«САПОЖНИК»

(КОЧЕТОВА)

Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,

Художник хорошо владеет... шилом —
Тьфу! — кистью — я хотел сказать.

1881

232

ОТГОЛОСКИ О ЦЕНЗУРЕ

I

О, Зевс! Под тьмой родного крова
Ты дал нам множество даров,
Уничтожая их сурово,
Дал людям мысль при даре слова
И в то же время — цензоров!!.

II

В кабинете цензора

Здесь над статьями совершают
Вдвойне убийственный обряд:
Как православных — их крестят
И как евреев — обрезают.

⟨1881⟩

233

М. Н. К⟨АТКО⟩ВУ

I

С толпой журнальных кунаков
Своим изданьем, без сомненья,
С успехом заменил Катков
В России Третье отделенье.

II

В доносах грязных изловчась,
Он даже, если злобой дышит,
Свою статью прочтет подчас,
То на *себя* донос напишет.

1880—1881

234

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДКИ

Понемножку назад да назад,
На такую придем мы дорожку,
Что загонят нас всех, как телят,
За Уральский хребет понемножку.
Мы воздвигнем себе монумент,
Монументов всех выше и краше,
И в один колоссальный Ташкент
Обратится отечество наше.

⟨1881⟩

235

НА КОМ ШАПКА ГОРИТ?

Имея многие таланты,
К несчастью, наши интенданты
Преподозрительный народ.
Иной, заслыша слово: «ворон»,
Решает, что сказали: «вор он!»
И на его, конечно, счет;
А если кто проговорится
Невинным словом: «воробей»,
Он начинает сторониться,
Поймавши звуки: «вора бей!»

⟨1881⟩

236

«ВЕСТНИКУ ЕВРОПЫ»

Сплин нагоняющий, усердный, как пчела,
Об аккуратности единой он хлопочет,
    Всегда выходит первого числа,
Но век опередить на час один не хочет.

⟨1883⟩

237

ОСЕННЯЯ ВИНЬЕТКА

Ночь. Тройка борзая несется,
В пустынном поле ни души;
Однообразно раздается
Звон колокольчика в тиши.

О чем бессвязно он бормочет?
О чем поет он на дуге?
Не так ли в каждой пьесе хочет
Сказать нам что-то бедный Ге?

⟨1883⟩

238

ЗАКУЛИСНЫЙ СЛУХ

«Увидавши Росси в «Лире»
И взглянув на дело шире,
Нильский сам имеет честь
Взять роль Лира...» — «Вот так ново!
В «Лире» шут один уж есть,
Для чего ж шута другого?»

⟨1883⟩

239

СПРАВЕДЛИВОЕ ОПАСЕНИЕ

Непризнанный пророк,
Воспламеняясь часто,
Аверкиев изрек:
«Писать не стану: баста!»
И невская печать
Теперь в большой тревоге:
А ну, как он опять
Строчить начнет, о боги!

1883

240

М. ПАЛЕН

«ОФЕЛИЯ»

По небу луна золотая плывет,
Под ивой Офелия песню поет,
И голос той песни печален:

«Когда же оставит в покое меня
Российских художников всяких мазня?
Прошу, пощади меня, Пален!»

1883

241

НЕУДАЧНОЕ ПРИТВОРСТВО

Право, нечего дивиться,
Что, как хищник, ты задумал
Сумасшедшим притвориться:
    Суд весь проведу, мол!
Это дело не без риска...
Ах, чтоб чудом быть известным,
Ты хоть на год притворись-ка
    Человеком честным...

⟨1883⟩

242

ПЕСНЯ О РОЗГАХ

О, Незнакомец! Вы учеников-птенцов
Сечь предлагаете с развязностью привычной
И пользы ждете необычной
От розог и от их классических рубцов.
О, Незнакомец! вам поэму в сотню тысяч
Строк посвящу... Да что! Поэма — вздор...
Я с удовольствием готов бы был вас высечь. .
Из мрамора, когда б я был скульптор.

1883

243

⟨Е. М. ФЕОКТИСТОВУ⟩

Островский Феоктистову
На то рога и дал,
Чтоб ими он неистово
Писателей бодал.

1883

ГЕ

«ПОРТРЕТ ГР. ЛЬВА ТОЛСТОГО»

Меня охватывает дрожь
Досады от мазни художника... О, боже,
Портрет, быть может, и похож,
Но живопись его на что похожа?!

1884

245

П. ВЕРЕЩАГИН

«КРЕМЛЬ В МОСКВЕ»

Верещагин! Нужно вам сказать одно:
Хлеб у фотогра́фов отбивать грешно.

1884

246

МАДРИГАЛ

Она останется всегда
Артисткой нужною для сцены,
И хоть не очень молода,
Но все ж моложе Мельпомены.

⟨*1884*⟩

247

ЖИЖИЛЕНКО

Он пейзажист такого рода,
Что кисть его дивить должна.
Решив однажды, что природа
Хотя, конечно, не дурна,
Не без красот, но в смысле строгом
Поправок требует во многом,
Художник начал исправлять
Природы этой недостатки,
Подкрашивать, и подвивать,

Заштопывать и класть заплатки,
Этюдам дал конфетный смак,
Обсахарил природу так,
Что сомневаться начал Питер:
Он пейзажист или кондитер?
⟨1884⟩

248

В. КОКОРЕВ

Вот имя славное. С дней откупов известно
Оно у нас, — весь край в свидетели зову;
В те дни и петухи кричали повсеместно:
Ко-ко-ре-ву!!.
⟨1884⟩

249

Все изменчиво под солнцем.
Нынче шваб кричит лишь: Hoch![1]
Но, быть может, и тевтонцам
Петь придется: ох да ох!
⟨1886⟩

250

ЛИТЕРАТУРЩИКУ

О, боже, помоги
В конце концов прозреть им:
Толстой шьет сапоги,
А ты занятьем этим,
Как видно, пренебрег,
Стал корчить беллетриста,
Избрав ту из дорог,
Которая терниста.
Тщеславием пустым
Опасно увлекаться.
Тебе бы с Львом Толстым,

---

[1] Ура! — *Ред.*

Мой милый, поменяться,
Что было бы остро
И, право, очень мило:
Ему отдай перо,
А сам возьмись за шило.

⟨1886⟩

251

NN

Он знает, где зимуют раки,
Как кошки, видит все во мраке
И, чуя носом капитал,
Пришел, увидел и украл.

⟨1887⟩

252

ВИК. КРЫЛОВУ

Обзавестись в преклонные года
Ты можешь внуками, но все же никогда
Не будешь *дедушкой Крыловым*. Перемены
Такой не жди: покорствуя судьбе,
Придется целый век прожить тебе
В племянниках... у невской Мельпомены.

⟨1888⟩

253

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

(ПО АДРЕСУ ГОСПОД АКТЕРОВ

I

От «фрачных пьес» томит нас скука,
Хандра терзает россиян,
Но очень трудная наука —
В одежде греков и римлян
Ходить — актерам не дается.
На них смотря, театр смеется.
Они, затеяв маскарад
(Каких последствий ждать хороших!),
В котурнах ходят, как в калошах,
А тогу носят, как халат.

II

Как пламя, скрытое под пеплом,
Серьезность зрителя скрывает тайный смех,
Когда в трагедии, одевшись в легкий пеплум,
Является артистка, — и для всех
Заметно: вся ее фигура
Тоскует словно без турнюра.

1888

254

ОДНОМУ ИЗ ЛЕКТОРОВ

Не диво, что клонил всех слушателей сон
На лекциях его, но то одно, что он
Сам не заснул от собственного чтенья,
Гораздо большего достойно удивленья.

⟨1886⟩

255

СТАРОЙ КОКЕТКЕ

Сживясь с затверженною ролью,
Она вчера сказала мне:
«Страдаю я зубною болью», —
И этому дивясь вполне,
Подумал я, сжимая губы:
Когда ж болят вставные зубы?

⟨1888⟩

256

⟨В. П. БУРЕНИНУ⟩

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил. . .
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!

III

257

МИШУРА

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ТА ИЛИ ЭТА»?

Лишь над городом зимней порой
Ночь морозная выплывет разом,
Там, в тумане, двойной полосой
Загорятся все улицы газом.
Мимо пышных и темных палат,
Мимо лавок, вкруг залитых блеском,
Вперегонку куда-то спешат
Всё кареты — кареты на Невском.
На каретах мелькают гербы,
А за стеклами бледные лица,
Ветхих старцев нависшие лбы
Или взбитые локоны львицы.
Там толпами летит молодежь,
Рысаков дорогих загоняя...
Что, бедняк, ты с дороги нейдешь,
Вкруг усталые взоры роняя?..
Ведь задавят, пожалуй, как раз!
Нам такие потехи не диво...
Сторонись — и от буйных проказ
В темный угол забейся пугливо...
Но куда ж эти люди спешат?
Гонит, верно, их спешное дело!
Ведь известно: нам мода велела
Жить, как истый живет демократ,
И кричать возмутительно смело:
Дорог нам погибающий брат!
Дорог! да, господа, ведь не так ли?
В пользу бедных мы ездим в спектакли,
Сочиняем балы, пикники,
Разоряться для них не устанем

И, пожалуй, гуманно протянем
Мещанину три пальца руки...
Пусть вам на́-слово бедность не верит,
И какой-нибудь скептик-бедняк,
Забираясь в свой темный чердак,
Тайно думает: мир лицемерит,
И, в окно свое глядя на вас,
На проспект, где ваш поезд несется,
Сардонически-горько смеется —
Не смущайтесь!.. И вновь напоказ,
Чтоб почтила вас бойкая пресса,
Наслаждайтеся в пользу прогресса...

И в туманной, морозной пыли
Экипажи, как тени, летели,
А по гладкой, широкой панели
Шла толпа... люди разные шли...
И в тот час, — его знает столица, —
Там, при блеске ночных фонарей,
Женщин чахлые, бледные. лица
Словно кажутся вдвое бледней.
Всем в глаза они смотрят так жадно,
Так открыт, откровенен их торг,
Что поймешь, как толпа плотоядна,
Покупной принимая восторг!..
О, как нравственны тут не в пример вы,
Моралисты!.. как грозен ваш вид!..
Проходите ж... суровей Минервы,
Вы испортите свой аппетит
Иль расстроите слабые нервы...
Проходите ж... Бесстрастны, как сталь
Вы готовы — примеры не редки —
Добродетели книжной мораль
Декламировать падшей соседке,
И казнить, и казнить, и казнить,
Не смягчаясь пред жертвой порока,
И, рисуясь пред нею, ходить
Под мишурным венком лже-пророка...
Вам казнить так легко, нипочем!..
Ведь с запасами мертвой морали
Наслаждение — быть палачом
Тех, кого мы с пелен развращали,
Тех, в ком чувства священного жар,

Мы давили без сердца, без краски,
И — в них видя лишь красный товар,
На общественный гнали базар
Продавать непродажные ласки.
Но когда превратим их в табун,
Сердце выжжем и жизнь изломаем,
Вот тогда-то мы с шатких трибун
В них холодным проклятьем бросаем...

И напрасно б, терзая сердца,
Униженная жертва искала
Первый образ того идеала,
Что поруганным был до конца,
Но везде бы, повсюду встречала
Оскорбительный хохот глупца
И цинический вызов нахала.
Вопль ее ни на миг не смутит
Филантропов недвижные лица,
И один приговор прозвучит:
«Нет тебе покаянья, блудница!»

О, как в гневе своем хороши
Вы, каратели язвы публичной,
Убеждений своих торгаши
Под румянами маски двуличной!
Приговор ваш: слова и слова...
В громких фразах — вам милы обновы
И вчерашних богов вы готовы
Завтра всех истребить на дрова.
Беспощадны вы так для чего же?..
Нет, постойте, ведь эта жена,
Что толпе продает свое ложе,
Вас достойна: и вы, как она,
Честь на карту поставите тоже;
Как она, вы порою непрочь
Низко пасть, обесчестить собрата,
Воспитаньем растлить свою дочь
И толкнуть на дорогу разврата.
Не спешите ж!.. Вас кара найдет
Меж людей ли, в своем кабинете ль,
И таких же блудниц в вас побьет,
Подвязную сорвав добродетель.

⟨1861⟩

258

АД

ПОЭМА В ТРЕХ ПЕСНЯХ

(ПОДРАЖАНИЕ ДАНТЕ)

Песнь первая

Едва ли стих, которым пишут оды,
Посланья «к ней», к трем звездочкам, к луне,
Стих, мелкий льстец и раб вчерашней моды,

Сумеет людям передать вполне
Картину ада, нынешнего ада,
Куда спуститься вздумалося мне.

Певучих рифм для этого не надо;
Тут воплями и скрежетом зубов,
Шипением раздразненного гада

Откликнуться в рассказе будь готов...
О, муза робкая! хоть на минуту
Забудь свой пол, стыдливости покров,

И загляни со мною в глубину ту,
Где не один знакомый нам земляк
Стал осужден гореть подобно труту.

Я несся в ад, и несся быстро так,
Держась рукой за крылья Люцифера,
Что не видал, как вдруг исчезнул мрак,

И предо мной разверзлася пещера,
За ней другая, третья... целый ряд.
Метнулась в нос струей зловонной сера,

А под ногами огненный каскад
Ревел и прыгал. Далее, спустились
Мы в глубину, центральный самый ад,

Где жар такой, что волоса дымились
И щеки трескались на части. Вдруг
Передо мною тени закружились,

И я увидел сотни чьих-то рук,
Простертых вверх. Я смело крикнул: «кто вы?»
И повторило эхо этот звук;

В огне кружась, завыли дико совы,
И вопль теней, крутящихся в смоле,
Меня смутил. Картины были новы.

Палим огнем в кровавой этой мгле,
Где что ни шаг — то тень, то стон собрата,
Я прислонился с ужасом к скале,

А вкруг меня скакали чертенята,
Дрались, кувыркались на голове,
Прося хоть «грош на бедность». Так когда-то

За мной гонялись нищие в Москве,
С припевом старым: «дайте медный грошик
Убогой сироте или вдове. . .»

И стало жаль мне этих адских крошек,
Но им едва я горсть монет швырнул,
Они слились в визжаньи диких кошек

И вскрыли пасть, как тысяча акул;
За дележом рассыпанной монеты
Уж свалка началась, но Вельзевул,

С которым в ад низвергся я с планеты,
Махнул жезлом — и эта сволочь вмиг
Рассыпалась и спряталася где-то.

Вдруг долетели к нам — ужасный крик,
Ругательства и треск славянской брани.
«Иди вперед, — сказал мне проводник: —

В пещеру ту посажены славяне. . .»
— «О, к ним скорей! . .» И, к землякам спеша,
Я много встреч сулил себе заране.

Вошли. Едва шагнул я, чуть дыша,
В огне, в дыму, как где-то близко, рядом,
Завыла чья-то падшая душа.

При встрече с ней попятился я задом:
Погружена в шипящий кипяток,
Бранилась тень и задыхалась смрадом,

А с вышины ей в рот лился поток
Прозрачной влаги, внутренность сжигая.
Кто́ был тот грешник — я признать не мог,

Но на меня, проклятья изрыгая,
Он бросил взгляд — и взгляд был зол и дик,
Как будто представлял ему врага я.

«Прочь от меня! я — русский откупщик!
Пью голый спирт, питаюсь скипидаром,
Мой рот сожжен, изорван мой язык,

Мне в чрево льют напиток адский — даром,
Но если б в мир я вырвался опять —
Поил бы вас все прежним полугаром».

И голый спирт он начал вновь глотать
С гримасой отвратительной и зверской...
Я далее стал ад обозревать

И подошел к какой-то яме мерзкой,
Откуда грешник звал меня: «сюда!»
И вдруг за плащ схватил рукою дерзкой.

Увы! я в нем узнал не без труда
Известного мне прежде бюрократа,
Для женщин труд бросавшего всегда,

В pince-nez, в бобрах, по Невскому когда-то
Искавшего то устриц, то интриг,
С Борелем бывшего всю жизнь запанибрата!..

Ты в ад попал, изящный мой старик,
Где устриц нет, где нет белья и фрака!..
Хоть за душу хватал мне старца крик,

Но так силен был запах аммиака,
Такая вонь из ямы поднялась,
Что мимо я бежал, и гений мрака

Мне указал на тень: она вилась
И ползала, влача на плечах груду
Тяжелых слитков золота, рвалась,

Но, ношею приплюснутая в слюду,
В почтовый лист, опять стиралась в прах.
«Тень грешника! тебя я не забуду!

Пусть злая казнь твоя пробудит страх
Корыстолюбца, жадного к аферам,
Всегда, как ты, тонувшего в долгах

И лезшего в карман акционерам.
Сиди же тут и золото лижи!!.»
И я пустился вслед за Люцифером.

Вдруг гнусный призрак вырос. «О, скажи,
Кто ты, ужасный грешник, и откуда?
Но стой! Свой лоб закрытый покажи!

На лбу написано: «предатель и Иуда».
Кто ж ты такой? смолою залит рот,
Чтобы донос не выползал оттуда,

И уши срезаны. . .» Стонал Искариот,
Сжав кулаки и топая ногами.
С его лица бежал кровавый пот,

Но он не мог пошевелить устами.
«Кто ж ты?» — я вновь допрашивал. В тот миг
Он начал знаки делать мне руками;

Я отскочил, я лишь тогда постиг,
Что встретился с знакомым лицемером,
И вслед ему проклятья бросил крик:

«Будь проклят ты! пусть станет всем примером
Казнь лютая! терзайся и лежи!»
И я опять пошел за Люцифером.

А вкруг меня вставало царство лжи
В дыму костров, которые не гасли. . .
Там плавали распухшие ханжи

Одной семьей в кипучем постном масле;
Там в грудь певца вселился наглый бес
И заставлял — из злости ль, из проказ ли —

Его тянуть всю вечность ut diez;
Без отдыху трагический ломака
Ревел, как Лир, попавший ночью в лес;

Там, рук лишен, кулачный забияка,
Скрипя зубами, в пламени скакал:
Ему везде мерещились — то драка,

То уличный классический скандал;
Там лихоимцев мучалися орды,
Там корчился мишурный либерал,

Которым все мы прежде были горды;
Там в рубище скорбел парадный фат,
И скромностью страдали Держиморды...

И с трепетом блуждал вокруг мой взгляд:
Везде с бичом стоял незримый мститель.
«Но тут еще не весь славянский ад, —

Докладывал мне мой путеводитель. —
Здесь есть отдел: «Литературный мир»,
И на него взглянуть вы не хотите ль.

Там звук цитат, бряцанье русских лир,
Занятие ученых, журналистов
Даст тему вам на несколько сатир...»

И тут мой бес, как адский частный пристав,
Открыл мне вход, и я увидел вдруг
Пристанище родных ex-нигилистов.

Песнь вторая

О, муза! выдумай особый звук,
Чтоб ад чадил сквозь каждую цертину,
Чтоб каждый стих был криком тяжких мук,

И передал, хоть в очерках, картину,
Которая в аду открылась мне,
Когда явился я на половину

Писателей, томящихся в огне,
Под сводом тартара. В минуты эти
В моем мозгу мелькнул, как в смутном сне,

Картонный ад, ад Роллера в балете,
Где бес наряженный выделывает па,
Где чертенят, приехавших в карете,

По сцене бегает неловкая толпа,
И вверх летит по блоку, на веревке,
Звезда танцовщиц русских Петипа —

В короткой юбочке, в классической шнуровке...
Тот детский ад стал для меня смешон,
Как платье королевы на торговке...

Я чуть дышал. Был воздух раскален
И — как сургуч растопленный — жег тело;
Поток огней бежал со всех сторон,

И я едва вперед шагнул несмело,
Вдруг чьи-то зубы в ногу мне впились,
Так, что нога от боли посинела;

Передо мной два трупа поднялись ,
И стукнулись затылками: их спины
(Мысль адская!) между собой срослись.

Конечно, бес нашел к тому причины,
Недаром он логичнее людей...
Один из двух был стар; его седины

Торчали вверх, как чёлки лошадей.
То был творец покойных «всяких всячин»,
Землей давно оплаканный Фаддей,

Но кто ж другой? Приземист и невзрачен,
Он так взглянул, оскалясь, на меня,
Так рот раскрыл, что был я озадачен.

Людей, и дьявола, и смрадный ад кляня,
Он возопил: «Земля и ад — все то же,
И в полымя попал я из огня.[1]

Как на земле, меж адской молодежи,
Я нигилизм, Базаровых нашел,
Волненья здешние с людскими также схожи,

Пожары те ж, и тот же есть раскол...
Но лишь одним земля мне краше ада,
Одна беда здесь хуже всяких зол —

Здесь клеветать нельзя... Одна отрада
Была мне в жизни: это клевета,
Язвившая смертельным жалом гада —

И у меня та сила отнята!..»
И взвыла тень, с рыканием шакала,
И пена показалася вкруг рта,

А рядом группа новая вставала:
В чаду зловещих, красных облаков,
Где бездна пасть широко разевала,

На берегу одном стоял — Катков,
А на другом — Леонтьев. Вскинув руки,
Они рвались друг к другу через ров

«Для пользы просвещенья и науки»,
Но пропасть, разлучая навсегда,
Дразнила в них и раздражала муки.

---

[1] В аду об этом грешнике ходит предание, что он когда-то сильно пострадал на земле от пожара. Его собственные слова наводят на ту же мысль. *Примеч. автора.*

Я крикнул им обоим: «Господа,
Вам кланяюсь! . .» и начал делать знаки,
Они же враз откликнулись: «Сюда

Зачем пришел? Не нужно нам кривляки! . .
Смерть свистунам, залезшим на канат,
Смеющимся и пляшущим во мраке!»

«Смерть свистунам!» От воя дрогнул ад,
Отозвались московские кликуши,
Когда-то заселявшие Арбат,

Все «Вестником» пленившиеся души;
И, криком тем застигнутый врасплох,
Я с ужасом заткнул скорее уши,

Иначе непременно бы оглох.
Но замер рев. Я подошел к утесу,
И — странный вид! — вокруг его, как мох,

Лепясь и извиваясь по откосу,
Сидел партер из кровных бесенят,
Всегда везде сующихся без спросу,

А наверху — там был утес так сжат,
Что негде поместить одной ладони —
Сидел старик. — «Сто лет тому назад, —

Так объяснил мой адский чичероне: —
Посажен здесь ваш русский Цицерон;
Чтоб прежний жар не гаснул в Цицероне,

Он в тартаре навеки обречен
Не сдерживать порывы красноречья,
И не молчит уж с давних он времен. . .»

Я слушать стал. Ах, знаю эту речь я,
Которая разила наповал,
Противника ломая до увечья! . .

В ораторе я Павлова узнал.
Измученный ораторским припадком,
Уж много лет он уст не закрывал

И говорил, бросаясь то ко взяткам,
То к юности, провравшейся не раз,
То к митингам, то к разным беспорядкам,

И речь текла, и мысль его неслась
В Париж и в Рим, на Волгу и на Неман...
Когда ж, порой, устав от пышных фраз,

Хотя на миг вдруг становился нем он:
Опять в нем возбуждал витийства жар
Безжалостный, неумолимый демон,

И снова им овладевал кошмар
Ораторства, — и слушал я памфлеты.
Вдруг кто-то крикнул сзади: «bonsoir,

Je vais vous dire...»[1] И кто ж мне слал приветы
На языке Феваля и Дюма?
О, дух славян, скажи мне: где ты, где ты?

Москва, Рязань, Орел и Кострома!
Друзья кокошника и сарафана,
Узнайте, с кем сыграла шутку тьма —

Там я узрел Аксакова Ивана,
Завитого, одетого в пиджак,
С брелоками, под шляпой Циммермана,

В чулках и башмаках à la Жан-Жак...
Ужасней казни для славянофила
Не изобрел бы самый лютый враг,

В котором злость все сердце иссушила;
Но сатана отлично знал славян —
Напрасно тень Аксакова молила:

---

[1] Здравствуйте, я скажу вам... — *Ред.*

«Отдайте мне поддевку и кафтан,
Мою Москву и гул ее трезвона!..»
Но черти перед ним, собравшись в караван,

Читали вслух творения Прудона.

Песнь третья и последняя

Меж тем как в тартаре Иван Аксаков,
Услуг чтецов нисколько не ценя,
Входил в азарт при виде шляп и фраков,

Тень новая скользнула из огня,
Которой грудь от вздохов раскололась;
Когда ж она взглянула на меня,

На голове моей встал дыбом волос, —
Той встречею так был я поражен.
Ужели в ад попал и самый «Голос»,

И тот, которым был он сотворен?
«Кто ты? — я призрак вопросил несмело: —
Краевский жив, еще не умер он...»

— «Я — дух его!» — «Ты отвечай мне дело!
Он на земле, и нет Краевских двух».
— «Там, на земле, мое встречал ты тело,

А дух мой здесь... давно в аду мой дух!!»
И тяжкий вздох из груди вновь прорвался,
Болезненно мой поразивши слух.

И призрак продолжал: «С землей расстался
Я в восемьсот сороковом году,
Но на земле никто не догадался,

Что я давно переменил среду.
И вот теперь я ваш обман нарушу:
Скажи ты всем, что повстречал в аду

Андрея Александровича душу,
И что, хоть здесь доходов вовсе нет,
Я дьявола решительно не трушу

И с ним насчет изданья двух газет
Хочу войти в прямое соглашенье.
Сотрудников моих — здесь лучший цвет,

К ним самый бес питает уваженье.
Сергей Громека здесь от сатаны
Особое имеет порученье —

Чтоб черти были тихи и скромны.
А Небольсин? Хоть он не всем приятен,
Статьи его немножко и скучны

И тяжелы... но в ком не сыщешь пятен?..
Но, чтоб врагов туманить и сражать,
Со мною в ад посажен сам Скарятин.

Он нервы всем умеет раздражать,
И тартар весь приходит в содроганье,
Когда Скарятин начинает ржать

(Он сатаною осужден на ржанье!!)»
— «Но чем же ты наказан?» — я спросил.
— «Карман мой пуст — нет злее наказанья:

Ад отнял все, что в жизни я любил,
И золото, добытое годами,
В кипучую он лаву растопил...»

И тень такими плакала слезами,
Что сжалился б, наверно, и Харон.
Я сам слезу почуял под глазами...

Вдруг музыкой был слух мой поражен.
«В аду ли мы, — я крикнул, — иль в танцклассе,
Что слышу здесь я звуки «фолишон»?

Пристало ли веселье к адской расе?»
Смотрю и вижу: десять чертенят,
На скрипках кто, а кто на контрабасе,

Смычком своим неистово пилят,
Так что в ушах трещала перепонка, —
В средине ж круг, где с тенью, падшей в ад,

С визжанием плясали два чертенка;
Когда ж в лицо я грешника взглянул:
«Аскóченский!..» — не мог не крикнуть звонко.

«Он осужден, — шепнул мне Вельзевул, —
Быть нашим первым адским канканером
И в тартаре поддерживать разгул...»

И в этот миг Аскоченский с задором
Такое па в канкане сотворил,
Что зрители рукоплескали хором:

«Он Фокин наш! Он Фокина убил...»
Но я меж тем, в усталости, в тревоге,
Уже терял запас последних сил

И брел, едва передвигая ноги.
«О, проводник! неси меня к земле, —
Я утомлен, измучен от дороги!..»

Но мы наверх всё лезли по скале,
Скользя по крутизне ее мохнатой,
Где всюду искры бегали в золе.

«Смотри вперед, — сказал мне мой вожатый,
Когда мы на вершину взобрались: —
Отсюда виден тартар весь проклятый».

И я глядел с невольным страхом вниз.
Там, под скалой, где цербер адский лаял,
Измученные призраки вились

(От зноя там и самый камень таял);
Те призраки знакомы были мне.
Я узнаю: вот Розенгейм Миха́ил,

Не в силах рифмы приискать к «луне»,
Зовет к себе на помощь Кушнерева;
Вот Бланка тень мяукнула в огне,

Вот тихо стонет призрак Гончарова:
«Отдайте мне удобства и комфорт!
Здесь спать нельзя, здесь пища нездорова»;

Там о театре плачет Раппопорт,
Там ищет Фукс со штемпелем конверта —
В контору «Почты» переслать рапорт.

А вот и тень Старчевского Альберта,
В разлуке с «Сыном», проклинает рок
(Издатели! какой для вас пример-то!..);

Там под собой, исполненный тревог,
Жрец «Времени» все ищет почвы прочной,
Но только пламя вьется из-под ног

И пятки жжет ему; там ад порочный
Камбека вызывает на протест,
Там о полиции соскучился Заочный,

Арсеньева желанье славы ест,
Там далее... но там, в парах тумана,
Я не видал, что делалось окрест.

Весь смрадный ад, как вскрывшаяся рана,
Слился в пятно... проклятия и стон!..
И я опять, держась за великана,

Понесся вверх... в ушах и треск и звон...
Кровь бьет в виски, подобно адской лаве...
Но миг один — я был перенесен

В свой кабинет, в квартиру дома Граве.
Я на земле. Что это: сон иль явь?
В минуты те решать я был не вправе.

1862

259

МОСКВИЧИ НА ЛЕКЦИИ ПО ФИЛОСОФИИ

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ В ОДНОЙ СЦЕНЕ

Большая, освещенная зала; несколько рядов стульев и кресел. На возвышении стоит кафедра. В зале сбирается публика.

Явление I

Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна Горичевы

Наталья Дмитриевна

Платоша, душечка! не будь такой тюфяк,
Иди же поскорей: боюсь, что опоздали,
Дружочек, слышишь ли...

Платон Михайлович

А что, хотя б и так:
Ну опоздали бы — не много потеряли.

Наталья Дмитриевна

Mon dieu, mon dieu![1] как ты во всем отстал!
За веком не следишь, журналов не брал в руки,
И дела нет тебе до выводов науки.

Платон Михайлович

Ах, матушка! Ей-богу я устал
С тобой на лекции таскаться да на чтенья...
За пищей, видишь ты, для сердца и ума.
Да что таить! ведь к лекциям сама
Большое ты питаешь отвращенье:
Сидишь, хоть слушаешь, а не поймешь двух слов,
А ездишь... ну, затем, что нынче тон таков.

Наталья Дмитриевна

Несносный! замолчи... представь, услышат если...

Платон Михайлович

Молчу, молчу, пойдем дремать на кресле.

---

[1] Боже мой, боже мой! — *Ред.*

Явление II

Те же и Загорецкий

Загорецкий

Наталья Дмитревна, Платон Михайлыч, вас
На этих лекциях я вижу каждый раз.

Наталья Дмитриевна

Движением научных всех вопросов
Интересуюсь я...

Загорецкий

Вы женщина-философ.
Я занят сам теперь, тружусь, что просто страх:
Кант, Фихте, Молешотт и Фейербах —
Всех изучил — и вижу — небылица;
Так все поверхностно, верхушек набрались,
И, верите ль, из них мне по сердцу пришлись
Лишь Страхов да Косица.

Наталья Дмитриевна

А вы не знаете, о чем сегодня нам
Читать профессор будет?

Загорецкий

Дам
Наталье Дмитревне ответ весьма подробный:
Предмет для лекции он выбрал бесподобный,
И постарается публично доказать,
Как дважды два — четыре, а не пять,
Что человек, в котором мо́згу нету,
Быть может мудрецом с громаднейшим умом.
Представьте же: мысль ту же, мысль вот эту
Имел я сам, — клянусь вам честью в том.

Платон Михайлович

И клятва не нужна. Ты служишь сам примером:
Живешь весь век без мо́згу в голове,
А умником слывешь и «ловким кавалером»
Для всех старух на матушке Москве.

Загорецкий

Попрежнему чудак, а в сердце добрый малый.

Явление III

Те же и старуха Хлестова

Хлестова

Куда же тут идти? Шум, давка, толкотня...
Антон Антоныч! а! ты человек бывалый;
Голубчик, хоть бы ты здесь проводил меня.
Мой нумерок, вот видишь, сорок пятый.

(Отдает ему билет.)

Дай, на тебя немножко обопрусь;
Устала я, да ревматизм проклятый.

Загорецкий
(берет Хлестову за руку)

Позвольте; усадить на место вас берусь,
И проведу назад, как опытный вожатый.

Хлестова

Уж я раскаялась, что забралась сюда,
Народ теперь стал дерзок и нахален...
Нет, не поехала б, — да вот вчера Молчалин
Привез билетик мне, — услужлив он всегда, —
Да рассказал, что здесь мудрец — ума палата,
Всей молодежи-то, ну, как их там зовут...
Ну, нигилистам-то задумал дать капут, —
Не выдержала я и приплелась с Арбата.
Уж, думаю, пускай устану, расклеюсь,
Но уж послушаю, как распекут мальчишек,
А после вечерком с соседом посмеюсь;
Мне Лонгинов сосед: охотник до картишек,
Заходит иногда сыграть со мной в пикет.

Загорецкий

Вот ваше кресло здесь...

Хлестова

Благодарю, мой свет.
Теперь ступай, спасибо за услугу,
А вечер кончится, — опять меня сведи,
Да отыщи, родной, в сенях мою прислугу.

(Загорецкий отходит.)

Явление IV

Те же, князь Тугоуховский и княгиня с 6-ю дочерями

Княгиня

Князь, князь, постой! сюда иди.

Князь

Огм!..

Княгиня

Ох, этот князь, впал просто в возраст детский.
Что б дома посидеть! Нет, тоже прискакал.

Загорецкий

Княгиня и княжны! Сто лет вас не видал.

Княжны

(хором)

Антон Антоныч Загорецкий!..

Первая княжна

Антон Антоныч, нам должны вы рассказать,
Что будет вечером?

Вторая княжна

Кто будет здесь читать?

Загорецкий

Юркевич — педагог, философ и писатель,
Известный всем...

Четвертая княжна

А вы знакомы с ним?

Загорецкий

С Юркевичем, mesdames? Он лучший мой приятель
И в доме у меня считается своим.

Пятая княжна

Скажите, он брюнет?

Шестая княжна

Он холост?

Вторая княжна

Он военный?

Третья княжна

Хорош собой?

Четвертая княжна

Богат?

Первая княжна

Он молод или нет?

Загорецкий

Я вам, mesdames, одно скажу в ответ:
Он выше похвалы обыкновенной.
Однажды в Киеве, я помню, сорок дам,
Пленившись им, все с горя утопились.

Явление V

Те же и Фамусов

Фамусов

О чем он тут рассказывает вам?

Загорецкий

О философии мы толковать пустились.
Я нахожу, что Бюхнер...

(Смотрит в потолок.)

Фамусов

Просто глуп.
Отлично говорит полковник Скалозуб,
Что всех философов, витийствующих ныне,
Не худо б приучить немножко к дисциплине.
А вот он сам.

Явление VI

Те же и Скалозуб

Загорецкий

(раскланиваясь)

Вы лёгки на помине.

Скалозуб

Зато вот на руку всегда я был тяжел.
Случилось мне в полку ударить вестового:
Он слег в постель, там в госпиталь пошел
И навсегда оглох, вот честное вам слово.

(Раздается звонок. Все садятся по местам. На кафедре появился профессор.)

Явление VII

Профессор

(сказав несколько предварительных слов и прочтя перед публикой анонимное письмо)

Мне, господа, теперь осталось
Здесь повторить опять для вас
Все то, что мною развивалось
На лекции в последний раз.
А вот с письмом, где так грозится
Мой неизвестный аноним,
Защитник Бюхнера...

(С улыбкой)

так с ним
Я знаю, как распорядиться...

(Прячет письмо в карман.)

(Единодушный хохот публики, аплодисменты.)

Скалозуб

(хлопая)

Брависсимо! ура! ударил пулей в лоб!
Профессор — молодец, из храброго десятка.

Фамусов

(хлопая)

Я со смеху умру... Ну, услужил по гроб...
Я буду хохотать до нервного припадка.

(Хохочет.)

Загорецкий

Преострый человек! я помню, в школе нас
С Аскоченским вдвоем — прелюбопытно было —
Он со смеху морил...

Хлестова

(обращаясь к соседу)

Спросить позвольте вас,
О чем он толковал? Мне уши заложило,
Вишь, публика-то как кругом заголосила.

Редактор почтенной московской газеты

(аплодируя)

Отщелкал свистунов.

Хлестова

Ну, им и поделом.
Есть внучек у меня, из новых, из студентов,
Свистун отъявленный — Владимир Монументов;
В рóдню не верует: насмех поднял мой дом,
Меня совсем не чтит и не подходит к ручке,
Да разные стихи читать приходит внучке.
Нет, пусть он свистунов покрепче разбранит.
Прекрасный человек, дай бог ему здоровья,
Он сердце старое невольно молодит...
Ах, жаль, что не со мной теперь сестра Прасковья.

(Профессор продолжает читать лекцию. Первые ряды слушают, в остальных идет тихий говор. Там только иногда прислушиваются к словам профессора.)

Голос профессора

Затем скажу я наконец,
Что этот Бюхнер пресловутый
Есть только дикий и надутый
Недоучившийся глупец.

(Взрыв рукоплесканий.)

(Лекция оканчивается. Стулья гремят, и в зале начинается движение.)

Платон Михайлович

Наташа, матушка — теперь пора до дому.
От этой чепухи, от этого содома
Весь вечер у меня трещала голова.

Наталья Дмитриевна

Платоша, не кричи.

(Тихо)

Ведь я сама едва
Не задремала здесь — хоть совестно признаться...

Платон Михайлович

А кто неволит нас по лекциям таскаться?
Поедем-ка скорей.

(Уходят.)

Фамусов, Лонгинов и Скалозуб

Фамусов
(Лонгинову)

Согласен с вами я:
Ученье Бюхнера — одна галиматья.
Сергей Сергеич вот таких же точно мнений.

Скалозуб

Не очень я люблю ученых рассуждений.
Лишь их послушаешь — и станешь нездоров;
Но вот чему дивлюсь: ученый есть Лавров,
Военный, говорят, — и как досель нет жалоб:
Ведь философия к мундиру не пристала б.

(Уходят.)

Хлестова
(опираясь на руку Загорецкого)

Отец мой, ты сказал, что каждый нигилист. .

Загорецкий

Пьянчуга, мот, картежник, забулдыга
И на руку, случается, нечист;
О них написана особенная книга,
Тургенев сочинил...

Хлестова

Слыхала я, да, да, —
Вот нужно бы прочесть, принес бы ты когда.
Сыщи ж Петрушку мне — я подожду покуда.

(Загорецкий уходит.)

Явление VIII

Хлестова и Репетилов

Хлестова

Кого я вижу здесь? Ты? мой родной, откуда?
Зачем пожаловал к разъезду в поздний час?
Ведь не мешало бы отвыкнуть от проказ.

Репетилов

Анфиса Ниловна! голубушка! Сон в руку!
Пускай я враль, пусть все не верят мне,
Но нынче в ночь я видел вас во сне.
В том голову свою готов отдать в поруку.

Хлестова

Зачем же к ночи-то сюда ты прикатил?

Репетилов

Анфиса Ниловна, на фокусы спешил...

Хлестова

Да ты в своем уме находишься едва ли:
Ведь здесь не фокусы, здесь лекцию читали,
Где нигилисты все глупцами назвались.
Прощай же, батюшка; пора: перебесись.

(Уходит.)

Репетилов

(один)

Так стало быть я здесь не нужен.
Куда ж теперь на этот раз?
К Каткову ехать мне на ужин
Иль уж отправиться в танцкласс?

(Стоит в раздумье.)

1863

260

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН НАШЕГО ВРЕМЕНИ

РОМАН В СТИХАХ

Глава первая

I

«Мой дядя, как Кирсанов Павел,
Когда не в шутку занемог,
То натирать себя заставил
Духами с головы до ног.
В последний раз, на смертном ложе,
Хотел придать он нежность коже
И — приказал нам долго жить...
Я мог наследство получить:
Оставил дом он в три этажа;
Но у него нашлись враги,
И дом был продан за долги,
А так как «собственность есть кража»
(Как где-то высказал Прудон),
Я рад, что дома был лишен».

II

Так думал в Северной Пальмире
Магистр естественных наук,
Пришлец из Западной Сибири,
Семинариста старший внук.
Друзья мои! без проволочки
Хочу сейчас же, с первой строчки,
С героем повести моей
Вас познакомить поскорей.
Онегин, добрый мой приятель,
Был по Базарову скроен:
Как тот, лягушек резал он,
Как тот, искусства порицатель,
Как тот, поэтов не ценил
И с аппетитом ел и пил.

III

Он не толкался в модном свете,
Прочел заглавья многих книг,
Не размышлял о туалете
И никогда волос не стриг.
Умел он в споре ядовито
Воскликнуть вслух: «Вот дураки-то!»
Умел врага отделать в пух:
«Шекспир ваш — то же, что лопух!»
Готовый с яростью ужасной
Свалить любой авторитет,
Хотя б его ценил весь свет,
И скоро критик первоклассный
С большою смелостью решил,
Что он умен и очень мил.

IV

Он отрицал искусство яро,
Пугал угрюмым взглядом дам;
Ему гаванская сигара
Дороже всех высоких драм.
Все отвергая на свободе,
Читал он Фогта в переводе,
Ореста Миллера труды;
Он к Миллю скрыть не мог вражды
И с современным публицистом
Согласен был приятель наш,
Что Милль — невежда и торгаш,
И вслед за мрачным нигилистом
Произносил, что негр есть скот,
Едва ли стоящий забот.

V

Бывало, он еще в постеле,
Чтоб дать себя кухарке знать,
Начнет пред нею не без цели
Авторитеты разрушать,
Бранить Вольтера и Бэкона,
Корнеля, Гете и Мильтона

И, булкой набивая рот,
Цикорный кофе жадно пьет.
Как враг прогулок и шатанья,
Он сил напрасно не терял
И лишь статьи порой писал
В одно реальное изданье,
И часто пасмурен и хмур
Был от помарок корректур.

VI

Но за обед пора садиться.
Куда же мчится он, куда?
Морозной пылью серебрится
Его густая борода.
Бежит к кухмистеру Евгений
И там, без дальних объяснений,
Велит к столу себе подать
Обед копеек в тридцать пять;
Свершает трапезу он живо,
Пересмотревши пук газет,
И заливает жир котлет
Бутылкой кроновского пива,
Ворча, что хуже прежних лет
Стал Крон, и Фриц, и Казалет.

VII

Кулис почетным гражданином
Онегин не был; издавна
Браня театр по всем гостиным,
Мешал он с Нильским Бурдина.
Трактуя часто, как медведей,
Творцов классических комедий,
Он мог кричать в театре: «bis!»
Лишь для хорошеньких актрис.
Он заходил минуты на три,
Билет имея даровой,
Взглянуть, с поникшей головой,
Как драму новую в театре
Давал знакомый драматург
(А ими полон Петербург).

VIII

Театр уж полон. Газ блистает,
Стучат в партере каблуки,
Раек неистово зевает,
Бьют у подъезда рысаки.
Вот потянулось представленье,
И началась с того мгновенья
С дремотой в публике борьба.
Давалась драма «Не судьба».
Хлопочут бедные актеры,
Стараясь автору помочь,
И, сон желая превозмочь,
Ведут по ложам разговоры
Купцы с Апраксина двора
И шепчут женам: «спать пора! . .»

IX

Театр весь спит. Онегин входит,
Идет меж ног в девятый ряд,
Глазами публику обводит,
Откинув волосы назад.
Насилу выслушав пол-акта,
На ложу авторскую как-то
Он покосился, молвив: «вздор!»
И чрез пустынный коридор
Шаги направил он к буфету,
Где съел с икрою бутерброд,
Потом зевнул во весь свой рот,
Махнул рукой на драму эту
И, пледом закрывая грудь,
Онегин вновь пустился в путь.

X

Изображу ль в картине яркой
Уединенный кабинет
С огромной печью, очень жаркой,
Где жил Онегин пять-шесть лет
В соседстве с шведкою-старушкой?
Окно без стор, часы с кукушкой,

Диван клеенчатый в углу
Да стул, приставленный к столу,
Где на листе от старых лекций
Лежал креоновский табак...
На ширмы брошен старый фрак.
Скелетов несколько коллекций
И пара голых черепов
Глядит в тени меж двух шкапов.

XI

Ряд книг на полках небеленых,
Клочки бумаги, стертый грош...
Чуть видны в рамках запыленных
Жан-Жак Руссо и Ригольбош.
Бутыль чернил, бутылка рома,
Портфель и Шлоссера два тома,
Сигары в пачке, микроскоп
И без стекла стереоскоп;
Два неразрезанных журнала
И неоконченный рассказ,
Где несколько начальных фраз
Перо героя замарало,
Но женских ножек и голов
Там не чертил он вместо слов.

XII

О, муза! ты была бы рада
Начать иначе свой обзор:
«Янтарь на трубках Цареграда,
Хрусталь, и бронза, и фарфор»,
И все, что любят в модном свете —
Наставить в этом кабинете;
Но мой герой, увы, не фат
И будуарный аромат
Из кабинета гнал он строго
И высший свет он презирал,
Хоть в высшем свете не бывал,
Но так как фосфору в нем много,
То он, друзья, заочно мог
Быть к светским людям очень строг.

XIII

Не воспевал он дамских ножек,
Для женщин жизни не терял,
Анатомический свой ножик
Он в чувство каждое вонзал,
Бесил артистов до азарта,
Браня Россини и Моцарта,
И поражать любил народ,
Сказав, что Пушкин — идиот.
С любой красавицей при встрече
Вопрос о браках поднимал
Иль, как Базаров, восклицал:
«У вас отличнейшие плечи!»
И речь сводил на геморрой...
Он в новом роде был герой.

XIV

Среди бесцельных похождений
Уже томился скукой он,
Но вдруг, в одно из воскресений,
С письмом явился почтальон.
К нему писал приятель Ленский:
Затишье жизни деревенской
Ему описывал тепло
И звал его в свое село.
Онегин думает: «Поеду!
Пусть Ленский глуп, пусть он поэт, —
Но до того мне дела нет,
Зато он к каждому обеду
Подаст отличное вино!
Итак, поеду! Решено...»

XV

О, ты, прелестная Татьяна!
Ужель тебя несчастье ждет?
Но забегать еще мне рано
С моим Онегиным вперед.
Пока он в шумном Петрограде
Сбирает платье и тетради
И наполняет кошелек —
Мы отдохнем на краткий срок;

Потом ряд новых приключений
Включит дальнейший мой рассказ.
Я опишу в стихах для вас
«Деревню, где скучал Евгений»,
Как жил, что делал он в степи...
О, мой читатель, потерпи!..

Глава вторая

I

«Деревню, где скучал Евгений»,
Хотел я было описать,
Но скука — праздных фатов гений —
Его не смела посещать.
Став поселенцем деревенским,
Он целый день возился с Ленским,
Стыдил ленивого певца
За жажду брачного венца,
Читал отрывки из Дарви́на,
Сводил открытьям алфавит
И елисеевский лафит
Лил из хрустального графина,
А Ленский слушал и слагал
Для милой Ольги мадригал.

II

Про органическую клетку
Онегин другу говорил,
А Ленский Ларину-соседку
Ему в ответ превозносил.
Один — хвалил умно и жарко
Труды Лапласа и Ламарка,
Труды Мюссе, Жоли, Пуше,
А друг его — поэт в душе,
Поднявшись рано до рассвета,
Головки, ножки рисовал
И, вместо дела, отвечал
Стихами Майкова и Фета.
Онегин прикусил язык
И сбросил в печку полку книг,

III

Творенья Байрона, Шекспира
И много доблестных славян,
Которых северная лира
Вводила юношей в обман.
Поступком нового Омара
(Я уж сказал: ему сигара
Была дороже, чем Мильтон)
Был Ленский очень возмущен.
Не поскупясь на монологи,
С ним говорил он битый час,
Потом свой сельский тарантас
Велел готовить для дороги
И, сбросив пестрый свой халат,
Облекся в праздничный наряд.

IV

«Куда ты?» — «К Лариным». — «Так скоро!
С тобой мы были там вчера...»
— «Мой друг, теперь мне не до спора:
Я Ольгой зван еще с утра.
А что ты скажешь о Татьяне?
Предупредить спешу заране:
В тебя, мне кажется, она,
К несчастью, очень влюблена.
Я наблюдал за ней немножко:
Вчера чертила на стекле
Она твой вензель: *О* и *Е*,
Склонясь головкой у окошка.
О ней какого мненья ты?»
— «Я враг унылой красоты

V

И этих барышень слезливых,
Влюбленных в звезды и луну,
Всегда пугливых, молчаливых...
Я их увижу — и зевну.
Они живут весь век без цели
И под подушкою постели
Романы пошлые хранят,

А в нашем обществе молчат,
Да угощают сладким чаем,
Да упражняются в любви,
Танцуя с нами vis-à-vis,
Хоть мы любви от них не чаем...
Все ж поклонись им, не забудь».
— «Пока прощай!» — «Счастливый путь!»

VI

Меж тем, действительно, в Татьяне
Проснулась страсть. Теперь она
Лепечет ночью старой няне:
«Я... знаешь, няня... влюблена...»
— «Усни, родная, бога ради!»
Но при мерцающей лампаде,
Ночной луной озарена,
Она твердит: «Я влюблена!»
Сорочка с плеч ее спадает,
Она не спит в слезах всю ночь...
Чем услужить ей, чем помочь,
Старушка сонная не знает
И лоб Татьяны молодой
Кропит крещенскою водой.

VII

Вот Ленский к Лариным явился,
Сестра к Владимиру бежит.
— «Один!» — взор Тани помутился...
— «Один!» — чуть слышно говорит.
— «А друг ваш?» — молвила старушка.
— «Он занят. Новая лягушка
Ему попалась, и мой друг
Ей посвящает свой досуг...
Вот вам мое стихотворенье!»
Тут Ленский Ольге подает
Влюбленной музы новый плод,
А в зале подано варенье
И, — чем богаты их сады, —
С зеленой яблони плоды.

VIII

Проходят дни. Нейдет Евгений.
Однажды, званный на пирог,
Приехал он, но трех мгновений
В гостиной высидеть не мог.
Он похвалил пирог отличный
И отдал дань воде брусничной,
Хозяйке бросил пару слов,
Фуражку взял — и был таков.
Служанку, шедшую с посудой
И с свежим веником в руках,
Случайно встретивши в сенях,
Назвал Лурлеей полногрудой,
Взглянул на тучи и шажком
Домой отправился пешком.

IX

Прошло три дня. Проснувшись рано,
Когда еще Владимир спал,
Когда вдали, в волнах тумана,
Денницы луч едва блистал,
Онегин вышел в сад пустынный,
Побрел вперед аллеей длинной,
Но вдруг, как лист перед травой,
Мальчишка с рыжей головой
Перед Онегиным явился:
«Письмо к вам, сударь, из села».
Проговорил и, как стрела,
Он в боковой тропинке скрылся.
Онегин стал читать тогда
Письмо Татьяны, господа!

X

Читалось с трепетом, бывало,
Письмо Татьяны дорогой,
Но поколенье то увяло
Иль уж вступило в гроб ногой.
Онегин, — верьте иль не верьте, —
Сорвал облатку на конверте
И, сев спокойно на пенек,

Сказал сквозь зубы: «ну, денек!»
И стал читать не без улыбки,
Царапал ногтем на листе
При каждой новой темноте
Иль грамматической ошибке,
В письмо вставляя целый ряд
Непозволительных цитат:

Письмо
Татьяны к Евгению Онегину

Я к вам пишу — чего же боле?
(В любви признанье! вот те на!)
Теперь, я знаю, в вашей воле
Подумать, как смешна она.
(Еще бы! как еще смешна!)
Сначала я молчать хотела
(Недурно б было помолчать!),
Когда б надежду я имела
Хоть раз в неделю вас встречать,
Чтоб только слушать ваши речи...
(Вот любопытная черта:
Не раскрывал пред ней я рта
От первой до последней встречи.)
Зачем вы посетили нас?
(О, мой создатель! вот беда-то?)
Я никогда б не знала вас
И, новым чувством не объята,
Была б со временем, — как знать
(Так чем же я-то мог мешать?
Иль понимать я стал все туго! ..), —
И превосходная супруга
И добродетельная мать.
(Живи, как знаешь, в этом свете!
С кем хочешь шествуй к алтарю! ..)
Но в высшем суждено совете:
Ты — мой теперь! .. *(Благодарю!)*
Я знаю, ты мне послан богом
(Ведь это, наконец, разбой!),
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой.
Ты в снах ко мне являлся часто

(Да чем же я тут виноват?
Приснился вам я, ну и баста! —
Про всякий вздор не говорят),
В душе твой голос раздавался
Давно... Нет, это был не сон!..
(Вот неожиданно попался!
Вот вам Вольмар и Ричардсон!)
Не правда ль? Я тебя слыхала,
Ты в тишине меня встречал,
Когда я бедным помогала?
(Татьяна Дмитревна! Скандала
Такого я не ожидал!
Вы помогали бедным. Верю,
И это делает вам честь:
Имейте жалость даже к зверю,
Но для чего ж неправду плесть?
Прогулок тайных ожидая,
Не шел за вами никогда я
И не следил из-за куста:
Ведь это просто клевета.)
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
(Нет просто меры пустословью:
Ведь я еще не Вельзевул,
Я ночью сплю всегда, не тень я,
Я человек, а не виденье.)
Кто ты? скорее дай ответ.
Кто ты? мой ангел ли хранитель?
(Я ваш, сударыня, сосед.)
Или коварный искуситель?
(Вас искушать охоты нет.)
Никто меня не понимает
(Кому понятна ерунда!),
Вообрази, я здесь одна,
Рассудок мой изнемогает.
(Безделье — вот в чем вся вина.
Трудиться, барышня, вам ново;
Труд освежил бы разум ваш:
Статьи читайте Шелгунова
И позабудьте эту блажь.)
Кончаю. Страшно перечесть...

(Ну, перечесть бы не мешало:
В письме нелепостей немало
И разных глупостей — не счесть,
И я от вашего припадка
Не стану таять в уголке,
Хоть сохла, может быть, облатка
На воспаленном языке.)

XI

Конец. — «Задать ей нужно гонку
За болтовню и этот бред.
Все, что простительно ребенку,
То — безобразно в двадцать лет.
И вот плоды от неразвитья! ..»
Но здесь прерву рассказа нить я
И умолчу, как мой герой
Ворчал и дулся той порой
На праздных дев, всех взятых вместе,
Как ноги грел у камелька,
Как Ленский, встав с пуховика,
Вновь разболтался о невесте,
Бульдога черного ласкал
И дождь осенний проклинал.

Глава третья

I

«Сегодня Ольги день рожденья».
— «Что ж из того?» — «Нам нужно быть:
Вчера мне дали порученье
Тебя хоть силой притащить».
— «Помилуй, там с тоски умру я
И, у труда часы воруя,
Весь вечер потеряю, но...»
Онегин вспомнил, что давно
Татьяна ждет его ответа,
Что нужно ей прочесть урок...
Письма измятого листок
В карман широкого жилета
Он опустил и через час
Уселся с Ленским в тарантас.

II

Меж тем у Лариных толпились
Соседи, — подан самовар,
На блюдах сласти разносились
И о рядах кадрильных пар
Шептались танцев коноводы;
Шумели сельские Немвроды,
Хваля псарей своих, собак,
И пили сладостный коньяк.
Девиц танцующая раса
Бродила в зале и ждала,
Когда в углу из-за стола
Раздастся рокот контрабаса,
И закружится сонм девиц
Под скрип смычков и половиц.

III

Свежа, нарядна и румяна,
Ждет Ольга в гости жениха.
Одна унылая Татьяна
Сидит безмолвна и тиха,
Бледна, как снег под лунным светом,
Как небо ночи финским летом,
И молчалива и грустна,
В толпе гостей она одна;
Полна тревоги и сомнений,
Татьяна думает теперь:
Вот, вот сейчас отворят дверь,
Пред ней очутится Евгений...
Как ей взглянуть, что ей сказать,
Что будет ей он отвечать?..

IV

Но, чу! вот слышен конский топот
И колокольчик у крыльца.
«Онегин! Ленский!..» — в зале шопот
Летит... На Тане нет лица.
Полусознательно со стула
Приподнялась и соскользнула
Она с террасы в темный сад...

Идет, боясь взглянуть назад,
Рыданья просятся наружу,
В груди любовь, и страх, и стыд,
Татьяна робкая дрожит...
Так, изменив ревнивцу мужу,
Порой несчастная жена
Трепещет, ужаса полна.

V

Татьяна бедная страдала
И на скамье меж двух берез
Она в отчаяньи упала,
Скрывать не в силах больше слез,
И нет конца ее обетам...
— Что он подумает об этом
Письме? Какой мне даст ответ?
Ужель с ужасным словом «нет»
Придет ко мне мой добрый гений?..
Но вдруг — шаги... песок хрустит...
Татьяна вздрогнула, глядит:
Пред ней в саду стоит Евгений
И, сняв фуражку с головы,
Ей говорит: «Здоровы ль вы?

VI

Ну, духота! Пот льется градом...»
Потом он вынул свой платок,
Стер пот с лица, сел с Таней рядом
И начал длинный монолог
О том, что физик Маттеучи
Был ярким солнцем в темной туче,
Что всем нам праотец — полип,
И что похож на мелкий гриб
Acetabulum известковый,
Что от несчастий всех народ
Ассоциация спасет,
Что реалист закалки новой —
Иль пьянства мрачного поэт,
Иль гениальный Архимед.

VII

Потолковав о меньшем брате,
Онегин начал речь опять:
«Татьяна Дмитревна! я кстати
Хотел совет вам добрый дать.
Ко мне письмо вы написали
И им отлично доказали,
Что вы — чувствительны, больны,
Но, но... простите... не умны.
Любовь не может вдруг явиться:
Вам чужд и я и мой язык,
И я, ей богу, стал втупик —
Как вы изволили влюбиться
В два-три визита, с пары фраз?
Нет, не любовь смутила вас.

VIII

Когда б без дела, без занятья
Не убивали жизни вы
(Жизнь без труда — не мог понять я),
Когда б развитьем головы
Вы занялись, забыв романы,
И вечно бледный лик Дианы,
И неба звездного лазурь,
Тогда б, клянусь, такая дурь
К вам не являлась в наказанье,
И я, слуга покорный ваш,
Не знал, что вам приходит блажь
Писать любовные посланья
И в том другого уверять,
Чего самим вам не понять.

IX

Какой вы будете женою?
Что вы за мать, скажите мне,
Умея только пред луною
Мечтать в полночной тишине?
Что для жены быть может хуже —
Искать опоры только в муже,
Его трудиться заставлять,

Самой же плакать и вздыхать,
Краснеть пред дочерью и сыном,
Своим невежеством казнясь,
И постепенно падать в грязь! ..
Муж будет честным гражданином,
Жена же — куклою немой! ..
Вот идеал, но он не мой...

X

Я все сказал. Теперь довольно.
Наш разговор забыть я рад
И вам отдам я добровольно
Письмо безумное назад.
Мы все от случая зависим,
И мой совет — подобных писем
Вам не писать... Но уж темно,
Нас, верно, дома ждут давно,
Притом же я проголодался,
Татьяна Дмитревна, пора...
Теперь свалилась с плеч гора,
И аппетит мой разыгрался.
Но я вперед пока пойду».
Без слез, без звука, как в чаду,

XI

Сидела бледная Татьяна...
Увы, Татьяне ль оценить,
Что он, герой ее романа,
Не мог иначе поступить?
Певцом Онегин оклеветан:
Мог только дать такой ответ он
Татьяне, барышне простой.
О, мой читатель! Удостой
Вниманьем нового героя
И, размышляя, оцени,
Что так поступит в наши дни
Онегин лучшего покроя,
Онегин, сшитый напоказ
Одним из критиков для нас.

Глава четвертая

I

Что за роман, где нет дуэли!
Я описать, конечно б, мог,
Как, прислонясь к высокой ели,
Онегин молча взвел курок,
Как пулю вбил он в ствол граненый,
Раздался выстрел и, сраженный
Своим приятелем, поэт
Упал, роняя пистолет.
Я мог с эффектом несомненным
Сложить про бой пять новых строф,
Но *мой* Онегин не таков:
Он с хладнокровьем неизменным,
Не посмотревши на запрет,
Вошел бы в чумный лазарет,

II

Где ряд больных почти уж вымер;
Но мог сказать: «вы глупы, сэр», —
Когда б задумал вдруг Владимир
Его поставить на барьер.
На эпиграмму он нередко
Мог эпиграммы сыпать метко,
Но на барьер, — таков принцип, —
Его поставить не могли б,
И в крайнем случае скандала,
В толпе обиженных глупцов,
Онегин мой в конце концов
Прибегнет к помощи шандала,
К обломку стула, кочерги
И — горе вам тогда, враги!..

III

Герой мой смел был, как Якушкин,
Но все дуэли отвергал...
Да, Александр Сергеич Пушкин
Его совсем оклеветал.
Забывши Лариной истому,

Не ссорясь с Ленским попустому
И у него взяв до зимы
Четыре красненьких взаймы,
Онегин снова в путь пустился...
Теперь пропустим лишний год,
Пропустим целый эпизод,
Как Ленский сватался, женился,
И как Татьяну из села
В Москву мамаша увезла,

IV

Как под влияньем страсти нежной
Не шла Татьяна под венец
И в брак законный, неизбежный
Она вступила наконец...
Мы, сократив свою дорогу,
Приступим прямо к эпилогу...
Итак, однажды на полке,
С мочалкой взмыленной в руке,
Лежал Онегин в невской бане
И по привычке рассуждал
С своим знакомым: «Не бывал
Я в вашем клубе. Россияне
Приличней дела не найдут:
Лото и танцы — вот их труд.

V

Вы в клуб отсюда?» — «В Молодцовский...
Вы не хотите ль заглянуть?»
— «По мне так в бане Туляковской
Гораздо лучше отдохнуть».
— «Там нынче чтенье, съезд немалый...
Раз можно съездить». — «Что ж, пожалуй,
На полчаса я заверну...
Эй, друг любезный, банщик! Ну,
Теперь на каменку поддай-ка...
Еще, еще, вот так... вот так...
Пусть буду красен я, как рак
Иль как филипповская сайка...
Всех европейцев перерос,
Придумав бани, мудрый росс!..

VI

Ну, в клуб теперь! ..» Был клуб уж полон.
Онегин, хмурясь, входит в зал,
Толпу мужчин, «прекрасный пол» он
В блестящей зале увидал.
Пестрели шлейфы, панталоны,
Наколки, ленты и шиньоны,
Чепцы, мантильи, парики...
Мелькали дети, старики
И капитальные невесты.
Они на всех смотрели так:
С тобой тогда вступлю я в брак,
Когда получишь в жизни вес ты,
И крупный чин, и важный пост,
И капитал положишь в рост.

VII

Там были ветхие калеки
В дыму у ломберных столов,
Там были невские ацтеки —
Опора танцев и балов;
Неповоротливы и скромны,
Там были девы из Коломны
И с Петербургской стороны.
В четыре фута вышины,
С ртом наподобье арки целой,
Там был какой-то фотогра́ф,
Какой-то князь, какой-то граф,
Там был, с походкою несмелой,
С старинной мягкостью манер,
Седой, как лунь, акционер.

VIII

Там был и крошечный писатель,
Живущий гением пера,
Хромой, как Байрон, и каратель
Купцов Апраксина двора.
Там был один болтун столичный,
Отличный франт, танцор отличный,
Собой пленявший клубных дам;

Там был на этот раз я сам...
Онегин в клубе, полный злости,
Стал наблюдать, как игроки,
Не без дрожания руки,
Вокруг столов меняли кости,
Сердясь на целый мир за то,
Что разоряет их лото.

IX

Над игроками дым табачный
Волнами в комнатах ходил,
И за игрой Онегин мрачный
В тот час рассеянно следил.
Вдруг у меня спросил он прямо:
«Скажите мне, кто эта дама
Играет в домино-лото?»
— «Ее не знает здесь никто».
— «Ужель она?.. Да это словно
Татьяна Ларина... ей-ей!..»
Идет Онегин прямо к ней,
Подходит ближе и безмолвно
Глядит на даму наш герой.
Но, занята своей игрой,

X

Татьяна глаз не поднимала.
С волненьем бледного лица
Она свой проигрыш считала...
Она, — о, плачьте без конца,
Певцы любви и юных граций! —
Следя за кучей ассигнаций,
Она, как страстный банкомет,
Готова ночи напролет
Сидеть в дыму сигар и трубок
И все играть, играть, играть...
Счет деньгам может лишь слетать
Теперь с ее прекрасных губок...
Вдруг Таня вздрогнула, глядит:
Онегин рядом с ней стоит.

XI

Друзья, не в клубе (что за проза!
Воскликнете вы, может быть),
Но в будуаре с книжкой Дроза
Я мог Татьяну посадить,
Мог говорить ее заставить:
«Я вас люблю, — к чему лукавить!
Но я другому отдана...»
Затем бы верная жена,
Смягчая гордость увлеченьем,
Герою проповедь прочла
И для финала бы дала
Мораль с эффектным заключеньем;
Но для финала я избрал
Не без причины клубный зал.

XII

Роман любви, роман старинный
С луной, с безмолвным tête-à-tête,
В тени ветвей в аллее длинной —
Не в наших нравах. Как поэт
Непоэтической эпохи,
Я слышал дам столичных вздохи
Лишь у игорного стола,
Где только стуколка могла
Все их лицо разжечь румянцем.
Досуги их идут на то:
От танцев — отдых за лото
И карты — добавленье к танцам;
С их уст слетает не «люблю»,
Но «пас», «стучу» или «куплю»...

XIII

На каждый век — свои игрушки.
К нам не вернется век ваш вновь,
Сантиментальные старушки!
Играли бабушки — *«в любовь»*,
Играют *«в стуколку»* их внучки...
И те и эти — белоручки,
Им надо чем-нибудь играть,

Но если станем выбирать,
То я, как истый пролетарий,
В обиду бабушек не дам...
Избавь нас бог от новых дам,
Когда они наш гонорарий,
На зло всем толкам и речам,
Мотают в клубах по ночам.

XIV

Кто ж удивится, что Татьяну
Онегин в клубе повстречал?
Она встает, идет к дивану,
И в этой даме не узнал
Евгений прежней девы томной,
Пугливой, влюбчивой и скромной.
«Евгений Павлыч! Bonsoir!..[1]
Пойдемте! здесь ужасный жар...
Я рада вам... Известно вам уж, —
Вам Ленский, верно, рассказал, —
Что вышла замуж я?» — «Не знал!»
— «Да, уж полгода вышла замуж...»
— «И счастливы?» — «Как вам сказать!..
Мой муж не хочет мне мешать —

XV

Ни в чем. Привыкла здесь играть я
В лото и езжу иногда...»
— «Нашли отличное занятье!»
— «В игре нет счастья — вот беда!»
— «Ну, есть зато очаг семейный...»
— «Да, кстати, дом наш — на Литейной:
По четвергам у нас игра
Бывает с самого утра.
Я жду вас... Право, не заметим,
Как день промчится за игрой...»
— «Я езжу к женщинам порой,
Но только, право, не за этим,
Скажу, как Чацкий...» — «Пустяки!
Мы вас запишем в игроки.

---

[1] Здравствуйте! — *Ред.*

XVI

А вот мой муж идет...» Подходит
Старик походкой вялой к ним
И важно речь о том заводит,
Что Пальмерстон незаменим,
Что молодежь бежит от службы,
Что это — странно: почему ж бы
Ей видных мест не занимать
И награжденья получать...
«Все это вздор». — «Так что же вас-то
Так занимает, господа?»
— «У нас немало есть труда:
Мы отрицаем все — и баста».
Муж что-то под нос промычал
И за женой поплелся в зал.

Глава пятая

I

Прошло три года, — наши нравы
Переменились в этот срок.
Не те занятья и забавы:
Вступил на службу демагог,
Угомонились либералы,
Исчезли старые журналы,
А в новых — вздор один найдешь.
Юркевич, Хан и Мессарош,
В главе общественного мненья,
Поднявши свой бесцветный флаг,
Теперь стоят пред нами, как
Бездарной прессы воплощенье,
И в прежний девственный свой сон
Вновь россиянин погружен.

II

Вновь тишина в житейском море,
Куда ни взглянешь — все не то;
И даже в клубах — вот так горе —
Исчезло с стуколкой лото,

Нас развлекавшее нередко;
Не дозволяется рулетка,
И только разве по углам,
Присевши к ломберным столам,
Играют в преферанс с болваном
Старушки-дамы, старички,
На карты жмурясь сквозь очки,
А нашим барышням — Дианам
Лишь остается танцовать
Иль «Дым» Тургенева читать.

III

Но, к утешенью фатов разных,
Всегда веселых старичков,
Красавиц невских, барынь праздных,
Невест отцветших, женихов,
Певиц, чтецов и пианистов —
В ходу остался «клуб артистов»,
Где артистическую прыть
Гость каждый может заявить —
Романсом, оперной руладой,
Уменьем фокус сделать вдруг,
Иль просто беглостию рук,
К роялю севши за эстрадой,
Иль даже чтеньем длинных од...
Для всех талантов есть исход.

IV

Пусть говорят — искусство пало
И что у всех творцов картин,
За неименьем идеала,
Казенный есть прием один:
Бежать во всем житейской прозы,
В академические позы
Людей в картинах расставлять
И правду жизни заменять
Однюю пышной драпировкой,
Изображая целый ряд
Вакханок голых и наяд;
Пусть говорят — с такой сноровкой
Отстал во всем художник наш
И должен бросить карандаш, —

V

Пусть нет артистов образцовых,
Но в «клуб артистов» круглый год
Валит толпа и двух целковых
Не жалко ей отдать за вход.
Могу заметить не без чувства:
Мы чтим славянское искусство
И каждый вторник ездим в клуб,
Где нет обычных клубных групп,
Нет по углам столов игорных
И игроков азартных нет,
Где отвратительный буфет
Не привлечет кутил задорных
И где «искусство» лишь одно
Для услаждения дано.

VI

Надев кафтан свой и рейтузы,
Поэт-швейцар — Ефим Дроздов —
Плоды своей швейцарской музы
У входа вам подать готов,
И песни клубного швейцара
Достойны, право, гонорара
Хотя за то, что сей певец
Постиг всех раньше, наконец,
Что музе русского поэта
Пора остаться без венца,
Что у парадного крыльца,
С запасом льстивого куплета
И булавою снабжена,
Она стоять теперь должна.

VII

Роскошной мебели в гостиных
Не встретит в клубе модный франт;
Богатство клуба все — в картинах:
Что ни картина, то талант;
В искусстве много фарисеев,
Но Шульман, Клодт и Алексеев
Поставят каждого втупик.

У них в картинах есть язык
И возвещает громко всем он:
«Смотрите! вот Наполеон,
Которым я был вдохновлен».
— «Смотрите! вот этюд мой «демон».
Едва ль сам Лермонтов бы мог
Заметить в нем какой порок».

VIII

Портреты, женские головки,
Пейзажи в рамках на стене
И (как художники-то ловки!)
Изображен на полотне,
Чтоб вызвать общую потеху,
Через холщевую прореху
В дыру смотревший господин, —
И вот вблизи таких картин
С вниманьем публика теснится,
Кругом любители снуют,
Но чтоб купить такой этюд —
Никто на это не решится,
Затем что цены высоки,
Как замечают знатоки.

IX

В гостиных давка от народа,
Библиотека же — пуста...
Давно прошла на чтенье мода!
Два-три газетные листа,
Да «Русский вестник» запыленный
Лежит под лампою зажженной
И не разрезан и забыт;
Как камень от могильных плит,
С стола не сходит «Невский сборник»
Художник русский не привык
Искать развитья в чтеньи книг;
Искусства чистого поборник,
Он начал с детства презирать
Уменье ставить букву *ять*, —

X

Что вынес я из наблюдений,
Из разных надписей, реклам
И всевозможных объявлений,
Прибитых в клубе по стенам.
Так что ж! Я сам держусь той веры,
Что для создания Венеры
Иль хоть собачки буквы *ять*
Творцу не нужно вовсе знать,
Лишь было б сочно только тело,
Изящен абрис рук и плеч...
А уж грамматику хоть сжечь...
Какой-нибудь Микель-Анджело
Едва ли грамотно писал,
А все же в гении попал.

XI

Меж тем в парадной клубной зале
«Какая смесь одежд и лиц!»
В глазах мелькают ленты, шали,
Прически, профили девиц,
Путейцы, медики, черкесы,
Два-три чиновника от прессы,
Певцы, актеры, казаки,
Усы, лорнетки и очки,
Носы и уши всех размеров
И шлейфы длинные, как спор
Двух академиков, — в задор
Вводили многих офицеров...
Рядами ламп освещена,
Вся зала публики полна.

XII

Вот общий наш увеселитель,
Друг оргий, женщин и вина,
«Свободной сцены» представитель,
Носящий всюду ордена,
С какой-то дамою дородной
Стоит в дверях картинкой модной,
Имея цель одну в виду —

Быть перед всеми на виду.
Его встречали вы, — поверьте, —
На каждом шумном пикнике,
В театре, в клубе, на катке,
В живых картинах и в концерте.
Он очень мил, хоть фат на вид,
И в нос немножко говорит.

XIII

Вот в банке место занимавший
Чиновник длинный, как верста,
Сухой и сильно отощавший,
Как после долгого поста,
Имевший страсть дурного тона —
Походкой мрачного Харона
Ходить повсюду за женой;
Вот врач, имевший дар тройной —
Отлично петь и пить отлично
И до упаду танцовать,
Чтоб после петь и пить опять,
Всех обнимая безразлично;
Вот опочивший от трудов
Гравер сороковых годов,

XIV

Везде сующийся, как муха,
С запасом новостей, сигар...
Вот без ума, без сил, без слуха,
На всех озлоблен, сед и стар,
Ех-драматург в высоком чине.
Бранит он век по той причине,
Что ни в один еще журнал
Он, как ни бился, не попал.
Вот, из военных, прав ревнитель,
Времен новейших Скалозуб,
Хотевший в том уверить клуб,
Что в клубе каждый «член-любитель»
Обязан голос свой иметь
И о порядке в нем радеть.

XV

Вот наш художник знаменитый
И мастер монументных дел,
С прической львиной, в кудри сбитой,
Имевший в клубе свой удел:
Везде героем быть девичьим
И с гладиаторским величьем
Провозглашать подобный факт:
«Mesdames! Messieurs! Теперь — антракт!»
Краса обоих полушарий,
Наш денди модный, наш талант,
Наш обольститель и наш франт,
Он носит множество регалий
И сам похож на монумент
Из орденов и пестрых лент.

XVI

Вот тощий лирик с музой сладкой,
Певец весны и облаков,
Везде являвшийся с тетрадкой
Меланхолических стихов;
Вот мировой судья близ дамы,
С лицом, имевшим вид рекламы:
«Я Дон-Жуан и Ловелас!»
Вот быстроногий, как Пегас,
Издатель маленькой газеты
В кружке Арсеньева бранит;
Вот бальной сферы паразит, —
Известны всем его приметы:
Танцор, историк, мелкий фат,
Библиофил и ренегат.

XVII

Вот музыкант чрезмерно длинный,
Довольный обществом, судьбой,
Вином, певцами, скукой чинной,
Икрой в буфете и собой.
Вот архитектор — вечно вялый,
Вот драгоман — добрейший малый,
Вот, наконец, «поэт-солдат»...

Но, чу!.. все в публике глядят
По направлению к эстраде,
Где бледнолицый педагог
За монологом монолог
Читал на память без тетради
О том, что Гоголь был талант
И меж талантов бриллиант.

XVIII

Умолк, но в речи все так ново,
Что хлопать публика пошла.
Потом стихи из Хомякова
С экстазом барышня прочла;
Потом немецкого актера
Встречали криком: «Bis!» и «Фора!»
И наконец поднялся рев,
Когда явился Горбунов...
Чтоб оценить славян развитье,
Как тонок их изящный вкус
И как ты мудр, великорусс,
Еще не раз готов сходить я —
Взглянуть, как Горбунова вид
И шутовство народ смешит.

XIX

Между артистов на эстраде
Явилась дама... Что за вид,
Что за уверенность во взгляде!..
Она пред публикой стоит,
Как королева, гордо, смело.
Она толпы не оробела,
Красиво руку подняла
И громко, явственно прочла
Из Розенгейма две страницы
И обвела глазами зал.
Я с удивлением узнал
Татьяну в образе той львицы
И с ней в гостиной через час
Я говорил уж глаз на глаз.

XX

Меж разных новостей столицы
Речь об Онегине зашла;
У ней не дрогнули ресницы...
«На днях в журнале я прочла
Его статью и — мужа мненье
Про молодое поколенье
Я начинаю разделять:
Все отрицать и отрицать!
Какой же толк в речах их злобных?
Онегин судит резко всех,
А сам... сам возбуждает смех.
Я не люблю людей подобных».
Но тут прервал один корнет
Наш неприятный tête-à-tête.

XXI

Разъезд. Окончен ужин. Звонкий
Раздался роковой звонок,
Но за столом, любуясь жженкой,
Еще сидит один кружок.
Всех оргий ментор и художник,
Из вилок сделавши треножник,
Их над кастрюлей укрепил
И на пылавший сахар лил
Струей киршвассер ароматный;
Потух огонь — и на столе
Готов в граненом хрустале
Напиток крепкий и приятный,
А день уж смотрит со двора.
— Пора!.. И мне кончать пора.

Глава шестая

I

Январь в конце. Волокна туч,
Нависших над столицей зимней,
Прорезал солнца редкий луч, —

И веселей, гостеприимней
Глядит ряд улиц... Мимо нас,
В колясках сидя напоказ,
Мелькает в бурках, в бриллиантах
Цвет красоты всех стран и рас.
На петропавловских курантах
Уже пробил условный час
Прогулки... Общее движенье,
Однако, слишком велико:
Сегодня праздник, без сомненья!

II

В том убедиться нам легко
По экипажам, по нарядам,
По табельным, сиявшим взглядам,
По виду праздничных купчих,
По быстроте городовых,
Свистящих, рыщущих, хватавших
Всех очень сильно подгулявших;
По лицам барынь молодых,
Старух, мальчишек, мамок, нянек,
Швейцаров, франтов, сторожей,
Хлыщей, камелий, марсов, ванек,
Жен и мужей, врачей, пажей,
Российских немцев, «думных» земцев,
Купцов, актеров и певцов,
Всегда ликующих ташкентцев,
Всегда задумчивых скопцов.

III

Да, праздник!.. В общей шумной давке
В любом кафе и в модной лавке
Нигде ни сядешь, ни шагнешь,
И в роли статуй неподвижных
Снять негде шубы и калош;
Лишь в магазинах только книжных
Души единой не найдешь.
У нас, — ведь это всякий знает,
Кто в нашу жизнь немножко вник, —

Никто в дни праздничные книг
Не покупает, не читает.

IV

Веселье, роскошь, шум и гам,
Атлас и соболь, шелк, куница,
И словно говорят все лица:
«Легко живется в мире нам!»
И с умилением невольным
Среди блестящей кутерьмы
Дивились этим лицам мы
Счастливым и самодовольным.

V

Но вот, однако, затрудненье:
Попали мы на погребенье.
Печальный движется кортеж
И длинной цепью экипажи:
В них речи всё одни и те ж,
И в лицах скорбь одна и та же:
Спешат покойнику отдать
Друзья, родные долг печальный,
Последний долг... Сопровождать
И мы желаем погребальный
Тот поезд. Славный человек
Покончил свой веселый век!
И каждый встречный невский жигель
Твердил: «Спаси его, творец!
Он первый наш благотворитель,
И благодетель, и отец!

VI

Он гласа сердца только слушал,
В столицах знал всех поваров,
Он в пользу бедных пил и кушал.
Был вечно весел и здоров;
Для блага бедного народа
Все лотереи посещал,
Проел три дома, два завода

И пропил женин капитал...
Сей муж из самых образцовых,
Каких не встретить долго нам:
Чтобы десятка два целковых
Послать самарским мужичкам,
В желудок свой имея веру,
Недавно посетил обед,
Покушал гуся он не в меру
И, как герой, покинул свет...
«С благотворительною целью»,
А благородней цели нет...

VII

Но время нас зовет к веселью...
Пора! в окошках, в фонарях
Огни давно уж заблестели —
Двойной шеренгой вдоль панели,
В подъездах зданий и в дверях,
В концертных залах, в светлых клубах.
Карет, карет — несметный ряд...
Порой бубенчики звенят:
В санях широких, в теплых шубах
На тройках за город летят
Благотворители столицы,
Где ждут их музыка и смех,
Вино и песни, шутки, «вицы»,
Девицы, львицы, тьма утех
До поздней утренней денницы.

VIII

И целый город до утра
В филантропическом экстазе,
Во имя пользы и добра
Галантерейно безобразя,
Танцует, скачет и поет
И декламирует с эстрады,
Декольтируется и врет,
И пьет, и ест, и ест, и пьет,
Всю ночь ликует напролет
Без наслажденья и отрады,

Пока в бессильи не заснет;
А завтра вновь с лицом измятым
Из скучных собственных квартир
Весь город кинется на пир
С благотворительным развратом.

IX

Другое зрелище нас ждет:
Театр афишей бенефисной
Радушно публику зовет.
Уже гирляндой живописной,
Облечены и в шелк и в газ,
Блистают дамы бенуара;
Уж в нетерпении не раз
Партер с райком стучали яро,
Уже со сцены чей-то глаз
В прореху занавеса зорко
Давно глядит, и нам видна
Нога и шитая оборка
У самой рампы. Но должна
Сейчас начаться, без сомненья,
Пиеса новая. Пора
В закрытой ложе, без стесненья,
Пока не началась игра,
Занять места нам, где удобно
Мы можем лечь, зевать, болтать,
Иль очень тонко и подробно
Игру актеров разбирать,
Иль, наконец, по крайней мере,
Следить за кем-нибудь в партере.

X

Все стихло. Занавес взвился.
Нелепый и рутинно-узкий
Со всею скукой драмы русской,
Бессодержательно-пустой,
Невероятно-бестолковой,
Конечно, с фабулой не новой
И с самой щедрой пестротой
Ненужных лиц, пейзан, пейзанок,

Присядки, песен, хоров, драк,
Любовных сцен и перебранок...
Я созерцал и думал так,
Не пропустив на сцене слова:
Я аксиомы не пойму
«Нет в мире действия такого,
Причин чтоб не было ему», —
И вот *пять действий* перед нами
Даются вовсе без причин?!.

XI

Кому же верить? Этой драме
Иль аксиоме? Пусть один
Эдип новейший в «Гражданине»
Решит загадку эту ныне,
А я... я в ложе отдохнуть
В углу уселся в мягком кресле,
Невольно думая: не здесь ли
Всего удобнее соснуть?
Кто усыпит так в Петербурге
(За то хвала тебе, Зевес!),
Кто, как не наши драматурги
И исполнители их пьес?
И я заснул...

XII

«Покойной ночи! —
Шепнул вдруг кто-то сзади мне: —
Спектакль всем кажется короче
И занимательней во сне...»
Очнулся я и вижу — Ленский,
Сосед и друг мой деревенский,
С которым время коротал
Я в Костромской его усадьбе
И даже у него на свадьбе
Недели три пропировал.
На свадьбе этой в сельском храме
Я не последним был лицом:
Я и Онегин — шаферами
У Ленских были под венцом.

XIII

«Владимир! Это, полно, ты ли?
Позволь обнять! рад от души!
Давно ль ты из своей глуши,
Где зайцев мы с тобой травили?»
— «Давно, а ты?» — «Три дня назад
Вернулся я из-за границы,
Средь нашей северной столицы
Надолго якорь бросить рад.
А что жена твоя?» — «Тебя я
Сейчас же повезу к жене.
Вот будет благодарна мне,
Уже никак не ожидая
Сюрприза! ..»

XIV

Оба сели в санки.
«Живу я близко, на Фонтанке,
Отсюда два всего шага.
Поздравь: ведь я адвокатурой
Стал заниматься, брат. . .» — «Ага!
А муза?» — «Музе белокурой
Отставку чистую я дал:
Не наживешь с ней капитал...
Вот мы и дома.. » Дом отличный:
Швейцар, на лестнице цветы,
Газ и ковры... «Я вижу, ты
Пошел дорогою обычной:
Как истый адвокат столичный,
Идеализм не ставишь в грош
И куши крупные берешь...»

XV

Звонок нажат, и в миг единый
Пред нами распахнулась дверь.
Нас Ольга встретила в гостиной,
Еще прекрасна и теперь

И в возраст свой тридцатилетний
Еще способная пленять.
Радушней встречи и приветней
Нельзя мне было ожидать...
О времени припомнив старом,
Вся раскраснелась Ольга вдруг,
И через час за самоваром
Сидел я, как домашний друг.

XVI

И вот, вблизи четы счастливой,
Любимой мною с давних пор,
Вступил я скоро в разговор
Неуловимый и игривый,
Где настоящее всегда
Переплетается с минувшим,
На всех нас юностью пахнувшим
И всем, чем молодость горда.
Когда ж в беседе оживленной
Спросил я о Татьяне их,
Склонила Ольга взор смущенный
И замолчала. Ленский стих.
Я сам смутился на мгновенье:
Молчанье их недобрый знак.
Когда же общее смущенье
Прошло, Владимир начал так:

XVII

«Не знаешь ничего ты, значит?»
— «Я в Петербурге лишь три дня».
(Украдкой, вижу, Ольга плачет,
Скрывая слезы от меня.)
— «Скверненйшее случилось дело:
Три месяца тому назад
Татьяна наша овдовела,
Но вся беда не в этом, брат:
Муж был старик, подагрик хворый,
Деспо́т ревнивейший, который
Жену преследовал, как тень,
И портил ей и ночь и день.

Скоропостижно он скончался,
Пошел по городу трезвон,
И скоро доктор доискался,
Что от отравы умер он.

XVIII

Сам отравился он случайно,
Иль отравил его другой,
Пока еще все это тайна,
Но я ручаюсь дорогой
Мне честью, что она, Татьяна,
Виновна в том, как я и ты.
Она от этой клеветы,
Конечно, поздно или рано
Себя очистит на суде,
Суде присяжных наших, где
Употреблю я все усилья,
Чтоб клевете обрезать крылья».

XIX

В то время раздался звонок
Такой пронзительный, что разом
Прислуга Ленских сбилась с ног.
Час поздний!.. Вдруг, под черным газом,
Вся в трауре, как снег бледна,
Вошла Татьяна. Мне она
Сперва покойной показалась.
Но в том спокойствии скрывалась
С немым отчаяньем борьба,
И с беломраморного лба
Как будто не сходила туча.
Все ж притягательно могуча
Была Татьяны красота,
И каждая ее черта
И чаровала и манила...
И вот вдова заговорила,
Не бросив взгляда на меня:
«Откуда, угадайте, я
Явилась к вам?.. От прокурора!..

Да, Ленский, вам придется скоро
Из-за меня вступить с ним в спор».
— «Но кто ж, скажите, прокурор?»
— «Онегин, друг ваш». — «Как? Евгений?»
— «Да, он, он, вечный злой мой гений:
Дает жестокий мне урок
В его лице судьба вторично...»
И тут недобрый огонек
(Что я заметить мог отлично)
В глазах Татьяны промелькнул;
Затем, как статуя, на стул
Она беззвучно опустилась,
Не слыша Ленского речей,
И из опущенных очей
Слеза на грудь ее скатилась.

Эпилог

I

Чрез месяц в окружном суде
Татьяны разбиралось дело.
Дела подобные везде
Волнуют общество, и смело
Заметим, в ложь не смея впасть,
Что в зале яблоку упасть
Возможно было бы едва ли.
За подсудимой наблюдали
Из-за решетки сотни глаз,
И постоянно, каждый раз,
Когда Татьяна говорила,
Жужжанье мухи слышно было,
И весь народ ни мертв, ни жив
Сидел, дыханье затаив...

II

С изящной скромностью одета,
Без украшений золотых,
Без всяких брошек и браслета,
Лишь только в локонах густых,

Обворожительно прекрасна,
Но, как мертвец, бледна ужасно
Лафарж новейшая была
И все сердца к себе влекла,
И каждый думал: «Неужели
Она виновной может быть?
Способна ль мужа отравить,
И для какой ужасной цели?..
Как горд и чист Татьяны взор!..»
Но, чу! речь начал прокурор.

III

То знаменитый был оратор,
Прокуратуры всей звезда,
Ex-реалист, ex-литератор,
Уже в последние года
Избравший новую карьеру...
Он, соблюдая такт и меру,
Построил речь свою умно,
Хоть беспощадно слишком, но
Легально, ясно и логично,
Так что защитник, Ленский сам,
Рукой водя по волосам,
Подумал про себя: отлично!
И поднялся, войдя в задор,
Чтоб дать Онегину отпор.

IV

Чувствительно, красноречиво,
Хотя и сбивчиво порой,
Пространно очень, но красиво
И увлекаясь слов игрой,
«С душою прямо геттингенской»,
Час говорил Владимир Ленский.
Пред прокурором он был пас,
Но симпатичней во сто раз:
То возбуждал негодованье,
То трогал публику до слез;
Ему присяжных удалось

Расчувствовать до состраданья,
И, наконец, их приговор
С Татьяны снял ее позор.

V

Она «оправдана»... По зале
Гул одобренья пролетел...
Глаза у Ленского блистали,
Он скрыть восторга не умел —
И вывел из суда Татьяну...
О том рассказывать не стану,
Как Ольга встретилась с сестрой.
Как наша пресса той порой
Вердикт хвалила безусловно
И как Онегин прошептал,
Покинувши судебный зал:
«А все-таки она виновна!»
Но прав он в этом или нет —
Не мы дадим на то ответ.

VI

Конец, моя поэма спета...
Прошу прощенья у славян
И у славянского поэта,
Что я классический роман
Подверг цинической поверке,
Перекроил по новой мерке
И перешил на новый лад.
Но я ли в этом виноват?
Пусть устыдится критик бедный,
Что он в бессилии толкал
Поэта гордый пьедестал.
Но от руки его безвредной
И лавр не сдвинулся с чела,
И слава та же, что была.

1865, 1867, 1874, 1877

261

НИГИЛИСТ

ПОЭМА

Глава вторая [1]

Не в свой «тарантас» не садись.
Новая пословица.

Какую выберу я тему, —
Того пока не знаю сам.
Гр. Соллогуб.

I

Подобно графу Соллогубу,
Кой-как взобравшись на Парнас,
Не знаю сам, кусая губу,
Чем я начну теперь рассказ, —
Но, как ему, мне также любо
Писать на тему — нигилист,
И я, хоть это, впрочем, грубо,
Бледнея, словно в книге лист,
К поэме графа Соллогуба
Приделать смело пожелал
И продолженье и финал.

II

Моя услуга, если взвесить,
Должна возрадовать славян:
Поэт, наверно, лет чрез десять
Успеет кончить свой роман

---

[1] В малоизвестном московском сборнике «Утро» помещена *первая глава* поэмы гр. Соллогуба «Нигилист». Так как, по всем вероятиям, второй выпуск «Утра» выйдет никак не ранее 1966 года, то я взял на себя смелость продолжать начатую поэму гр. Соллогуба и довести ее до конца, оставаясь верным плану и характеру начатого произведения. Я уверен, что все поклонники поэтического дарования гр. Соллогуба будут мне признательны за мою смелую литературную попытку — продолжать нить, вероятно надолго, если не навсегда, порванного рассказа.

И *«тайну старческой работы»*
Отдаст Погодину, а тот,
Не получивши с «Утра» льготы,
Положит рукопись в комод
И, может быть, лишь лет чрез двести,
Для услажденья разных каст,
С трудами собственными вместе
Поэму графскую издаст.
А я — мне вечер только нужен,
Чтоб в горе выручить певца,
Я сяду весело за ужин,
Сведя поэму до конца.

III

Поэмы план исполню свято
И ничего не искажу;
Ее героя демократа,
Как Соллогуб, изображу
Я той же самой черной краской;
Его в безбожьи обвиню
И даже стих, немного тряский,
Для колорита сохраню.
Ведь, в самом деле, есть причины
Такие фразы мне сберечь:
«В душе прорезались морщины»
Иль *«ум его широкоплеч»*.
От фраз поэта цепенея,
Я им подобных не слыхал
С «сухих туманов» «Атенея»...
Но, чу! уж мой Пегас заржал
(Старинной верен я системе
Пегаса вспомнить при поэме),
И я, как опытный ездок,
Путь начинаю без печали.

IV

Герой — Белин. Его так звали.
Его портрет в короткий срок
Я очерчу, и по контуру
Увидят все, — я убежден, —
Что из себя карикатуру

Изображал в природе он;
Что все певцы в преклонных летах
(Я сам, как лунь, к несчастью, сед)
В его типических приметах
Найдут все язвы поздних лет,
Найдут, что он был очень странен,
Трихином века заражен,
Эгоистически-гуманен
И отвратительно умен.

V

Итак, он был, во-первых, молод,
А этот факт на стариков
Нагнать повсюду может холод;
Потом, он был из бедняков,
Имел долги и не платил их,
Носил в заплатках сапоги
(У богачей кровь стынет в жилах:
— Как? он, бедняк — имел долги?!),
Был, разумеется, нечесан,
Неловок, грязен, неотесан...
«Весть» всем студентам зауряд
Дала сей яркий аттестат,
И без подобного патента
Нельзя описывать студента, —
К тому ж и мало тут хлопот:
Прием известный — спорит грубо,
Волос не чешет круглый год,
Как волк голодный, ест и пьет
И — не читает Соллогуба.
Лишь подвяжи такой ярлык —
Герой готов в единый миг.

VI

Дарви́на, Фогта, Молешотта
Белин прочел уже давно,
Но пропадала в нем охота
Читать Погодина, Михно,
Каткова, Вяземского, Фета,
Замоскворецких мудрецов,
Заголосивших не под лета,

Лихих обеденных певцов,
Жизнь отравивших многим россам, —
И, как Москвы ленивый сын,
Не занят вовсе был вопросом:
«Когда родился Карамзин?»
Любил он спорить за обедом,
Что жизнь без знанья — детский бред,
Что без труда жить — цели нет,
Короче — был он *людоедом*,
Как выражается поэт.

VII

Чтоб жизнь не кончить со скандалом
(Смотрите первую главу),
Белин вдруг стал провинциалом
И бросил шумную Неву.
Благодаря различным шашням,
Ему в столице не везло,
И он учителем домашним
Попал к помещику в село
И обитателей усадьбы
Стал изучать, ворча не раз:
«Вот если всех вас описать бы —
Отличный вышел бы рассказ».

VIII

Аристократом по преданью
В то время слыл помещик N;
Богат был только по названью,
Хоть пил вино высоких цен,
Курил гаванские сигары,
Себя, как куклу, наряжал
И на уездные базары
На кровной тройке выезжал.
Но так балуясь, год за годом,
Он не мирил приход с расходом,
А впереди... Он думал: вот,
Быть может, бабушка умрет!
Но бабушка не умирала...

Отживший лев не унывал,
На съездах корчил либерала
И всюду деньги занимал.

IX

Любил теперь он в час досуга
Провозгласить пред всеми вдруг:
«Меня Жуковский чтил, как друга,
И даже Пушкин был мне друг...»
Когда-то в юности далекой
(Он вспоминал о той поре)
Посланья «к деве черноокой»
Писал он в «Утренней заре».
В Париже ставил водевили,
В России драму написал,
И в Баден-Бадене ходили
Толпой смотреть, как он играл
И ставил золото в рулетку...
Но он не тот уже теперь,
Он точно зверь, попавший в клетку,
С когтями сломанными зверь.
Теперь он более не рвется,
Как прежде, в дальние края,
В его груди уже не бьется
Стихожурчащая струя.
Лениво «Голос» он читает,
Питает ненависть к перу
И лишь поноске обучает
Щенков лягавых поутру,
Новейший век ругает круто,
Всю журналистику хуля
За отрицанье... Вот к нему-то
Белин попал в учителя.

Глава третья

I

В огромном барском кабинете,
Где двадцать лет без перемен
Стояло все, помещик N

Ходил, поднявшись на рассвете,
Уже причесан и одет
И вспрыснут нежными духами...
Но здесь мне хочется стихами
Воспеть сей барский кабинет,
Покой полу-аристократа,
Полу-псаря, полу-певца,
Полу-французика с лица,
В Париже жившего когда-то,
Полу-помещика степей,
Полу-героя в старом стиле,
Тех дней, когда еще носили
Парик, камзолы и тупей.

II

Всем понемножку в этом свете
Хотел быть русский сибарит,
И обстановка в кабинете
Носила тот же самый вид:
Диваны, мягкие подушки,
Седло казацкое в углу,
Галантерейные игрушки
Меж книг и счетов по столу;
Карамзина изображенье,
Портрет любимого коня —
Внизу же было изреченье:
«Жил восемь лет, четыре дня» —
Устав дворянского собранья,
Нагайки, ружья, мундштуки,
Крылова «полное изданье»,
Размеров разных чубуки;
На полках книги меж диванов:
«Маяк», «Онегин», «Новый псарь»,
Ростопчина и ты — Курганов,
Настольной книгой бывший встарь,
Французских несколько романов
И без обертки календарь,
Да в переплетах разнородных
И привлекательных для глаз
На всех столах и полках модных
Лежал известный «Тарантас».

III

Помещик был с утра не в духе
И скрыть ворчливости не мог.
Бесило все его — и мухи,
И сладкий чай, и скрип сапог,
И платье сельского покроя,
И прыщ, вскочивший на щеке, —
Забыл он даже о щенке
Своем возлюбленном «Медоре».
Так утро шло. Устав шагать,
Он сел к столу в большом зазоре,
Раскрыв огромную тетрадь;
На ней же тщательно наклеен
Был с краткой надписью ярлык:
«Год двадцать третий. Мой дневник».
Привычку старую в селе он
Еще сберег и по утрам
Вносил в дневник свой без системы
Отрывки сельских эпиграмм,
Воспоминанья, «мысли», темы,
Посланья, стансы в честь кузин,
Заметок мелких ряд летучий,
Стихотворения на случай:
«В день похорон» иль «в день крестин»,
На смерть собачки или дяди...
Прелюбопытная тетрадь, —
И кое-что из той тетради
Теперь мы можем прочитать.

Дневник помещика

1

Тоска и глушь!.. Здесь, как номады,
Живут дворяне, бросив свет...
Нигде хорошей нет помады
И куаферов вовсе нет.
Иным здесь славно жить, но я ли
Так прост, как эти чудаки?..
Кто долго жил в Пале-рояле,
Тот здесь удавится с тоски.

Здесь всё выходит вон из нормы —
Грязь, неопрятность, грубость, смрад,
Притом же новые реформы...
Плебей на шею к нам сесть рад.
О, боже мой! Во время оно
Мы не знавали этих бед
И на работника Семена
Тогда не жаловался Фет.

2

Повсюду злиться есть причина
И хоть в могилу впору лечь:
Нельзя крестьянина посечь
И выдрать собственного сына,
Как будто в этом есть вина...
Жить так нельзя нам, воля ваша,
С тех пор, когда упразднена
О, ты, березовая каша!

3

Учитель новый наш, Белин —
Прямой образчик демократа:
Со мною горд, как властелин,
А со слугой — запанибрата.
Со мною спорит без затей
И очень рад перед соседом,
Перед глазами всех детей
Поднять хоть нáсмех за обедом.
Ну так и смотрит *людоедом*...
Положим, точно он умен
И образован и начитан,
Но всё ж мужик... При мне кричит он,
Что век наш после похорон
Напрасно рвется из могилы,
Что мы, отцы, мозгами хилы,
Что нам повсюду, здесь и тут,
Везде отходную поют
И что для чтения негоден
Ученый Грот и сам Погодин.

4

Просил главу из «Тарантаса»
Прочесть при детях Белина,
И — вот новейшая-то раса! —
Он мне ответил: «Вот-те на!
К чему такая старина?
Найдем мы книжку посвежее,
Чем ваш любезный «Тарантас»!»
Ему воскликнул в кураже я.
— «Вы, сударь, грубы... таранта-с...» —
Mon dieu![1] Могу ль я уважать
Таких набитых дуралеев!

5

«А вы стишки для юбилеев
Всё продолжаете писать? —
Белин спросил меня за чаем... —
Стишки такие любы мне.
Мы этот род предпочитаем
Всем гимнам к солнцу и луне.
Принадлежать весьма солидно
К числу обеденных певцов!..»
Ну как подобных наглецов
Могу выслушивать?.. Обидно...

6

Белин за прожитое время
Хотел взять деньги. Подождешь!..
Всё это нищенское племя
Дрожит за каждый медный грош.
Когда б не этот долг проклятый,
Я не терпел бы в доме зла,
И мой назойливый глашатай
Давно б был прогнан из села.

---

[1] Боже мой! — *Ред.*

IV

В то утро, рано встав с постели,
Помещик N занес в дневник:
«Что ж это будет в самом деле?
Повелевать здесь всем привык
Недоучившийся мальчишка,
Ученьем новым умудрен,
И носит ветхий сюртучишко,
Как тогу цезарскую, он...
Ну нет, сегодня будет трепка...»
Тут он закрыл свою тетрадь
И закричал: «Эй, кто там! Степка!
Ко мне учителя позвать!»

Глава четвертая и последняя

I

Меж тем как гнев аристократа
От раздраженья вырастал,
И кистью шитого халата
Лев в нетерпении играл, —
Меж тем как чай был на пол пролит,
Забыт черешневый чубук,
И в доме все узнали вдруг,
Что «барин гневаться изволит», —
В соседнем флигеле один,
С пером в руке, между двух окон,
Перед столом сидел Белин.
Уж написал немало строк он,
В письме добравшись до конца,
И даже вставил *nota bene*,
Как вдруг услышал, что с крыльца
К нему стучится кто-то в сени...
Но здесь, по прихоти певца,
Приличья света проклиная
(Я — каюсь — их давно не чту),
Письмо студента Белина я
Без позволенья перечту.
Пускай мне скажут: экой срам-то!
Но я не вижу в том вины:
Права чиновников почтамта
Давно поэтам всем даны.

Певец в желаньях независим,
И для него, с былых времен,
Нераспечатанных нет писем,
Как для любовниц и для жен.
Белин писал:

II

«Занес же леший
Меня в проклятый уголок!..
Ушей, пожалуста, не вешай,
Не жди, что юный демагог
Тебе опишет пышным слогом,
Как он шлифует дураков
И просвещает по берлогам
Лесных медведей и волков.
Здесь, право, к подвигам великим
У всех охота пропадет;
Здесь, милый друг, в единый год,
Того гляди — сам станешь диким,
Забудешь совесть, смысл и стыд
И станешь мелким, грязным плутом
И на Петропольский гранит
Потом «вернешься алеутом»,
Как Грибоедов говорит.
Тружусь я здесь для высших целей:
Оклад имею годовой,
Уча двух юных пустомелей
С клинообразной головой,
Которым знания — вериги,
Которых тешит мысль одна,
Что в золотой дворянской книге
Стоять их будут имена;
Которым герб рассудка краше...
Ждут с детства эти делибаши,
Когда отца уложат в гроб,
Хоть перейдет им от папаши
Одно наследство — медный лоб.
А сам папаша... в денди сном
Различных свойств явилась смесь:
Он весь пропах одеколоном,
Пропитан чванством пошлым весь.
Плохой певец без дарованья,
Деспот под бабьим башмаком,

Аристократ без состоянья,
Богач с иссякшим кошельком,
Романтик, грабивший реально
Своих дворовых и крестьян,
В себе явивший специально
Тип славный «русских парижан».
Он, весь уезд переполоша,
Всех мотовством своим дивил,
А мне, наставнику, ни гроша
Пока еще не заплатил
И говорит, что тот вульгарен,
Кто не умеет долго ждать...»

III

«Кто там?» — «К себе вас просит барин...»
— «Зачем бы это — нужно знать?..
Не о движеньи ли науки
Прослушать хочет он урок,
Иль просто от лягавой суки
Родился новенький щенок,
И о событьи этом важном
Он известить желал меня...»
Так думал, голову склоня,
Белин пред домом двухэтажным
И чрез парадное крыльцо
Дошел до двери кабинета.
Увидя хмурое лицо
Степного франта и поэта,
Белин улыбки скрыть не мог,
Спросил его: что вам угодно?
Затем домашний педагог
Сел в кресла мягкие свободно.

IV

Минуты три любимец муз
Ходил по комнате сурово,
Но наконец так начал: «Ну-с,
Я вам хочу сказать два слова».
— «Хоть целый спич». — «Нельзя ль острот
Вам не пускать на время в ход...
Я вами, сударь, недоволен».
— «Благодарю за комплимент».

— «Я болен, слышите ли, болен
Чрез вас лишь, господин студент».
— «Больны, так нужен, значит, лекарь:
Болезнь как раз прогонит прочь,
А я не медик, не аптекарь,
И вам едва ль могу помочь».
— «Вы, сударь, держите не строго
Моих детей, — веду я речь...»
— «Что ж, мне прикажете их сечь?
Хожалым стать из педагога?»
— «М-г Белин! Дурной пример
Моим вы детям подаете...»
— «Пример дурной... Гм! Например?»
— «Хоть о крестьянстве, о работе,
О тунеядстве высших сфер,
О пользе всех ассоциаций
Ведете с ними разговор,
А я подобных демонстраций
Не признаю уж с давних пор.
Потом... хоть это вздор... однако,
Вас нужно мне предостеречь:
У вас приличного нет фрака
И — волоса до самых плеч.
Что мне — священно, вам — потеха,
И много, много есть причин...»
Но здесь, скрывать не в силах смеха,
Расхохотался вдруг Белин.
Тут барин, мрачен, словно ворон,
Трясясь от злобы, вышел в зал,
Шататься стал и на ковер он
В изнеможении упал.

V

Прибавлю вместо эпилога,
Нисколько в правде не греша:
Прогнал помещик педагога,
Не заплативши ни гроша,
А сам задумал он для света
Писать поэму «Людоед»,
И, говорят, поэма эта
Должна на днях явиться в свет.

1866

262

КОМУ НА СВЕТЕ ЖИТЬ ПЛОХО

I

В системе нашей солнечной,
Меж Марсом и Венерою,
Одна планета движется,
И на планете той

Есть городок заброшенный,
Углом Медвежьим прозванный;
Его на карте Зуева,
Пожалуй, не найдешь.

Тот городок не тронули
Прогресс с цивилизацией,
И даже в дни холерные
Проникнуть не могла

Через трущобы темные,
Лесистые, болотные
Туда и эпидемия...
Не город — благодать!..

Как у Христа за пазухой,
Исправник жил с исправницей,
И часто дело правила
Супруга за него.

У них-то рос сын-недоросль,
Сорвиголовым прозванный,
Как травка подзаборная
На солнышке растет.

Ни в мать и ни в родителя,
А в молодца проезжего;
Учиться не учился он,
А был куда смышлен.

На серую медведицу
Ходил с одной рогатиной,
А спор начнет — так «батюшку»
Мог с толку разом сбить.

Когда Сорвиголовому
Лет двадцать с годом стукнуло,
Пришел к отцу он с матерью
И молвил старикам:

«Задумал думу крепкую
Я, милые родители,
Живу немало в свете я,
А горя не знавал.

Хочу я с «лихом» встретиться,
Хочу беды попробовать;
Их в жизни не знаваючи,
Какой я человек?

Пустите же, родимые,
На все четыре стороны.
Домой вернусь, за ум возьмусь,
Помощник буду вам».

Исправник и исправница
Подумали, поохали,
Да видят — делать нечего,
Не удержать сынка.

Благословили малого;
Снабдил казной отец родной,
Родная мать советами,
И след его простыл.

II

Сорвиголовый за город
Выходит в поле чистое,
Идет и озирается,
А *Глупость* тут как тут.

Известно, что без глупости,
Как старику без посоха,
Старухе без ворчливости,
Без алой ленты девице,

Без песни парню доброму,
Иль пьянице без стклянницы,

Нельзя ступить и двух шагов
На матушке Руси.

Подходит *Глупость,* чванится,
Кричит Сорвиголовому:
«А кто ты, добрый молодец?»
— Зовут меня *Никто,* —

Ответил сын исправника. —
А как тебя-то кликать мне?
— «Я — *Глупость* всероссийская!
Я десять сотен лет

Живу в твоем отечестве.
Видала Гостомысла я,
Встречалась и с Погодиным».
— А лихо в мире знала ты?
— «Да лихо я сама!»

И стала *Глупость* хвастаться,
Что держится вселенная
Лишь только ей единственно:
«Всему я голова!

Где двое собираются,
Там я наверно третий гость,
И место мне почетное
Отводится везде.

Народ мучу́ я одурью,
Вожу я за нос сытого,
Едой дразню голодного,
И все мне трын-трава.

Ослиному терпению
Учу я пролетария,
Отца на сына уськаю,
А жен на их мужей.

Лихой бедой для каждого
Лежу я поперек пути,
И сам ты, добрый молодец,
Мне в лапы попадешь».

Чем дальше *Глупость* хвасталась.
Тем больше раскипалася
Душа Сорвиголового,
И зло его взяло.

И вот, недолго думая,
Дубинкой здоровенною
Непрошенную спутницу
Он начал угощать:

— Лихой бедой не хвастайся,
Не суйся людям под ноги,
И чтоб меня ты помнила,
Помну тебе бока. —

Лишь свист идет по воздуху,
Удары градом сыплются,
И взвыла *Глупость* по полю:
«Спасите! Караул!»

На крик ее сбегаются
С поляны парни с косами,
С цепами девки красные.
«Кто бил тебя?» — галдят.

«Никто!» — взревела *Глупость* им,
И парни в свою очередь
На *Глупость* опрокинулись:
«Чума тебя возьми!

Никто тебя не трогает;
Чего же ты ревешь?»
И сильно эту странницу
Избили мужички.

Сорвиголовый далее
Идет и ухмыляется,
А *Глупость* сзади тащится,
Кряхтит и говорит:

«Постой же, добрый молодец,
Походишь и умаешься,
Узнаешь, чем свет держится:
Тебе я удружу!

Постой же, добрый молодец!
Узнаешь, что лихой беды
Без глупости на свете нет;
Поклонишься ты мне!

Еще с тобой сквитаемся.
Не первый, не последний ты,
Которому подставила
Я ногу на пути».

III

Идет путем-дорогою
Проселочной наш недоросль,
Смеясь, труня над *Глупостью*,
И входит в темный лес.

Идет и видит — из лесу,
Согнувшись в три погибели,
Старухи вышли старые,
Три, страшные, как смерть...

«Здорово, сокол! — каркнули
Старухи, словно вороны. —
Куда идешь? Коль нас искать,
То сами мы придем,

Нежданные, незваные...»
И им он отвечал:
— Ищу, старушки старые,
На свете я лихой беды;

Хочу я с ней помериться,
В глаза взглянуть, рукой встряхнуть:
Авось я зайцем вспуганным
Пред ней не побегу. —

Глухим, разбитым голосом
Одна старуха молвила:
«Взгляни на нас, боярский сын;
Ты три беды нашел.

Мы три беды житейские,
Земли самой ровесницы,

И стар и млад нас ведает».
— А как же вас зовут? —

И ведьмы разом крикнули:
«Зовут меня *Нуждою* все»...
«Меня все *Нищетой* зовут»...
«Я всех *Болезней* мать»...

«Без нас и дом не строится,
И нет угла единого,
Где мы рукой костлявою
Не правили людьми».

Тут *Глупость* подвернулася.
«Не верь им, добрый молодец!
Старухи эти страшны лишь
При помощи моей.

Без *Глупости* на свете им
И часу не прожить.
Когда бы в людях разум был,
Смышленость муравьев,

Которые все делают
Собща, а не вразброд,
Тогда б *нужда* и *нищенство*
Не смели их смущать;

Когда б держались люди все
Той муравьиной мудрости,
Не ведать бы зловонных им
Подвалов и углов;

Тогда они не стали бы
Больным, гнилым картофелем
И рыбой ядовитою
Питаться круглый год;

Тогда они не знали бы
Болезней заразительных..
Я, *Глупость* всемогущая,
Я корень всех их бед,

А ведьмы эти самые
Сильны моею помощью...
Кто прав теперь, скажите же
Вы, старые карги!»

И в пояс перед *Глупостью*
Старухи стали кланяться:
«Ты мать наша, кормилица!
Нам нечего скрывать.

Нам без тебя, сударыня,
Нигде бы ходу не было...»
Старухи вновь отвесили
Поклон и прочь пошли...

— Так вот какая птица ты! —
Косясь на *Глупость*, путник наш
Идет и думу думает: —
С тобой дремать нельзя.

IV

Шел коротко ли, долго ли
Сорвиголовый по лесу,
Вдруг видит на поляне он —
Семь теремов стоят.

У терема, у каждого
Был, впрочем, вид особенный;
Известно: нет товарища
На вкус или на цвет.

Едва перед площадкою,
Где терема построены,
Остановились путники,
Как из семи ворот

Семь великанов выбегло...
По виду и наряду их —
Мужчины или женщины —
Понять нельзя никак.

Сорвиголовый несколько
Смутился, их увидевши,

Но *Глупость* захихикала
И слово начала:

«Не бойся, храбрый недоросль!
Меня не испугался ты,
Так стыдно пред вассалами
Моими унывать. . .»

— Какие ж это чучелы? —
Воскликнул сын исправника.
— «*Семью грехами смертными*,
Мой милый, их зовут.

Страшны они по облику,
Но если рассудить,
То по моей лишь милости
Открыт им доступ в мир;

Им для разнообразия
Даны названья разные,
Хоть в сущности от *Глупости*
Они родились все.

Вот этот, что насупился,
Людьми зовется *Гордостью*.
Глупей он на сто градусов
Других пороков всех,

А потому и чванится.
Во все пустые головы
Ему дорога скатертью
Открыта целый век.

Дурак всегда тщеславится
Имением наследственным,
Наследственною глупостью,
Хоть с ним бывает так:

Богатства все наследные
Он скоро пустит по ветру,
Но с глупостью фамильною
До смерти проживет.

Так знай же ты, боярский сын,
Все глупое заносится,
Все глупое спесивится
И задирает нос.

Вот грех второй. Вы *Скупостью*
Его все называете,
А этого не знаете:
Он тоже мой сынок.

Лежит на сене глупый пес,
И сам сенца не пробует
И им ни с кем не делится.
Вот *Скупость* какова.

Лежит она на золоте,
А умирает с голоду;
У ней добра и счету нет,
А в рубище сама.

Мной разума лишенная,
Она на свете мается,
Проклятая, дрожащая
За каждый медный грош.

Вот *Зависть* — третье чучело,
По глупости бессильное
И — тоже мое детище.
Завидует оно

Богатству, знанью, разуму,
А потому не любит их
Оно по скудоумию,
А это мне с руки.

Вот это, видишь, с красными
Глазищами чудовище:
То *Гнев*. Он вместе с *Жадностью*
Лишь мной руководим.

Мутит он, ссорит нации,
Ведет их стена на стену
И трупами кровавыми
Их устилает путь.

Я, *Глупость* всемогущая,
Стада людей уверила,
Что *Гнев* в союзе с *Жадностью*
Войною называются
И к славе приведут.

И льется кровь озерами
И, мною обезумлены,
На братьев братья бешено
Кидаются в бою.

И гибнут силы юношей,
Слабеет поколение,
А я-то, вездесущая,
Лишь знай себе смеюсь.

Вот два греха последние:
Один зовется *Роскошью*,
Живет на счет голодного
И загребает жар

Руками глупой бедности...
А грех последний — *Леностью*
С рожденья называется
И целый век свой спит.

По моему велению
Зевает он за книгою
И дремлет за работою,
Раскрыть не в силах глаз.

Нет дров — на солнце греется,
Нет солнца — так обходится...
Вся Азия той леностью
Давно заражена...

Так властвую над теми я
Семью грехами смертными
И в страхе человечество
Посредством их держу.

Я *Глупость* всемогущая!
Без воли без моей

И волоса единого
У вас не упадет.

Что б умники ни делали
И ни творили гении,
Земной весь шар опутала
Сетями крепко я.

Все люди, мне покорные,
В таком прогрессе движутся:
Едва вперед шаг сделают —
И три шага назад!..»

V

В душе Сорвиголового
Страх тайный шевелиться стал:
«Ты, *Глупость*, чего доброго,
Всех бед земных беда!»

Идет он и сторонится
От спутницы привязчивой,
А *Глупость* сзади тащится,
Как тень его, везде.

По свету добрый молодец
Бродил два года с месяцем,
Видал столицы шумные
И много разных стран;

Но всюду, где являлся он,
Встречалась *Глупость* с почестью,
С пальбой, с трезвоном радостным,
Как самый первый гость.

Пред ней все двери отперты,
Все головы отворены;
Входи и знай хозяйничай
В домах и головах.

Под разными одеждами,
И формами, и званьями

Она распоряжается
Народом, как детьми;

Цинически-отважная,
Настойчиво-упрямая,
Незваная, продажная
Является везде —

Там в виде проповедника
Во славу папской святости,
Здесь с палкою фельдфебеля
Из прусской стороны.

То классиком является
С латынью вкупе с розгами,
То публицистом бешеным
С доносом на губах.

И всюду, где пройдет она,
Народ пред ней склоняется
И голову ослиную
Венчает часто лаврами...

Так понял добрый молодец,
Бесстрашный сын исправника,
Что *Глупость* — та лиха беда,
Которой он искал.

Так понял добрый молодец
«Суть жизни» и немедленно
Вернулся в дом отеческий
Совсем уже другим.

VI

Исправник и исправница
Встречают сына милого,
Встречают, удивляются,
Что больно стал умен.

И прежде был со смыслом он,
Теперь же — даже страх берет:

Ума — палата выросла,
Рукою не достать.

Исправнику с исправницей
Обидно даже сделалось,
Что сын, сын их единственный,
Их выше головой.

Родители в волнении:
«Не учат куриц яица,
И уши выше лба расти
Не могут у людей».

Весь город полон ужаса
От старого до малого...
Белугой взвыли граждане
«Медвежьего Угла»:

«Да разве это водится,
Да разве это слыхано,
Чтоб в нашем глупом городе
Жил умный человек!..

Позор такой нельзя терпеть!
В острог Сорвиголового,
В острог и прямо «в темную»
Засадим светлый ум!..»

В острог и посадили бы,
Когда бы не отец:
Нельзя ж детей исправника
Без всякого суда

Упрятать в арестантскую!..
И стали думать граждане,
Как от заразы умственной
Себя освободить...

Они бы, верно, думали
Без пользы и до сей поры,
Да *Глупость* всемогущая
Их от беды спасла.

Исправнику с исправницей
Она благой совет дала,
Чтоб сына от излишнего
Ума освободить.

Советчица потрафила,
Советчицу послушались,
И для Сорвиголового
Открылся новый путь.

В губернский город недоросль
Отправился с родителем
И отдан был к учителю
Гимназии классической.

Там умника великого
Для умоослабления
С утра сажали до ночи
За греческий букварь;

Долбить его заставили
Язык великой Греции
С латинскою грамматикой
Упорно, по пятнадцати
Часов во всякий день.

А чтобы отупление
Быстрее подвигалося,
То в виде развлечения
Дозволили ему

Издания российские,
По выбору особому,
Читать в часы свободные
От греческой долбни.

И вот пред ним явилися
Изделья, подходящие
К системе исправления:
Гилярова-Платонова,

Каткова и Краевского
И наконец Суворина,
Столь смело овладевшего
Булгарина пером.

Такими журналистами
Приниженный, измученный,
Учителем классическим
Задавленный вконец,

Тупеть Сорвиголовый стал,
Расслабивши мозги
«Печатью» усыпляющей,
Латынью одуряющей;

Год от году тупеет он
В познаньи книжной мудрости,
От вечного зубрения
Двух мертвых языков.

Когда же в дом родительский
Вернулся он на пятый год,
Везя диплом блистательный,
Весь город ликовал,

Перерожденью «умника»
С восторгом аплодируя:
От каблуков до маковки
Он идиотом стал.

А *Глупость* всемогущая
Над ним лукаво тешилась:
«Скажи-ка, добрый молодец,
Доволен ли ты мной?»

Шипела, распроклятая:
«Скажи-ка, добрый молодец,
Кому на свете плохо жить?
Кому и отчего?»

1871

263

ДЕМОН

САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Песня первая

I

Печальный демон, дух изгнанья,
К земле направил свой полет,
Печальный демон, но не тот,
Что у Ефремова в изданьи
Прошел без пропусков в народ.
То был не лермонтовский демон,
Не мефистофель из гусар,
И в мире занят был не тем он,
Чтоб в нем отыскивать Тамар.
В дела людей он не мешался,
Но, как турист из англичан,
По свету белому скитался
От теплых до полярных стран,
Без антипатий и симпатий
К тому, что в мире он встречал;
Не знал любви, не знал проклятий,
Для адских каверз адских братий
Досугов он не посвящал,
И все, что на земле он видел,
Он не любил, не ненавидел,
А хладнокровно изучал...
Наверно б он не изумился,
Когда бы солнца шар разбился,
Все звезды рухнули с небес,
Плутон на небе очутился,
И провалился в ад Зевес.
На свет взирая без ехидства,
Он в нем не думал сеять зла,
И цель пути его была —
Одно простое любопытство.

II

Таких героев меж людей
Всегда встречается немало.
Без чувств, без собственных идей,

Без цели и без идеала,
Они на жизнь свою глядят,
Как смотрим мы на представленье;
В партере вечер весь сидят
И ждут развязки, заключенья.
Но спущен занавес — финал, —
Стесняться больше не под силу,
И едет сонный театрал,
Зевнув в последний раз, — в могилу...

III

Бес мчится. Никаких помех
Не видит он в ночном эфире:
На голубом его мундире
Сверкают звезды рангов всех,
И бездна в трепетном их свете
Тайн неразгаданных полна,
А на незримом минарете
Серпом прорезалась луна.
Меж тем внизу туман клубится,
Туманом дальний остров скрыт,
Им, словно саваном, обвит;
Но демон ниже опустился,
И наконец пред ним открылся,
Когда рассеялся туман,
Огромный остров англичан.

IV

Пред ним страна свободы, братства
И тиранической пяты,
Великолепного богатства,
Невыносимой нищеты,
Парламентизма, эгоизма,
Край олигархов, торгашей,
Приличий, полных деспотизма,
Край боксов, скачек и дендизма
И кровью политых грошей,
Угрюмых сквайров, деревянных,
Надутых леди, чинных мисс...
Косился бес на этих странных,
Несимпатичных, негуманных
Людей. Куда ни оглянись —
На всех гражданах без различий

Печать особая лежит:
Недвижность их, язык их птичий,
Надменный, чопорный их вид,
Их тип двуногого бульдога
И страсть их к золоту, вполне
Им заменяющему бога, —
Все чуждо бесу в этой строго
Цивилизованной стране,
Где всем известный на чужбине
Был Милль рожден и погребен,
Где в то же время есть закон,
Не уничтоженный доныне
И всем мужьям дающий власть
Жен продавать на главном рынке;
Бес рисковал в сплин мрачный впасть
В стране, где бритты любят всласть,
Красноречиво, без запинки,
В живой парламентской борьбе,
С трибун и в прессе их свободной
Излиться речью благородной
О том, что бедность — бич народный,
И — забывают о судьбе
Своей Ирландии голодной!..

V

Вот Лондон. Гул над ним стоит,
Ряд пышных улиц блещет ярко,
И бес, взглянув на Риджент-Стрит,
Взглянув на общий вид Гайд-парка,
Остановил свой грустный взор
На тех кварталах отдаленных,
Зловонной гнилью зараженных,
Где по ночам из грязных нор,
Вертепов полуразоренных
Толпа голодных, истомленных
Продажных женщин и бродяг
На мостовую выползает
В своих лохмотьях и не знает
Окончить ночь ей где и как;
Где не однажды с преступленьем
Дружились голь и нищета
И, обессилена бореньем,
В разврате грязла чистота,

И гибли в Темзе не однажды
Все эти парии нужды,
Продукт и голода и жажды,
Цивилизации плоды.

VI

Но Лондон назади остался...
Вот мирный Числьгёрст — уголок,
Куда шум лондонский не мог
Достичь и в зелени терялся.
Вот дом и парк. Его аллей
Пустынный вид тоску наводит...
Но чей же это мавзолей?
Чья это тень к нему подходит?
Поникла долу голова,
Грудь поднимается от стона...
То саркофаг Наполеона,
То одинокая вдова.
Припомнив поздних лет обиды,
Она стоит с немой мольбой,
И словно хохот Немезиды
Вдовица слышит за собой.

VII

Но бес уже на континенте.
Подобно серебристой ленте
Струится Сена в берегах.
Вот и Париж, в своих бедах,
В своих несчастиях великий.
Но отдохнул ли он от бед?
В нем Бонапарта уже нет,
Но он сменен продажной кликой
Из бонапартовских солдат,
Удобных только для парадов
И для военных ретирад, —
Из сотни проходимцев разных
И промотавшихся вралей,
Из личных видов, темных, грязных,
Готовых мир родных полей,
Удобной пользуясь минутой,
Смутить раздорами и лютой
Междоусобною враждой.

VIII

Бес мчится дальше. Чередой
Идут равнины боевые,
Где были схватки роковые
И битвы двух соседних стран.
Вот словно точка на Маасе
Мелькнул прославленный Седан,
А там, в отторженном Эльзасе,
И Страсбург встал. Его собор,
Ордой расстрелянный германской,
Еще хранит до этих пор
Следы их бойни тамерланской.

IX

А бес все дальше... На пути
Чей это замок одинокий?
Ему травою зарасти
Придется скоро. Тьмой глубокой
Одеты окна; лишь одно
Его окно освещено.
А в замке пусто... В нем, объятый
Тоской, скрывая в сердце боль,
Живет, надеждами богатый,
Проектированный король,
Столь пресловутый Генрих Пятый.
Его советников с ним нет,
Его покинули клевреты,
И он садится за обед
Один. Где прежние банкеты,
Собраний смелость и задор?
Уж не стремясь к заветным целям,
От скуки с некоторых пор
На биллиарде с метр-д'отелем
Играет грустный граф Шамбор.

X

Но дальше, дальше... Бес за Рейном.
И нужно с бесом поскорей нам
Подняться выше от земли:
До нас уж запахи дошли
Цикорной гущи и сосисок,

Капусты кислой и колбас,
Дух габер-супа, грязных мисок,
Дух диких буршеских проказ,
Дух ветчины и филистерства,
И педантизма чад, и жар
Цивилизованного зверства
С букетом пива и сигар.

XI

Заткнувши нос, глаза зажмуря,
Спешит бес дальше, и нигде
Нет мысли отдыха: везде
Под тишиной таится буря.
Хотя тайком, в любой стране
Вражда растет все шире — шире:
Все говорят об общем мире
И все готовятся к войне,
Щедры на тонкие уловки,
И — ждут повальной потасовки.

XII

Бес волю наблюденью дал
И — что ж! — обманутый в надежде,
Кругом все то же увидал,
Что на земле он видел прежде:
Всё те же громкие слова
И бред несбыточных утопий
(К ним не чутка уже молва),
И копировка старых копий,
Которых участь не нова;
Все тот же блеск штыков и копий,
Мир так же немощен и глуп,
И целым миром правит — Крупп.

XIII

Всё те же партии карлистов
Дипломатических ужей,
Бонапартистов и папистов,
Легитимистов и ханжей.
Там папа мир клянет в азарте,
Здесь подкупной грохочет бард:

«Скончался *третий* Бонапарте,
Но жив *четвертый* Бонапарт!»
Все то же море перебранок,
Микроскопической возни;
Все то же царство куртизанок,
Всё те ж бенгальские огни
Продажной иль пустой печати;
Всё те же толки, елки, Патти,
Заботы о текущем дне;
Всё те же истины одне
О том, что солнце наше с неба
Равно для всех бросает свет,
Что оставлять нельзя без хлеба
Тех, у которых хлеба нет;
Что голод людям ненавистен,
Что беднякам дать нужно труд, —
Но только мир от этих истин
Еще не сыт и не обут.
От дедов отшатнулись внуки,
Отцы от лучших их детей,
И светоч знанья и науки
Бледнеет в хаосе страстей.
И в этом хаосе разврата,
Интриги, лжи и клеветы
Не отличишь врага от брата,
От безобразья — красоты,
Микадо от его солдата,
Продажных ласк от чистоты,
Ума от глупости мишурной, —
Дороже нам ее лучи, —
И всякой тли литературной
От полицейской саранчи.

XIV

Прогресса начатое зданье
Из вековых, гранитных плит
Уже колеблется, дрожит,
И, чуя это колебанье,
Оставив спячку многих лет,
Как змеи, дряхлые преданья
Из-под камней ползут на свет.

1874, 1878

264

ДВЕ ЭПОХИ

(ПОЭМА)

Печален будет мой рассказ.

А. Пушкин.

I

Не все ж смеяться нам... Находит иногда
На каждого из нас стих грустный, господа,

А не найдет, так жизнь сама тот стих подскажет,
Его с каким-нибудь печальным фактом свяжет

И если вырвет смех, то не веселый, злой,
Как в осень ветра стон, под непроглядной мглой

Тоскливо ноющий, нам в душу проникая...
Печальный свой рассказ начну издалека я.

В те дни, когда от сел до шумных городов
Очнулась наша Русь от сна, в конце годов

Пятидесятых, вдруг в кружках литературных
И в двух-трех органах, в то время подцензурных,

Но смелых, — с цензором в ладу жила печать, —
Писатель молодой вниманье обращать

Стал на себя. Ему успех сулили верный
Журналы тех времен, и — случай беспримерный! —

Сам Гончаров Иван, на похвалы скупой,
К нему благоволил. Закон судьбы слепой,

Однако, подшутил над бедняком жестоко,
И не сбылись слова газетного пророка,

Сплетавшего ему заранее венок
Лавровый. С климатом Невы бороться мог

Недолго молодой приятель мой Рахимов
(Я выбрал для него один из псевдонимов)

И, раздражительный до крайности, больной,
В хандре был принужден уехать в край иной

За новым воздухом живительным и светом.
Как жил, что делал там два года он — об этом

Не знал никто из нас. Как в воду канул он
И без вести пропал. Был сильно поражен

Печальной вестью я уже гораздо после,
Что он сошел с ума в Испании. Нашлось ли

Там несколько друзей у юноши? Какой
Отравой нравственной с безумною тоской

Он был сражен? Не мог о том сказать никто нам;
Узнали только мы, что там, под небосклоном

Толедо, он попал в больницу, как в тюрьму,
Где, верно, суждено окончить дни ему,

И что надежды нет уже на возвращенье
Рассудка. От души и полны сожаленья,

На родине друзья скорбели о судьбе
Собрата своего, но в будничной борьбе,

Где бьемся день за днем мы все теперь тревожно,
Воспоминаньями жить долго невозможно,

И постепенно был забыт и погребен
В гробнице памяти друзей живущих он.

II

Так два десятка лет промчались... Разве мало?
Достаточно нас всех помяла, истрепала

Жизнь, полная тревог, падений, горьких слез.
Обманутых надежд и оскверненных грез.

Ко многому привык наш мозг, наш глаз и ухо,
И старость, гадкая, развратная старуха,

Неумолимая, как голод, как нужда,
Уже подходит к нам... «Жизнь вечно молода!»

Но отвлеченное понятие такое
Иронии полно и не вернет покоя,

Когда при этом я — не правда ли, mesdames? —
Вам по наружности лет сорок с лишним дам,

Наживши в вас врага ужаснейшего сразу...
Однако, возвращусь я к своему рассказу.

Рахимов был забыт, как я уже сказал,
Но вдруг случилось то, чего никто не ждал

И меньше всех врачи испанские в Толедо...
Где было знание бессильно, там победа

Осталась за одной природой. Прав Шекспир,
Что многое есть в ней, чего не может клир

Всех мудрецов понять. Больной, приговоренный
К безумью навсегда, при жизни погребенный

В больнице, ожил вдруг, и разом спала тьма,
Как пелена, с его дремавшего ума.

То было чудо, но все стихотворцы с жаром
Испанию зовут «страной чудес» недаром,

А факт вам налицо. Давно забытый друг
На родину спешил и, словно с неба вдруг

Иль, правильней сказать, как выходец из гроба,
Явился предо мной, но мы друг друга оба

Едва могли узнать, и радость встречи той
Смутила грусти тень. «О, милый мой, постой, —

Твердил невольно я: — Да это, полно, ты ли?
Прощаясь, разве мы с тобой такими были?»

И в этом старике усталом и худом
Живого юношу я мог признать с трудом,

И только лишь глаза, хотя глубоко впали,
Нередко у него, как в юности, сверкали.

III

Но драма впереди еще его ждала,
Чего не мог тогда предвидеть я. Была

Большая разница меж им и всеми нами,
Которых он нашел покрытых сединами.

Мы шаг за шагом шли все эти двадцать лет,
Оставив за собой утрат печальный след;

Судьба не сразу нас, но исподволь ломала,
Нас жизнь по мелочам со многим примиряла,

И мы не делали в ней бешеных скачков,
А он слетел в наш мир, как будто с облаков,

С мечтами прежними, с студенческим экстазом,
Все эти двадцать лет перешагнувши разом,

Начавши с лозунга: «Курган Малахов сдан!»
И кончив новостью: «Взят Карс и Ардаган».

Тогда его пришлось знакомить год за годом
С неведомым ему огромным периодом,

Сжав повесть длинную, состарившую нас,
В один эпический и бытовой рассказ.

Друг слушал, голову склонив и хмуря брови,
Все делался бледней, — в лице ни капли крови, —

И наконец сказал: «Но было в наши дни
Немало крупных сил, талантов... Где ж они?

Да, где они, скажи? Не все же изменили
Прошедшему, не все еще лежат в могиле?

Я веру сохранил в людей, мне дорогих,
И, прежде чем спрошу тебя я о других

Дай Добролюбова и Писарева адрес».
— «Они отправились...»—«Куда, зачем?»—«Ad patres.[1]

Оплакали мы их, но в мире нет потерь
Незабываемых, и их у нас теперь

С успехом заменить успел Евгений Марков,
Пересиявший всех, как посреди огарков

Друммондов яркий свет». — «Бессмертье заслужив,
Великий комик наш Мартынов, верно, жив?»

— «Жив... в памяти своих поклонников, дружище.
А сам давно лежит на городском кладбище

С Максимовым рядком, с Сосницким... Многих нет,
Которых он увел с собою в лучший свет

И никого взамен себя нам не оставил...
Но, впрочем, нет, — у нас еще есть Вейнберг Павел,

При общем хохоте всех русских городов
Способный мастерски изобразить жидов».

— «Некрасов как живет, что пишет? В полной силе,
Надеюсь я, талант его богатый, или...

Боюсь спросить о том...» — «Он умер тоже, брат,
И уж о нем у нас почти не говорят.

---

[1] К праотцам (т. е. умерли). — *Ред.*

Забыт и Курочкин покойный вместе с Меем.
Мы духу времени противиться не смеем

И в век промышленный биржевиков, дельцов
Совсем уже не чтим лирических певцов,

Давно их заменив продуктами грошовых
Стихотерзателей каких-то Барышевых,

Мартьяновых... имен не помню даже всех,
Чего, конечно, мне ты не поставишь в грех».

— «Да, почва невская, я вижу, нездорова...
Хоть Даргомыжского найду ли я, Серова?»

— «Увы, их тоже нет, но вздох свой затаи:
Маэстро Лазарев есть с Цезарем Кюи,

Который так у нас не терпит итальянцев,
Что со столбцов газет привык, как из-за шанцев,

Их грозно сокрушать, как музыкальный страж».
— «Так кем же полон мир интеллигентный ваш?

Порадуй чем-нибудь меня хорошим, новым,
Дай «Современник» мне последний с «Русским словом».

— «Тебе их дать, мой друг, никак я не могу.
Вот «Берег» почитай... Нет, нет, поберегу

Тебя на первый раз... Два толстые журнала,
Где прежде мы с тобой работали немало,

Уж стали редкостью, и их библиоман
Хранит в своем шкафу и переплел в сафьян.

Вот «Русский вестник» ты везде найдешь покуда
И купишь дешево на рынке на вес, с пуда;

Но сам Катков сказать мог смело бы весьма:
«Теперь я, брат, не тот!», как в «Горе от ума»,

И лишь с Цитовичем, — судьба такая вышла, —
Он вправе нынче стать под пару прямо в дышло».

— «А Помяловский где, Левитов и Слепцов?»
— «Всё там же, где и все — у дедов и отцов.

Зато за шестерых, день каждый, без отдышки.
Стал Лейкин печь то очерки, то книжки

И так пришелся всласть, что уже с давних пор,
Поджав животики, ржет целый Щукин двор

От разных сцен его и очерков. . .» — «Довольно!
Пощады я прошу, тебя мне слушать больно. . .»

И быстро он ушел. . . Теперь он очень плох.
Смутил его контраст различных двух эпох,

Поставленных пред ним так беспощадно рядом
И старый юноша, идеалист по взглядам,

Не ужился в среде, совсем чужой ему,
Дичиться начал всех, не ходит ни к кому

И часто, позабыв об отдыхе и пище,
Проводит целый день на Волковом кладбище,

Читая надписи крестов, могильных плит
И, потрясенный вновь, как доктор говорит,

От ломки нравственной поправится едва ли
И перейдет опять к безумью от печали.

1880

IV

ПЕРЕВОДЫ

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

265

ГЕРМАНИЯ

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

(ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ)

III

В древнем Ахене в старой гробнице лежит
Карл Великий... Я верен надежде,
Что с ним Мейера Карла не будут мешать;
Этот «карлик» жил в Швабии прежде.

В императорском гробе во храме лежать
Не желал бы я трупом отпетым;
В этом случае лучше бы я предпочел
Жить в Штутгарте безвестным поэтом.

Даже псы в древнем Ахене выли с тоски
И просили такого привета:
Чужестранец! Пожалуйста, дай нам пинка,
Может быть, развлечет нас хоть это.

Целый час я бродил в этом скучном гнезде,
С прусским воинством встретился снова
И, его наблюдая, я в нем не нашел
Измененья почти никакого.

На шинелях все тот же пришит воротник,
С яркокрасным, воинственным цветом:
Красный цвет знаменует французскую кровь —
Кернер нам сообщил под секретом.

А народ все такой же солдат и педант,
В каждом жесте — углов переломы;

Заморожено чванством холодным лицо,
Деревянные те же приемы.

Эти бревна в мундирах с ходулей глядят,
Словно все они вдруг проглотили
Те же самые палки, которыми их
Так недавно еще колотили.

Да! для них фухтеля не исчезли вполне...
Но, внутри себя их сберегая,
Знают верно они, что без тех фухтелей
Жить не может страна дорогая.

Нынче носят, положим, большие усы,
Но что ж нового в том, в самом деле?
В старину прежде сзади носили косу,
Нынче — под носом косы надели.

Вот мне новая форма пришлась по душе —
Стоят, право, похвальной огласки
Шишаки с их булатным, большим острием,
Наподобие рыцарской каски.

Старину с романтизмом напомнит опять
Этот шлем заостренный, как пика,
Он напомнит баронские замки, пиры,
И Фуке, и Ула́нда, и Тика;

Он напомнит рассказы из средних веков,
Знаменосцев в их пышном наряде,
Как они свою верность носили в груди,
А гербы золоченые — сзади.

Он напомнит крестовых походов года,
Меченосцев, турниры, обеты,
Дни, когда ядовитый печатный станок
Не печатал для мира газеты.

Да, на каску я, право, с восторгом глядел.
Ведь, ей-богу, придумано мило:
Королевская выдумка эта для всех
Остроумье свое заявила.

Я боюсь одного: если вспыхнет гроза
И метать свои молнии станет,
То, пожалуй, ваш острый, булатный шишак
На себя гром народа притянет.

Каской новой и легкой на случай войны
Вам придется тогда запасаться:
Ведь под тяжкими шлемами средних веков
Мудрено будет бегством спасаться.

На почтамтской стене, я увидел опять,
Ненавистная птица сидела,
И своими глазами она на меня
Ядовито и злобно смотрела.

О! проклятая птица! Когда я тебя
Наконец в свои руки поймаю —
Я из крыльев все перья твои ощиплю
И все когти твои обломаю.

На высоком шесте я тебя посажу
И, чтоб разом покончить с тобою,
Созову непременно я рейнских стрелков
Развлекаться веселой стрельбою.

И чья пуля зловещую птицу собьет,
Я невольный восторг обнаружу,
И корону и скиптр королевский вручу
Я тому благородному мужу.

XII

Темной ночью тащился по лесу рыдван,
Вдруг повозка треща закачалась:
Колесо соскочило. Мы стали. Беда
Мне забавной совсем не казалась.

Почтальон убежал, чтоб людей отыскать,
И в лесу том один я остался, —
А кругом меня в эту угрюмую ночь
Несмолкаемый вой раздавался.

Изморенные голодом, пасти раскрыв,
Это волки в лесу завывали,

И во мраке ночном, видел я, их глаза
Меж деревьев, как плошки, сверкали.

Вероятно, узнав о прибытье моем,
Волки подняли ночью тревогу,
Заливалися хором и сотнями глаз
Освещали пришельцу дорогу.

Серенаду такую я понял: они
Торжество мне устроить желали.
Я в позицию стал и приветствовал их,
И слова мои чувством дрожали:

— Сотоварищи волки! Я счастлив меж вас,
Где встречаю радушия знаки,
Где так много прямых, благородных сердец
Мне сочувственно воют во мраке.

Слов не знаю, чтоб выразить чувства мои,
Благодарность моя бесконечна.
Для меня, о друзья, эта дивная ночь
Незабвенной останется вечно.

Я сочувствие ваше, поверьте, ценю,
Вы его мне давно доказали —
В дни иные моих испытаний и бед
И в годину глубокой печали.

Сотоварищи волки! Во мне никогда
Не могли вы еще сомневаться
И словам негодяев не верили вы —
Будто я стал с собаками знаться,

Будто я изменил и в овчарню войду
Я надворным советником скоро...
Отвечать на подобную гнусную ложь
Я считал всегда верхом позора.

Прикрывался порою я шкурой овцы
Лишь затем, что она согревала,
Но о счастье овечьем мечтать я не мог:
Это счастье меня не пленяло.

Я не пес, не надворный советник, друзья,
И овцой никому не казался.
Это сердце и зубы — закала волков,
Я был волком и волком остался.

Я был волком и им остаюсь навсегда,
Буду выть я по-волчьи с волками.
Да, нам небо поможет! Лишь верьте в меня
Да себя защищайте клыками. —

Так экспромтом с волками витийствовал я,
Эту речь, выражения эти
Озадаченный Кольб поспешил, исказив,
Напечатать в немецкой газете.

XX

Воздух летнего вечера тих был и свеж...
В город Гамбург приехал я к ночи;
Улыбаясь, смотрели с небес на меня
Звезд блестящие, кроткие очи.

Мать-старушка меня увидала едва,
Силы ей в этот миг изменили,
И, всплеснувши руками, шептала она:
«Ах, дитя мое! Ты ль это, ты ли?

Ах, дитя мое! ровно тринадцать уж лет,
Как тебя не видала я... Слушай:
Ведь с дороги ты голоден, верно, теперь,
Так садись поскорей и покушай.

У меня, милый мой, есть и рыба и гусь,
Апельсины есть... Хочешь чего же?»
— Так давайте мне рыбу и гуся на стол,
Апельсинов давайте мне тоже. —

И когда я с охотою ужинать стал,
Мать с восторгом меня угощала
И, теряясь и путаясь часто в словах,
За вопросом вопрос предлагала:

«Ах, дитя! На чужой стороне, может быть,
Дни твои были горьки и тяжки...

Хороша ли хозяйка-жена у тебя
И умеет ли штопать рубашки?»

— Рыба, милая матушка, очень вкусна,
Но без слов нужно есть это блюдо,
А не то — подавиться я костью могу,
Так вы мне не мешайте покуда. —

Только с вкусною рыбой управился я,
Как увидел и гуся с ней рядом,
Вновь расспрашивать матушка стала меня,
Вновь вопросы посыпались градом:

«Ах, дитя мое! Где же привольнее жить —
У французов иль дома? И кто же
Из различных народов, которых ты знал,
Для тебя по душе и дороже?»

— Гусь немецкий, родимая, очень хорош,
Но французы гусей начиняют
Лучше немцев; к тому же и соусы их
Аппетит мой скорей возбуждают. —

Апельсины за гусем явились вослед,
Заявляя свое мне почтенье,
И так сладки казались, что я их тогда
Выше всякого ставил сравненья.

Мать расспрашивать снова пустилась меня,
Несдержимая в добрых порывах,
И, болтая со мною, коснулась она
До вопросов весьма щекотливых:

«Ах, дитя мое! Мне расскажи, наконец,
Каковы у тебя «убежденья»?
Все попрежнему занят политикой ты?
Ты какого в политике мненья?»

— Апельсины прекрасны, родная моя,
Апельсины прекрасны, бесспорно... —
И когда проглотил ароматный их сок,
Я отбросил их корки проворно.

XXVII

Что случилось потом в эту чудную ночь
От заката луны до рассвета, —
Я об этом когда-нибудь вам расскажу
В дни цветущего, теплого лета.

С каждым днем, слава богу, редеет вокруг
Поколения старого племя;
Лицемерных и дряхлых льстецов с каждым днем
Реже видим мы в новое время.

Поколенье другое растет в цвете сил,
Жизнь испортить его не успела,
И для этих-то новых, свободных людей
Петь могу я свободно и смело.

Эта чуткая юность умеет ценить
Честность мысли и гордость поэта;
Вдохновенья лучи греют юности кровь,
Словно волны весеннего света.

Словно солнце, полно мое сердце любви,
Как огонь, целомудренно-чисто;
Сами грации лиру настроили мне,
Чтоб звучала она серебристо.

Эту лиру из древности мне завещал
Прометея поэт вдохновенный:
Извлекал он могучие звуки из струн
К удивлению целой вселенной.

Эта лира ко мне перешла от того,
Кто воспел Пайстетероса с милой
Базилеей, с которой он к небу взвился,
Увлечен непонятною силой.

Подражать его «Птицам» я пробовал сам,
Их любя до последней страницы;
Изо всех его драм, нет сомнения в том,
Драма самая лучшая — «Птицы».

Хороши и «Лягушки», однако. Теперь
Их в Берлинском театре играют

В переводе немецком; они, говорят,
В наши дни короля забавляют.

Королю эта пьеса пришлась по душе,
Значит — вкус его тонко-античен.
К крику прусских лягушек наш прежний король
Почему-то был больше привычен.

Королю эта пьеса пришлась по душе,
Но, однако, должны мы сознаться:
Если б автор был жив, то ему бы навряд
Можно было в Берлин показаться.

Очень плохо пришлось бы живому певцу,
И бедняжка покончил бы скверно:
Вкруг поэта мы все увидали бы хор
Из немецких жандармов наверно;

Чернь ругалась бы, право на брань получив,
Наглость жалких рабов обнаружа,
А полиция стала бы зорко следить
Каждый шаг благородного мужа.

Я желаю добра королю... О, король!
Моего ты послушай совета:
Воздавай похвалы ты умершим певцам,
Но щади и живого поэта.

Нет, живущих певцов берегись оскорблять,
Их оружья нет в мире опасней:
Их карающий гнев всех Юпитера стрел,
Всех громов и всех молний ужасней.

Оскорбляй ты отживших и новых богов,
Потрясай весь Олимп без смущенья,
Лишь в поэта, король, никогда, никогда
Не решайся бросать оскорбленья!..

Боги могут, конечно, карать за грехи,
Пламя ада ужасно, конечно,
Где за грешные подвиги в вечном огне
Будут многих поджаривать вечно, —

Но молитвы блаженных и праведных душ
Могут грешникам дать искупленье;
Подаяньем, упорным и долгим постом
Достигают иные прощенья.

А когда дряхлый мир доживет до конца
И на небе звук трубный раздастся,
Очень многим придется избегнуть суда
И от тяжких грехов оправдаться.

Ад другой есть, однако, на самой земле,
И нет силы на свете, нет власти,
Чтобы вырвать могла человека она
Из его огнедышащей пасти.

Ты о Дантовом «Аде», быть может, слыхал,
Знаешь грозные эти терцеты,
И когда тебя ими поэт заклеймит,
Не отыщешь спасенья нигде ты.

Пред тобою раскроется огненный круг,
Где неведомо слово — пощада. . .
Берегись же, чтоб мы не повергли тебя
В бездну нового, мрачного ада.

⟨1867—1870⟩

266

ЗАВЕЩАНИЕ

Завещанье свое принимаюсь писать.
Скоро, скоро в гробу перестану страдать:
Муки жизни так сердце мое истомили,
Что дивлюсь — почему я давно не в могиле.

О, Луиза, подруга моя по судьбе!
Я двенадцать рубах завещаю тебе,
Сотню блох — счет блохам я веду наудачу —
И моих триста тысяч проклятий в придачу.

Добрый друг! Помню я, в дни несчастий и бед
Ты был щедр — не на помощь — на добрый совет.

Так и я не оставлю тебя без совета:
Вместе с самкои скотов расплоди ты для света.

Веру в тартар и в рай неизвестных мне стран
Завещаю я разом: тебе, богдыхан,
И познанскому ра́ввину — жребий вы бросьте,
Чтоб вопрос о наследстве покончить без злости.

О немецкой свободе святые мечты,
Пузыри эти мыльные, цензор мой, ты
Получи от меня, хоть я должен признаться:
Пищей этой едва ли удобно питаться.

Все деянья, которых свершить я не мог,
План спасенья отчизны от бурь и тревог
И рецепт от изжоги — последствия пьянства,
Завещаю тебе я, родное дворянство. . .

Завещаю ночной белоснежный колпак
Я кузену, который настойчиво так
Защищал бедняков в дни былые задорно,
А теперь, как римлянин, молчать стал упорно.

Охранителю нравов в Штутгарте родном
Пистолеты дарю, — хоть из них ни в одном
Нет заряда, но все же они, может статься,
Для внушения страха жене пригодятся.

Швабской школе, ползущей в прогрессе назад,
В верном оттиске я завещаю свой зад —
Мой портрет ей не нужен и жертвую смело
Потому верный снимок с другой части тела.

Шесть бутылок с слабительной горькой водой
Завещаю певцам, у которых худой
Есть недуг, возбуждавший мое сожаленье:
Постоянный, упорный застой вдохновенья.

Заключение. Если б никто не желал
Получить, что я каждому здесь завещал,
В этом случае я, — мой завет безусловный, —
Папе римскому жертвую все по духовной.

⟨1870⟩

ОГЮСТ БАРБЬЕ

267

КИАЯ

Поэт и рыбак

Поэт

Ты счастлив, друг-рыбак, средь вольной нищеты.
Завидую тебе! Желал бы я, как ты,
Тянуть морской канат вдоль тихого залива
И невод мокрый свой, развесив на кусты,
На солнце, жарким днем просушивать лениво!
Завидую тебе! Когда багряный день
В туманных сумерках утонет за горами,
Следишь ты с палубы, как мягко ночи тень
Безмолвным призраком всплывает над волнами.
А я, — о, добрый друг, пойми мою печаль:
Мне берег родины стал берегом изгнанья;
Дворцы Неаполя, небес родных эмаль,
И солнца яркий блеск, и рощ благоуханье
Уже не радуют, не веселят мой взор, —
Все здесь мне говорит про общий наш позор,
Напоминает мне, что здесь я — чужестранец.
Вы — небо теплое, вершины снежных гор,
Садов душистых мирт и пышный померанец,
День светом залитой и вечера румянец,
И воздух тающий, и волны пышных нив,
Везувий пламенный и здесь у ног зеркальный,
Под нежный шопот струй стихающий залив,
Вы — счастья прежнего последний след печальный.
Меня не греете, я стал и слаб и хил;
Перо не слушает; лишь кисть возьму с боязнью, —
На белом полотне выходят краски грязью,
И я с проклятием треножник свой разбил
И лиру мертвую отбросил с неприязнью.
И вот, в полдневный жар, неволи общий раб,
Брожу я по полям, сожженным солнцем жгучим.

Рыбак

Я понимаю, друг, каким ты горем мучим,
Я знаю, отчего ты бродишь вял и слаб,
Понурив голову, закутан в плащ дырявый,

По почве каменной, залитой жаркой лавой.
Я знаю все, мой брат, и хоть мой груб язык,
Но сердце теплое под грубым платьем бьется...
И я, как ты, поэт, от радостей отвык,
Да и кому теперь жизнь ясно улыбнется?
Кто наряжается? кто в праздник надевать
Решится на себя венок из винограда?
Кто петь начнет из нас и весело плясать
В тот час, как спустится вечерняя прохлада?
Нет, не до песен нам; глухих рыданий стон
Напевы нежные гнетет и подавляет,
И наша жизнь, мой друг, как выжатый лимон,
Своею горечью нас всюду отравляет.
Мы — дети матери свободной с давних пор,
Должны ярмо влачить с терпением ослицы,
Под игом пришлецов краснеть за свой позор
И лить кровавый пот с денницы до денницы.

Поэт

Ты все ж счастливее; тебе в удел дано
Всегда свободное, как этот воздух, море,
И если на земле все злом заражено,
И если с берега к тебе пахнуло горе,
Ты можешь броситься в свой легкий, быстрый челн;
Два сильных взмаха рук — и темный берег тонет
В тумане, назади, лишь ряд жемчужных волн
Вокруг тебя, рыбак, лаская, ветер гонит;
Там, голову подняв, ты можешь отдохнуть,
Забыв тот мир земной, что грязен так и тесен,
И можешь облегчить надломленную грудь
И горе высказать в порывах страстных песен;
Там станешь плакать ты, своих не пряча слез,
Их капли теплые с рыданьем примут волны...
Но мы, возросшие под тенью наших лоз,
Земли изгнанники, мы, тайной злобы полны,
Должны всю боль души, гной наших ран скрывать
Под палкою гостей незваных и бесчестных,
И двадцать раз на дню безмолвно умирать
С невозмутимостью животных бессловесных;
Должны крик ужаса тогда в себе давить,
Когда бы закричал от боли самый камень,
И где-нибудь в углу украдкой слезы лить,
Глотая этих слез горячий, острый пламень.

Измены всюду здесь боятся и дрожат:
В семье, в кругу друзей, в любви, в самом разврате,
И если говорить начнет с тобой твой брат —
Боишься ты найти предателя и в брате.

Рыбак

Но будет не всегда ж противный ветер дуть
И рвать нам паруса... Не все ж беды да слезы,
Дождемся наконец и мы когда-нибудь
Безбурных, теплых дней; губительные грозы,
Как тучи, пролетят над нашей головой,
И все мы, отдохнув от голода и боли,
В лохмотьях рубища, с дырявою сумой
Не станем, ползая, нести весь стыд неволи;
Не все же нам, влачась под сумраком ночей,
В сору, в грязи канав, в квартале отдаленном,
Для наших плачущих от голода детей
Объедки отрывать с рыданьем затаенным;
Не все ж тяжелый гнет, на камне сон тупой,
Неблагодарный труд и плач во всю седьмицу,
Не все ж раздавленным суровой нищетой
Нам умирать ходить в холодную больницу...
Надежде верю я, и любо мне терпеть,
Лежать на берегу и с моря ждать погоды,
Иль, бросивши весло, закинуть в море сеть
В тот час, когда заря зальет румянцем воды.
Недаром верю я, что день тот недалек,
Который ловлею окончу я счастливой,
И из моих сетей, из глубины залива,
Стряхая с кос серебряный песок,
Свобода выплывет, смела и горделива...

Поэт

Она, рыбак, она — свобода, дочь морей,
Сестра богини волн, ногою ступит белой
На зыбкую корму, в круг старых рыбарей?
О, я боюсь, мой брат, чтобы твой голос смелый
Не прозвучал в пустыне! .. Гостьи этой грудь,
Ее объятия с любовью всем раскрыты,
Но наш народ ей чужд, к нему закрыт ей путь...
Что стали мы теперь? — тупые сибариты,
Которых идеал — бессмысленный разврат,
Приапа храм, вино и вакханалий пляска,

В которых мысль и воля дружно спят,
И со щеки давно стыда сбежала краска.
В мамоне сердце их и в голове — мамон;
Валяясь на спине от соку винограда,
Они, кощунствуя, глядят на небосклон...
Обжорство — вот их бог, их муза, их награда...
А если в тяжкий год придется взять им меч,
Они безмолвствуют...

Рыбак

О, не вини народа,
Которого ты сын. К чему проклятья речь
И гордость гения? Поверь мне, что природа
Твоей земли не так скудна; верь мне: народ
Есть почва добрая, в ней скрыто много силы,
В ней семя истины без пользы не умрет,
Лишь был бы сеятель. Той силе нет могилы;
Она безустали всегда невидимо живет,
Добром платя за зло, за мщение наградой,
Растит могучий дуб, нам, людям, мощь дает
И вечно трудится с любовью и отрадой.
Той силы мы везде встречаем след живой,
Везде ее рука и сильный, звучный голос;
Она среди пустынь плод нежит наливной,
На почве каменной растит златистый колос;
Как ни дави ее, ни мучь, ни унижай,
Она прорвется вновь могучею струею,
Усталый дух людей и целый падший край
Вдруг освежит здоровою волною, —
И тот народ, бессмысленный от сна,
В пороке гибнувший и ползавший когда-то,
Даст миру, наконец, из омута разврата
Людей прославленных святые имена.

Поэт

Ах, если бы ты знал, как тяжко мысль скрывать,
Когда она жжет мозг и череп давит-давит,
Ты начал бы, как я, со злобой проклинать.
Но жизнь твоя проста, и что меня печалит,
Мутит всю желчь мою и сердце тайно жалит,
Ты не поймешь, рыбак! Тебе нельзя понять,
Как возмутительно не сметь обняться с братом,
Тянуться к солнцу, к дню и мраком быть объятым,

Иметь крыло у плеч, все силы на полет,
И ползать здесь в грязи, как связанным орлятам.
А жизнь не ждет меж тем, за годом год идет...
Мы вялы и больны под старческою гнилью,
На сердце нет надежд, и меч нас не зовет,
В ножнах съедаемый и ржавчиной и пылью.
Так с каждым днем могила ближе к нам,
Бессилие души и тело убивает,
И гордый гений наш, как бесполезный хлам,
В забытых сундуках под плесенью сгнивает.
Для гения, старик, необходим простор,
Как пьянице нужна с вином большая чаша,
И я... я ждать устал; то горе, то позор
Убили дух во мне, — чужда мне почва наша.
Что пользы ждать теперь и рваться? Так кастрат
Дрожит над девою в бессильи исступленном...
О, если здесь ни в ком, в народе утомленном
Нет сил на подвиги, и если все здесь спят —
Уйду отсюда я к друзьям иноплеменным.

Рыбак

О, как нетерпелив ты, пламенный поэт;
С душою пылкою, ничем неудержимой,
Дитя капризное на утре детских лет,
Умей терпеть и ждать — усталый и гонимый.
Но если нас тебе покинуть суждено
Для лучших берегов, для новых впечатлений,
Ты сбереги в душе — то, что душе дано,
Не измельчай тогда в самолюбивой лени.
Ты не забудь о том, что грудь твою согрел
Рок не напрасно же таланта чудным жаром,
Всех выше головой поставлен ты недаром,
И если ты падешь — каков же наш удел?
Терпи ж пока, поэт! На подвиг твой великий
Даст силы новые великая душа.

Поэт

Ты сердцем добр, старик, но, гнев свой заглуша,
Ты, верно, позабыл, что только камень дикий
Да тощую траву найдешь средь наших нив,
Где не дают плодов посаженные зерна,
Где человек стал мелок и ленив,
Бессильна мысль, добро, и только зло упорно!

Дай руку мне, старик! Иду отсюда я,
Быть может навсегда Неаполь оставляю,
К тебе, к тебе теперь, Калабрская земля,
Несу остаток сил и руки простираю!
Поклон свой шлю тебе, далекий, чуждый кров,
С челом нахмуренным седой утес Гаргано,
Вам, скалы дикие с подножием лесов,
Увитых ризою нагорного тумана!..
Прошу, прошу у вас дать страннику приют
В ущельях темных гор, в лесах, в степях
раздольных...
О, пусть моя душа и силы отдохнут
Опять среди племен кочующих и вольных,
Где жизнь не растлена и прост людей язык,
Где каждый человек, природе лишь послушный,
Блистая красотой, свободен и велик.
Сживяся с той средой, делить бы с ней привык
Я все труды свои и черствый хлеб насущный;
Я стал бы, как орел заоблачных высот,
Несвязан и могуч в полете мысли смелой;
Когда же смерть ко мне украдкой подойдет —
Не свяжет тела мне в могиле саван белый,
Не станет узкий гроб давить своей доской,
Но прах мой грудь земли возьмет к себе, ревнуя,
И, убаюканный Циббелою седой,
В ее объятиях с улыбкою засну я;
Исчезну вдруг, как дым, как мимолетный звук,
Как молния в ночи, как луч скользнувший света,
И никогда ногой не ступит гордый внук
На остов моего забытого скелета.

1861

268

ПРОЛОГ

Пусть риторы кричат, что резкий стих мой зол,
Что грязь на нем видна, да кровь, да желчи пена,
Что пред кумирами народными я шел
Без преклонения, с цинизмом Диогена,
Что с хохотом встречал я золотых тельцов
И не дрожал рабом пред прихотью тиранов...
Пусть раздается крик всех пасквилей творцов,

Ум растлевающих бесстыдных шарлатанов.
Какое дело мне! — пусть пафосом не раз
Торгуя по грошам, все во́пят о разврате
И пляшут в мишуре, на поле громких фраз
Они — как гаеры на вздернутом канате.
Да, стих мой груб, и несдержим разбег
Слов проклинающих и слез негодованья,
Но тем моим слезам рыданьем вторит век,
С моими воплями слились его страданья.
Вот почему порой так пенит гнев и кровь
Мой желчный, резкий стих, все разорвавший узы,
А между тем не злость, а кроткая любовь
Дрожит в рыданиях моей суровой музы.

⟨1861⟩

269

ДЖИН

Sombre génie, o dieu de la misère!
Fils du genièvre et frère de la bière,
Bacchus du Nord, obscur empoisonneur,
Ecoute, o Gin, un hymne en ton honneur.

Бог нищеты, народа мрачный гений,
Вакх — отравитель северных равнин,
Источник зла и диких вдохновений, —
Я в честь твою слагаю песню, Джин!
Прислушайся к той песне раздраженной:
В ней каждый звук, как хохот сатаны,
Исторгнутый из пасти раскаленной,
Пускай смутит земных безумцев сны.
Она резка в своем порыве диком,
Как вопли опьяневших дикарей,
Пугавших исступленным криком
В густых лесах метавшихся зверей.
Бич городов! Тебя толпа встречала
В дни тишины и будничных тревог...
В зловонье отдаленного квартала,
Под грязным сводом темного подвала,
В сырых углах, где свил гнездо порок,
Ты властвуешь, бездомной черни бог!..
На оргиях, где царствует свобода
Разнузданных и бешеных страстей,

И сам Христос не столько бог народа,
Как ты, дух тьмы!..
На жизнь детей
Ты с ранних пор кладешь клеймо разврата,
Ты учишь проклинать, что людям было свято...
Седой старик на твой призыв идет
И — падает без силы в первой луже,
И женщина, забыв о зимней стуже,
Последнюю рубашку продает
И — пьет, и пьет...
— Эй, Джину нам! Джин наше наслажденье...
Все пред глазами ходит ходуном:
Один глоток — и мир самозабвенья
Нам открывается безумным, тяжким сном.
Один глоток — и в темной влаге Джина
Забудется гнетущая тоска...
Прочь со стола все дорогие вина:
Они не по карману бедняка.
Вино — вода. Им греет только тело
Больной и истощенный сибарит...
Пусть на пирах из винных бочек смело
Сок виноградный льется и бежит
В дни отдыха и полного безделья,
При звуках игр и шумного веселья —
Мы тянем Джин у стойки кабака...
В нас нет страстей, мы пасмурны, как воры,
И женщины нас любящей рука
Нам не нужна для счастья и опоры.
В нас сердце спит... Не кровь течет в нас —
Джин...
Привет тебе, наш грозный властелин!..
Безумие со взглядом воспаленным
По погребкам, харчевням отдаленным,
Нам днем и ночью двери открывай,
А ты, ты, Смерть, стаканы подавай
С своим напитком отравленным!
И Смерть идет на этот дикий зов,
На этот вопль походкой величавой —
И, как быков,
Разит людей рукой своей костлявой
На улицах, у входа кабаков...
Нет, никогда гнилая лихорадка,
Тиф разъедающий, восточная чума,

Зловещая, как смерть сама,
Не упивались гибелью так сладко,
Как этот бич угрюмой нищеты...
Желтеет тело, пасмурно и тупо
Глядят глаза, бессмысленны черты,
Движения — полуживого трупа...
Лишаясь сил, с склоненной головой,
Горячкою безумия палимый,
Без слов, лежит бедняк на мостовой,
А смерти призрак злой, неумолимый
Уж сторожит его тревожный сон...
И, потеряв сознанье, гибнет он
На улице, под дышлом экипажа,
В движении народных площадей,
Под сильными ногами лошадей,
Бросается из пятого этажа,
С крутых мостов на дно глубоких рек,
Стреляется, забвенья в петле ищет...
Везде, везде, безумный человек,
Смерть за тобой, как властелин твой, рыщет.
И даже матери, в руках держа детей,
Шатаются при тусклом лунном свете,
И на глазах у пьяных матерей
О камни разбиваются их дети...

⟨1866⟩

ВИКТОР ГЮГО

270

КАИН

Когда навеки проклят Иеговой
Скитался Каин бледный и суровый

С своею истомленною семьей
И грохот неба слышал за собой,

Остановился к ночи он в долине,
Горами окруженной. Там в кручине,

Почти без сил, и дети и жена
Сказали: «Здесь для отдыха и сна

Приляжем мы». Но Каин, сна лишенный,
Сел под горою, в думу погруженный.

Взглянул он вверх и в небе в этот час
Он увидал недвижно-яркий глаз,

Смотревший на него упорно в мраке ночи,
И Каин задрожал и, опустивши очи,

Проговорил: «Мы всё еще ушли
Недалеко». Тогда опять с земли

Он поднял изнуренное семейство
И, сумрачный, как самое злодейство,

Он вновь вперед, вперед направил путь,
Не смея ни минуты отдохнуть,

Безу́стали, без сна и без оглядки,
При каждом шорохе дрожа, как в лихорадке,

Шел, торопясь, все дальше, без речей;
Шел тридцать дней и столько же ночей.

Так он достиг до берега морского,
Где в первый раз сказать решился слово:

«Здесь остановимся. Приюта лучше нет,
Нет далее путей: кончается здесь свет».

Но в тот же миг, когда он опустился,
Чтоб отдохнуть, над ним опять явился

Недвижный глаз в недвижных небесах,
И овладел им снова прежний страх.

«О, спрячьте вы меня куда-нибудь далеко
От этого пронзающего ока!» —

Кричал он в трепете, бледнее мертвеца,
И своего жестокого отца

Не узнавали дети: так он изменился.
И к сыну Явелю тогда он обратился,

К родоначальнику кочующих племен,
Которые с пустыней от пелен

Сживаются и спят в ней под шатрами:
«Сын, разверни палатку ты над нами,

Чтоб с этой стороны не видел я небес».
И под шатром, под тяжестью завес

Он спрятался. Тогда его спросила
Румяная, как роза, внучка Цилла:

«Ты больше ничего не видишь?» — «Нет,
Все то же око вижу», — был ответ.

Тогда Ювал за брата стал на смену,
Воскликнув: «Я могу воздвигнуть стену! ..»

Когда ж была воздвигнута она,
Над Каином громадная стена,

Он простонал: «Перед собою все же
Недвижное я око вижу то же».

— «Так выстроим такую крепость мы, —
Сказал Энох, — такое царство тьмы,

Чтоб самый вид его зловещих башен
Гнал от себя и всем казался страшен;

Построим мрачный город мы и в нем
От света спрячемся и Каина запрем».

И выстроен был город необъятный,
Чудовищный, уму невероятный;

Пока он строился из каменных громад,
У стен его вел распри с братом брат,

С детьми Эноха бились дети Сета.
Кто только мимо шел, тому за это

Выкалывали очи; тучи стрел
Пускали ночью в звезды. И успел

Меж тем подняться город из гранита.
Казалось, бездна адская в нем скрыта.

От башен тень, свет отгоняя прочь,
Вокруг себя распространяла ночь,

И стены, необъятные, как горы,
Дивили и запугивали взоры,

А для прохода в грозную тюрьму
Дверь с надписью была: «Вход запрещен Ему».

Когда вполне окончились работы,
То Каин, полный страха и заботы,

В одну из темных башен был введен.
«Исчез ли глаз?» — услышал возле он

Трепещущий и нежный голос Циллы.
— «Нет; он глядит! Хочу я до могилы

Жить под землей, невидим никому
И видя сам одну лишь только тьму».

И подземелье вырыли. Глубокий
Царил в нем мрак, и Каин одинокий

Спустился вниз под тот могильный свод;
Когда же заперт был в его могилу вход,

То над собой, раскрытое широко,
Неотразимое, он вновь увидел око.

⟨1872⟩

271

ВО МРАКЕ

Старый мир

Волна, остановись, отпрянь назад. Довольно!
Прилив твой никогда так дерзко-произвольно
Вверх не взлетал... И отчего, волна,
Ты так сурова, мрачно-холодна?
Зачем весь этот рев и ливень беспрерывный,

И ветра дикий вой в час полночи отзывной?
Как чудо грозное, твой вал вперед бежит...
Так стой же, говорю. Здесь твой предел лежит.
Не сокрушай в своих набегах ярых
Законов старины и предрассудков старых,
Безумья, нищеты и тяжкого ярма,
Ничтожества давно уснувшего ума,
Где стихли навсегда желанья с их тревогой;
Цепей, наложенных на женщину, не трогай,
Оставь великий пир, где нищим места нет,
И пусть предания боготворит весь свет.
Не трогай их и стой: они для нас святыни.
Те сильные, громадные твердыни
Вкруг человечества я строил и воздвиг...
Но ты вперед бежишь, все выше каждый миг,
Все унося в неистовом напоре:
Вот старый манускрипт, вот древний кодекс в море
Ты унесла, и в массе буйных вод
Умчался далеко кровавый эшафот.
Вот королевский трон. Оставь его... О, боже,
Низвергнут он. Низвергнуты с ним тоже
Последних месс последние жрецы.
Вот судьи, — стой! Стой — это чернецы...
Довольно — стой! Не поднимайся выше,
Соленая вода, покойней будь и тише...
Но до колен моих ты поднялась,
Меня залить ты хочешь... ворвалась
В приют мой вечно тихий и обширный...

Волна

Ты думал, я — прилив, а я — потоп всемирный.

⟨1875⟩

272

НИ ДЕНЬ, НИ НОЧЬ

De quel nom te nommer, heure trouble
où nous sommes?
V. Hugo.

Каким мы именем назвать тебя должны,
Текущий, смутный час? Мы все омрачены
Неведеньем; с чела холодный пот струится,
В душе, как в небесах, со светом тьма мирится.

Надежды и мечты, страданья, страсти, стыд —
Ни в чем нет блеска дня, нигде нет полной ночи,
И мир, где призраки скользят и смотрят в очи,
Зловещим сумраком одним полузакрыт.

В том тусклом сумраке оглушены мы шумом;
Сливается в нем всё — и песня рыбака,
И шелест листьев, трав в полях, в лесу угрюмом,
Где гнезда прячутся и чашечки цветка.

Сливается в нем всё — шаги людей, идущих
Вперед равниною обширной без дорог,
И звуки камышей, друг друга хлестко бьющих,
И колокольный звон, и полевой рожок,

И плющ трепещущий в ночной полудремоте,
И ветер гибельный для дальних моряков,
И скрип и треск возов, на узком повороте
Столкнувшихся в пути, и говор мужиков,

И жалкой нищей плач, и чей-то бред несвязный,
И крик проклятия, мольба в ночной тиши,
И гул людской толпы, то занятóй, то праздной,
И голос, вызванный волнением души,

И ропот волн морских вкруг голого утеса,
И воздух реющий, и бешеный поток,
И всё, что говорят про мир людских тревог
Соха — сырой земле, а мостовой — колеса,

И лиры нежный звук, раздавшийся с челна,
Которого несет, баюкая, волна,
И вздохи синих гор с их перекатным эхом,
И голос городов, где плач слился со смехом,

И человека стон, и стон событий дня. . .
В насмешливый наш век, век общего затменья,
На дне людских сердец, их чистоту грязня,
Как тина гадкая, скопляются сомненья.

И этот общий шум, — мольбы, укоры, крик —
Как песня странная, звучат не умолкая,
Которую поют и мать и гробовщик,
Качая колыбель иль гроб приготовляя.

———

Поэты! на восток смотрите только вы;
Ему все помыслы отдайте, все вниманье.
Что видите вы там? И был ответ: «Увы!
Таинственное там лишь видим мы мерцанье.

Во тьме, где горизонт уходит за холмы,
Трепещет этот свет таинственный и дальний,
Как кузницы огонь, который видим мы,
Не слыша, как гремит кузнец за наковальней.

Но все ж не знаем мы — та дальняя заря
Нам предвещает ли день солнечный? Смотря
На запад, может быть, обмануты жестоко,
Его мы приняли за сторону востока.

Заря вечерняя, быть может, там блестит...
То солнце яркое, к которому стремилась
Всегда природа вся, то солнце, что живит,
То солнце, может быть, лишь только закатилось».

Заря ли занялась, создатель, или нет?
В нас опасение невольно сердце сжало:
Иль наступает мрак, иль брезжит первый свет?
О, господи, конец мы видим иль начало?

В душе и на земле от сумерек темно.
Те очи самые, на небе для которых
Светило дня творцом когда-то зажжено —
Закрылись ли совсем, иль вновь заблещет взор их?

Тот странный, смутный гул, который по пути
Мы слышим вкруг себя, его поддавшись гнету,
Не есть ли крыльев шум, поднявшихся к отлету?
Быть может, в этот миг земля нам шлет: «Прости!»

Тот странный, смутный гул, порою замирая,
Как нежной лютни звук, с чела сгоняя тень,
Не музыка ли вновь проснувшегося рая?
Быть может, говорит земля нам: «Добрый день!»

Там птицы голосят — их голос: смех иль слезы?
Там лес шумит — о чем? — печален, весел он?

Там ропщет океан — то радость иль угрозы?
Там человек поет — то песня или стон?

Покоя, отдыха ничья душа не знает.
Печально у дверей сидит, оставя дом,
Священник, весь седой, и по складам, с трудом,
Во мраке темную он книгу разбирает.

О чем хлопочешь ты, служитель алтаря?
Не верит человек ни божеству, ни чуду...
Сомнения шипы проглядывают всюду
И отравляют кровь, в сердцах людей царя.

Что нужды! Пусть судьба уносит нас сурово,
Захватывает всех, кто бодрствует, кто спит, —
Для мертвых и живых, мне что-то говорит,
Наш век последнего еще дождется слова.

И дальний горизонт, где шум идет глухой,
Потухнет наконец иль ярко загорится...
Так подожди еще немного, дух людской:
Иль солнце явится, иль мрак распространится.

Смотря на роковой, таинственный восток,
Стараясь уловить звук каждый — грозный, нежный, —
И жалобы небес, и шум толпы мятежной,
И вздохи каждого, и общий гул тревог,

Как эхо горное, отзывчивый и чуткий,
В задумчивых стихах передает поэт
Все наши грезы, сны, и все, что целый свет
Лепечет и поет, мешая слезы с шуткой.

⟨1880⟩

ПЬЕР ДЮПОН

273

ПЕСНЯ РАБОТНИКОВ

Мы, чьи огни до зари зажигаются,
Только лишь крикнет петух в ночь бессонную,
Чьи истомленные спины сгибаются
Пред наковальней, в огне раскаленною;
Мы, у которых работа гнетущая

С детства замучила живость природную,
А впереди посулило грядущее
Холод, недуги да старость голодную —

Братцы! дав отдых труду и заботам,
Спины усталые мы разогнем
И дружно копейку, облитую потом —
Пропьем.

Доля работника — чем не счастливая!
В грубых руках его — перлы да золото,
Он снаряжает все барство спесивое
Силою мышц да железного молота.
Выходит в поле он рожь золотистую,
Пóтом его вся земля обливается...
Добрые овцы! Их шкурой волнистою
Сытая праздность везде одевается.

Братцы! дав отдых труду и заботам,
Спины усталые мы разогнем
И дружно копейку, облитую потом —
Пропьем.

Труд завещал нам тоску безысходную,
Чахлые груди да слезы горючие;
Словно как мáшину, в деле негодную,
Терпят всех нас лишь до первого случая.
Нашей рукой чудеса совершаются,
Словно у пчел — наша участь суровая:
Пчелы снесут только дани медовые
И, бесприютные, вновь разлетаются.

Братцы! дав отдых труду и заботам,
Спины усталые мы разогнем
И дружно копейку, облитую потом —
Пропьем.

Дети вельмож, худосочные, бледные
Жен наших грудью здоровой питаются,
Если же вырастут лбы эти медные —
С краской стыда с ними после встречаются.
Нас стерегут всюду — наглость бесчестная,
Брань да пинки от любого привратника;
У дочерей наших — доля известная —
Доля наложниц в хоромах развратника.

Братцы! дав отдых труду и заботам,
Спины усталые мы разогнем
И дружно копейку, облитую потом —
Пропьем.

В темных подвалах, полуобнаженные,
Где лишь лохмотья нам служат обновами,
Тянем мы жизнь даже солнца лишенные,
Словно родились ворами иль совами,
Словно в нас кровь не играет кипучая,
Словно туда наше сердце не просится,
Где разрастаются рощи дремучие,
Где благовонное лето проносится.

Братцы! дав отдых труду и заботам,
Спины усталые мы разогнем
И дружно копейку, облитую потом —
Пропьем.

Много уж лет наша кровь проливалася
Лишь по шальному капризу тиранами,
Но еще силы довольно осталося
В теле, измученном гнойными ранами.
Будем же силу беречь мы могучую,
Сладкой надеждой пусть сердце согреется:
Солнце свободы — за черною тучею,
Ветер подует — и туча рассеется.

Братцы! дав отдых труду и заботам,
Спины усталые мы разогнем
И дружно копейку, облитую потом —
Пропьем.

⟨1863⟩

ГУСТАВ НАДО

274

ПОЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ

Мой друг, жить скучно без труда.
Нельзя же, в самом деле,
Курить да песни петь всегда,
Не видя в жизни цели.

Труд нам девизом должен быть,
Чтоб лень нас не заела...
Чтоб людям пользу приносить,
Мой друг, возьмись за дело.

Трудись, и если мил обман,
Торгуй гнилым товаром,
Учись обмеривать граждан
По рынкам и базарам.
Умей повыгоднее сбыть
Романы и экспромты...
Ну, хочешь пользу приносить —
Так сделайся купцом ты.

Не то будь доктором, лечи:
Рецептов — тьма готовых;
Всех пациентов приучи
К визитам — в пять целковых.
Пусть коновалом станут звать:
Больные все сердиты...
Ну, хочешь ближних исцелять —
Так поступай в врачи ты.

Не то — запутывай сирот,
Выигрывай процессы;
Кути, жуируя на счет
Беспечного повесы.
Тебя с поклоном будут звать
К наследникам богатым...
Ну, хочешь ближним помогать —
Так будь ты адвокатом.

Быть может, воина наряд
Тебя пленяет в мире:
Солдатам нашим, говорят,
Не жизнь, а рай в Алжире...
Людей колоть и убивать
Привыкнешь без труда ты...
Ну, хочешь край свой защищать —
Так поступай в солдаты.

Еще есть роль одна у нас —
И роль почетна эта:
Куплеты стряпать на заказ

И, в должности поэта,
В ливрею музу наряжать,
Петь голосом продажным...
Ну, хочешь лавры пожинать —
Так будь певцом присяжным.

Но нет, не сладок труд такой.
Уж лучше будь лентяем,
Люби поэзию, покой...
Мы одного желаем:
Чтоб справедливая хула
Тебя смутить не смела...
Чтобы не делать в мире зла,
Мой друг, живи без дела.

⟨1866⟩

АЛЬФОНС ДОДЕ

275

СЛИВЫ

I

Когда хотите вы послушать, как легко
Нас сливы полюбить заставили друг друга,
Об этом я могу шепнуть вам на ушко, —
Когда хотите знать, как полюбить легко.
Любовь от нас парит недалеко
И распускается быстрей, чем розы юга:
Я в нескольких словах скажу вам, как легко
Нас сливы полюбить заставили друг друга.

II

У дяди моего — большой фруктовый сад,
А у меня — как май прелестная кузина;
Я к ней привязан был, как самый нежный брат...
У дяди моего — большой фруктовый сад:
Порхают птички в нем, щебечут и едят, —
Готовит вкусный стол им каждая куртина.
У дяди моего большой фруктовый сад,
А у меня — как май прелестная кузина...

III

Поутру мы в саду гуляли как-то раз
Вдвоем, рука с рукой, с кузиной Мариэттой.
Сошелся, кажется, я с нею в добрый час...
Поутру мы в саду гуляли как-то раз.
Кузнечики в траве трещали, словно нас
Приветствовать они хотели песней этой:
Поутру мы в саду гуляли как-то раз
Вдвоем, рука с рукой, с кузиной Мариэттой.

IV

На все лады кругом гремел пернатый хор.
Со всех сторон лились серебряные трели,
Ведя таинственный с природой разговор...
На все лады кругом гремел пернатый хор,
И зелен был полей торжественный убор,
Где девственно цветы весенние белели.
На все лады кругом гремел пернатый хор,
Со всех сторон лились серебряные трели.

V

С фиалками в кудрях, кокетливо-мила, —
Кокетство в девушке — врожденная привычка, —
Кузина бегала, кружилась, как юла...
С фиалками в кудрях, кокетливо-мила,
Вертлява, весела, как маленькая птичка,
Она, как бабочка, порхала, а не шла,
С фиалками в кудрях, кокетливо-мила...
Кокетство в девушке — врожденная привычка!

VI

Кузина много слив увидела, когда
Мы с нею забрели случайно в чащу сада,
А лакомка моя любила их всегда.
Мы с нею забрели случайно в чащу сада:
Плоды — подать рукой, и вот два-три плода
Кузина с дерева стряхнула без труда...
Кузина много слив увидела, когда
Мы с нею забрели в густую чащу сада.

VII

«Возьми!» — одну из слив мне подала она,
Отведавши ее и откусив немножко,
И грудь моя тогда вздымалась, как волна...
«Возьми!» — одну из слив мне подала она;
На сливе ж виден был — так слива та нежна! —
Зубов жемчужный след — узорная дорожка...
«Возьми!» — одну из слив мне подала она,
Отведавши ее и откусив немножко.

VIII

Вот все, чем я хотел развлечь девиц и дам —
О многом рассказать им может плод подобный —
И воли языку я более не дам...
Вот все, чем я хотел развлечь девиц и дам.
Я сливу откусил, конечно, по следам
Пунцовых губ моей кузины бесподобной:
Вот все, чем я хотел развлечь девиц и дам —
О многом рассказать им может плод подобный.

IX

Да, барышни, вот вам правдивый мой рассказ
О том, какую роль в любви играют сливы:
Я рассказал вам все, что нужно, не таясь...
Да, барышни, вот вам правдивый мой рассказ;
Когда ж в моих словах особый смысл нашли вы,
Тем хуже, ma foi,[1] поверьте мне, для вас!
Да, барышни, вот вам правдивый мой рассказ
О том, какую роль в любви играют сливы.

⟨1879⟩

ШАРЛЬ БОДЛЕР

276

КАИН И АВЕЛЬ

Племя Авеля, будь сыто и одето,
Феи добрые покой твой охранят;

[1] Право. — *Ред.*

Племя Каина, без пищи и без света
Умирай, как пресмыкающийся гад.

Племя Авеля, твоим счастливым внукам
Небеса цветами усыпают путь;

Племя Каина, твоим жестоким мукам
В мире будет ли конец когда-нибудь?

Племя Авеля, довольство — манной с неба
На твое потомство будет нисходить;

Племя Каина, бездомное, без хлеба,
Ты голодною собакой станешь выть.

Племя Авеля, сиди и грейся дома,
Где очаг семейный ярко запылал;

Племя Авеля, сиди и грейся дома,
В стужу зимнюю дрожишь ты, как шакал.

Племя Авеля, плодишься ты по свету,
Песню счастия поют тебе с пелен;

Племя Каина лишь знает песню эту:
Вопль детей своих и стоны чахлых жен.

Племя Авеля! Светло твое былое,
Но грядущего загадка нам темна...

Племя Каина! Терпи, и иго злое
Грозно сбросишь ты в иные времена.

Племя Авеля! Слабея от разврата,
Измельчает род твой, старчески больной...

Племя Каина! Ты встанешь — и тогда-то
Под твоим напором дрогнет шар земной.
⟨*1870*⟩

ВАЛЬТЕР РАЛЕЙ

277

ОБЛИЧИ ИХ ВО ЛЖИ!..

Поэт! не для песен «к природе»
Тебя человечество ждет.
Иди ты смиренно в народ,
Когда ж попадутся в народе
Льстецы, шарлатаны, ханжи —
Обличи их во лжи!..

Иди, укажи ты вельможе,
Как ползает нищий в пыли;
Скажи филантропам земли,
Что речи их — с делом не схожи, —
А крикнут тебе: докажи!
Обличи их во лжи!..

Тиранам скажи без боязни:
Величие ваше — мираж,
Единственный памятник ваш
Одни лишь кровавые казни.
Когда ж возразят палачи —
Их во лжи обличи!

Скажи трудолюбью — ты хило,
Любви — ты давно растлена,
Всем людям скажи, что дана
Им в будущем только могила, —
А крикнут тебе: докажи!
Обличи их во лжи!

Скажи красоте: ты увянешь;
Ты, честность, покинув сердца,
У ног золотого тельца
Обманывать, ползая, станешь, —
А крикнут тебе: докажи!
Обличи их во лжи!

Скажи всем изношенным фразам,
Что близок их скорый конец;
Скажи мудрецам, наконец,

Что ум их заходит за разум, —
А крикнут тебе: докажи!
Обличи их во лжи!

Науке скажи: ты старуха,
Которая бредит сквозь сон;
Скажи: ты бессилен, закон,
И ты, правосудие, глухо, —
А крикнут тебе: докажи!
Обличи их во лжи!

Скажи, что бессмысленно счастье,
Природа скупа и нема,
Что дружба продажна сама,
И нет в милосердьи — участья, —
А крикнут тебе: докажи!
Обличи их во лжи!

Скажи горожанам: вы пали
В глубокий, постыдный разврат,
И что добродетели клад
Напрасно бы в мире искали, —
А крикнут тебе: докажи!
Обличи их во лжи!

Но если, блуждая по миру,
Ты сам измельчал наконец,
То сбрось свой мишурный венец,
Разбей опошлевшую лиру,
Себя самого накажи,
Обличая во лжи.

⟨1862⟩

БАЙРОН

278

ТЬМА

I bad a dream, which was not all a dream

Я видел сон, но сном он будто не был.
Угасло солнце в небе неподвижном,
И звезды без лучей, без блеска, сбившись
С своих орбит, носились. Льдяной глыбой

Земля висела в мгле немой. Над миром
День не вставал, одни сменялись зори...
Объяты ужасом, как тени, мрачно,
В чаду пылающих костров, без мысли,
Без страстей бродили люди. Все сердца
Слилися в вопль, в одну мольбу о свете.
Вот вспыхнула земля: дворцы и храмы,
Селенья, города — пылали. Люди
Их подожгли, чтоб не остаться в мраке,
И у пылающих жилищ толпами
Сходились, чтоб узнать в лицо друг друга...
Был счастлив тот, кто у жерла волкана
Клочок земли найти мог для приюта...
Тоскливый страх — вот все, что было в мире...
Зажгли леса, но пламя с жадной силой
Их истребляло в пепельные груды:
Мгновенный блеск — и снова царство мрака.
При зареве пылающих пожаров,
Как призраки, в борьбе теней и света,
То здесь, то там людей вставали группы:
Те — робко ползали в слезах, без звука,
Закрыв глаза; с улыбкой дикой — там,
В конвульсиях, сжав голову руками,
Сидели люди тупо; с хриплым воплем
Иные бегали, в кострах угасших
Напрасно раздувая чахлый пламень;
Глядели в небо — тёмно было небо —
Могильный кров скончавшегося мира.
И с скрежетом зубов, с проклятьями, в пыли
Крутились, выли люди. Птицы с криком
На землю пали, билися, не смея
Взмахнуть крылом, и дикий зверь стал робок,
И змеи ползали в толпе с шипеньем,
Не смея жалить, — их душили люди
И пожирали... Стихшая на время
Резня опять зажглась. Ценою крови
Обед голодным покупался. Дико
Друг друга каждый бегал, чтоб трапезу
Свершить кровавую. Любви не стало
В сердцах людей; лишь смерти страх и голод
Мучительный, палящий всех томили
И рвали внутренность. Неумолимо
Вставала смерть — и умирали люди,

И трупы их лежали без могилы.
Полуживой глодал скелет собрата,
Как дикий зверь хрипя; голодной стаей псы
Своих хозяев трупы разрывали;
Лишь пес один над трупом измозженным
Стоял, как страж, упорно защищая
Его от псов, людей остервенелых,
Лишь он один из всей голодной стаи,
Над трупами кровавыми издохшей,
Забыл о голоде и с слабым лаем,
С протяжным воем руку трупа долго
Лизал, ласкал, лег рядом с ним и — умер..
Громадный город вымер весь; лишь двое
Еще спаслись от смерти, но то были —
Враги. И подползли они к божнице,
В погасший пепел, где нахально в грудах
Вещей священных сброшены обломки.
Руками тощими напрасно теплый пепел
Враги, стеная, разрывали; в напряженье
Последних сил — их слабое дыханье
Огонь раздуло в пепле; пламя скудно
Сверкнуло раз — и два... Враги взглянули
В лицо друг другу, вскрикнули и пали
Без жизни. Вид их был так мертво-страшен,
Измучен голодом, что, не узнав врага
Один в другом, они упали мертвы
От отвращенья оба...
                                        Мир опустел.
Могучий, шумный мир немой могилой стал,
Без жизни, времени, растений — глыбой
Холодной. Всюду мрак, хаос! .. Озера,
Моря и океан — сковались смертью
Неумолимой, неподвижной, мрачной,
И их покой ничто не возмущало.
Лишь гнили корабли в морях; их мачты,
Обломками гнилыми рассыпаясь,
Не шевелились в мертвой бездне моря:
Зачахли волны, замерли приливы
С тех пор, как месяц скрылся с небосклона;
Ветр не дышал в эфире неподвижном,
И туч не стало; мрак вставал отвсюду:
Весь мир был тьма, и тьма была всем миром.
⟨1860⟩

279

ПЕСНЯ ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА

I

Прости! Утопает в дали голубой
Родимого берега вид,
Волна за волною ревет вперебой,
И дикая чайка кричит.
Мы видим, как солнце в морской глубине
Торопится отдых найти...
Прости! и тебе и родимой стране!..
Мой край! доброй ночи! прости!

II

Часы пролетят, и опять надо мной
Румяное солнце взойдет,
Вновь день я увижу, но берег родной
Из глаз навсегда пропадет.
Стал пуст и заброшен печальный мой дом,
Огонь разведенный зачах,
И стены травой зарастают кругом,
И воет мой пес в воротах.

III

— Мой маленький паж! Подойди же ко мне,
О чем ты рыдаешь с тоской?
Боишься ль ты смерти в холодной волне?
Иль холоден ветер ночной?
Утри ж свои слезы, будь весел опять.
Корабль наш построен легко,
И если бы сокол нас вздумал догнать —
Остался бы он далеко.

IV

— «Не страшны мне бури. Пусть волны ревут,
Пусть ветер рвет парус в клочки,
Но ты, господин, не дивись, что бегут
Из глаз моих слезы тоски.
Не вижу я больше отцовских седин

И мать со слезами в глазах;
Остались друзьями мне: ты лишь один
Да тот, что живет в небесах.

V

Отец на прощанье крестил мне чело,
Хоть холоден был его взгляд,
Но мать моя будет вздыхать тяжело,
Пока не вернусь я назад».
— Довольно, малютка! понять я умел,
Что слезы такие — не стыд,
И если б я чистое сердце имел,
Я сам бы заплакал навзрыд.

VI

Поди же ко мне ты, мой верный слуга,
В лице твоем бледность видна!
Уж ты не боишься ль француза-врага?
Иль буря морская страшна?
—«Ты думаешь, мой господин, обо мне,
Что стану за жизнь я робеть.
Нет, мысль о покинутой бедной жене
Меня заставляет бледнеть.

VII

Близ замка отцов твоих с мукой в лице
Пришлось мне детей покидать.
Теперь, если спросят они об отце,
Что может ответить им мать?»
— Довольно, мой добрый служитель, ты прав,
Печаль твоя стоит похвал,
Но я, — не таков легковерный мой нрав, —
Смеясь край родной покидал.

VIII

И что же находим мы в женских слезах?
И долго ли женщина ждет?
Чужая рука на прекрасных глазах
Вчерашние слезы сотрет.
Не жаль мне дней счастья в родимой стране,

Не гнусь я при виде грозы,
Но горько одно лишь, что не о ком мне
Пролить ни единой слезы.

IX

Я вновь одинок, как в былые года,
Один посреди этих вод...
К чему ж о других я заплачу, когда
Никто обо мне не вздохнет.
Недолго мой пес будет выть и скучать,
Найдет новый угол и кров,
И если вернусь я — меня разорвать
Пес собственный будет готов.

X

Корабль мой! Неси же меня по волнам,
Пусть море кипит подо мной!
Неси куда хочешь, к далеким странам,
Лишь только не в край мой родной.
Привет посылаю я синим морям,
А их не увижу в пути,
Привет мой пещерам, пустыням, горам...
Мой край! доброй ночи! прости!..

⟨1863⟩

280

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Ах, плачьте, рыдайте, бездомные дети Сиона,
Как плакали мы на враждебных реках Вавилона.
Ах, плачьте! Разбита певучая лира Иуды,
Где высились храмы — теперь безобразные груды.
О, чем освежим изъязвленные ноги и руки?
Излечат ли скорбь в нас сионские песни и звуки?
Ужель мы всё будем бездомны, и босы, и сиры,
И вновь не воскреснем под звуки иудиной лиры?
Забитое племя! В изгнаньи кочуешь поныне,
Бесславно, в позорных цепях пресмыкаясь в чужбине,
У зверя есть норы, есть теплые гнезда у птицы,
А бедным евреям раскрыты одни лишь гробницы.

⟨1863⟩

ТОМАС ГУД

281
ПЕСНЯ О РУБАШКЕ

В лохмотьях нищенских, измучена работой,
С глазами красными, опухшими без сна,
Склонясь сидит швея и все поет она,
И песня та звучит болезненною нотой.
Поет и шьет, поет и шьет,
Поет и шьет она, спины не разгибая,
Рукой усталою едва держа иглу,
В грязи и холоде, в сыром своем углу
Поет и шьет она, спины не разгибая:

«Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока петух вдали кричать не станет;
Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока хор звезд сквозь крышу не проглянет.
О, лучше б быть рабой у турков мне
И от работы тяжкой задохнуться:
Ведь в их нехристианской стороне
Язычники о душах не пекутся!..

Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока твой мозг больной не станет расплываться;
Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока глаза твои совсем не помутятся.
Переходи от ластовицы к шву...
Швы, складки, пуговки и строчки...
Работу сон сменил, но словно наяву
Я и в тревожном сне все вижу шов сорочки.

О, вы, которых жизнь тепла так и легка,
Вы, грязной нищеты не ведавшие люди —
Вы не бельем прикрыли ваши груди,
Нет, не бельем, но жизнью бедняка.
Во тьме и холоде, чужая людям, свету,
Сиди и шей с склоненной головой...
Когда-нибудь, как и рубашку эту,
Сошью сама себе я саван гробовой.

Но для чего теперь я вспомнила о смерти?
Она ли устрашит рассудок бедный мой?
Ведь я сама похожа так, — поверьте, —
На этот призрак страшный и немой.
Да, я сама на эту смерть похожа.
Всегда голодная, ведь я едва жива...
Зачем же хлеб так дорог, правый боже,
А кровь людей повсюду дешева?

Работай, нищая, не ведая истомы,
Работай без конца! Твой труд всегда с тобой,
Твой труд вознагражден: кровать есть из соломы,
Лохмотья грязные да черствый хлеб с водой,
Прогнивший, ветхий пол и потолок с дырою,
Разбитый стул, подобие стола,
Да стены голые; казалось мне порою, —
С них даже тень моя свалиться бы могла...

Сиди и шей и спину гни,
С работы не своди взор тусклый, утомленный...
Сиди и шей и спину гни,
Как спину гнет в тюрьме преступник заключенный.
Сиди и шей, — работа нелегка, —
Работай — день, работай — ночь настанет,
Пока разбитый мозг бесчувственным не станет,
Как и моя усталая рука.

Работай в зимний день без солнечного света,
Не покидай иглы, когда настанут дни,
Дни благовонного, ликующего лета...
Сиди и шей и спину гни,
Когда на зелени появятся росинки,
И гнезда ласточки свивают у окна,
И блещут при лучах их радужные спинки,
И в угол твой врывается весна.

О, если б я могла вон там, над головою,
Увидеть небеса без темных облаков,
Увидеть пышный луг с зеленою травою,
Могла упиться запахом цветов —
И белой буквицы и розы белоснежной, —

То этот краткий час я помнила б всегда,
Узнала бы вполне я цену скорби прежней,
Узнала б, как горька бессменная нужда.
За час один, за отдых самый краткий
Неблагодарною остаться я могла ль?
Ведь мне, истерзанной холодной лихорадкой
Понятна лишь одна безмолвная печаль.
Рыданье, говорят, нам сердце облегчает,
Но будьте сухи вы, усталые глаза,
Не проливайте слез: работе помешает
Мной каждая пролитая слеза. . .»

В лохмотьях нищенских, измучена работой,
С глазами красными, опухшими без сна,
Склонясь сидит швея и все поет она,
И песня та звучит болезненною нотой.
Поет и шьет, поет и шьет,
Поет и шьет она, спины не разгибая,
Рукой усталою едва держа иглу,
В грязи и холоде, в сыром своем углу
Поет и шьет она, спины не разгибая.

⟨1865⟩

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

282
МОСТ

В глубокую полночь я был на мосту
С своею тоскою всегдашней;
Над городом сонным всплывала луна
За темной церковною башней.

Луна отражалась внизу подо мной
В недвижимом водном просторе,
Как кубок червонный, который скользил
Ко дну темносинего моря.

И в эту июльскую, дивную ночь,
На западе, в дымках тумана,

Краснее луны, золотая заря
Была и тепла и румяна.

Меж двух берегов по теченью воды
Широкая тень трепетала,
С приливом морским набегала волна
И словно ту тень отгоняла.

Под тенью неслась и скользила река,
Журчала, как ласка привета,
И травы морские влекла за собой
В сиянии лунного света.

Как этот прозрачный поток водяной
Кипел под моими ногами,
Так был я охвачен потоками дум,
И очи сверкнули слезами.

Как часто, как часто в минувшие дни,
В давно невозвратные годы
В глубокую полночь я с моста глядел
На синее небо и воды.

Как часто, как часто тогда я желал,
Чтоб волны отлива морского
Меня унесли бы с собой в океан,
Подальше от мира людского.

Изнеженный жизнью, тогда я был юн,
Кровь быстро бежала по жилам,
И тяжесть, давившая сердце мое,
Казалось, была не по силам.

Теперь эта тяжесть свалилась с души,
Исчезла и канула в море,
И нынче смущают лишь только меня
Собратьев страданье и горе.

Но все же, когда я иду чрез реку
И с моста на волны взгляну я,

В уме моем прошлые думы встают,
Бессонную память волнуя.

И думаю я: сколько тысяч людей,
Которых страданье казнило
И тяжкою ношей давила печаль,
С тех пор через мост проходило.

Я вижу: проходят рядами они
То взад, то вперед предо мною,
Одни — молодые, с горячей душой,
Другие — блестя сединою.

И вечно, и вечно в полуночный час, —
Так долго, как речки журчанье,
Так долго, как в сердце живущая страсть,
Так долго, как жизни страданье, —

Луна с отраженьем в речной глубине
И тени здесь будут являться,
И станут небесным симво́лом любви
На грешной земле отражаться.

⟨1864⟩

К. ГАВЛИЧЕК

283

ТИРОЛЬСКИЕ ЭЛЕГИИ В ПЕСНЯХ К МЕСЯЦУ

I

Ах, свети, румяный месяц,
Сквозь туман и мрак;
Разве не́ люб тебе Бриксен,
Что ты хмурен так?
Не закатывайся в тучку,
Рано, красный, спать,
Я б хотел с тобой немного,
Месяц, поболтать.
Не беги; я издалёка,
Здесь чужой всем, брат;

Я не treu und bieder[1] — в Бриксен
Я *в науку* взят.

II

Я из края музыкантов;
Там-то мой тромбон,
Видишь, — всё у венских панов
Беспокоил сон.
Деловые люди, паны,
Свой храня покой,
С полицейскими карету
Выслали за мной.
Полночь. Спал я; но когда же
Третий час пошел, —
С «добрым утром» поздравляя,
Вдруг жандарм вошел.
А за ним в парадной форме
Полицейских ряд, —
Шарф на брюхе, а мундиры
Золотом горят...
«Вам поклоны шлют из Вены,
Бах целует вас,
Вы здоровы ль — знать желает
И свой шлет приказ».
Добр на тощий я желудок,
Нет игры страстям.
«Виноват я... я в рубашке...» —
Я сказал гостям.
Но мой Джек — бульдог свирепый,
Дерзкий грубиян,
К странным выходкам способен:
Он из англичан.
Лишь один параграф стали
Гости мне читать,
На жандармов — под кроватью
Начал Джек рычать.
Бросил я в него Законник,
Нет сильней угроз,
И — недаром, я догадлив:
Стал как мертвый пес.

[1] Верный и честный. — *Ред.*

III

Верный долгу гражданина
И порядку дел,
При собраньи — торопливо
Я чулки надел,
А потом прочел бумагу.
Вот она — со мной;
Если слог казенный знаешь,
Прочитай, родной.
Бах, как доктор, пишет: вреден
Будто воздух мне
Нашей Чехии, что лучше
Жить в другой стране;
Будто в Чехии мне душно,
И туман и смрад,
Что мое теперь здоровье
Он поправить рад.
И за тем за мной карету
Он с поклоном шлет,
Что могу я в путь пуститься
На казенный счет;
А жандармам дал приказ он
Убедить меня,
Если, в скромности, пред ними
Заупрямлюсь я.

IV

Каюсь! глупая привычка!
Нужно же сказать:
Не могу с штыком жандарму
В просьбе отказать.
Торопил меня Дедера
Ехать, чтоб за мной,
Пробудившись, не бежал бы
Целый Брод толпой.
И просил Дедера — чтобы
Сабли не брал я,
Что они оружье взяли
Охранять меня;

А пока меж чехов едем —
Был я нем и глух,
Чтоб по Чехии тревожный
Не пронесся слух.
Мне советов пан Дедера
Много мудрых дал,
И, как Баха пациент, я
Кротко им внимал.
И манил меня Дедера,
Как сирена звал,
Я ж меж тем штаны с жилетом,
Шубу надевал.
У крыльца жандармы, кони
Сбруею гремят...
Братцы! две еще минуты —
И я ехать рад.

V

Месяц красный! Ты недаром
Светишь с высоты!
Силу женских ласк горячих
Знаешь, верно, ты.
Ты не раз, мой красный месяц,
В полуночный час
Серебрил слезу разлуки
На ресницах глаз.
Мать, жена и дочь Зденчинка!
Помню их испуг,
Слезы тихие и трепет
Задрожавших рук.
И хоть был солдат я старый,
Поседел в бою, —
Слезы очи затемняли,
Рвали грудь мою.
Я надвинул *подебрадку*
Глубже на глаза,
Чтоб не тешила жандармов
Ни одна слеза.
У моих дверей стоял их
Неподвижный строй
Декорацией зловещей
Сцены грустной той.

VI

Рог трубит, бегут колеса;
Мы в Иглаве. В ряд
За каретою жандармы
С грохотом спешат.
Вот на горке церковь божья;
Золоченый крест
Грустно смотрит, провожая
Из родимых мест —
Будто молвит: «Ты ли это?
Помню твой расцвет,
Как учил тебя викарий,
И согбен и сед;
Как ты вырос и светильник
Правды в руки взял,
И в краю родном дорогу
Братьям освещал.
Видишь, как промчались годы,
Ровно тридцать лет...
Но... зачем жандармы скачут
За тобою вслед?»

VII

Проезжая чрез Иглаву,
Я все думал о Шпильберге,
А за Линцем, право, Куфштейн
В голове моей был только.
Но когда Куфштейн остался
Назади нас, — тут уж Альпы,
Мне казалось, веселее
И приветнее глядели.
Но глупей езды нет в свете,
Если сам не знаешь — скоро ль
Будет пристань. Рог возницы
Тут плохое развлеченье.
То — путь стал за перепряжкой,
То — за смазкой оси. В Вене
Лучше б было перепрячь им
И колеса с осью смазать!
Благо — есть хоть телеграфы.

Вот так выдумка! Повсюду
Впереди они разносят
Очень точно приказанья:
Чтоб полиция, мать наша
Вездесущая, могла бы,
Нас повсюду ожидая,
Нагревать теплей камины.
Не забуду я Будейвиц —
Там услужливый Дедера
Предложил мне на дорогу
Три мельницкого бутылки.
То — движенье патриота...
Или, может быть, он думал,
Что в парах вина, как в Лете,
Схороню я память чеха.
Но мельницкое я выпил,
Пил вино я итальянцев,
Но в вине и в том и в этом
Хмель один бурливый бродит.

VIII

Ну, мой месяц! Не могу я
Больше петь элегий. Тоном
Героическим хочу я
Воспевать свой путь дальнейший.
Знаешь тракт от Рейхенгалля
До Вайдринга? Тракт чертовский!
Конституцию удобней
Перестроить можно — верь мне!
Скалы голые громадней
Лучшей глупости народов,
Тут же пропасти бездонны,
Как расход на войско. Темно...
Ночь мрачней католицизма...
Мы с горы, как вихрь, несемся.
«Стой, держи!» — кричит Дедера.
Глядь на козлы — пусты козлы.
Свищет ветр, карета мчится,
Словно дьявол наш возница,
Почтальон же где-то сзади
Зажигает трут для трубки.

Спуск с горы — отвесней башни...
Вниз летим мы... Дух занялся...
Что ни шаг — то словно пропасть
Съесть гостей незваных хочет.
Ах, я славные минуты
Испытал, и с наслажденьем
Наблюдал я, как тряслася
Вся полиция от страха.
Вспомнил я (Завет же Ветхий
Я читал), как был Иона,
Для смиренья грозной бури,
С корабля отправлен в воду.
«Бросим жеребий, — сказал я: —
Есть меж нас великий грешник,
Пусть он выскочит — и все мы
От погибели спасемся».
Лишь сказал я полицейским,
Как они, не тратя время
В покаянье, — дверцы настежь —
И марш-марш все из кареты.
Ах, ты свет, свет наизнанку!
Стража, в шарфах, вверх ногами
Поскакала, а преступник
В экипаже едет важно.
Ах, вы дряблые австрийцы!
На шнурке вести народы
Вы хотите, а за вожжи
Лошадей сдержать не в силах!..
Так, во мраке, без возницы,
Без вожжей и без жандармов,
Только с бездной под ногами,
Я до Альп летел, как ветер.
Мчались кони. Мне ли было
Им не вверить долю чеха?
Гражданин ведь я австрийский,
Что ж могло случиться хуже!
Так, с холодной головою
И с дымящейся сигарой,
С быстротою русской почты
Я на станцию приехал.
Там, как честный я преступник,
Сел за ужин, — и уж поздно

Приплелась за мною стража
С перебитыми носами.
Спал я славно, но жандармам
Эта ночь была плохая:
Их спина совсем не гнулась —
Ведь ужасней нет несчастья!
Тут конец и эпопеи.
В ней всё правда. Кто не верит —
Может справиться в Вайдринге
У почтмейстера Дальрупа.

IX

Так приехали мы в Бриксен,
    В Бриксене и стали;
Обо мне Дедере тотчас
    Там расписку дали.
И уехал он с бумагой,
    Выданной властями,
А меня орел австрийский
    Давит здесь когтями.
Так раскрылась надо мною
    Вечная обитель,
Где один жандарм зловещий
    Ангел мой хранитель.

1860

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

284

СОВЕТ ВИЛЫ

(СЕРБСКАЯ ПЕСНЯ)

На горе стояла рано утром Вила,
Облакам румяным Вила говорила:

«Вы куда летите и где были прежде?
Что с собой несете в пурпурной одежде?»

— «Мы в стране индейской были-побывали,
Где под жарким солнцем холода не знали,

Где благоуханья вечные курятся,
Где в земле алмазы царские родятся,

Где, волной целуем, взорам недоступный,
Под песком таится в море жемчуг крупный.

Индию покинув, мы несем оттуда
Людям три подарка дорогих, три чуда.

Первый дар — сердечко просто золотое,
Хоть и ярко блещет золото литое;

Дар второй — корона: нестерпим для глаза
На короне этой дивный блеск алмаза;

Третий дар — колечко, — дорогой, заветный,
На кольце играет жемчуг самоцветный.

Первый дар — сердечко золотое наше
Отдадим мы деве, что всех в мире краше.

Дар второй — корону, — им, как королеву,
Княжеского рода мы украсим деву,

А колечко с перлом — нам отдать желанней
Той, кого скромнее нет и постоянней».

На горе, обвита утренним туманом,
Отвечала Вила облакам румяным:

«Первый дар гречанке вы отдайте: девы
Краше не найдете по свету нигде вы;

Дар второй снесите стройной франкистанке:
Знатны они родом, стройны по осанке, —

А кольцо — славянке... Верьте слову Вилы:
Коль славянка любит — любит до могилы».
⟨*1877*⟩

285

ВЫБОР НЕВЕСТЫ

(БОЛГАРСКАЯ ПЕСНЯ)

«Матушка родная, нынче утром рано
Звали, умоляли твоего Стояна,

Чуть не со слезами даже, три девицы,
Три невесты-крали, с виду три сестрицы.

Первая — волошка, женихов приманка,
Средняя — гречанка, гордая осанка,

А болгарка третья: что твоя сметана –
Белая и, словно маков цвет, румяна.

Первая взмолилась предо мной волошка.
Поводя глазами, ластилась, как кошка:

«У моей родимой ты меня посватай,
И за мной приданым мой отец богатый

Даст быков три сотни круторогих, сильных,
Да коров семь сотен, молоком обильных,

Да баранов крымских тысячи четыре,
С бойнею в Стамбуле, и ты будешь в мире

Точно сыр кататься в масле, а в Царьграде,
На базаре люди, угожденья ради,

Станут все с поклоном пред тобой толпиться. . .
Только бы на мне ты пожелал жениться. . .»

А гречанка молвит: «Милый мой, любимый!
Ты меня посватай у моей родимой

И за мной получишь к свадьбе, мой хороший,
С шемаханским шелком сотню карагроший,

Да червонцев желтых тысячу приданым
Ты возьмешь за мною, милый, чистоганом,

Будешь ты доволен собственной судьбою
И, ходжей, хаджинок понабрав с собою,

Сходишь ты господню гробу поклониться...
Только бы на мне ты пожелал жениться...»

А за ней болгарка молвила, краснея:
«Ты меня посватай... Пусть я их беднее,

Но зато, как солнце вешнее, румяна
И красивей будет всех жена Стояна.

Нет за мной богатства, золота... так что же?
Но зато стройна я и лицом пригожа...

Как пойдем мы лесом по тропинке горной,
Поведу своею только бровью черной —

Дерево сухое распускаться станет,
Если же покрыто зеленью — завянет.

А как вступим в церковь — потерявши разум,
Люди, мной любуясь, онемеют разом,

Лишь в груди сердца их станут громко биться...
Только бы на мне ты пожелал жениться...»

—

— «Слушай, — мать-старуха отвечала сыну: —
О, Стоян мой милый, — как умом раскину,

Вижу, что болгарке быть твоей женою,
Быть твоей женою, дочкой мне родною.

Коль ее увидят рядом со Стояном,
Люди и не спросят даже о приданом;

А когда с невестой юной и пригожей
В праздничном наряде вступишь в храм ты божий,

Обступивши кру́гом дивную невесту,
Прирастут все люди от восторга к месту,

Станут любоваться и не наглядеться;
А когда ты будешь с милою венчаться,

Ахая, воскликнут старики и дети:
Краше не видали мы невесты в свете».
⟨1877⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сб. «Перепевы»,[1] с. 18. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 410. Пародия на стих. В. Г. Бенедиктова «К отечеству и врагам его» («Библиотека для чтения», 1855, № 8, с. 119—123), написанное в разгар осады Севастополя. Обличая англичан и французов, Бенедиктов воспевает не только русский народ и русскую природу, но и вообще Россию того времени:

...Я люблю тебя во всем:
В снеговой твоей природе,
В православном алтаре,
В нашем доблестном народе,
В нашем батюшке-царе и т. д.

Тема пародии подсказана самим Бенедиктовым: дальше в перечислении идет строка «В русской барыне широкой». За несколько лет до пародии Минаева стихотворение Бенедиктова было высмеяно Некрасовым. Процитировав его, Некрасов к длинному перечислению, следующему за строкой «Я люблю тебя во всем», прибавляет:

«В пирогах, в ухе стерляжьей,
В щах, в гусином потрохе,
В няне, в тыковнике, в каше
И в бараньей требухе.

Последних четырех строк нет у г. Бенедиктова. Мы их сочинили, увлекшись примером поэта» («Заметки о журналах» — «Современник», 1855, № 10, с. 166). И Некрасов дает уничтожающую характеристику «патриотизма» Бенедиктова, выражающегося в привязанности к бытовым мелочам и не имеющего ничего общего с подлинным патриотизмом человека, органически связанного с народом и борющегося за народные интересы. *Феваль* — см. примеч. 258.

2. Сб. «Перепевы», с. 19. Пародия на «Еврейские песни» Л. А. Мея, в первую очередь на стих. «Поцелуй же меня, выпей душу до дна».

3. Сб. «Перепевы», с. 32—33. Пародия на стих. Н. Ф. Щербины «Мир» и отчасти на «Утро в горах Фокиды».

4. «Искра», 1860, № 15, с. 157—158, подпись: Обличительный поэт. Стихотворение направлено против В. И. Аскоченского (1813—1879) — реакционного писателя и публициста, редактора еженедельного журнала «Домашняя беседа». В «Домашней беседе» преследовались малейшие проявления освободительных идей и вся светская культура — все значительные произведения искусства и достижения науки — во имя «православия, самодержавия и народности». Мрако-

[1] Полные библиографические данные о книгах Минаева см. на с. 465—466.

бесие «Домашней беседы» носило подчас анекдотический характер и являлось всеобщим посмешищем. *К мукам вечным Абирона и Дафона.* Согласно библейскому преданию, Абирон и Дафон, взбунтовавшиеся против Моисея и Аарона, были поглощены за это землей. *Ксенофонт* — Кс. А. Полевой (1801—1867), в молодости радикальный критик и журналист, перешедший затем в лагерь реакции и ставший постоянным сотрудником «Северной пчелы» Булгарина. *Фаддей* — Ф. В. Булгарин. — «Перепев» стихотворения А. Н. Майкова «Приговор» («На соборе на Констанцском») [1]

5. «Искра», 1860, № 19, с. 197, подпись: Обличительный поэт. В марте 1860 г., после появления «Накануне», состоялся третейский суд между Тургеневым и Гончаровым. Гончаров, познакомивший Тургенева с планом своего романа «Художник» («Обрыв»), увидел в «Дворянском гнезде» и «Накануне» частичное осуществление собственного замысла и обвинял их автора в плагиате. Обвинения болезненно подозрительного Гончарова были, разумеется, неосновательны. Третейский суд пришел к заключению, что «произведения Тургенева и Гончарова, как возникшие на одной и той же русской почве, должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях» (П. В. Анненков, «Литературные воспоминания», СПб., 1909, с. 521). *У меня — Елена имя, у него — Елена тоже.* Героиня «Обрыва» Вера первоначально называлась Еленой. То же имя носит героиня «Накануне». *Роль купца играть немую...* Намек на состоявшийся в апреле 1860 г. спектакль в пользу Литературного фонда с участием ряда крупных писателей. Был поставлен «Ревизор». Тургенев играл одного из купцов. *На казенный счет поедешь...* Намек на факт биографии Гончарова. Еще в 1852—1854 гг. он принял участие в экспедиции адмирала Путятина в Японию. Литературным результатом этого путешествия явился «Фрегат Паллада» (1858). — Гончаров очень добродушно отозвался о «Парнасском приговоре» в письме к С. А. Никитенко (Л. Утевский, «Жизнь Гончарова», М., 1931, с. 135).

6. «Искра», 1860, № 20, с. 214—215, в цикле «Перепевы», подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 156—158. *«Аммалат-бек»* — повесть А. Марлинского, пользовавшаяся огромной популярностью в 1830-х годах. *Кайданов И. К.* (1782—1843) — автор учебников по истории, написанных в монархическом духе и принятых в учебных заведениях первой половины XIX века. *А князь Рюрик не мнил...* Намек на незадолго до этого — в марте 1860 г. — состоявшийся диспут о происхождении Руси

[1] Термин „перепев" употреблен и здесь и в других местах, разумеется, не в обычном смысле, т. е. не в смысле подражания, а для отличия от пародии. Пародия всегда связана с дискредитацией поэтической системы пародируемого писателя или идейного смысла данного произведения. В „перепеве" могут быть иногда элементы пародии, но основная его направленность иная. Широко известная сюжетная схема, ритмико-синтаксическая структура стихотворения, слегка измененная словесная формула прилагаются к высмеиваемому в сатире материалу, и неожиданность такого применения создает комический эффект. Непременным условием комического эффекта является широкая известность этого источника. Однако смех направлен не против литературного источника „перепева", а против объекта сатиры. Таким образом „Грозный акт" — не пародия на „Приговор" Майкова, а сатира на Аскоченского, „Праздная суета" высмеивает не Д. Давыдова, а Вяземского и Соллогуба, и т. д. В сатирической поэзии 1860-х годов „перепевы" — очень распространенное явление.

между историками Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным, из которых первый защищал литовскую, а второй норманскую гипотезу. *Юм* — американский медиум, приезжавший в Россию в конце 1850-х годов. *Акций бурный поток...* В 1850—1860-е годы в России возникло большое количество акционерных обществ; в них процветали растраты и нечистые дела; все это нередко приводило к банкротству обществ и разорению рядовых акционеров. *Новый Нестор* — Н. В. Кукольник (1809—1868) — драматург, беллетрист и поэт, представитель реакционного крыла русского романтизма 1830-х годов; имел шумный, но непродолжительный успех. *Глинка Ф. Н.* (1786—1880) — поэт; в молодости — декабрист, один из вождей Союза благоденствия, впоследствии — мистик и реакционер. Глинке принадлежит ряд переложений псалмов, вошедших в его сборник «Опыты священной поэзии» (1826). Известна язвительная эпиграмма Пушкина на псалмы Глинки: «Наш друг Фита, кутейник в эполетах». *Зимний ветер не знал...* На стих. К. К. Случевского «Ходит ветер избочась Вдоль Невы широкой...» («Современник», 1860, № 1, с. 336) Минаев написал также специальную пародию «Подбоченясь ходит месяц» (см. стр. 18). *Греч Н. И.* (1787—1867) — официозный журналист и беллетрист, соратник Булгарина, редактировал вместе с ним «Северную пчелу»; автор ряда книг по русской грамматике. — «Перепев» стихотворения-песни К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева (Марлинского) «Ах, где те острова...»

7. «Искра», 1860, № 29, с. 305—307, подпись: Обличительный поэт. Второе стихотворение перепечатано без заглавия и без 24-й строки в сб. «Думы и песни» 1864 г. (с. 281—282) в цикле «Московские песни»; третье — самостоятельно, с несколькими исправлениями — в сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 173—175. Печ. по «Искре». В эти годы наиболее активными членами и руководителями Общества любителей российской словесности были славянофилы и близкие к ним литераторы. *«Дилетантизм во всех его проявлениях»* — фельетоны В. С. Курочкина, направленные против славянофилов («Искра», 1860, №№ 22 и 24, подпись: Любитель). *«Завтрашние мысли», «подоплека народная», «меч правды»* — выражения из речей председателя Общества любителей российской словесности славянофила А. С. Хомякова, произнесенных им на заседаниях Общества («Русская беседа», 1860, № 1, с. 2, 5, 25). *«Русская беседа»* — журнал славянофилов, выходивший в Москве в 1856—1860 гг. *Да лягут в ней Елагин, Селиванов.* Селиванов И. В. (1809—1882) — беллетрист, один из видных представителей так называемой «обличительной литературы» 1850—1860-х годов; в 1858—1861 гг. — сотрудник «Современника». В начале 1860 г. Селиванов предложил Обществу любителей российской словесности устроить литературное чтение для усиления средств незадолго пред тем основанного в Петербурге Литературного фонда. Предложение было отвергнуто, после чего между Селивановым и секретарем Общества, библиографом и историком литературы М. Н. Лонгиновым завязалась газетная полемика. В результате Селиванов принужден был уйти из Общества. Имя беллетриста В. Н. Елагина (1831—1863) фигурирует здесь в следующей связи. В 1858 г. Елагин напечатал в «Современнике» повесть «Откупное дело», в которой резко разоблачались злоупотребления екатеринославских властей и нравы местного общества. Повесть наделала много шума. При вступлении Селива-

нова в Общество любителей российской словесности Хомяков, приветствуя его и характеризуя обличение как «священный долг для литературы», тут же утверждал, что оно в большинстве случаев превращается у нас в клевету и сплетню. В качестве примера он привел, не называя ее, впрочем, повесть Елагина. Пародией на эту речь Хомякова является стих. В. С. Курочкина «Дилетантизм в литературе», включенное в один из его указанных выше фельетонов («Искра», 1860, № 24, с. 257—258). *Якушкин П. И.* (1820—1872) — беллетрист, собиратель народных песен и преданий; в конце 1850-х годов сотрудничал в «Русской беседе», а затем в «Современнике», «Искре» и «Отечественных записках» Некрасова. Здесь он упомянут как сотрудник «Русской беседы», фольклорист, издатель сборника «Русские песни, собранные Павлом Якушкиным», СПб., 1860. *Кирша Данилов* — предполагаемый составитель сборника исторических песен и былин, записанных в XVIII веке. *Читает романы Жорж Занда.* Имеются в виду романы Жорж Занд, проникнутые идеями эмансипации женщины и социальных преобразований в духе утопического социализма и пользовавшиеся огромной популярностью в передовых кругах русского общества 1830—1850-х годов. «Во сне» — «перепев» стих. Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана») и «Когда волнуется желтеющая нива» («Тогда смиряется в душе моей тревога» и т. д.); «Наяву» — стих. А. И. Полежаева «Провидение» («Я погибал...»); «Московская легенда XIX века» — перевода Лермонтова из Гейне «Они любили друг друга так долго и нежно...»

8. «Время», 1861, № 1, «Критическое обозрение», с. 66—67, в неподписанном фельетоне по поводу сборников переводов из Гейне, без заглавия. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 211. Пародия на русских переводчиков и подражателей Гейне, в частности на перевод Ф. Н. Берга стих. Гейне «Sterne mit den goldnen Füsschen» («Сборник стихотворений иностранных поэтов. Переводы В. Костомарова и Ф. Берга», вып. 1, М., 1860, с. 63).

9. Там же, с. 75. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 212—213. Пародия на «итальянские» драмы Нестора Кукольника (см. о нем примеч. 6), в которых ходульный романтический образ художника или поэта занимает очень существенное место. См. импровизации Веррино в пьесе «Джулио Мости» (часть 4, явл. 8). Можно отметить и некоторые текстуальные совпадения — ср., например, первую строку пародии со словами Торквато Тассо в одноименной пьесе Кукольника: «Я весь в жару, как в первый день восторга» (акт I, явл. 1).

10. Там же, с. 77—78. В сб. «Думы и песни» 1863 г. (с. 201—202) — без 12-й строки, повидимому выпавшей случайно. Пародия на стих. В. Г. Бенедиктова «Вальс». В «Бале» пародируется, кроме того, и вообще «бенедиктовщина». Отдельные детали «Бала» связаны с другими стихотворениями: «Напоминание», «Наездница» (В. Г. Бенедиктов, «Стихотворения» под ред. Л. Я. Гинзбург, Л., 1939, с. 318) и др.

11. Там же, с. 79. Пародия на стих. Н. Ф. Щербины «Пир». *Гиматий* — см. примеч. 39.

12. Там же, с. 79—80, без заглавия и 8-й строфы. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 203—204. В стихотворении есть ряд соответствий со «Школьником» Некрасова, который, повидимому, представлялся Минаеву чересчур сусальным. Та же сюжетная

схема использована для разоблачения либеральной болтовни об улучшении крестьянского быта и реформах. Некоторые детали (армяк, длинная палка и др.) являются реминисценциями из некрасовского «Власа».

13. Там же, с. 82, без заглавия. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 403. Пародия на ряд стихотворений Случевского — «Ходит ветер избочась», первые строки которого взяты в качестве эпиграфа, «Людские вздохи» («Современник», 1860, № 1) и др. Строку «Рея плавают в тумане» ср. с «Демоном» Лермонтова: «Тихо плавают в тумане Хоры стройные светил».

14. «Искра», 1861, № 14, с. 201—203, подпись: Обличительный поэт; с мелкими исправлениями и без примечаний — в сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 243—247. Печ. по «Искре». В марте 1861 г. было отпраздновано пятидесятилетие литературной деятельности П. А. Вяземского. В связи с неумеренными восторгами некоторых его почитателей и их выпадами против передовой литературы 1860-х годов это само по себе незначительное событие вызвало резкую полемику — результат обострения классовой борьбы на литературном фронте. «Праздная суета» направлена и против самого юбиляра и главным образом против его апологета, писателя В. А. Соллогуба (статья Соллогуба о юбилее напечатана в «С.-Петерб. ведомостях», 1861, № 58). Граф Чужеземцев и есть граф Соллогуб. В 1856 г. он, по поручению министра двора Адлерберга, поехал за границу для изучения постановки театрального дела в европейских столицах. Особенно долго был он в Париже, где, между прочим, поставил свою французскую комедию «La preuve d'amitié» («Доказательство дружбы»). «La nuit de st.-Sylvestre» — французский водевиль Соллогуба. *Она по-русски плохо знала* и т. д. — не вполне точная цитата из «Евгения Онегина»; у Пушкина: «и выражалася с трудом». *«История двух калош»* (1839) и *«Тарантас»* (1845) — повесть и роман Соллогуба, относящиеся к наиболее значительному периоду его литературной деятельности. *Чернышевский с Миллем.* Милль Д.-С. (1806—1873) — английский экономист, публицист и философ-позитивист. В 1860—1861 гг. в «Современнике» были напечатаны его «Основания политической экономии» в переводе и с примечаниями Чернышевского. *Пале-рояль* — парижский театр. *Ригольбош* — парижская каскадная певица и танцовщица. — Вторая половина стихотворения довольно точно передает детали празднования юбилея Вяземского в Академии наук — см. изданную анонимно брошюру П. А. Плетнева «Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя П. А. Вяземского (СПб., 1861). *«Цампа»* — опера французского композитора Герольда. *Немец-гость* — немецкий драматург и переводчик русских писателей В. Вольфсон (1820—1865), способствовавший ознакомлению немецкой читающей публики с русской литературой. *Греч* — см. примеч. 6. — «Праздная суета» — «перепев» «Современной песни» Д. Давыдова. Заглавие сатиры взято из куплетов Соллогуба, которые он спел на чествовании Вяземского в Академии наук (впервые напечатаны в статье Н. Гр<еча> в «Северной пчеле», 1861, № 55).

15. «Искра», 1861, № 19, с. 286—287. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 119—120. *У Покрова... На Сенной* — в Петербурге. *«Жизнь игрока»* — «Тридцать лет или Жизнь игрока», знаменитая мелодрама В. Дюканжа, пользовавшаяся большой популярностью на русской сцене (в переводе Р. М. Зотова). Зотов Р. М. (1795—

1871) — исторический романист и драматург 1830—1840-х годов. *Греч* — см. примеч. 6.

16. «Искра», 1861, № 21, с. 316—317, в фельетоне «Весенняя выставка лирических произведений русских поэтов (Попурри из серьезных всероссийских стихотворений)», подпись: Обличительный поэт, без заглавия, подзаголовка и эпиграфа. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 407—408. В апреле 1861 г. в «Отечественных записках» появились за подписью «Куку» (псевдоним А. Иванова) три стихотворения с эпиграфом: «Горе, горе живущим на земле!» Минаев пародирует второе из этих стихотворений «Слезы кукушки» и третье «На прощаньи». «На что же так сердита кукушка?» — иронизирует он в фельетоне. — Кто обидел ее? Куку сам высказывает причину своего похоронного плача. . .» И дальше Минаев приводит цитату из стихотворения «На прощаньи»:

Я изнывал без света и людей,
Томился жаждою желаний
И видел вкруг себя лишь гадин да червей,
Жизнь трудную, без светлых упований и т. д.

Но Минаева не удовлетворяет ответ самого поэта, и он дает другое объяснение его тоски в своей пародии. Эпиграф — из стих. Пушкина «Соловей и кукушка», направленного против «унылой» элегической поэзии; только Минаев заменил строчную букву прописной в слове «куку», тем самым превратив его в имя собственное.

17. «Русское слово», 1861, № 6, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 64—65, без заглавия. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 170—171.

18. «Русское слово», 1861, № 7, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 20—21. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с 209—210. Пародия на «роман в стихах» Я. П. Полонского «Свежее предание» (см. гл. III). «Свежее предание» печаталось во «Времени» Достоевского в 1861 — 1862 гг., но осталось незаконченным. *Излер* — владелец петербургского кафешантана «Минеральные воды». *При звездах и при луне* — реминисценция из «Полтавы» Пушкина.

19. «Русское слово», 1861, № 8, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 2—4. «Эти тени, — писал Минаев, — не призраки из шекспировского «Макбета», но три нам всем знакомые издания». Стихотворение вызвано нападками органов русского либерализма «Отечественные записки», «Русский вестник» и «Русская речь» на сатирическую журналистику и поэзию. Кроме того, в нем высмеяны, повидимому, и довольно распространенные в те годы выпады против самого жанра фельетона. *Свисток идет* — т. е. очередной номер «Свистка» (сатирического отдела «Современника»), который редактировал Добролюбов.

20. «Русское слово», 1861, № 8, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 11—13. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 231 — 233. Как и предыдущее стихотворение, вызвано нападками «Русского вестника», «Отечественных записок» и «Русской речи» на сатирическую журналистику и поэзию. «Бранитесь же, господа, — писал Минаев, — негодуйте, проклинайте, но сознайтесь откровенно, что тех людей, которых вы называете шутами, гаерами, литературными турманами, — сознайтесь, что вы их боитесь, этих «балаганных плясунов». Вы очень хорошо знаете, что эти шуты для вас опасны».

Рыцарями свистопляски назвал М. П. Погодин левый лагерь русской журналистики, вызывая Н. И. Костомарова на диспут о происхождении Руси («С.-Петербургские ведомости», 1860, № 60). *Хроника в трауре... Пел хроникер* — о «Современной хронике России», которую вел в «Отечественных записках» умеренно-либеральный публицист С. С. Громека (1823—1877). *Смолк и Куку...* См. примеч. 16. *Даже погас перед статуей гласности...* Минаев, как и другие революционные поэты 1860-х годов, слово «гласность» нередко употреблял иронически, потому что, во-первых, подлинная гласность была неосуществима в царской России, во-вторых, одной гласности было недостаточно для существенных изменений социального строя, и наконец потому, что громкие фразы либералов о гласности находились нередко в резком противоречии с их практической деятельностью и журнальной борьбой против революционно-демократического лагеря. *Даже Буслаева — личность ученую...* Буслаев Ф. И. (1818—1897) — профессор Московского университета, исследователь русского языка, народной поэзии и древнерусского искусства. В № 1 «Современника» за 1861 г. появилась статья А. Н. Пыпина «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине»; Буслаев поместил в «Отечественных записках» (1861, № 4) «Ответ г. Пыпину...» Тогда в спор вмешался и Чернышевский; в «Полемических красотах» («Современник», 1861, № 7) он подверг резкой критике мифологическую теорию, сторонником которой был Буслаев, идеализацию старины в его работах и пр. *Жрец журналистики пляской скандальною...* Намек на появившуюся в «Отечественных записках» статью «Литература скандалов» (1860, № 10) и, главным образом, на редакционное послесловие к ней. В этом послесловии революционная сатира охарактеризована как сплетня и паясничество. — В «Русском слове» было еще две строфы. После 11-й шли следующие строки:

Всех отрицает: Громеку, Юркевича, —
Идолов нет ей нигде,
И с булавою Бовы-Королевича
Ходит везде.

Бова-Королевич упомянут здесь не случайно. В одной из полемических статей, направленных против «Современника», публицист «Времени» Достоевского Н. Н. Страхов писал: «Современник» часто напоминает мне какой-то сказочный, баснословный мир, в котором совершаются большие чудеса. Г. Чернышевский или другой рыцарь, как новый Бова-королевич, делает в этом мире тысячи богатырских подвигов. Он свистнет — и десятки ученых уничтожены; махнет пером — смотришь, какой-нибудь науки как не бывало, или история целого народа развеяна прахом. Но все это так кажется нам только в фантастическом мире «Современника» (Н. Ко., «Еще о петербургской литературе» — «Время», 1861, № 6, с. 153). Стихотворение заканчивалось таким четверостишием:

Дни проносилися... но до Юпитера
Путь и далек и тернист,
И не смолкал на Неве, среди Питера
Говор и свист.

Юпитер — М. Н. Катков.

21. «Русское слово», 1861, № 9, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 9, без заглавия и без эпиграфа. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 107—108. *Юркевич П. Д.* (1828—1874) — философ-идеалист, профессор Киевской духовной академии, а затем Московского университета, сотрудник «Русского вестника» Каткова; неоднократно выступал со злобными статьями и лекциями, направленными против материализма, в частности против Чернышевского. В своей «Заметке» (Киев, 1860, перепечатана в «Домашней беседе» Аскоченского, 1860, № 14) Юркевич утверждал, что розги пока еще «неизбежное зло», что жизнь «нуждается в основах и мотивах более энергических, нежели отвлеченные понятия науки», и только «страх божий» может избавить детей от необходимости применять к ним телесные наказания. Эпиграф не является точной цитатой.

22. «Русское слово», 1861, № 12, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 11, без заглавия и эпиграфа. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 272—273. Реакционный публицист П. Б. Бланк (1821—1886) заявил в статье «Крестьянские выборы» («День», 1861, № 4), что крестьяне нередко поступают как стадо, но их, мол, нельзя в этом обвинять, потому что «все люди суть животные и... чем менее толпа людей просвещенна, тем более подходит она к инстинктивному стремлению животных».

23. «Всемирный вестник», 1906, № 2, с. 78, под заглавием «Кумушка»; во «Всемирном вестнике» в обоих случаях — «Не вернешь, Кондратьевна». Печ. по корректуре «Искры», для которой предназначалось. На корректуре следующая надпись П. А. Ефремова: «Было дозволено Ф. Ф. Веселаго для «Искры», но накануне выхода он явился в типогр<афию> д<епартамента> уделов (в этой типографии печаталась «Искра». — *И. Я.)* и заставил исключить, приняв перепечатку на свой счет» (Библиотека Пушкинского дома Академии наук). См. отзвук этого эпизода в дневнике В. Ф. Одоевского, запись от октября 1861 г. — «Литературное наследство» № 22—24 (1935), с. 139. Стихотворение является откликом на студенческие волнения в Петербурге осенью 1861 г. Оно построено на каламбурах. За словами «лупят под лопатку ли» скрывается «лупят подло Паткули», за словами «гнать, и гнать, и гнать его» — «гнать и гнать Игнатьева». А. В. Паткуль — петербургский обер-полицмейстер (1860—1862); П. Н. Игнатьев — петербургский военный губернатор (1854—1861). Они оба «прославились» как усмирители студенчества. На аналогичной игре слов «Паткуль — под куль» построена карикатура в № 15 «Искры» за 1862 г., вызвавшая недовольство шефа жандармов кн. Долгорукова (В. Е. Рудаков, «Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения» — «Исторический вестник», 1911, № 9, с. 974). По словам Н. А. Лейкина, использованный в «Кумушках» каламбур, связанный с фамилией Игнатьева, принадлежит П. А. Каратыгину («Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке», СПб., 1907, с. 157); рифма «Игнатьева — и гнать его» имеется в эпиграмме С. А. Соболевского на Г. Н. Геннади («Эпиграммы и сатиры», М., 1912, с. 18).

24. «Гудок», 1862, № 1, с. 2. *Милютины лавки* — роскошные гастрономические магазины в Петербурге.

25. «Гудок», 1862, № 1, с. 7, подпись: Гудошник. Насмешка над рабским подражанием поэтам 1820—1830-х годов. Третья и четвертая строки каждого четверостишия — цитата: из «Евгения Онегина»

Пушкина, «Паруса», «Ветки Палестины» и «Демона» Лермонтова, опять из «Евгения Онегина» и из «Горя от ума» Грибоедова.

26. «Русское слово», 1862, № 2, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 20—21, с еще двумя строфами: после 4-й и после 5-й. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 162—163. В первых двух строках предпоследней строфы вероятна реминисценция из стих. Л. Кондратовича (Вл. Сырокомли) «Кукла» в переводе Л. Мея, который, однако, был напечатан лишь в 1864 г. В последней строфе — реминисценция из стихотворения Фета «Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом». *Тон настоящий мове*—от франц. mauvais ton, дурной тон.

27. «Искра», 1862, № 15, с. 217—218, в фельетоне «Отцы или дети? (Опыт художественной критики)», подпись: Обличительный поэт, без заглавия и подзаголовка. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 211—213. Фельетон вызвал недовольство шефа жандармов кн. Долгорукова — см. статью В. Е. Рудакова «Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения» («Исторический вестник», 1911, № 9, с. 974). — Как и многие другие представители радикальной критики тех лет, Минаев считал, что Тургенев в «Отцах и детях» исказил образ демократа 1860-х годов, и что все его симпатии на стороне «отцов». Стихотворению предшествовали в фельетоне иронические слова о большой заслуге Тургенева, разрешившего проблему отцов и детей: «Новым романом старая загадка решена, и мы знаем теперь, на чью голову возложить лавры. «Отцы»! преклонитесь же перед художником и вместе со мной пропойте следующую благодарственную оду». *Кто устоит в неравном споре?* — строка из «Клеветникам России» Пушкина. *Кто лучших правил? Кто уважать себя заставил?* Ср. начало «Евгения Онегина»: «Мой дядя самых честных правил... Он уважать себя заставил». *Брюлевская терраса* — в Дрездене; в последней главе «Отцов и детей» говорится, что Павел Петрович Кирсанов поселился в Дрездене и ежедневно гулял на Брюлевской террасе. *«Норма»* — опера итальянского композитора Беллини. *Он отрицает и...* Ср. следующее место из той главы «Отцов и детей», где описывается спор Павла Петровича с Базаровым: «— Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным, — промолвил Базаров. — В теперешнее время полезнее всего отрицание — мы отрицаем. — Все? — Все. — Как? не только искусство, поэзию, но и... страшно вымолвить... — Все, — с невыразимым спокойствием повторил Базаров». *Гостеприимства прав не зная...* В журнальном тексте «Отцов и детей» 24-я глава кончалась словами: «Ему <Базарову> и в голову не пришло, что он в этом самом доме нарушил все правила гостеприимства». Слова эти были вставлены Катковым или под нажимом Каткова и впоследствии исключены Тургеневым. *Тогенбург* — герой баллады Шиллера «Рыцарь Тогенбург», воплощение идеальной романтической любви. «Базаров... не однажды выражал свое удивление, почему не посадили в желтый дом Тогенбурга со всеми миннезингерами и трубадурами». — Построение строфы и система рифмовки заимствованы из «Бородина» Лермонтова.

28. «Искра», 1862, № 15, с. 218, в том же фельетоне, без заглавия. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 117—118. Как и предыдущее стихотворение, направлено против «Отцов и детей» Тургенева. *Якшаться с студентами.* Ср. последнюю главу «Отцов и детей», где говорится, что Кукшина «попрежнему якшается с студентами». *В Думе на лекциях.* Публичные лекции в здании Городской

Думы возникли в начале 1862 г., когда Петербургский университет в связи с студенческими волнениями был закрыт. Они должны были, с одной стороны, поддержать внутреннюю связь между студентами и материально помочь наиболее нуждающимся, а с другой — в какой-то степени заменить университетские курсы. После высылки в Ветлугу в марте 1862 г. историка П. В. Павлова за произнесенную им на литературном чтении, устроенном Литературным фондом, речь о тысячелетии России лекции были демонстративно прекращены. — «Просьба» — «перепев» «Молитвы» Лермонтова («Я, матерь божия, ныне с молитвою. . .»). Строка «Вечно нарядные, вечно свободные» — «перепев» строки «Вечно холодные, вечно свободные» из стих. Лермонтова «Тучи».

29. «Искра», 1862, № 16, с. 230—232, подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 159—161. Написано в связи с происходившими в это время в Петербурге совещаниями по вопросу об упрощении русской орфографии. *Паульсон И. И.* (1825—1895) — педагог, издатель-редактор журнала «Учитель»; он председательствовал на нескольких совещаниях. *Кодинский (Кадинский) К. М.* — один из участников совещаний, автор брошюр «Упрощение русской грамматики» (1842), «Преобразование и упрощение русского правописания» (1857), в которых ратовал за замену русского шрифта латинским; в 1862 г. он возобновил свое предложение, но ни в ком не встретил сочувствия. *Греч* — см. примеч. 6. Замысел стихотворения возник, повидимому, под влиянием фельетона К. Су—ва «Ортографическая распря» («Время», 1862, № 3), где совещания также изображались в виде суда; в нем говорится о «процессе здешних грамотеев с русской орфографией», мелькают слова «обвинительный акт», «преступница», «допрос». Одновременно с «Педагогическим приговором» появился очередной фельетон Минаева «Дневник Темного человека», несколько страниц которого посвящено той же теме («Русское слово», 1862, № 4, с. 10—16).

30. «Искра», 1862, № 21, с. 300—301, подпись: Обличительный поэт; в сб. «Думы и песни» 1864 г. (с. 218—220) напечатано без примечания. Печ. по «Искре». *Орфографические митинги* — см. примеч. 29. *Свежее предание* — см. примеч. 18. *Аксаков К. С.* (1817—1860) — поэт, критик, филолог, публицист; один из основоположников славянофильства. *«Маяк»* — журнал, выходивший в 1841 — 1845 гг. под редакцией мракобеса С. Бурачка; проповедовал ненависть к западному просвещению, объявлял греховной поэзию Пушкина и т. д. *«Москвитянин»* — журнал, выходивший в 1841 — 1856 гг. под редакцией М. П. Погодина, орган «официальной народности». *Погодин М. П.* (1800—1875) — реакционный историк и журналист; развивал взгляд на историю как на «охранительницу и блюстительницу общественного спокойствия»; резко враждебно относился к западникам. *«Русская беседа»* — журнал славянофилов, выходивший в 1856—1860 гг. Минаев говорит, что идеи «Маяка» и «Москвитянина» возродились в «Русской беседе». *За честь «народной подоплеки».* Выражение «народная подоплека» принадлежит А. С. Хомякову («Русская беседа», 1860, № 1, с. 2). *Чадил, кого-то примиряя.* В программе журнала «Светоч» (1860—1862), в котором Минаев сотрудничал некоторое время, говорилось о необходимости примирения западничества и славянофильства. *Аксаков И. С.* (1823—1886) — публицист и поэт, редактор ряда славянофильских изданий. *Самарин Ю. Ф.* (1819—1876) — публицист и общественный дея-

тель славянофильского лагеря. *«День»* — славянофильская газета, выходившая в 1861—1865 гг. — «Последние славянофилы» — «перепев» «Последних язычников» А. Н. Майкова.

31. «Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 году», т. 2, СПб., 1862, с. 170—171; с исправл. — «Русское слово», 1863, № 9, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 4—5. Печ. по сб. «В сумерках», с. 23—24. Написано в связи с приездом в Петербург летом 1862 г. японского посольства, посетившего перед этим Париж, Лондон и другие европейские столицы. Газеты были наполнены сообщениями о приеме посольства во дворце, у министра иностранных дел, о том, как японцам показывали достопримечательности Петербурга и т. п. В «Русском слове» Минаев предпослал стихотворению воспоминание о том времени, когда каждое слово, порицающее взяточничество, считалось признаком прогресса. «Прогрессистов явилась тьма тьмущая, потому что быть прогрессистом в тот лирический период было вовсе не трудно. Вы смеетесь над Аскоченским, вы порицаете откупа, — значит, вы прогрессист. Теперь пришло другое время; теперь все смеются над Аскоченским, все порицают откупа, но, увы! прогрессисты, переродившись в новейших нигилистов, сидят у многих как камень на шее... Весть о нарождении русского прогресса дошла даже до японцев, которые, желая на месте убедиться в этом случае, прислали к нам особую миссию. Одному из этих послов, по просьбе его — написать что-нибудь на память в его записную книжку, я написал следующее стихотворение...» Как указано выше, стихотворение в 1862 г. было запрещено цензурой и появилось в секретном сборнике, изданном «по распоряжению г. управляющего Министерством народного просвещения для комиссии по делам книгопечатания». Вслед за публикацией в «Русском слове» Минаев хотел включить его в сб. «Думы и песни», но этому воспрепятствовала цензура (Журнал заседания С.-Петерб. цензурного комитета от 9 октября 1863 г.).

32. «Искра», 1862, № 29, с. 388—390, в фельетоне «Сказание об обществе санктпетербургских водопроводов», подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 235—239. Работы по устройству водопровода в Петербурге начались в 1859 г. Водопровод в пределах между Большой Невой и Обводным каналом был построен частным акционерным обществом, но оказался никуда не годным. В 1862 г. на собрании акционеров Общества с.-петербургских водопроводов выяснилось, что капитал полностью истрачен, долги очень велики, а все произведенные работы необходимо переделать. Решено было обратиться за денежной помощью в Городскую думу, но это ни к чему не привело. *Палибин, Пель, Ильин, Веймарн, Окель, Овсянников, Крон* — члены правления Общества. *Дела давно минувших дней...* — цитата из «Руслана и Людмилы» Пушкина. *На берегу Невы широкой* и т. д. и ряд других мест — «перепевы» «Медного всадника». В «Двух веках» имеются также «перепевы» других произведений Пушкина: «Евгения Онегина», «Полтавы». *И даже в хронике Громека...* Речь идет о внутреннем обозрении «Современная хроника России», которое вел в «Отечественных записках» публицист С. С. Громека. *«Пчела»* («Северная пчела»), *«Почта»* («Северная почта»), *«Наше время»* — реакционные газеты этих лет. *Зарин Е. Ф.* (1829—1892) — критик и переводчик, сотрудник «Библиотеки для чтения» и «Отечественных записок» первой половины 1860-х годов, непримиримый враг революционной литера-

туры и публицистики; напечатал несколько оригинальных стихотворений, высмеянных в пародиях Минаева и другого искровца — Гнута-Ломана («Искра», 1861, № 21, с. 314, № 49, с. 732—733). *Чичерин, Скарятин* и *Краевский* — см. примеч. 127 и 39. *«Свежее предание»* — см. примеч. 18. *Жил в отдаленной нашей Вятке...* В 1859 г. вятский прокурор А. И. Сырнев заявил в письме в редакцию «Московских ведомостей» (1859, № 260), что он никогда не брал взяток и отвергал все делавшиеся ему подношения. Это и аналогичные ему публичные заявления о своей честности были неоднократно высмеяны «Искрой» и «Современником», как типичные образцы либеральной «гласности». *Как прежде, в азбуке жив ерик...* В это время оживленно обсуждался вопрос об упрощении русской орфографии — см. примеч. 29.

33. «Искра», 1862, № 38, с. 506—507, подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., 261—265. *Камбек Л. Л.* — журналист, редактор еженедельника «Петербургский вестник» (1861—1862), интересная в бытовом отношении комическая фигура — неустанный обличитель мелких нелепостей общественной жизни. В основе стихотворения лежит реальный эпизод, имевший место в сентябре 1862 г. *Аксаков* и *Погодин* — см. примеч. 30.

34. «Русское слово», 1863, № 1, в статье «Забытые уголки Парнаса, по поводу выхода в свет «В гостях и дома», стихотворений кн. Вяземского. Письма и размышления отставного майора Михаила Бурбонова», с. 64—65. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 396—397. В сб. «Здравия желаю!» (с. 141—142) напечатано без заглавия и эпиграфа. Пародия на П. А. Вяземского. Процитировав в статье его стих. «17 сентября 1850» (из цикла, посвященного кн. В. А. Голицыной), строки из которого взяты в «Думах и песнях» в качестве эпиграфа, Минаев от имени Бурбонова пишет, что оно поразило его «смелым употреблением одного из наших военных терминов». И дальше он отмечает, что приводит «эту элегию здесь в доказательство того, какое влияние имела муза князя Вяземского на развитие моего таланта». У Вяземского не «при вас и Скутари и Пера», а «при нем...»

35. «Русское слово», 1863, № 1, в той же статье, с. 66—67. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 336—337. Так, как иронически рекомендует смеяться Минаев, смеялся, по его словам, П. А. Вяземский «в лучшую пору своей деятельности». *Над ездой в телеге тряской.* Намек на стих. Вяземского «Русский бог» («бог метелей, бог ухабов, бог мучительных дорог»), «Дорожная отметка» и др.

36. «Русское слово», 1863, № 1, в той же статье, с. 85. Пародия на послания М. П. Розенгейма (см. о нем примеч. 37) к Лермонтову. Написанные в 1840—1841 гг., они впервые появились в печати в сборнике стихотворений Розенгейма 1858 г. «Г. Розенгейму, — пишет Минаев от имени Михаила Бурбонова, — пришла гениальная мысль *распечь* поэта-покойника за то отрицательное направление, которого он держался в жизни, и живой стихотворец распек мертвого самым положительным образом». Это и внушило ему, Бурбонову, мысль написать аналогичное послание к Шекспиру. *Ефремов* — содержатель танцкласса в Петербурге; танцклассы, которых очень много расплодилось в Петербурге в эти годы, являлись, кроме того, домами свиданий.

37. «Русское слово», 1863, № 1, в той же статье, с. 87—88, под заглавием «Последний дуэт». Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 146—

148. *Розенгейм М. П.* (1820—1887) — поэт и журналист либерального лагеря, неоднократно служивший мишенью для насмешек Добролюбова и «Искры». Все цитаты взяты из его стих. «Современная дума», которое полно резких нападок на радикальные и революционные круги, считающие, что «порядок вещей устарел», и стремящиеся «опрокинуть... вверх ногами общественный склад». На это стихотворение обратил в свое время внимание и Добролюбов в совершенно уничтожающей рецензии на сборник Розенгейма. «Он не любит тех, которые, указывая нам на пример других, требуют преобразований нашего общественного устройства. Нет, говорит он, не шуми... Устроено все прекрасно, но беда в том, что не во всех внедрено почтение к существующему устройству, — недвусмысленно писал Добролюбов («Современник», 1858, № 11, «Новые книги», с. 77). Любопытно, что «Современная дума» не была включена Розенгеймом в следующее издание его «Стихотворений» (1864). *По улицам невским не жги папирос...* В те горы курение на улицах было запрещено. *Если будешь журнал издавать на Руси...* С 1863 г. Розенгейм начал издавать сатирический журнал «Заноза», причем, как свидетельствуют современники, проявил большую изобретательность в рекламировании и распространении журнала.

38. «Русское слово», 1863, № 1, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 18., без заглавия и эпиграфа. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 138—139. *Павлов Н. Ф.* (1805—1864) — беллетрист, поэт, критик и публицист. Сначала принадлежал к либеральному лагерю. В 1830-х годах прославился антикрепостническими повестями, вызвавшими негодование Николая I; в 1850-х годах напечатал несколько талантливых критических и публицистических статей в тогда еще либеральном «Русском вестнике». В 1860—1863 гг. — редактор субсидировавшейся правительством реакционной газеты «Наше время». Статьи Павлова, из которой взят эпиграф, найти не удалось. В «Искре» 1871 г. (№ 18, с. 547) это «изречение» приписано С. С. Громеке.

39. «Искра», 1863, № 26, с. 355—357, подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 239—241. *Кто же враг западных фраков...* и *Кто земляков из Парижа...* О корреспонденциях известного славянофила И. С. Аксакова «Из Парижа», печатавшихся в 1863 г. в газете «День» под псевдонимом «Касьянов». В одной из них Аксаков негодовал, что русские очень быстро теряют за границей свой национальный облик. «Между тем как служители всех прочих вероисповеданий не изменяют установленного обрядом своего костюма нигде, даже в Париже, — писал он, — только русское духовенство старается изо всех сил, чтоб его не признали за духовенство! Разумеется, нет никакой важности в том, ходит ли духовенство во фраке или в рясе, — но важность великая в тех побуждениях, которые заставили его сбросить рясу для фрака...» и т. д. («День», 1863, № 12). Корреспонденции Аксакова были высмеяны также Некрасовым в стих. «Вступительное слово «Свистка» к читателям» («Современник», 1863, № 4). *Аскоченский* — см. примеч. 4. *Кто, русский эпос прославив...* О полемике между, Современником» и профессором Московского университета Ф. И. Буслаевым. См. примеч. 20. *В прессу явился, ругаясь...* В декабрьской книжке «Библиотеки для чтения» за 1861 г. был помещен под псевдонимом «Старая фельетонная кляча Никита Безрылов» фельетон А. Ф. Писемского, в котором он вы-

смеивал воскресные школы, женскую эмансипацию и т. д. Тон фельетона был неприязненный и издевательский, и Г. З. Елисеев в очередной «Хронике прогресса» («Искра, 1862, № 5, с. 71) сравнил Писемского с Аскоченским. Редактор «Русского мира» А. С. Гиероглифов пытался организовать протест литераторов против «Искры», но из этого ничего не вышло, а редакция «Современника» заявила о своей полной солидарности с ней («Искра», 1862, № 7, с. 104). *Водовозов В. И.* (1825—1886) — переводчик и педагог. *Кто же над «бомбами» века...* О статье С. С. Громеки, в основе которой лежит типичное для либералов утверждение, что революционеры своими «крайностями» лишь способствовали усилению реакции. Отмечая единодушие журналистики конца 1850-х годов, которая якобы атаковала общими силами твердыни старого мира, он писал: «Вдруг посреди атакующих и атакованных упала со свистом и шумом бомба отрицания. Первые осколки посыпались на лагерь осаждавших. Осажденные обрадовались и вздохнули свободнее... Пока в рядах осаждавших шла междоусобная перепалка, осажденные возводили укрепление за укреплением, запасали оружие и умножали свои силы» («Отечественные записки», 1863, № 3, «Современная хроника России», с. 10). Ср. также отзыв Салтыкова об этой статье — «Современник», 1863, № 5, с. 238, ст. «Наша общественная жизнь». *Глинка* — см. примеч. 6. *Вывел животных на сцену.* Модный в те годы драматург В. А. Дьяченко (1818—1876), постоянный поставщик пьес для Александринского театра, не раз был высмеян на страницах «Искры». В данном случае Минаев приписал ему, однако, «заслугу» другого драматурга — А. Соколова. В пьесе последнего «Новгородцы в Ревеле», шедшей в сезон 1861—1862 гг., действительно на сцене появлялась лошадь, что было необычно в те времена. *Дружинин А. В.* (1824—1864) — основной критик антидемократического лагеря, пропагандировавший теорию «искусства для искусства», в 1856—1860 гг. редактор журнала «Библиотека для чтения». *Вечно был скучен и длинен.* О критических статьях Дружинина. *Кто обрусил нам Шекспира.* О его переводах. Свои переводческие принципы Дружинин изложил в предисловии к переводу «Короля Лира». «Мы оставили всякое преувеличенное благоговение к букве оригинала, — писал он. — Метафоры и обороты, несовместные с духом русского языка, мы смягчали или исключали вовсе... Без страха употребляя самые простые русские слова, самые вседневные обороты языка нашего, мы задумывались над каждой запутанной фразой, над каждой метафорической подробностью, хотя бы эта фраза и эта подробность составляли неотъемлемую красоту подлинника» («Современник», 1856, № 12, с. 170). *Катков М. Н.* (1818—1887) — в молодости член кружка Белинского; с 1856 г. — редактор журнала «Русский вестник», который в первые годы своего существования был органом русского либерализма; с начала 1860-х годов Катков все более правел, а после польского восстания 1863 г. стал крупнейшим идеологом дворянской реакции; с 1863 г., кроме «Русского вестника», редактировал также газету «Московские ведомости», где сосредоточил свою публицистическую деятельность. *«Заметки»* — полемические статьи «Русского вестника», большая часть которых принадлежит Каткову. Возможно, что первая строка строфы о Каткове была вычеркнута цензурой; вернее, однако, что Минаев нарочно поставил строку точек, показывая этим, что Катков находится под по-

кровительством властей предержащих и о нем нет возможности говорить полным голосом. *Краевский А. А.* (1810—1889) — журналист-предприниматель капиталистического типа, умеренный либерал; редактор-издатель журнала «Отечественные записки» (1839—1867) и газеты «Голос» (1863—1884). *Бросил свой жезл триумвира...* В январе — мае 1863 г. реакционный журналист Г. И. Кори редактировал вместе с В. Д. Скарятиным и Н. Н. Юматовым газету «Русский листок»; с конца мая он перестал принимать в ней участие. *Молинари Г.* (1819—1912) — бельгийский политикоэконом, воинствующий буржуа и фанатический противник социализма, сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей» Каткова. *Погодин* — см. примеч. 30. *Скарятин В. Д.* — редактор газеты «Весть» (1863—1870), органа наиболее реакционных слоев поместного дворянства; до 1863 г., в пору своего относительного либерализма, — сотрудник «Отечественных записок», «Русского вестника», «С.-Петербургских ведомостей». Эта строфа связана со статьей Скарятина «О табунных и некоторых других свойствах русского человека» («Современная летопись» «Русского вестника», 1862, № 17). *Кто он, сорвавший гиматий...* Намек на «греческие стихотворения» Н. Ф. Щербины, в которых слово «гиматий» (верхняя одежда древних греков) встречается неоднократно. *Кто он, воспевший нам лозы...* О П. Д. Юркевиче; см. примеч. 21. *Бюхнеру славший угрозы.* Бюхнер Ф.-Л. (1824—1899) — немецкий философ, один из главных представителей метафизического материализма; пользовался большой популярностью в радикальных кругах 1860-х годов. Имеется в виду цикл публичных лекций П. Д. Юркевича в начале 1863 г., в которых он пытался развенчать философов-материалистов Запада и России.

40. «Искра», 1863, № 26, с. 360, в фельетоне «Летние петербургские этюды (Из записок уличного фланера)», этюд 3-й, без заглавия и подписи. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 327—328. Пародия на повесть К. Бабикова «Захолустье» («Время», 1863, № 4).

41. «Русское слово», 1863, № 7, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 22. Пародия на казенно-патриотические стихотворения (возможно, в связи с польским восстанием). В фельетоне пародии предшествуют слова о Парголовском озере, которое «имеет такое свойство: каждый, кто выкупается в нем, непременно, хоть на время сделается патриотическим поэтом». Желая убедиться в чудодейственном свойстве озера, автор запасся стихами Вяземского, Бенедиктова и Майкова и, выкупавшись, прочел огромную импровизацию; начало этой оды — «Кто сия? Она склонилась...» — сохранилось в памяти, и он его приводит. В пародии использован ряд стихотворений Бенедиктова: «Благовещение» («Кто сия? — Покров лилейный...»), «Италия», «Тост», «К... му» («Бодро выставь грудь младую...»).

42. «Русское слово», 1863, №№ 6 и 7, в фельетоне «Дневник Темного человека», без общего заглавия: I — № 7, с. 4—5, II — № 7, с. 5, III—№ 6, с. 8, IV—№ 6, с. 11—12, под заглавием «Серенада». Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 383—388, где включены в цикл; из шести стихотворений цикла печатаются четыре. «Лирические песни с гражданским отливом» направлены против статей Фета «Из деревни», напечатанных в «Русском вестнике» (1863, № 1 и 3). Фет идеализирует в них облик и быт среднепоместного дворянина и жалуется на трудности его хозяйственной жизни после реформы 1861 г., на грубость и нерадивость крестьян, на литераторов, кото-

рые, мол, не только не способствуют примирению интересов помещиков и крестьян, но, наоборот, обнаруживают явно демократические тенденции, и т. д. Характеризуя в своем фельетоне классовую природу Фета, Минаев отмечает, что «он принадлежит к особой плеяде писателей и певцов, воспевших сладость крепостного состояния в России... Его лирические песни есть ряд восторженных гимнов крепостному праву. Прежде в нем этого не подозревали и видели в нем просто объективного поэта, поющего без всякой предвзятой идеи», но новая, пореформенная эпоха «вдруг осветила деятельность таких писателей, как г. Фет, и показала нам их в настоящем свете... Маска была сорвана... Перед нами является новый Фет — Фет обиженный, Фет взволнованный, Фет оскорбленный. Он не поет уже теперь: «Шопот, робкое дыханье, трели соловья», но у него вырываются другие, мрачные песни: «Холод, грязные селенья...» Ср. аналогичную характеристику Фета-публициста в незадолго до этого появившемся обозрении Салтыкова «Наша общественная жизнь» («Современник», 1863, № 4). *Оттого что гусенята...* В главе «Гуси с гусенятами», посвященной потравам и штрафам за них, Фет рассказывает о крестьянских гусях, которых он поймал на своем поле; хотя они и не успели еще принести ему никакого вреда, Фет взыскал с их владельца штраф. *Когда табун соседних лошадей...* См. главу «Новое положение о потравах и загнанные лошади». *Оправдывал работника Семена...* В главе «Равенство перед законом» Фет пишет о трудностях, возникающих при пользовании вольнонаемным трудом. Он утверждает, что интересы помещиков в меньшей степени ограждены законом, чем интересы батраков, и в доказательство рассказывает о нерадивом работнике Семене, которого он принужден был уволить и с которого еле удалось взыскать обратно одиннадцатирублевый задаток. Являясь сатирами на статьи Фета, «лирические песни» пародируют в то же время отдельные его стихотворения: I — стих. «Ива» («Сядем здесь, у этой ивы»), II — «Когда мои мечты за гранью прошлых дней», III — «Шопот. Робкое дыханье», IV — «Серенада» («Тихо вечер догорает...»).

43. «Русское слово», 1863, № 9, в статье о двухтомном издании «Стихотворений» Фета 1863 г. — «Лирическое худосочие (Письма и размышления российского сочинителя, критика и стихотворца, отставного майора Михаила Бурбонова)», с. 29—31, без общего заглавия, как стихи некоего юнкера Звонкобрюхова. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 390—391, где включены в цикл; из пяти стихотворений цикла печатаются три. «Муза г. Фета, — писал Минаев в «Русском слове», — задалась грациозной работой подбирать звучные, мелодические слова, которые, будучи подобраны вместе, производят эффект своей музыкальностью. Весь процесс ее творчества состоит в том, что она ловит картинные выражения и из них лепит одну общую мозаику, вовсе не беспокоясь о том, будет ли смысл в целом произведении. Попробуйте составить вместе ряд музыкальных слов, и хотя бы между ними не было никакой связи, но все-таки их музыкальность приятно будет дразнить наше ухо». Общим заданием цикла и является развенчание этих «звучных мелодических слов». Отдельные «лирические песни» пародируют, кроме того, следующие стихотворения Фета: I — «Не отходи от меня», II — «Жди ясного на завтра дня» и «Ты говоришь мне: прости» (последние две строки пародии), III — «Тихая, звездная ночь»,

44. «Русское слово», 1863, № 9, в той же статье, с. 24. Пародия на одно из программных стихотворений Фета «Как мошки зарею...»

45. «Русское слово», 1863, № 9, в той же статье, с. 33. В этой пародии на Фета использованы детали целого ряда его стихотворений: «Чудная картина...», «Знакомке с юга», «Георгины», «У камина», «Грезы», «Певице».

46. «Искра», 1863, № 44, с. 645, в фельетоне «Из записной книжки отставного майора Михаила Бурбонова». Эта пародия представляет собой стих. Фета «Уснуло озеро. Безмолвен черный лес...», напечатанное снизу вверх. «Положа руку на сердце, — пишет Минаев, — можно сказать, стихотворение даже выигрывает при последнем способе чтения, причем описываемая картина выражается последовательнее и художественнее. Кто же упрекнет меня теперь, что я не сочувствую высоким способностям г. Фета?» То же самое проделал Минаев и со стих. «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» («Русское слово», 1863, № 9, с. 36). Пародируя поэтическую систему Фета, Минаев подметил одну ее существенную особенность. Над рядом его стихотворений можно произвести эту операцию без полного разрушения производимого ими поэтического эффекта, поскольку в них часто нет никакого сюжетного движения, а отдельные статические мотивы замкнуты в пределах строки. За тридцать лет до Минаева Ник. Полевой сделал то же самое с посвящением «Евгения Онегина» («Новый живописец общества и литературы», ч. 4, М., 1832, с. 195), но получилась совершенная бессмыслица, потому что пушкинские стихи совершенно не допускают такой перестановки.

47. «Искра», 1864, № 8, с. 139—140, под заглавием: «Рекреационные часы. I. Переводы из Гейне» и с примечанием о русских переводчиках Гейне, подпись: Михаил Бурбонов. С исправлениями и под заглавием «Опыты переводов Гейне на русский язык» — в сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 416—420. С новыми исправл. — в сб. «Здравия желаю!», с. 43—47; здесь цикл озаглавлен просто «Из Гейне», поскольку вошел вместе со стих. «Из Беранжера» в отдел «Переводов» Михаила Бурбонова. Печ. по сб. «Здравия желаю!», но с сохранением заглавия из сб. «Думы и песни». Из 16 стихотворений цикла печатаются только три. Стих. «Мне попалась в январе ты» в сб. «Не в бровь, а в глаз» (с. 553) включено в цикл «Из моего альбома». — В примечании к первой публикации цикла в «Искре» Минаев, подчеркивая смысл своих пародий, писал: «Благодаря русским перевозчикам от Парнаса, немецкий стихотворец на нашей почве получил новую, совершенно оригинальную физиономию, физиономию до того новую, что если бы немцы попробовали вновь перевести *русского* перегруженного Гейне на свой язык, то они бы не узнали в нем автора «Германии» и «Атта Троля». Чтоб вполне воссоздать и привести в ясность образ этого доморощенного Гейне, я решился предложить читателям и свои из него переводы, которые, надеюсь, достойны внимания и поощрения». — В первом стихотворении цикла использована сюжетная схема стих. Гейне «Nacht lag aut meinen Augen» из «Buch der Lieder» (поэт в могиле, он слышит стук, разговор с любимой женщиной и т. д.). В первых двух строфах этого стихотворения Минаев несомненно использовал перевод М. Л. Михайлова, отнюдь не пародируя его; об этом свидетельствуют словесные совпадения в стихотворении Минаева и переводе Михайлова, не предопределенные текстом

Гейне. *Гейне, встань, твои мотивы...* Переводы А. Н. Майкова из Гейне были впервые собраны во 2-й кн. его «Стихотворений» изд. 1858 г., где составили отдел, озаглавленный «Мотивы Гейне». *Шепчут Миллер, Берг и Фет.* Переводы Ф. Б. Миллера см. в 1-й кн. его «Стихотворений» (2-е изд., 1860 г.), Ф. Н. Берга — в книгах: «Полное собрание сочинений Г. Гейне в русском переводе, изд. под ред. Ф. Н. Берга», т. I, СПб., 1863, и «Романцеро Г. Гейне», СПб., 1864 (также «Отечеств. записки», 1864, № 3—4); Фета — во 2-й части его «Стихотворений», изд. 1863 г. *Из «Германии» страницы...* Перевод В. И. Водовозова напечатан в «Отечественных записках», 1861, № 10—12.

48. «Русское слово», 1864, № 2, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 96—99, под заглавиями «Голос из захолустья (Стихи, отданные городничему)» и «Мирный уголок». Печ. по сб. «В сумерках», с. 232—235. Говоря в фельетоне о грустном положении провинциального корреспондента и преследованиях со стороны непосредственного начальства и местных властей, Минаев следующим образом высмеивает рассуждения на эту тему В. Д. Скарятина: «Каким способом избавить корреспондента от подобных сюрпризов, а редактора избавить от ложных корреспонденций? Разрешением этого вопроса занялся г. Скарятин и решил его очень находчиво. По его мнению, каждый провинциал все свои корреспонденции должен представлять на рассмотрение местного начальства и присылать их в столицу с полицейским удостоверением в личности автора». И дальше Минаев показывает, что из этого получится. «Мирный уголок» — стихотворение, исправленное городничим и одобренное им к печати. *«Голос»* — петербургская газета умеренно-либерального направления, выходившая под редакцией А. А. Краевского в 1863—1884 гг.

49. «Русское слово», 1864, № 6, в статье «Резервные стихотворцы (Заметки и размышления отставного майора Бурбонова)», с. 30—31. В сб. «Здравия желаю!» (с. 139—140) не воспроизведен курсив. Пародия на пьесу Я. П. Полонского «Разлад. Сцены из последнего польского восстания» («Эпоха», 1864, № 4). В этой пьесе, в основе которой лежат традиционные сюжетные мотивы, польское восстание трактуется во многом довольно близко к официозной правительственной версии. Минаев от имени Бурбонова иронически приветствует Полонского, находя в нем сходство с собой. «Вся интрига драмы, — пишет он о «Разладе», — основана, с одной стороны, на исполнении долга, долга службы, а с другой — на любви к панне. Борьба между двумя этими чувствами продолжается на семи печатных листах, но наконец первое берет верх над последним... Мотив, соблазнивший теперь г. Полонского для сооружения драматической поэмы, некогда соблазнял и меня самого, и под его наитием я сочинил следующее стихотворение, которое может служить лирическим экстрактом всего «Разлада». Для понимания стилистической ткани пародии нужно иметь в виду еще одно замечание Бурбонова: «Умилила меня находчивость г. Полонского, который фронтовой военный язык уломал в ямбы своей драмы».

50. «Русское слово», 1864, № 6, в той же статье, с. 35. В сб. «Не в бровь, а в глаз» (с. 548) — под заглавием «В альбом **». Пародия на стих. М. П. Розенгейма «Не вспоминай о бурном прежде».

51. «Искра», 1864, № 26, с. 363—364, подпись: Литературное домино. Из пяти стихотворений этого цикла печатаются два. Стих. «В глухую ночь я шел Коломной» появилось с исправл. в сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 171—172, в составе другого цикла «Лирико-гражданские мотивы»; текст его печатается по этому сборнику. Пародии Минаева направлены против либеральной «обличительной» поэзии и либерального фразерства. *Пятковский А. П.* (1840—1904) — журналист и историк литературы либерального лагеря; издал незадолго до этого антологию «Гражданские мотивы. Сборник современных стихотворений», высмеянную Салтыковым на страницах «Современника» (1863, № 1—2). Отсюда и заглавие цикла Минаева. Эпиграф — «перепев» стих. Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой...» Пародии Минаева перекликаются с «Мотивами современной русской поэзии» Добролюбова.

52. «Русское слово», 1864, № 8, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 58—64. В большинстве своем эти пародии направлены не против отдельных стихотворений, а имеют собирательный характер и высмеивают те или иные стороны поэтики и идеологии пародируемого автора. *По Плещееву.* Труженик, не имеющий возможности любоваться красотами природы — мотив ряда стихотворений Плещеева, см. «Птичка», «Летние песни. II. И вот шатер твой голубой». В строках «Много бедных и голодных» и т. д. есть словесные совпадения со стих. «Блажен не ведавший труда». *По Фету.* I. Строка «До ланит взбегает кровь» восходит к двум стихотворениям Фета — «Старые письма» и «Весенние мысли». Последние две строки пародируют стих. «Ты говоришь мне: прости!» II. Пародия на стих. «Знаю я, что ты, малютка...» *По Полонскому.* Здесь использованы мотивы разных стихотворений Полонского, но в основном это пародия на его стих. «Ночь» («Отчего я люблю тебя, светлая ночь...»). *По Тютчеву.* Строку «Небеса поют и тают» ср. со стих. Тютчева «Полдень»: «Лениво тают облака». *По Майкову.* Основная часть стихотворения (о Риме) — пародия на цикл Майкова «Очерки Рима», на стих. «Древний Рим» (триумфальная арка, Колизей с гирляндой аркад), «После посещения Ватиканского музея» («как дальний пилигрим»), «Palazzo» («лениво бьет фонтан»), «Художник» («Лора») и др. Что касается строки «Яркий купол Исаака», то она связана не с Майковым, а с Тютчевым, см. его стих. «Глядел я, стоя над Невой, как Исаака-великана...» *По Бенедиктову.* В этой пародии на стихотворные приемы Бенедиктова есть и несколько конкретных деталей, взятых из его стихотворений. Так, слова «Не Европа ль» в конце строки находим в стих. «К отечеству и врагам его»; последняя строка напоминает строку из стих. «Тост»: «Мощный тянется гигант». Оба эти стихотворения не раз пародировались Минаевым.

53. «Искра», 1864, № 45, с. 581—582, подпись: Темный человек. Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 65—72, с исправл. по «Искре». *«Разлад.* Сцены из последнего польского восстания» — пьеса Я. П. Полонского («Эпоха», 1864, № 4) *В сад войдут — и ноет Фет.* См. примеч. 42. *Галахов А. Д.* (1807—1892) — историк русской литературы, профессор Московского университета, автор учебников и широко известной в свое время хрестоматии. *Розенгейм* — см. примеч. 37. *Сикофантов* — прозвище, данное «Искрой» Каткову (о нем см. примеч. 39); сикофант — доносчик, шпион, клеветник. *«Взбаламученное море»* — роман А. Ф. Писемского, *«Марево»* — роман

В. П. Клюшникова; оба напечатаны в «Русском вестнике» и принадлежат к числу так называемых «антинигилистических» романов. *Стебницкий* — псевдоним Н. С. Лескова; его «творение» — роман «Некуда», напечатанный в «Библиотеке для чтения» в 1864 г., когда ее редактировал П. Д. Боборыкин. *«Весть»* — см. примеч. 39. *Берг Ф. Н.* (1840—1909) — поэт, прозаик и переводчик; в начале 1860-х годов сотрудник «Современника», Берг скоро переметнулся в другой лагерь; впоследствии — редактор «Русского вестника» и активный деятель монархических организаций. *Всеволод* — поэт-переводчик В. Д. Костомаров (1837—1865); был связан с Третьим отделением; сыграл предательскую роль в процессе Чернышевского, изготовив подложные документы. Берг и Костомаров выпустили несколько совместных изданий: «Сборник стихотворений иностранных поэтов» (1860), «Поэты всех времен и народов» (1862), «Романцеро» Г. Гейне (1864). *«Плач новой Ярославны»* — насмешка над статьей Евгении Тур. Тур жалуется в ней на то, что интересы русского общества определяются модой; все машинально повторяют одни и те же фразы, восхищаются одними и теми же книгами, не имея при этом элементарных сведений по данной отрасли знания. Такими модными писателями и являются теперь, по словам Тур, Бокль, Милль и Кинглек («Парижское обозрение» — «Голос», 1864, № 186). *Бокль Г.-Т.* (1821—1862) — английский историк и социолог-позитивист, по своим политическим взглядам — буржуазный радикал, автор «Истории цивилизации в Англии». *Кинглек А.-У.* (1809—1891) — английский политический деятель либерального лагеря и военный историк, автор восьмитомного сочинения «Вторжение в Крым», в котором резко нападал на политику Наполеона III. Материалом Кинглека воспользовался Чернышевский, написавший «Рассказ о Крымской войне по Кинглеку». *Милль* — см. примеч. 14.

54. «Искра», 1865, № 5, с. 78—80, без подписи, под заглавием «Альбом светской дамы, составленный из произведений русских поэтов и художников»; рисунки, напечатанные вперемежку с пародиями, непосредственного отношения к ним не имеют и представляют собой карикатуры на картины Айвазовского, Клодта, Беллоли, Флавицкого и Вилевальде. Печ. по сб. «Песни и поэмы», с. 233—239. *Майков.* Детали первой половины пародии заимствованы из стих. Майкова «Campagna di Roma» (цикл «Очерки Рима»). *Полонский.* В строке «Я драмою светской отвечу» и след. имеется в виду только что появившаяся пьеса Полонского «Свет и его тени» («Эпоха», 1865, № 1). *Фет.* Пародия на стих. «Давно ль под волшебные звуки...» *Щербина.* Весьма вероятно, что «примадонна» попала в эту пародию из стих. Полонского «Примадонне» и «Ночь в Сорренто». «Музыка вечных миров» и пр. пародируют соответствующие мотивы в стих. Щербины «Утро в горах Фокиды» и «Мир». У Минаева есть и другая пародия на эти стихотворения — «Смертному» (см. № 3). *Тютчев.* Пародия на стих. «Тихой ночью, поздним летом». *Плещеев.* «Слезы» очень часто встречаются в поэзии Плещеева — см., напр., стих. «Думы», «Тихо все, глядится месяц», «Тобой лишь ясны дни мои», «Что ты поникла, зеленая нивушка!» и др. Слов «слезы» и «плач» нет в стих. «Птичка» («Для чего певунья птичка»), но, может быть, именно оно отразилось в первых трех строках пародии; в нем описывается грустная осенняя природа, дождь, ветер, а затем печальный горемыка-труженик,

вернувшийся в свою хату. *Розенгейм.* «Из Беранже» — насмешка над стих. Розенгейма «Соседка» (в изд. 1864 г. — «Соседка или сердечные треволнения корнета», гл. 6). Заглавие направлено против довольно распространенного плоского понимания Беранже как поэта эпикурейского склада. «Фабриканты мятежей» — строка из стих. Розенгейма «1 января 1854 г.». Это — отповедь англичанам и вообще Западу в связи с Крымской войной, но с позиций правительственных и «русопетских». «Запад хилый, переживший все старик», тратит остатки сил «в корчах козней и интриг», а «Русь святая, — И богата и сыта, — За царем своим, родная, Что за пазухой Христа... Русь — защита царских тронов, Русь — спасенье алтарей, Правой власти — оборона, Страх и ужас мятежей». Эти политические тенденции Розенгейма были уничтожающе высмеяны Добролюбовым в рецензии на сборник его «Стихотворений» 1858 г. («Современник, 1858, № 9). *Греков.* Здесь явная ошибка: не В. Греков, а Н. П. Греков (1810—1866) — поэт и переводчик, автор нескольких сборников. В начале пародии использовано стих. Гейне «Du shönes Fischermädchen» из «Buch der Lieder». *Вяземский.* Пародия на «заграничные» стихи Вяземского из его книги «В дороге и дома» (СПб., 1862; см., в частности, отдел «Германия»). Ср. с пародиями на них В. С. Курочкина («Искра», 1862, № 39, с. 509—514). Рифма «каждый жаден — Баден-Баден» заимствована из другой пародии Курочкина — на В. А. Соллогуба («Искра», 1859, № 39, с. 391). Строка «Там гулял лишь автор «Аси», без сомнения, связана с последней главой «Отцов и детей», где говорится, что поселившегося в Дрездене Павла Петровича Кирсанова между двумя и четырьмя часами, «в самое фешенебельное время для прогулки», всегда можно встретить на Брюлевской террасе. Такое отождествление Тургенева с Павлом Петровичем очень типично для искровской оценки романа — см. также стих. Минаева «Отцы или дети?» и карикатурный роман А. Волкова «Отцы и дети» («Искра», 1868, № 20).

55. «Будильник», 1865, № 17, с. 67, подпись: Д. М-н-в.

56. «Будильник», 1865, № 26, с. 101. *«Петербургские отметки»* — отдел петербургской либеральной газеты «Голос», в котором помещались репортерские заметки о городских новостях и событиях.

57. «Искра», 1865, № 14, с. 203—204, без подзаголовка «Подражание Ф. Достоевскому», подпись: Литературное домино. Печ. по сб. «Песни и поэмы», с. 199—202. Пародия на повесть Ф. М. Достоевского «Крокодил» («Необыкновенное событие, или пассаж в Пассаже, справедливая повесть о том, как один господин, известных лет и известной наружности, пассажным крокодилом был проглочен живьем, весь без остатка, и что из этого вышло. Семеном Стрижовым доставлено»), напечатанную в его журнале «Эпоха», 1865, № 2. В «Крокодиле» Достоевского многие современники и позднейшие исследователи видели пасквиль на Чернышевского.

58. «Будильник», 1865, № 28, с. 111 в фельетоне «Невский альбом (Новости, заметки и слухи)», подпись: Д. М-ъ. *Циммерман* — владелец фабрики и магазина шляп в Петербурге. *Курят нынче папиросы.* В июне 1865 г. запрещение курить на улицах, действовавшее в течение ряда лет, было отменено. *Симон Ж.-Ф.* (1814—1896) — французский политический деятель и публицист либерального лагеря; в 1850—1860-е годы — один из лидеров оппозиции. *Фавр Ж.* (1809—1880) — французский политический деятель, адвокат и публицист, примыкал к буржуазно-республиканской партии; при Напо-

леоне III возглавлял оппозицию в Законодательном корпусе; впоследствии принимал активное участие в разгроме Парижской Коммуны. *Голью нравственной кабацкой.* Полемизируя с Г. З. Елисеевым, публицист «Голоса» А. В. Лохвицкий назвал сотрудников «Современника» «умственной голью кабацкой» («Голос», 1865, № 37). *Все скворцы, стрижи и галки.* Стрижами называл Салтыков редакцию и сотрудников журнала Достоевского «Эпоха».

59. «Будильник», 1865, № 29, с. 113, с надзаголовком «Отживающие типы. I» (цикл этот не был продолжен Минаевым). Стихотворение направлено, повидимому, против А. Н. Майкова.

60. «Будильник», 1865, № 65, с. 257, в фельетоне «Дневник Темного человека»; в сб. «В сумерках» (с. 204—206) — под заглавием «У камелька»; в сб. «Песни и поэмы» (с. 187—189) — снова без заглавия. Пародия на воспоминания В. А. Соллогуба, прочитанные им в Обществе любителей российской словесности в марте 1865 г. в связи с его избранием в действительные члены общества и вслед за этим напечатанные в «Русском архиве» (1865, № 5—6). «Сегодня, по случаю моего новоселья в обществе. . ., — говорил Соллогуб, — я решился, на правах новопришельца и, так сказать, именинника, рассказать, по старческому обычаю, кое-что из моих воспоминаний, конечно, не с тем, чтоб докучать собранию самохвальством, а потому, что с моим прошедшим связаны некоторые мало известные подробности о личностях, драгоценных всем ревнителям нашего отечественного слова». *Лейкин Н. А.* (1841—1906) — писатель-юморист, автор многочисленных очерков и рассказов, главным образом из купеческого быта («Апраксинцы» и др.), незадолго до этого выступивший в печати; сотрудничал в «Искре», «Будильнике» и ряде других журналов 1860-х годов.

61. I—IV. «Искра», 1865, № 34, с. 464; № 35, с. 475, с надзаголовком «Жизнь сквозь разные очки. Параллели», подпись: Литературное домино. V. «Песни и поэмы», с. 226. «Мотив ясно-лирический — пародия на Фета, вернее всего — на его «Серенаду» («Тихо вечер догорает. . .»); «Мотив бешено-московский» — на стих. Бенедиктова «К отечеству и врагам его» (ср., например, строки: «И в стихе веселонравном, Бойком, стойком — как ни брось, Шибком, гибком, плавном, славном, Прорифмованном насквозь» и т. д.) и вообще на стихотворные приемы Бенедиктова. В «Юбилейном мотиве» Минаев, повидимому, имел в виду стихотворения Майкова и Розенгейма к столетию со дня смерти Ломоносова — ср. фельетоны Минаева «Обеденная поэзия» и «Из записной книжки отставного майора Михаила Бурбонова» («Искра», 1865, № 15, с. 214; № 16, с. 234). В «Мотиве слезно-гражданском» возможны отражения стих. Никитина «Горькие слезы («Чужих страданий жалкий зритель»). В этом стихотворении Никитина выражены свойственные ему мотивы социального бессилия. «Горькие слезы» были, кстати сказать, включены А. П. Пятковским в сборник «Гражданские мотивы» (1863), хорошо известный Минаеву и высмеянный им как типичный образец либерального фразерства. *Ночной зефир струит эфир* — начало стихотворения Пушкина.

62. «Современник», 1865, № 9, с. 171.

63. «Будильник», 1865, № 83, с. 329. В сб. «В сумерках» (с. 183) Минаев изменил заглавие на «Домино» и внес мелкие исправления, но в сб. «Песни и поэмы» (с. 104—106) вернулся к журнальному тексту. *В дверь у Доминика. . .* Петербургский ресторан. *«Весть»* —

см. примеч. 39. *В зале Бенардаки...* Зал для концертов, литературных чтений и пр. в Петербурге.

64. «Искра», 1866, № 29, с. 387, без эпиграфа и 15-го четверостишия. Печ. по «Песням и поэмам», с. 290—293, с исправл. по «Искре». Пародия на «Песнь Еремушке» Некрасова, из которой взят эпиграф, последние две строки 12-й строфы и ряд других мест. Об обстоятельствах, при которых возникло это стихотворение, см. вступит. статью, стр. XVII—XVIII. *Мужичок из Холмогор* — Ломоносов; намек на стих. Некрасова «Школьник». *Обличил он Петипа...* Петипа М. С. (ум. в 1882 г.) — известная балерина, жена балетмейстера Мариуса Петипа. Минаев имеет в виду стих. Некрасова «Балет», напечатанное незадолго до этого — в № 2 «Современника» за 1866 г.

65. «Искра», 1866, № 37, с. 482—483. Печ. по сб. «В сумерках», с. 25—26. В «Искре» (без сомнения, по цензурным причинам) были заменены политически наиболее острые места; в 1-й строфе неясно, что действие происходит в тюрьме:

Полночный мрак!.. Лишь лунным светом
В моем углу озарена
С ночного неба, теплым летом,
Вся рама тусклого окна...

а в 5-й — что герой вспоминает о пути, пройденном им по этапу:

Метель, сугробы... Как шальная,
Кругом меня стонала степь,
Я ехал в даль, перебирая
Воспоминаний грустных цепь.

66. Сб. «Здравия желаю!», с. 190, под заглавием «Басня». Печ. по тетради, принадлежавшей, очевидно, одному из редакционных работников «Будильника»; в ней наклеены корректуры предназначавшихся для журнала, но запрещенных цензурой стихотворений (Пушкинский дом); в корректуре под басней подпись: Что в имени тебе моем? С 1 сентября 1865 г. большинство периодических изданий, выходивших в Москве и Петербурге, было освобождено от предварительной цензуры. *«Голос»* — см. примеч. 48.

67. Сб. «Евгений Онегин нашего времени... с прибавлением разных стихотворений», с. 115—116. Автограф, датированный 1866 г., без заглавия, в альбоме М. И. Семевского (рукоп. отд. Пушкинского дома). *«Что делать?»* — роман Чернышевского.

68. «Невский сборник (учено-литературный)», 1867, I, с. 114—115, под заглавием «Музе». Печ. по сб. «В сумерках», с. 5—6. См. вступит. статью, с. XVII—XVIII.

69. «Искра», 1867, № 12, с. 145—146, с подзаголовком «Посвящается памяти И. И. Дмитриева». Печ. по сб. «В сумерках», с. 156—158. *И. И. Дмитриев* — талантливый публицист и писатель, сотрудник «Искры» и «Будильника», умерший 27 лет отроду в феврале 1867 г. Общий замысел стихотворения близок к поэме 1880-х годов «Две жизни».

70. «Искра», 1867, № 23, с. 285, с надзаголовком «Современные типы. I» (цикл этот не был продолжен Минаевым). Печ. по сб. «В сумерках», с. 159—161. Предназначалось для «Искры» еще в феврале 1867 г., но было запрещено цензурой — см. Журнал засе-

дания С.-Петерб. ценз. комитета от 22 февраля 1867 г. Повидимому, прототипом героя стихотворения является И. Ф. Горбунов — ср. «Евгений Онегин нашего времени», гл. 5, строфа 18 (о Горбунове — в примеч. 260).

71. Искра», 1867, № 34, с. 409—410. *Борель* — петербургский аристократический ресторан.

72. «Искра», 1868, № 17, с. 201—202, без строк 41—44, с датой: 30 марта 1868 г. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 145—147.

73. «Неделя», 1868, № 25, с. 769—770. *Земский совет* — земские собрания, учрежденные в 1864 г. Вопреки неоднократным высказываниям идеологов русского либерализма и позднейшей либеральной историографии, они были всецело в руках дворянства, а представители крестьян не имели никакого влияния на ход дел. — В «Насущном вопросе» сказалось влияние стих. Добролюбова «Чернь».

74. «Отечественные записки», 1868, № 11, с. 251—253, в цикле «Народные мотивы».

75. «Отечественные записки», 1868, № 11, с. 253—254, без заглавия, в том же цикле. Печ. по сб. «Народные русские сказки для детей в иллюстрациях», выпуск, открывающийся «Сказкой об Иване-богатыре», с. 57—58.

76. «Искра», 1868, № 49, с. 609. *«Говоруны»* — пьеса И. А. Манна, пасквиль на «нигилистов».

77. «Дело», 1869, № 11, с. 69—70, подпись: Аноним.

78. «Искра», 1870, № 2, с. 69—72, под заглавием «Поучительная история», подпись: Литературное домино. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 304—306. Сатира на Каткова. *Перо мокая в разум...* В 1865 г. московское дворянство преподнесло Каткову подарок — чернильницу и золотое перо «с древнею надписью: мокающему перо в разум» («Весть», 1865, № 32). *Видок Э.-Ф.* (1775—1857) — французский сыщик. Имя его стало нарицательным; так, Пушкин называл Булгарина «Видок-Фиглярин». *Корейша* — московский юродивый.

79. «Искра», 1870, № 23, с. 778—779. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 241—242.

80. «Дело», 1870, № 9, с. 192, без 13-й строки, замененной строкой точек. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 256.

81. «Отечественные записки», 1870, № 11, с. 152—153, под заглавием «Затишье» и без 6-й строфы. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 1—2, где помещено в качестве предисловия ко всему сборнику с подзаголовком «Пролог».

82. «Отечественные записки», 1870, № 11, с. 154.

83. «Дело», 1870, № 11, с. 124, подпись: Д. Свияжский. В сб. «Чем хата богата» (отд. I, с. 26) — в цикле «Из старой тетрадки». *«Вперед без страха и сомненья»* — стихотворение А. Н. Плещеева, явившееся своеобразным «гимном петрашевцев» и пользовавшееся огромной популярностью в среде передовой молодежи 1840—1860-х годов.

84. «Искра», 1871, № 33, с. 1027, подпись: М. Бурбонов. 19 июня 1871 г. в Московском губернском земском собрании обсуждался проект постановления о волостных судах, предполагавший полную отмену телесных наказаний крестьян, как средства грубого и не достигающего цели. С решительными возражениями против этого выступили члены московского земского собрания известный славянофил Ю. Ф. Самарин, видный экономист и публицист сенатор

В. П. Безобразов и В. К. Шлиппе. При этом Безобразов заявил, что «законодатель должен касаться крайне осторожно вопроса о телесных наказаниях, должен выказать уважение к обычаям народной жизни» и т. д. Под их давлением пункт об отмене телесных наказаний был исключен из постановления (см. отчет об этом заседании в «Московских ведомостях», 1871, № 139).

85. «Искра», 1871, № 36, с. 1121—1124, подпись: Что в имени тебе моем? Печ. по сб. «Разоренное гнездо...», с. 167—170.

86. «Искра», 1871, № 42, с. 1315—1318, под заглавием «Несчастный богач», подпись: Литературное домино. Печ. по сб. «Разоренное гнездо...», с. 175—177. *Гоппе Г. Д.* (1836—1885) — петербургский издатель; с 1867 г. ежегодно выпускал «Всеобщий календарь». *Гатцук А. А.* (1832—1891) — археолог и публицист, издатель «Газеты Гатцука» и «Крестного календаря» (с 1866 г.). В журнальном тексте вместо Гатцука фигурировал А. С. Суворин (см. о нем примеч. 106); в конце 1871 г. Суворин начал свою издательскую деятельность, выпустив составленный им «Русский календарь на 1872 г.».

87. «Искра», 1871, № 43, с. 1351—1352.

88. «Искра», 1872, № 12, с. 181. Печ. по сб. «Разоренное гнездо...», с. 144.

89. «Искра», 1872, № 5, с. 65—68, подпись: Литературное домино. Печ. по сб. «Разоренное гнездо...», с. 171—174, где датировано 1872 г., с исправл. по «Искре». *Как делает граф Алексей Толстой.* Имеются в виду сатиры А. К. Толстого «Песня о Потоке-богатыре» и «Баллада с тенденцией» («Порой веселой мая»), направленные против «нигилистов» и напечатанные незадолго до этого в «Русском вестнике» Каткова (1871, №№ 7 и 10).

90. «Искра», 1872, № 7, с. 110, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. В сб. «Не в бровь, а в глаз» (с. 336) — под заглавием «Робкое подражание «Гражданину». О «Гражданине» и его редакторе кн. Мещерском см. примеч. 93. *Реформ и книг без точек нет.* В начале 1872 г. Мещерский заявил в одной из своих статей, что к основным реформам 1860-х годов «надо поставить точку» (1872, № 2, с. 42), что послужило поводом для многочисленных насмешек; он был даже прозван «Князь Точка».

91. «Отечественные записки», 1873, № 6, с. 489—490, под заглавием «Первого января». Печ. по сб. «Разоренное гнездо...», с. 145—148, где значительно переработано и датировано 1872 годом.

92. «Будильник», 1873, № 4, с. 1—2, подпись: Литературное домино. Виконт Сыр-Бри — кн. В. П. Мещерский (1839—1914), черносотенный публицист, близкий к придворным кругам, идеолог феодальной реакции; редактор-издатель газеты «Гражданин». *Ташкентцы* — см. примеч. 234.

93. «Дело», 1873, № 2, с. 99—100. В сб. «Разоренное гнездо...» (с. 131—132) датировано 1873 г.

94. «Искра», 1873, № 19, с. 3, в фельетоне «Праздничные подарки «Искры», подпись: Литературное домино. В фельетоне Минаев дарит разным писателям сюжеты соответственно их интересам и склонностям; Полонскому он рекомендует «Лирические диалоги сосны и березы» со следующим эпиграфом: «Поэт понимает, как плачут цветы» и т. д. Пародия на стих. Полонского «Жалобы музы».

95. «Отечественные записки», 1873, № 6, с. 354.

96. «Отечественные записки», 1875, № 3, с. 289—290. В сб. «Разоренное гнездо...» (с. 156—157) датировано 1875 г.

97. «Петербургская газета», 1876, № 88, подпись: Общий друг.— *«А ты? — Швейцар я. — Будь поэт. . .»* О «швейцаре-поэте» Ефиме Дроздове см. в примеч. 260.

98. «Петербургская газета», 1877, № 23, подпись: М. Бурбонов. Печ. по сб. «Аргус», с. 171, где исключена одна строфа газетного текста — между 3-ей и 4-ой.

99. «Будильник», 1878, № 3, с. 38—39, подпись: Д. М-в. *Аристов* — см. примеч. 260. *Межов В. И.* (1831—1894) — библиограф, автор ряда выдающихся библиографических работ. Современники неоднократно писали о неточностях, встречающихся в его работах. В «Разделе» использован сюжет стих. Шиллера «Раздел земли».

100. «Отечественные записки», 1878, № 2, с. 525—526, под заглавием «Из старой тетрадки». Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 1, с. 24—25, где вошло в целый цикл «Из старой тетрадки».

101. «Биржевые ведомости», 1878, № 74, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 2, с. 119—120. Пародия на стих. Я. П. Полонского «На закате» («Пчела», 1877, № 3, с. 34).

102. «Биржевые ведомости», 1879, № 10, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. *От червонных валетов порой.* Незадолго до этого, в 1877 г., в Московском окружном суде разбиралось дело о «клубе червонных валетов», занимавшихся разного рода мошенничествами и подлогами. Значительная часть обвиняемых принадлежала к светской молодежи. Тогда же вышла большая книга, в которой было подробно изложено это дело: «Клуб червонных валетов. Уголовный процесс. Издание Н. Н. З.», М., 1877. *Вернадский И. В.* (1821—1884) — буржуазный экономист, редактор журнала «Экономический указатель» (1857—1861); в конце 1850-х — начале 1860-х годов с ним постоянно полемизировал Чернышевский. *Маслов С. А.* (1793—1879) — писатель и деятель по сельскому хозяйству, секретарь московского общества сельского хозяйства.

103. «Биржевые ведомости», 1879, № 10, без заглавия, в том же фельетоне. Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 3, с. 21. Пародия на отдельные места поэмы К. К. Случевского «В снегах», разосланной в качестве приложения к новогоднему номеру «Нового времени» за 1879 г. «Есть у г. Случевского и курьезные стихи, — пишет Минаев в фельетоне: — ветер у него «лохмотьями платья качает и *стукает* ими», у него происходит «говор *в* кулисах» вместо за кулисами; реки у него *прилежные,* а струи *расторопные*. . . Уж не слишком ли смело, г. Случевский? Что вы, например, скажете о таком пейзажике, à la Случевский». И дальше следует пародия.

104. «Молва», 1879, № 175, без заглавия, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 347—348. В основном это пародия на перевод К. К. Случевского из Л. Тика (стих. «Ночь», напечатанное в антологии «Немецкие поэты в биографиях и образцах под ред. Н. В. Гербеля», СПб., 1877, с. 371—372). Но вместе с тем Минаев высмеивает и общие стилистические особенности поэзии Случевского, выходящие за пределы данного объекта. Случевский после едва ли не двадцатилетнего молчания наконец прервал его, — пишет Минаев в фельетоне, — «но, увы! при общем убийственном молчании читающей публики, не оценившей его беспредметного лиризма, тусклых, небрежных стихов и той натянутой, искусственной образности,

которая исчерпывается вся следующей пародией». Ср. также стих. «Будто бы из Гейне» и примеч. 8.

105. «Молва», 1879, № 308, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. *Суворин А. С.* (1834—1912), против которого направлено это стихотворение, — известный журналист и издатель; в 1860-х — первой половине 1870-х годов — либерал, сотрудник «С.-Петербургских ведомостей» и «Вестника Европы»; в 1876 г. приобрел газету «Новое время», которая сначала велась в умеренно-либеральном духе, но скоро превратилась в наиболее влиятельный официозный орган и оплот реакционной политики Александра III. В 1870-х годах Суворин начал также свою издательскую деятельность, а в 1878 г. открыл в Петербурге книжный магазин. *Домонтович И. И.* — гласный петербургской городской думы. *Струве А. Г.* — инженер, строитель Литейного моста в Петербурге. *Пять домов генерала Мартьянова...* Без сомнения, речь идет о П. К. Мартьянове (см. о нем примеч. 227), имевшем в конце 1870-х годов чин подполковника. В своей автобиографии Мартьянов сообщает, что в 1870-х годах много занимался благотворительными делами. Он состоял членом Общества дешевых квартир, Общества для пособия бедным женщинам, причем в последнем также заведовал дешевыми квартирами. Литературному фонду он предоставил в своем доме на Охте квартиру с отоплением, освещением и прислугой для нуждающихся литераторов (архив П. В. Быкова в рукоп. отд. Пушкинского дома). См. также воспоминания А. А. Соколова — иллюстрир. приложение к «Московскому листку», 1908, № 9. *Демидрон* — петербургский кафешантан, помещавшийся в саду, принадлежавшем Демидову. «Общедоступное увеселительно-порнографическое заведение, известное под именем «Семейного сада» — в насмешку, «Демидова» — ex officio, «Демидрона» — на языке петербургских жуиров», — читаем в юмористическом словаре В. О. Михневича «Наши знакомые» (СПб., 1884, с. 79). Слово «вокзал» в гл. 4 употреблено в старинном смысле — для обозначения увеселительного заведения. *Боско Б.* (1793—1863) — знаменитый итальянский фокусник.

106. I — «Стрекоза», 1880, № 4, с. 3, подпись: М.; II — «Стрекоза», 1880, № 5, с. 3, подпись: М., без 4-й строфы. Печ. по сб. «Дедушкины вечера», с. 119—120.

107. «Молва», 1880, № 216, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. О «Новом времени» см. примеч. 106.

108. «Молва», 1880, № 230, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д., под заглавием «Иеремиада (Раздумье ретроградa)». Печ. по сб. «Всем сестрам по серьгам», с. 1—4. Написано по поводу упразднения Третьего отделения, функции которого перешли к департаменту полиции министерства внутренних дел. Третье отделение помещалось в Петербурге на Фонтанке, у Цепного моста. В «Молве» в конце стихотворения было названо издание, которое способно заменить Третье отделение: газета «Берег». *Рост* — содержатель зоологического сада в Петербурге.

109. Сб. «Чем хата богата», отд. 1, с. 18—19.

110. «Стрекоза», 1880, № 50, с. 3, подпись: Момус, с подзаголовком «Близкое подражание „Голосу"» и еще 4 строкам в конце стихотворения о газете Краевского. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 223. О «Новом времени» и «Голосе» см. примеч. 106 и 48. *Поздняк Ф. Ф.* — гласный петербургской городской думы. Комментарием

к этим строкам является следующая юмористическая характеристика Поздняка: «Натуральный комик-буфф на подмостках муниципального «позорища». Никто и нигде, со времен вавилонского смешения языков, не пользовался так широко драгоценным правом публично молоть вздор и сквернословить в точных границах «Городового положения», как это делает г. Поздняк. Мало того: г. Поздняк стремился еще оградить свое словоизвержение от всякой критики, выступив с достопамятным биллем об изгнании газетных репортеров из стен петербургской думы» (В. О. Михневич, «Наши знакомые», СПб., 1884, с. 173). См. также сценку Минаева «На 11-й версте и в Думе» («Молва», 1880, № 307).

111. «Молва», 1881, № 43, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. по сб. «Всем сестрам по серьгам», с. 9—14.

112. «Петербургская газета», 1881, № 7, подпись: Общ<ий> др<уг>. Литературно-исторический журнал «Полярная звезда» выходил (под редакцией Е. А. Салиаса) в 1881—1882 гг.

113. «Петербургская газета», 1881, № 51, подпись: Общий друг.

114. Сб. «Всем сестрам по серьгам», с. 64. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 8.

115. «Петербургская газета», 1882, № 15, подпись: Общий друг, с подзаголовком: «Из признаний осторожного человека». Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 9.

116. «Петербургская газета», 1882, № 102, подпись: Общий друг, первое стихотворение из цикла «Современные басни».

117. «Привет! Художественно-научно-литературный сборник», СПб., 1898, с. 218, где напечатано по автографу Минаева из альбома Г. Л. и А. П. Кравцовых, датированному 3 декабря 1884 г. По словам Н. Познякова («Памятка о Д. Д. Минаеве» — «Биржевые ведомости», 1909, № 11154), Минаев читал это стихотворение в Пушкинском кружке еще в 1882 г.

118. Сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 11.

119. «Петербургская газета», 1883, № 15, в цикле «Юмористическая хрестоматия», подпись: Общий друг. По поводу передовой статьи № 1 газеты «Русь» за 1883 г. Развивая обычные славянофильские мысли об оторванности интеллигенции от народа, Аксаков в качестве наиболее актуального вопроса русской жизни выдвигает общественное воспитание — «в нем главный источник нашей болезни — болезни сознания». В связи с этим он резко осуждает постановку университетского образования. Университеты, по словам Аксакова, выпускают «людей безнародных, не расположенных и не способных служить России»; они создают «массы отвлеченных, нравственно искаженных, изуродованных русских людей, осужденных на вечное скитание мыслию в каком-то пустопорожнем пространстве, короче сказать — на духовное бесплодие». В стихотворении использована сюжетная схема «Школьника» Некрасова.

120. «Петербургская газета», 1884, № 71, подпись: Общий друг.

121. «Петербургская газета», 1885, № 128, в фельетоне «На часах (Из моей записной книжки)», подпись: Майор Бурбонов.

122. «Петербургская газета», 1886, № 257, подпись: Общий друг.

123. Печатается впервые по корректуре, сохранившейся в деле С.-Петерб. ценз. комитета, 1885, № 43, часть I, л. 88. Стихотворение предназначалось для «Северного вестника», однако цензор Коссович высказался против появления в журнале «такого тенденциозного символического изображения состояния общества», и 17 де-

кабря 1886 г. оно, «по тенденциозности», было запрещено цензурным комитетом. Стихотворение указал мне П. В. Куприяновский, за что приношу ему благодарность.

124. «Петербургская газета», 1887, № 189, подпись: Общий друг.

125. «Петербургская газета», 1888, № 37, подпись: Майор Б<урбонов>. Насмешка над публичными лекциями адвоката, историка литературы и публициста В. Д. Спасовича (1829—1906) на тему «Байронизм у Пушкина и Лермонтова», прочитанными в Петербурге в январе 1888 г. и затем напечатанными в «Вестнике Европы» (1888, № 3 и 4). Весьма возможно, что некоторые детали, отсутствующие в печатном тексте статьи, не придуманы Минаевым в целях пародирования, а были в устном изложении. Отмечу, что польский поэт Э. Одынец в статье не упоминается; ничего нет в ней также о «малиновой сливе» и «синих волнах океана».

126. «Гудок», 1862, № 3, с. 23, без подписи, под заглавием «Дню». Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 603. *«День»* — славянофильская газета, выходившая в 1861—1865 гг. Вторая строка — цитата из «Демона» Лермонтова.

127. «Гудок», 1862, № 5, с. 38, подпись: Темный человек. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 305. Эпиграмма на Б. Н. Чичерина. *Чичерин* (1828—1904) — юрист, историк и публицист, профессор Московского университета; умеренный либерал. Эпиграмма связана с рядом его статей 1861—1862 гг. о современном положении России и о русском дворянстве. Все они проникнуты охранительными тенденциями, ненавистью к революционному движению и революционной мысли, которую Чичерин назвал «умственным и литературным казачеством», стремлением доказать необходимость сохранения сословных привилегий русского дворянства и его первого места в государстве. *Греч* — см. примеч. 6. *Свистунами* пренебрежительно окрестили всю левую журналистику ее враги; «Искра», «Современник» и «Русское слово» подхватили эту кличку, приняли ее и нередко демонстративно пользовались ею в борьбе со своими противниками. — «Загадка» — «перепев» четверостишия Пушкина о Дельвиге «Кто на Руси возрастил Феокритовы нежные розы».

128. «Гудок», 1862, № 27, с. 215, подпись: Гудошник, под заглавием «В день именин Илие Александровичу А—еву», с датой: 20 июля 1862 г. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 589. См. примеч. 129.

129. «Гудок», 1862, № 27, с. 215, подпись: Гудошник. *Арсеньев И. А.* (1820—1887) — реакционный журналист 1850—1860-х годов; был близок к Третьему отделению; сотрудник «Северной пчелы», а затем редактор иностранного отдела органа министерства внутренних дел «Северная почта». Одновременно Арсеньев состоял чиновником особых поручений при начальнике почтового департамента.

130. I. «Гудок», 1862, № 38, с. 302, в фельетоне «Записки С.-Петербургского Дон-Кихота», без заглавия. Минаев ошибся: «Нищие» — картина художницы Э. К. Гаугер, получившей за нее медаль на академической выставке 1862 г., а не «г. Гаугера». II. «Искра», 1863, № 36, с. 493, в фельетоне «Путеводитель по художественной годичной выставке (Поучительная прогулка по залам Академии художеств)», подпись: Обличительный поэт, без заглавия. Эпиграмма вызвана тремя этюдами прусского художника Граверта — отсюда «на картинах» в третьей строке. III. «Искра», 1863, № 37, с. 520, в том же фельетоне, без заглавия. Художник А. П. Швабе

(ум. в 1872 г.) — специалист по «зверописи». См. также карикатуру на эту картину Н. А. Степанова — «Искра», 1863, № 40, с. 555. IV. «Искра», 1863, № 37, с. 520, в том же фельетоне, без заглавия. За эту картину и картину «Вакханка с тамбурином» художник С. П. Постников (1838—1880) получил звание академика исторической живописи. См. также карикатуру на «Прощание Гектора с Андромахой» Н. А. Степанова — «Искра», 1863, № 40, с. 555. V. «Искра», 1863, № 36, с. 494, в том же фельетоне, без заглавия и примечания. VI. «Искра», 1863, № 37, с. 518, в том же фельетоне, без заглавия. Художник П. А. Крестоносцев («портретных дел мастер» по характеристике Минаева) выставил в 1863 г. три портрета: Вереитинова, Шарковой и Норова. Все эти эпиграммы печатаются по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 597—601, где озаглавлены и объединены в цикл. Из одиннадцати входящих в цикл эпиграмм печатаются шесть.

131. «Искра», 1863, № 42, с. 605, подпись: М. Б<урбонов>. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 595. *Боборыкин П. Д.* (1836—1921) — беллетрист либерально-буржуазного лагеря, в 1863—1865 гг. — редактор «Библиотеки для чтения»; роман его «В путь-дорогу!» печатался в этом журнале в 1862—1864 гг.

132. «Русское слово», 1864, № 2, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 86. «Было да прошло» — комедия О. О. Новицкого и В. И. Родиславского, переделанная из немецкой пьесы В. Вольфсона «Nur eine Seele» и поставленная Александринским театром в сентябре 1863 г. (напечатана в журнале «Русская сцена», 1864, № 2). Действие этой сентиментальной и фальшивой пьесы, имевшей, однако, большой успех на сцене (см. А. И. Вольф, «Хроника петербургских театров», часть 3, СПБ., 1884, с. 27), происходит в России в конце 1860 — начале 1861 г. в среде поместного дворянства. Слова «было да прошло» относятся в ней к крепостному праву, а конфликт ее мирно разрешается манифестом 19 февраля 1861 г.

133. «Русское слово», 1864, № 2, в том же фельетоне, с. 87, под заглавием <Эпитафия> «Над пьесой «Чужая вина» г. Устрялова». Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 595. Пьеса Ф. Н. Устрялова шла на сцене Александринского театра; напечатана в «Отечественных записках», 1863, № 11—12.

134. «Русское слово», 1864, № 2, в том же фельетоне, с. 87. Комедия «Быть и слыть», автором которой является Гославская, шла на сцене Александринского театра.

135. «Русское слово», 1864, № 2, в том же фельетоне, с. 88. Первое представление «Доходного места», до 1863 г. не допускавшегося на сцену, было главным событием театрального сезона. В Александринском театре, о котором идет речь в эпиграмме, главные роли исполняли: Жадова — Нильский, Вышневского — П. И. Григорьев, Вышневскую — Левкеева, Юсова — П. В. Васильев, Мыкина — Зубров, Кукушкину — Линская, Юлиньку — Спорова, Полину — Подобедова 2-я, Белогубова — Бурдин.

136. «Искра», 1864, № 31, с. 419, в фельетоне «Nota bene (Отрывки безыменных чувств и мнений)», подпись: Литературное домино, без заглавия. Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 221. По поводу любительского спектакля, в котором принимал участие П. Д. Боборыкин.

137. «Будильник», 1865, № 2, с. 8, подпись: Дм. М-н-в.

138. «Будильник», 1865, № 2, с. 8, подпись: Дм. М-н-в. *Берг* — см. примеч. 53.

139. «Будильник», 1865, № 8, с. 32, подпись: Дм. М-в. *«Мамаево побоище»* — пьеса Д. В. Аверкиева (1836—1905) — писателя и критика консервативного лагеря; напечатана в «Эпохе», 1864, № 10.

140. «Будильник», 1865, № 19, с. 76, подпись: Антон Будильников. *«Взбаламученное море»* — роман А. Ф. Писемского, в котором крайне недоброжелательно изображены и «люди сороковых годов», и революционеры-демократы 1860-х годов. Впервые напечатан в «Русском вестнике» в 1863 г.

141. «Будильник», 1865, № 62, с. 248, подпись: Л<итературное> д<омино>, с подзаголовком: «Г. Е. Б.» Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 214. Эпиграмма на Г. Е. Благосветлова. Написана после ухода Минаева из «Русского слова», ближайшим сотрудником которого он был в течение ряда лет и из которого ушел во время известной полемики между «Русским словом» и «Современником» 1864—1865 гг. Человек радикального образа мыслей, оказавший несомненное влияние на формирование мировоззрения Д. И. Писарева, редактор-издатель «Русского слова» Г. Е. Благосветлов (1824—1880), по свидетельству современников, отличался вместе с тем стремлением к наживе, в связи с чем у него возникали конфликты с сотрудниками журнала. Эти его свойства и являются темой эпиграммы. Минаев написал еще несколько эпиграмм на Благосветлова — см., напр., «К портрету Евлампия Благодурина» («Искра», 1865, № 7, стр. 109), «Журнальный компрачикос» («Петербургская газета», 1876, № 52) и др.

142. «Будильник», 1865, № 79, с. 316, подпись: Что в имени тебе моем?, под заглавием «Петербургская отметка (Подражание «Голосу»)». С исправл., без заглавия и без определенного адреса — в «Молве», 1879, № 175, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. В сб. «Не в бровь, а в глаз» (с. 230) — под заглавием «С киевского языка (Из Пихно)»; в том же сборнике (с. 74) помещен еще один вариант эпиграммы. Печ. по «Молве». Материалы, освещающие вопрос о субсидии, получавшейся газетой «Голос» от министерства народного просвещения, см. в книге М. К. Лемке «Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг.», СПб., 1904, с. 239—245; как раз в августе — сентябре 1865 г., т. е. незадолго до появления эпиграммы Минаева в «Будильнике», возникла резкая полемика по этому поводу между «Московскими ведомостями» и «Голосом». *Пихно Д. И.* — экономист, профессор Киевского университета, консервативный публицист; с 1879 г. — редактор газеты «Киевлянин».

143. «Будильник», 1865, № 82, с. 328, подпись: Что в имени тебе моем? Эпиграмма направлена против статьи Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский» («Русское слово», 1865, №№ 4 и 6). См. также поэму Минаева «Евгений Онегин нашего времени».

144. «Будильник», 1865, № 84, с. 336, подпись: Что в имени тебе моем? Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 226. Поэт Н. Ф. Щербина начал составлять «читальник» — хрестоматию «для народного чтения» по поручению П. А. Вяземского еще в 1850-х годах, когда последний был товарищем министра народного просвещения. В начале 1861 г. он изложил план «читальника» в статье «Опыт о книге для народа» («Отечественные записки», 1861, № 2). Вышла эта весьма благонамеренная книга под заглавием «Пчела» в 1865 г. *«Пчела» Булгарина* — газета «Северная пчела».

145. «Искра», 1866, № 29, с. 391, в фельетоне «Рекреационные часы. Из записной книжки отставного майора Михаила Бурбонова», без заглавия. Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 211—212. Из семи «заметок» печатаются только две. Цикл является ответом на стихотворные «Заметки» П. А. Вяземского, проникнутые ненавистью к революционному движению и литературе 1860-х годов. Эпиграммы Минаева предназначались для «Будильника», но не были пропущены цензурой за «брань на какого-то старого поэта, в котором лица, знакомые с литературою, могут узнать князя П. А. Вяземского» (Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 2 марта 1866 г.). *На нашей почве урожайной* — первая строка одной из «Заметок» Вяземского (сб. «Утро», М., 1866, с. 172).

146. Сб. «Здравия желаю!», с. 225.

147. «Искра», 1868, № 10, с. 128, в цикле «Экспромты Михаила Бурбонова». Во время великого поста спектакли в театрах прекращались.

148. «Искра», 1868, № 10, с. 128, подпись: Михаил Бурбонов.

149. «Искра», 1868, № 18, с. 221, в фельетоне «Nota bene (Отрывки безыменных чувств и мнений)», подпись: Литературное домино. О романе Достоевского «Идиот». «Это такая сказка, — читаем в фельетоне Минаева, — в которой чем больше неправдоподобностей, тем лучше. Люди сталкиваются, знакомятся, влюбляются, дают друг другу пощечины — и все это по первому капризу автора, без всякой художественной правды. Миллионные наследства летают в романе, как мячики» и т. д.

150. «Искра», 1868, № 23, с. 282, в фельетоне «Nota bene (Отрывки безыменных чувств и мнений)», подпись: Литературное домино. Летом 1867 г. Тургенев написал в Бадене либретто оперетты «Le dernier sorcier» («Последний колдун»), в которой несколько раз исполнял главную роль.

151. «Искра», 1869, № 11, с. 140, подпись: Моршанский поэт, под заглавием «Врагу „Современных известий"». Печ. по сб. «На перепутьи», с. 350—351. Написано в связи с процессом моршанских скопцов (1869) и обращено к главе скопческой секты купцу М. К. Плотицыну. Особенно настойчиво преследовала Плотицына московская газета «Современные известия», освещавшая процесс с сугубо официозных позиций. См. также примеч. 156.

152. «Искра», 1870, № 1, с. 29, в фельетоне «Со дня на день (Записки дьявола)», подпись: Мефистофель. О Каткове см. примеч. 39.

153. «Искра». 1870, № 1, с. 33, в том же фельетоне, без заглавия. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 351. С некоторыми изменениями — в сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 371. О новой постановке комедии Грибоедова в Александринском театре в декабре 1869 г. Главные роли исполняли: Чацкого — Нильский, Фамусова — Григорьев, Софьи, — Лядова-Сарриоти, Молчалина — Монахов, Репетилова — Сосницкий, Загорецкого — Каратыгин, Лизы — Яблочкина 2-я.

154. «Искра», 1870, № 3, с. 128, подпись: Л<итературное> д<омино>. *«Нива»* — еженедельный иллюстрированный журнал, выходивший с 1870 до 1918 г. Первые годы журнал редактировал писатель В. П. Клюшников (см. о нем в примеч. 170).

155. «Дело», 1870, № 1, в фельетоне «С невского берега», подпись: ***, под заглавием «Ложный слух». Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 178.

156. «Дело», 1870, № 3, в фельетоне «Мартовские листки (Дневник петербургского старожила)», с. 34, подпись: Что в имени тебе моем?, первая эпиграмма — под заглавием «Кому следует». Печ. по сб. «На перепутьи», с. 351. С некоторыми изменениями и под заглавием «Ф. Л—чову» — в сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 343. Эпиграмма на Ф. В. Ливанова — автора многочисленных злобных статей, очерков и книг, в которых всякого рода религиозные секты и ереси разоблачались и преследовались с правительственной точки зрения («Раскольники и острожники», 4 тома, 1868—1873). В 1869 г. Ливанов, под псевдонимом «Никак не скопец», напечатал в газете «Современные известия» ряд статей по поводу процесса моршанских скопцов. Во втором томе «Раскольников и острожников» (СПб., 1870, с. V) он осыпал руганью всех своих врагов и недоброжелателей, в том числе и Минаева.

157. «Искра», 1870, № 23, с. 782—783, в фельетоне «Московский лицей и его правила», подпись: П. Репетилов. *Как сами вы когда-то издали...* О воспоминаниях В. А. Соллогуба, напечатанных за несколько лет до этого в «Русском архиве» (1865, № 5—6); см. о них стих. Минаева «В кругу друзей у камелька...» *Вы пробавлялись не моими ли?* По словам М. В. Шевлякова («Русские остряки и остроты их», СПб., 1899, с. 131), послание к Соллогубу «вызвано было тем, что Д. Д. уличил графа в присвоении какой-то его стихотворной остроты».

158. «Искра», 1870, № 47, с. 1497, подпись: Л<итературное> д<оми>но; с исправл. и без заглавия — в сб. «На перепутьи», с. 347. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 83.

159. «Искра», 1870, № 47, с. 1497, подпись: Л<итературное> д<оми>но, под заглавием «Опасная просьба». Печ. по сб. «На перепутьи», с. 355—356.

160. «Искра», 1870, № 47, с. 1498, подпись: Л<итературное> д<оми>но, под заглавием «Избравшему благую часть». Печ. по сб. «На перепутьи», с. 347. См. следующее примечание.

161. М. В. Шевляков, «Русские остряки и остроты их», СПб., 1899, с. 111—112. Эта и предыдущая эпиграммы направлены, по словам Шевлякова, против одного и того же лица — литератора, который «поступил изменнически с другим, сделав на него какой-то негласный донос... — Кто мог думать, — заметил Терпигорев, — что NN решится на такую подлую выходку. Всегда он был добродушен, прост... — Жаль, жаль малого, — перебил его Б., — в особенности потому, что он обладал способностями и подавал большие надежды... — Эх, братец! — возразил Минаев. —

Нельзя довериться надежде...

Вскоре после этого в Коммерческом трактире в Толмазовом переулке восседала веселая компания с Минаевым во главе. Речь шла об итальянском певце Тамберлике. В это время подошел к их столу NN, и разговор сам собою прервался... Минаев, немного захмелевший, заметив NN, крикнул ему: — А, русский Тамберлик! — Почему? — удивился тот. — А то как же? — ответил поэт:

Я не гожусь, конечно, в судьи...»

Та же игра слов — в двух эпиграммах на Каткова: эпиграмме В. С. Курочкина «Ты — или Тамберлик?..» («Биржевые ведомости»,

1875, № 80) и анонимной эпиграмме «Песнь Тамберлика», появившейся в «Петербургской газете» (1875, № 119).

162. «Искра», 1871, № 2, с. 60, подпись: Л<итературное> д<оми>но, с подзаголовком: «(Надпись на его книге «Снопы»)». Печ. по сб. «На перепутьи», с. 349.

163. «Искра», 1871, № 25, с. 791, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М., без заглавия. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 551.

164. «Искра», 1871, № 28, с. 888, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 356. По предположению А. Г. Островского, это — эпиграмма на В. Г. Авсеенко («Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века», т. 2, М.—Л., 1932, с. 453), но характеристика романиста, пожалуй, больше подходит к П. Д. Боборыкину.

165. «Искра», 1871, № 29, с. 925, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М., под заглавием «В альбом***». Печ. по сб. «На перепутьи», с. 356—357. Эпиграмма на П. Д. Боборыкина, в статьях и корреспонденциях которого из-за границы, печатавшихся в «С.-Петербургских ведомостях» и других газетах в конце 1860-х — начале 1870-х годов, то и дело мелькают имена западных писателей, политических деятелей и пр. (в том числе и фигурирующие в эпиграмме); при этом Боборыкин нередко рассказывает о своих встречах и разговорах с ними. Ср. характеристику Боборыкина в «фельетонном словаре современников» «Наши знакомые» В. О. Михневича (СПб., 1884, с. 19).

166. «Искра», 1871, № 42, с. 1336, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. Печ. по сб. «Разоренное гнездо...», с. 208.

167. «Искра», 1871, № 47, с. 1498—1499, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. До появления в «Искре» стихотворение предназначалось для журнала «Дело», но было запрещено цензурой «как насмешка над военными и генералами» (Журнал заседаний С.-Петерб. ценз. комитета, 1871, л. 611 об.).

168. «Искра», 1871, № 47, с. 1499, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М., без заглавия. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 216.

169. «Искра», 1871, № 49, с. 1559—1560, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М.

170. «Искра», 1871, № 52, с. 1656, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. *Клюшников В. П.* (1841—1892) — реакционный беллетрист и журналист, автор антинигилистического романа «Марево». *Кельсиев В. И.* (1835—1872) — с 1859 г. эмигрант, близкий сотрудник Герцена; в 1862 г. разошелся с ним и много скитался по Европе; в 1867 г. отдался в руки русским властям, написал свою «Исповедь», был прощен правительством и стал сотрудничать в умеренно-либеральной и консервативной прессе.

171. «Искра», 1871, № 52, с. 1656, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М., без заглавия. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 427. *Микешин М. О.* (1836—1896) — художник и скульптор; по его проектам построены памятники Екатерины II в Ленинграде, Богдану Хмельницкому в Киеве и др.

172. «Искра», 1872, № 2, с. 28, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М., под заглавием «По прочтении нового романа И. Тургенева «Вешние воды». Печ. по сб. «Разоренное гнездо...», с. 205—206.

173. «Искра», 1872, № 4, с. 59, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. В сб. «Не в бровь, а в глаз» (с. 189) — без общего заглавия. Дом Вяземского на Сенной площади в Петербурге был приютом нищеты и преступного мира.

174. «Искра», 1872, № 7, с. 110, в цикле «Фотографические карточки, подпись: М. Эпиграмма на заводчика Ф. К. Сан-Галли, гласного петербургской городской думы, часто получавшего выгодные подряды на разные городские работы.

175. «Искра», 1873, № 2, с. 7, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М., под заглавием «П. В. Ш—ру». В сб. «Разоренное гнездо...» (с. 212) фамилия Шумахера напечатана полностью. В 1872 г. поэт П. В. Шумахер (1817—1891) задумал издать сборник своих стихотворений под заглавием «Для всякого употребления» и начал его печатать. Однако, цензура приостановила печатание и возбудила против автора судебное преследование, а суд постановил книгу Шумахера «как явно противонравственную признать не подлежащею выпуску в свет» («Щукинский сборник», вып. 10, М., 1912, с. 195). Версия о сожжении всего тиража не соответствует действительности — Шумахер успел напечатать только 10 экземпляров.

176. «Искра», 1873, № 2, с. 7, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. О кн. Мещерском см. примеч. 93. В 1873—1874 гг. «Гражданин» выходил под редакцией Ф. М. Достоевского.

177. «Искра», 1873, № 5, с. 8, подпись: М.

178. «Будильник», 1873, № 11, с. 5, в цикле «Юмористический альбом», без подписи, под заглавием «Осенние виньетки», причем вместо «Гайдебурова» здесь читаем «Стародурова». Через два года появилась новая редакция эпиграммы, направленная против критика А. М. Скабичевского, в соответствии с чем были внесены изменения во второе четверостишие («Петербургская газета», 1875, № 174, подпись: Общ<ий> др<уг>). Печ. по сб. «Аргус» (с. 178), где помещена первая редакция, но с раскрытием «Стародурова» как «Гайдебурова». *Гайдебуров П. А.* (1841—1893) — публицист, сначала один из основных сотрудников, а затем редактор народнического журнала «Неделя».

179. «Будильник», 1873, № 11, стр. 6, в цикле «Юмористический альбом», без подписи, под заглавием «NN»; с исправл., под заглавием «Ответ» — в сб. «Разоренное гнездо..», с. 212. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 212.

180. «Петербургская газета», 1875, № 33, без подписи, под заглавием «Адвокату А. О—ну». Печ. по сб. «Разоренное гнездо...», с. 207. *Ольхин А. А.* (1839—1897) — петербургский присяжный поверенный; выступал защитником по ряду политических процессов; был связан с революционными кругами и оказывал революционерам существенные услуги; писал стихи. Чем вызвана эпиграмма Минаева — установить не удалось.

181—182. «Петербургская газета», 1875, № 47, в цикле «На первой годичной выставке Общества выставок художественных произведений», подпись: Об<щий> др<уг>.

183. «Петербургская газета», 1876, № 45, в цикле «Шалости и синонимы К. Пруткова-младшего».

184. «Петербургская газета», 1876, № 77, подпись: К. П<рутков> М<ладший>.

185. I — «Петербургская газета», 1876, № 121, подпись: К. П<рутков> М<ладший>. II — «Петербургская газета», 1877, № 156, под-

пись: Об<щий> др<уг>. III—IV — «Петербургская газета», 1876, № 91, под заглавием «Из записной книжки К. Пруткова-младшего», подпись: Доставил Об<щий> др<уг>. В сб. «Аргус» (с. 172—174) вошли в цикл «Трели и сигналы отставного майора М. Бурбонова» вместе с 9 другими стихотворениями.

186. «Петербургская газета», 1876, № 223, подпись: Общ<ий> друг.

187—188. «Петербургская газета», 1877, № 47, в цикле «Указатель выставки Общества выставок художественных произведений», подпись: Об<щий> др<уг>. Вторая эпиграмма вызвана картиной В. И. Якоби (1834—1902) «Портрет г-жи Рузинской с дочерью».

189. «Будильник», 1877, № 12, с. 9, в цикле «Посвящения», подпись: О<бщий> д<руг>. По всей вероятности, относится к В. П. Буренину (о нем см. примеч. 211).

190. «Будильник», 1877, № 14, с. 10, подпись: Общ<ий> друг.

191. «Петербургская газета», 1877, № 77, подпись: М. Б<урбонов>.

192. «Петербургская газета», 1877, № 88, в цикле «Посмертные экспромты Дм. Ленского». *Читау* — артистка Александринского театра.

193. «Петербургская газета», 1877, № 89, в цикле «Посмертные экспромты Дм. Ленского». *Малышев П. И.* — артист Александринского театра.

194. «Петербургская газета», 1877, № 89, в цикле «Посмертные экспромты Дм. Ленского». О сыне известного В. В. Самойлова — посредственном драматическом актере Н. В. Самойлове.

195. «Петербургская газета», 1877, № 106, подпись: — е —, под заглавием «Притворщику NN». Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 3, с. 3.

196. «Петербургская газета», 1877, № 107, подпись: О<бщий> д<руг>, под заглавием «„Маляру", переменившему редактора». Печ. по сб. «Аргус», с. 202. *«Маляр»* — юмористический журнал с карикатурами; с июня 1877 г. его редактировал И. Карамышев, до этого — С. Любовников.

197. «Петербургская газета», 1877, № 113, подпись: Об<щий> др<уг>.

198. «Будильник», 1877, № 37, с. 9, в фельетоне «С хладных невских берегов», подпись: Магнус. Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 3, с. 4.

199. «Петербургская газета», 1877, № 238, подпись: Обдр <Общий друг>, под заглавием «Игра природы» и с эпиграфом «Я внук Карамзина (Кн. В. Мещерский)» — в «Биржевых ведомостях», 1879, № 3, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. текст «Петербургской газеты», который перепечатан в сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 266. Другой вариант эпиграммы («Назад тому три года») — «Московский телеграф», 1881, № 306, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: Д. М. О Мещерском см. примеч. 93. Эпиграмма написана по следующему поводу. В одной из своих статей 1877 г. Мещерский неодобрительно отозвался о настроениях московского светского общества, жаждущего скорейшего мира, чтобы снова без ложного стыда «предаваться тем пустякам, которые составляют сущность великосветской жизни» («Путевой дневник» — «Московские ведомости», 1877, прибавление к № 262). Статья вызвала недовольство высшего света, в газетах появились протесты

затронутых лиц, и обеспокоенный этим Мещерский напечатал покаянную статью. В ней он уверял, что, говоря об «унылых патриотах», имел в виду не все великосветское общество, а только небольшой кружок, о котором и говорить не стоило. «Большую часть высшего общества, — писал он, — я не мог иметь и не имею даже в помышлении затронуть моими словами хотя бы мимоходом. Это было бы гнусной клеветой, а клеветы перо внука Карамзина писать не умеет» («В большом свете. Мое извинение и объяснение» — «Московские ведомости», 1877, № 300). Слова «внук Карамзина» были немедленно подхвачены, и Мещерский неоднократно фигурировал в прессе тех лет под этой иронической кличкой.

200. «Петербургская газета», 1878, № 47, подпись: Об<щий> др<уг>. *Мы свернули шею Лессингу.* По поводу постановки «Эмилии Галотти» Лессинга в Александринском театре в феврале 1878 г.; А. А. Нильский играл Гонзаго, Л. Л. Леонидов — старика Галотти, С. Я. Марковецкий в драме Лессинга не играл. Постановка не имела никакого успеха; пьеса шла только два раза.

201. «Биржевые ведомости», 1878, № 250, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 3, с. 19.

202. «Биржевые ведомости», 1878, № 257, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Здесь эпиграмма обращена к редакторам-издателям «Нового времени» А. С. Суворину и В. И. Лихачеву в связи с появившейся в нем заметкой по поводу непорядков на женских врачебных курсах. В сб. «Не в бровь, а в глаз» (с. 234) переадресована и озаглавлена «Кн. В. М<ещер>скому».

203. «Биржевые ведомости», 1879, № 1, в фельетоне «Мимоходом», без подписи. *Трофимов А. И.* — петербургский мировой судья, славившийся своим остроумием.

204. «Будильник», 1879, № 4, с. 53, подпись: М-у-с.

205. «Петербургская газета», 1879, № 49, в цикле «Указатель третьей годичной выставки в Академии художеств», подпись: Домовой.

206. «Петербургская газета», 1879, № 54, в цикле «Указатель третьей годичной выставки в Академии художеств», подпись: Домовой.

207. «Молва», 1879, № 72, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д., без заглавия. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 228. Собрание сочинений Пушкина под редакцией Г. Н. Геннади вышло в 1859—1860 (1-е изд.) и в 1869—1871 гг. (2-е изд.).

208. «Молва», 1879, № 99, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д.

209. «Молва», 1879, № 189, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д., без заглавия. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 328.

210. «Стрекоза», 1879, № 32, с. 3, в цикле «Рифмы и синонимы», подпись: Общ<ий> др<уг>. Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 3, с. 5.

211. «Молва», 1879, № 273, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 327. По словам М. В. Шевлякова, эта эпиграмма направлена против «критика Б., отличавшегося резкостью и желчью в своих фельетонах» («Русские остряки и остроты их», СПб., 1899, с. 115). Б. — без сомнения, В. П. Буренин (1841—1926). В первой половине 1860-х годов поэт и журналист радикального лагеря, сотрудник «Искры»,

«Современника» и «Русского слова», Буренин постепенно эволюционировал вправо. С 1876 г. он стал одним из основных сотрудников перешедшей в руки А. С. Суворина газеты «Новое время» (см. примеч. 106). Как главный критик «Нового времени», Буренин в течение нескольких десятилетий принимал активное участие в травле прогрессивных течений русской общественной жизни и литературы.

212. «Молва», 1879, № 287, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. *Виктор Александров* — псевдоним драматурга В. А. Крылова (1838—1906), написавшего и переделавшего огромное количество пьес, заполнявших репертуар Александринского театра. По поводу его пьесы «Кандидат в городские головы», поставленной в бенефис К. А. Варламова 12 октября 1879 г. (напечатана в «Будильнике», 1879, № 44—46).

213. «Стрекоза», 1880, № 3, с. 6, подпись: М. *Маркевич Б. М.* (1822—1884) — реакционный беллетрист и публицист, автор антинигилистических и великосветских романов, ближайший сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей» Каткова. — Приезд Тургенева в Россию в феврале 1879 г. сопровождался бурными овациями со стороны широких кругов русского общества. Это вызвало крайнее раздражение реакционной печати, которая стала пользоваться каждым поводом для дискредитации писателя. Таким поводом послужило предисловие Тургенева к очерку И. Я. Павловского «En cellule. Impressions d'un nihiliste», появившемуся в газете «Le temps» 12 ноября 1879 г. Маркевич, подстрекаемый, повидимому, Катковым и затаивший злобу на Тургенева за сатирическое изображение его в «Нови» в образе Калломейцева, напечатал в «Московских ведомостях», под своим обычным псевдонимом «Иногородний обыватель», фельетон «С берегов Невы» (1879, № 313 от 9 декабря). Это был совершенно неприкрытый политический донос. Маркевич обвинял Тургенева в связях с революционными кругами, в заискивании и «кувырканьи» перед «нигилистами», признании справедливым их «гнусного дела», «зуде популярничанья» и т. д. Фельетон Маркевича вызвал негодование всех честных литераторов независимо от их разногласий с Тургеневым. Одним из проявлений этого негодования была эпиграмма Минаева.

214. «Петербургская газета», 1880, № 53, в цикле «Дополнительный каталог IV выставки Академии художеств», подпись: Jocosus.

215. «Петербургская газета», 1880, № 58, в цикле «Юмористический указатель восьмой передвижной художественной выставки», подпись: Jocosus. Речь идет о картине Н. Н. Ге «Милосердие». За эту картину критики упрекали Ге, с одной стороны, в «невообразимом реализме», в его излишествах, с другой — в неестественности, «странности освещения» и пр. (см. В. Стасов, «Н. Н. Ге», М., 1904, с. 280—281).

216. «Петербургская газета», 1880, № 61, в цикле «Юмористический указатель восьмой передвижной художественной выставки», подпись: Jocosus.

217. «Петербургская газета», 1880, № 62, в цикле «Юмористический указатель восьмой передвижной художественной выставки», подпись: Jocosus.

218. «Петербургская газета», 1880, № 79, подпись: Домовой, под заглавием «Одному, а может быть, и многим». Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 3, с. 32. О Маркевиче см. примеч. 213.

219. «Стрекоза», 1880, № 18, с. 3, подпись: Момус.

220. «Стрекоза», 1880, № 25, с. 3, подпись: Момус.

221. I—VII — «Стрекоза», 1880, № 26, с. 3 подпись: М<ому>с, под заглавием «Рифмы и каламбуры (Из тетрадки сумасшедшего поэта)»; VIII—XI — «Стрекоза», 1880, № 29, с. 3, подпись: Момус, под заглавием «Шутки и каламбуры»; XIII—XV — «Стрекоза», 1880, № 30, с. 3, подпись: Момус, под заглавием «Рифмы и каламбуры». Объединены в один цикл в сб. «Всем сестрам по серьгам», с. 166—169.

222. «Стрекоза», 1880, № 30, с. 7, подпись: $\frac{Mi}{f}$.

223. «Петербургская газета», 1880, № 200, подпись: Общ<ий> друг. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 354.

224. «Петербургская газета», 1880, № 224, подпись: Общий друг. *«Порядок»* — петербургская либеральная газета, издававшаяся в 1881 г. под редакцией М. М. Стасюлевича. Объявления о подписке на новую газету, которая будет выходить «под общею редакциею с журналом «Вестник Европы» и с участием всех его постоянных сотрудников», появилась в начале ноября 1880 г. (см., напр., «Голос» и «Правительственный вестник» от 5 ноября 1880 г.).

225. «Петербургская газета», 1880, № 225, подпись: Общ<ий> друг. *Барышев Е. Е.* (ум. в 1881 г.) — поэт и переводчик; его переводы «Каина» Байрона и «Сида» Корнеля получили резко отрицательную оценку всей прессы.

226. «Петербургская газета», 1880, № 247, подпись: Об<щий> др<уг>. В декабре 1880 г. представитель Крупповских заводов Альфред Крупп приехал в Петербург с целью получить заказы от русского правительства. В связи с его приездом разгорелась резкая полемика, причем ряд либеральных газет («Молва», «С.-Петербургские ведомости») обвинял официальные круги в пренебрежении к интересам отечественной промышленности, не уступающей по своим качествам Крупповским заводам.

227. Сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 333. *Мартьянов П. К.* (1827—1899) — незначительный поэт; состоял на военной службе; до 1879 г. занимал должность столоначальника в Главном штабе. По всей вероятности, эпиграмма написана по поводу первого тома «Сочинений» Мартьянова, изданного им в 1880 г.

228. «Русский библиофил», 1913, № 7, с. 85. Другой вариант — в «Биржевых ведомостях», 1907, № 10177 от 31 октября, утр. выпуск, в числе других каламбуров и экспромтов, под общим заглавием «Трудные рифмы». Последние четыре строки были напечатаны в газетах и журналах и до «Биржевых ведомостей» — см. статью М. С<уперанского> «Из поволжской старины» в «Историческом вестнике», 1907, № 8, с. 513. В «Биржевых ведомостях» указано, что это — экспромт, сочиненный Минаевым в 1880 г. в ответ на предложение Лорис-Меликова сказать что-нибудь стихами, в «Историческом вестнике» — «на вопрос последнего относительно необходимых в то время реформ».

229. «Петербургская газета», 1881, № 21, подпись: Общ<ий> друг. О газете «Порядок» см. примеч. 224. В №№ 1 и 4 «Порядка» за 1881 г. был напечатан рассказ Тургенева «Старые портреты».

230. «Петербургская газета», 1881, № 65, в цикле «На 9-й передвижной выставке», подпись: Общий друг.

231. «Петербургская газета», 1881, № 69, в том же цикле.

232. «Московский телеграф», 1881, № 144, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: Д. М., с подзаголовком «(С австрийского)». Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 350. Первоначальный вариант второй эпиграммы под заглавием «Ретроградная газетка» был напечатан еще в начале 1870-х годов — «Будильник», 1873, № 6, с. 1, подпись: Д. М. Подзаголовок «С австрийского» в газетном тексте заставляет вспомнить о Добролюбове, который из цензурных соображений выдал свой сатирический цикл «Неаполитанские стихотворения» за перевод с несуществующего австрийского языка.

233. «Московский телеграф», 1881, № 165, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: Д. М., первое — без заглавия, второе — под заглавием «М. Н. К.» Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 347. О Каткове см. примеч. 39. *С успехом заменил Катков...* Третье отделение было упразднено в 1880 г., и функции его перешли к министерству внутренних дел.

234. «Московский телеграф», 1881, № 172, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: Д. М., без заглавия. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 5. *И в один колоссальный Ташкент...* Минаев вслед за Щедриным употребляет слово «Ташкент» не как чисто географическое понятие, а как некое обобщение. «Ташкент», — писал Щедрин в цикле «Господа ташкентцы», — есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам и где имеет право гражданственности предание о Макаре, телят не гоняющем. Если вы находитесь в городе, о котором в статистических таблицах сказано: жителей столько-то, приходских церквей столько-то, училищ нет, библиотек нет, богоугодных заведений нет, острог один и т. д. — вы можете сказать без ошибки, что находитесь в самом сердце Ташкента. Наверное вы найдете тут и просветителей и просвещаемых, услышите крики: «ай! ай!», свидетельствующие о том, что корни учения горьки, а плоды его сладки, и усмотрите того классического, в поте лица снискивающего свою лебеду человека, около которого, вечно его облюбовывая, похаживает вечно несытый, но вечно жрущий ташкентец». Возникновение понятий «Ташкент» и «ташкентцы» связано с тем, что в незадолго до этого подчиненных России областях Средней Азии с наибольшей остротой сказались все темные стороны самодержавия, его эксплоататорская сущность и грабительская политика.

235. «Петербургская газета», 1881, № 224, подпись: Общ<ий> друг.

236. Сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 282. *«Вестник Европы»* — журнал, выходивший под редакцией М. М. Стасюлевича, орган русского либерализма.

237. Сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 364. *Ге И. Н.* (Бертольди) (1841—1893) — драматург и театральный критик; несколько его пьес («Второй брак», «Карьерист», «На новых началах» и др.) было поставлено на сцене Александринского театра.

238. Сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 409. *Росси Э.* (1829—1896) — знаменитый итальянский трагик; во время гастролей в России в 1877—1878 гг. выступал в ряде шекспировских ролей, в том числе в роли Лира. Артист Александринского театра А. А. Нильский Лира не играл.

239. «Петербургская газета», 1883, № 53, подпись: Общий друг. Д. В. Аверкиев (см. о нем примеч. 139), систематически помещавший театральные обзоры в «Новом времени», неожиданно заявил,

что не будет больше писать о русском театре. Это решение, как он сообщил читателям в своей последней статье, возникло у него в связи с возобновлением театральной дирекцией бенефисов и отчасти поспектакльной платы, вредность которых, с его точки зрения, не подлежит сомнению («Русский театр» — «Новое время», 1883, № 2503).

240. «Петербургская газета», 1883, № 88, в цикле «Путеводитель по 7-й выставке в Академии художеств», подпись: Общий друг.

241. «Петербургская газета», 1883, № 200, подпись: Общий друг.

242. «Петербургская газета», 1883, № 209, подпись: Общий друг. Из четырех стихотворений цикла «Песни о розгах» печатается только одно. *Незнакомец* — псевдоним А. С. Суворина (см. о нем примеч. 106). В связи с обсуждением в правительственных сферах вопроса о введении телесных наказаний в средних учебных заведениях «Новое время» Суворина писало: «В утешение же тех, которых возмущает мысль, что можно будет вновь посечь какого-нибудь двенадцатилетнего шалуна, мы укажем, что один из самых модных ныне философов — Шопенгауэр... доказывает, что и для взрослых телесное наказание одно из самых естественных, отношение к которому зависит только от предрассудка, искусственно воспитанного в человечестве» («Шопенгауэр о сечении» — 1883, № 2658).

243. «Русский библиофил», 1913, № 7, с. 86. Эпиграмма является, повидимому, непосредственным откликом на назначение Е. М. Феоктистова начальником Главного управления по делам печати (1883). Во время пребывания на этом посту Феоктистов буквально душил всю прогрессивную печать. В эпиграмме нашли отражение слухи о близких отношениях С. А. Феоктистовой с министром государственных имуществ М. Н. Островским, который будто бы способствовал назначению ее мужа.

244. «Петербургская газета», 1884, № 62, в цикле «Путеводитель по 12-й передвижной картинной выставке», подпись: Общий друг.

245. «Петербургская газета», 1884, № 83, в цикле «Рифмованный указатель академической выставки», подпись: Общий друг.

246. «Петербургская газета», 1884, № 157, подпись: Общий друг.

247. «Петербургская газета», 1884, № 287, в цикле «Похвальные листы (Карманная энциклопедия)», подпись: Общий друг.

248. «Петербургская газета», 1884, № 302, в цикле «Похвальные листы», подпись: Общий друг. *Кокорев В. А.* (1817—1889) — крупный капиталист, руководитель ряда промышленных и финансовых предприятий; начал свою карьеру сидельцем в питейном доме; нажил капиталы, будучи откупщиком.

249. «Петербургская газета», 1886, № 224, в цикле «Современные пословицы», подпись: Общий друг.

250. «Петербургская газета», 1886, № 252, подпись: Майор Бурбонов.

251. «Петербургская газета», 1887, № 99, в цикле «Из памятной книжки», подпись: Общий друг. *Пришел, увидел и украл* — перефразировка известных слов Юлия Цезаря: «Veni, vidi, vici» (Пришел, увидел, победил).

252. «Петербургская газета», 1888, № 11, в цикле «С Новым годом! (Визитные карточки)», подпись: Майор Б<урбонов>. О В. Крылове см. примеч. 212.

253. «Петербургская газета», 1888, № 12, подпись: Общий друг. Из пяти эпиграмм этого цикла печатаются две. По поводу поста-

новки драмы В. П. Буренина «Смерть Агриппины» в Александринском театре (премьера — 29 декабря 1887 г.). Главные роли исполняли: Сазонов (Нерон), Жулева (Агриппина), Дюжикова (Поппея), Савина (Актея), Аполлонский (Парис), Далматов (Тигилин), Свободин (Сенека).

254. «Петербургская газета», 1888, № 46, в цикле «Из памятной книжки», подпись: Майор Б<урбонов>.

255. «Петербургская газета», 1888, № 71, подпись: М. Б<урбонов>. Печатается одна из двух эпиграмм, появившихся под этим заглавием.

256. «Русский библиофил», 1913, № 7, с. 85. Другой вариант — в воспоминаниях С. С. Окрейца, который пишет: «Рассказывали, что, встретив своего врага на Невском, Минаев остановился, протянул руку, указывая на мимо пробегавшую собаку, и воскликнул: По улице бежит собака. . .» («Исторический вестник», 1907, № 5, с. 403). О Буренине см. примеч. 211.

257. «Искра», 1861, № 29, с. 413—414, под заглавием «Мишура (Отрывок из неизданной поэмы)». Минаев объединил в этом отрывке 1-ую главу и конец поэмы (1-я глава кончается строкой «Под мишурным венком лже-пророка»). Полностью под тем же заглавием «Мишура», с датой «СПб., 1861 г. Сентябрь» поэма была помещена в «Русском слове», 1861, № 11, с. 1—14. С исправл., под заглавием «Та или эта?» — в сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 72—85. Печ. отрывок, опубликованный самим Минаевым в «Искре», но с поправками, внесенными в него в «Думах и песнях». См. также вступит. статью, с. XXXIII.

258. «Искра», 1862, № 45, с. 609—613; № 47, с. 647—649; № 49, с. 684—686, подпись: Обличительный поэт, с подзаголовком «Сцена в трех песнях». Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 283—298. *Борель* — петербургский ресторан. *Роллер А.* (1805—1891) — декоратор и главный машинист дирекции петербургских театров. *Фаддей* — Ф. В. Булгарин. *Творец покойных «всяких всячин».* Имеется в виду способность Булгарина писать по самым разнообразным вопросам и в самых разных жанрах, а в частности книжка его очерков и фельетонов «Комары. Всякая всячина. Рой 1-й» (1842). *Но кто ж другой. . .* Тургенев. *Когда-то сильно пострадал на земле от пожара.* Повидимому, намек на поведение девятнадцатилетнего Тургенева во время пожара на пароходе «Николай I», сгоревшем на пути в Германию. Согласно широко распространенному в свое время анекдоту, Тургенев очень струсил и кричал: «Спасите меня, я единственный сын у моей матери». *Катков* — см. примеч. 39. *Леонтьев П. М.* (1822—1874) — профессор римской литературы Московского университета, реакционный публицист, ярый поборник классической системы образования, ближайший единомышленник Каткова и его помощник по редактированию «Русского вестника» и «Московских ведомостей». *«Вестник»* — «Русский вестник». *Павлов* — см. примеч. 38. Здесь Минаев имеет в виду, в частности, статьи Павлова 1862 г., направленные против студенческого движения, Чернышевского, Герцена и пр. *Феваль П.* (1817—1887) — французский беллетрист, автор сенсационных бульварных романов. *Краевский* — см. примеч. 39. *С землей расстался я в восемьсот сороковом году.* По всей вероятности, намек на начало издания Краевским «Отечественных записок» (1839), которые, в первую очередь благодаря Белинскому, стали центром передовой литературы 1840-х годов.

Громека — см. примеч. 20. *Небольсин П. И.* (1817—1893) — беллетрист, этнограф, экономист и историк. Незадолго до этого напечатал в «Отечественных записках» очерки «Около мужичков». *Когда Скарятин начинает ржать.* См. примеч. 39. *Аскоченский* — см. примеч. 4. *Фокин* — танцор, «герой канкана, славившийся по всему Петербургу своими антраша, доходившими до последней степени бесстыдства» (А. М. Скабичевский, «Литературные воспоминания», М.—Л., 1928, с. 242). *Розенгейм* — см. примеч. 37. *Кушнерев И. Н.* (1827—1896) — мелкий беллетрист и журналист 1860-х годов. *Бланк* — см. примеч. 22. *Отдайте мне удобства и комфорт...* Эти слова связаны с рассуждениями о роскоши и комфорте в «Фрегате Палладе» Гончарова (глава «Сингапур»). Если роскошь является в его глазах пережитком господства аристократии, «пороком», «уродливым и неестественным отклонением от указанных природой и разумом потребностей», то комфорт, наоборот, «есть разумное и выработанное до строгости и тонкости удовлетворение этим потребностям... Комфорт и цивилизация почти синонимы». *Раппопорт М. Я.* (1824—1884) — музыкальный критик. *Фукс В. Я.* (1829—1891) — сотрудник газеты министерства внутренних дел «Северная почта», впоследствии — член Главного управления по делам печати. *Старчевский А. В.* (1818—1891) — журналист, редактор-издатель журнала (1856—1861), а затем газеты (1862—1870) «Сын отечества». *«Время»* — журнал, выходивший в Петербурге в 1861—1863 гг. под редакцией М. М. и Ф. М. Достоевских, орган так называемого «почвенничества». *Камбек* — см. примеч. 33. *Заочный* — псевдоним видного чиновника министерства внутренних дел В. К. Ржевского (1811—1885), сотрудника «Русского вестника», а затем «Северной почты» и «Вести». *Арсеньев* — см. примеч. 129.

259. «Русское слово», 1863, № 3, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 10—18, под заглавием «Старые знакомые, или лекции по философии в Москве». Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 467—479. В начале 1863 г. философ-идеалист П. Д. Юркевич (см. о нем примеч. 21) прочел в Москве цикл публичных лекций, в которых пытался опровергнуть материалистическую философию. Посетители этих лекций и поклонники Юркевича и изображены Минаевым в образах доживших до 1860-х годов героев «Горя от ума». *Молешотт Я.* (1822—1893) — немецкий физиолог; пользовался большой популярностью в радикальных кругах 1860-х годов. *Бюхнер* — см. примеч. 39. *Страхов Н. Н.* (1828—1896) — философ, критик и публицист, один из идеологов так называемого «почвенничества», сотрудник «Русского вестника» Каткова, «Времени» и «Эпохи» Достоевского, «Зари», «Руси» Аксакова, непримиримый враг революционных и материалистических идей 1860-х годов. *Косица* — псевдоним Н. Н. Страхова. *Лонгинов М. Н.* (1823—1875) — библиограф и историк литературы; в молодости член кружка «Современника» и либерал; к 1860-м годам резко поправел и стал писать в «Русском вестнике» Каткова; впоследствии — в 1871—1875 гг. — начальник Главного управления по делам печати; Лонгинов фигурирует в сценке Минаева в связи с его письмом в редакцию «Московских ведомостей», в котором он взял Юркевича под защиту от нападок радикальной прессы (1863, № 56). *Однажды в Киеве...* До переезда в Москву Юркевич был профессором Киевской духовной академии. *А вот с письмом, где так грозится...* Некто А. Рогов послал Юркевичу анонимное письмо, в котором пре-

дупреждал: «Если в следующих лекциях вы не оставите цинизма, не будете с достоинством относиться к материалистам, то услышите уже не шиканье, а свистки. Но еще лучше сделаете, если сознаете ваше бессилие и прекратите лекции» («Очерки», 1863, № 98). Сообщив слушателям о полученном письме, Юркевич, по словам автора статьи об его лекциях в газете «Очерки», смял его и с улыбкой прибавил: «А из письма этого я вправе сделать такое употребление, какое найду пригодным» (1863, № 76). *Аскоченский* — см. примеч. 4. *Редактор почтенной московской газеты* — редактор «Дня» славянофил И. С. Аксаков. Аксаков напечатал и статью в защиту Юркевича «Два слова о материализме и общественной свободе» («День», 1863, № 11). *Владимир Монументов* — псевдоним В. П. Буренина, в то время радикала, сотрудника «Искры» и «Современника», печатавшего в них свои сатирические стихотворения. *Ученый есть Лавров...* Будущий идеолог народничества П. Л. Лавров (1823—1900), выступивший в конце 1850-х — начале 1860-х годов с рядом работ по философии, был полковником артиллерии и профессором математики и теоретической механики Артиллерийской академии. *Тургенев сочинил...* Об «Отцах и детях». *Катков* — см. примеч. 39.

260. Первые четыре главы были впервые напечатаны в «Будильнике», 1865, № 74, с. 294—295; № 75, с. 297—298; № 77, с. 305—306; № 78, с. 309—310, под заглавием «Евгений Онегин. Роман в стихах (сокращенный и исправленный по статьям критиков-реалистов «Русского слова»)», за подписью: Литературное домино. Роман кончался последней строфой эпилога, следовавшей непосредственно за XVI строфой четвертой главы. В 1866 г. с несколькими мелкими поправками вышел отдельным изданием: «Евгений Онегин. Роман в стихах, сокращенный и исправленный по статьям новейших лжереалистов Темным человеком». Пятая глава была напечатана в «Петербургском листке», 1867, № 71, под заглавием «Глава из современного романа», без подписи. Здесь она появилась с рядом отличий от окончательного текста — без XIX и XX строф, с еще одной строфой в конце, впоследствии отпавшей, и пр. В 1868 г. все пять глав «Евгения Онегина» (пятая глава была вставлена между предпоследней и последней строфами четвертой главы), с рядом исправлений и с предисловием, разъясняющим смысл «романа», вошли в сборник «Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах Д. Д. Минаева. Изд. 2-е, доп., с прибавлением разных стихотворений». В 1870 г. первые четыре главы были включены в сборник Минаева «Песни и поэмы» снова под заглавием «Евгений Онегин, роман в стихах, сокращенный и исправленный по статьям новейших лже-реалистов»; здесь напечатан журнальный текст, а из изд. 1866 и 1868 гг. перенесено лишь несколько мелких поправок. Наконец в 1877 г. вышло третье отдельное издание с новыми исправлениями и еще одной (шестой) главой: «Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах Д. Д. Минаева, 3-е, испр. изд. с прибавлением новой главы и эпилога». При этом больше половины 6-й главы (строфы I—XI) перенесено Минаевым, с некоторыми изменениями и перестановками, из его стихотворного фельетона «С птичьего полета» («Дело», 1874, № 1, с. 124—134). Этим объясняется, почему 6-я глава написана не онегинской строфой, как все предыдущие. Печ. по 3-му изд. «Евгений Онегин нашего времени» является пародией на статью Д. И. Писарева «Пушкин и

Белинский» («Русское слово», 1865, №№ 4 и 6), на его истолкование Пушкина и на писаревского идеального человека («мыслящего реалиста»). «Темный человек написал пародию на «Онегина» Пушкина или, вернее, на Онегина «Русского слова», — читаем в рецензии Некрасова, — и это одна из самых остроумных его пародий: сущность учения этого «Слова» мастерски усвоена стихом и приемом очень близким пушкинскому» («Современник», 1866, № 3, с. 126). Сам Минаев писал в предисловии к изд. 1868 г.; «Автор считает нужным сказать несколько слов, чтобы избегнуть незаслуженных упреков в том, что он решился как будто *исправлять* роман Пушкина. Предлагаемая комическая поэма была написана совершенно по другой причине. Она явилась три года тому назад как пародия на статьи тех журнальных критиков, которые вздумали сочинять своего собственного Евгения Онегина и навязывали ему свои псевдорадикальные идеи. Они забывали, что Пушкин жил в другую эпоху, и его герой, как дитя своего времени, не может быть героем времен Базаровых, Литвиновых и Раскольниковых. Наряжая и исправляя Е. Онегина по собственной мерке, эти критики, разумеется, договорились до карикатуры, что и хотел показать автор в предлагаемой поэме, написанной в форме романа Пушкина». Последние две главы, приписанные позже, несколько нарушают первоначальный замысел и мало связаны со статьями Писарева. В них отразилась общественная атмосфера более поздних лет. В поэме есть ряд цитат из «Евгения Онегина» Пушкина. *Шекспир ваш — то же, что лопух.* Подобная оценка Шекспира характеризует не Писарева, а его соратника по «Русскому слову» В. А. Зайцева — см. рецензии последнего на драмы Эсхила и «Эстетические отношения искусства к действительности» Чернышевского («Русское слово», 1864, № 12, с. 5—6; 1865, № 4, с. 92). Писарев же, наоборот, высоко ставил творчество Шекспира — см. статью «Нерешенный вопрос» (1864, № 9, с. 43; № 10, с. 27; № 11, с. 22—26). *Фогт К.-Х.* (1817—1895) — немецкий физиолог и зоолог, видный представитель естественнонаучного материализма. *Миллер О. Ф.* (1833—1889) — критик и историк литературы, близкий по своим взглядам к славянофильству. Имя его впервые появилось в 3-м изд. «Евгения Онегина»; до этого было сначала «И Благосветлова труды», а затем «Ткачева славные труды». Замена эта неудачна. Миллер никакого отношения к «Русскому слову» не имел и вообще в середине 1860-х годов был еще сравнительно мало известен; имя его привнесено из более поздней эпохи. *И с современным публицистом* и т. д. Минаев имеет в виду статью о Милле одного из главных сотрудников «Русского слова» Н В. Соколова (1832—1889). Соколов утверждал в ней, что Милль — «отъявленный британский буржуа», написавший свои «Основания политической экономии» с целью «оправдать экономическую ложь Англии и воспеть прелесть лихоимства и тунеядства» (1865, № 7, с. 40). Иначе, как известно, оценивал Милля Чернышевский и вообще «Современник». *И вслед за мрачным нигилистом...* Мрачный нигилист — В. А. Зайцев (1842—1882), критик и публицист, один из главных сотрудников «Русского слова». Исходя из вульгарно-материалистических представлений о человеке, Зайцев высказал странные для публициста радикального лагеря мысли. Он заявил, что не следует восставать против рабства негров, так как невольничество является для них «самым лучшим исходом, которого может желать цветной

человек, придя в соприкосновение с белой расой». Физические и психические свойства негров таковы, что настаивать на их братстве с белыми «могут, по словам Зайцева, только чувствительные барыни, как г-жа Бичер-Стоу» (1864, №№ 8 и 12). *Одно реальное изданье* — «Русское слово». *Крон, Фриц и Казалет* — петербургские пивовары. *Нильский А. А.* (1841—1899) и *Бурдин Ф. А.* (1827—1887) — актеры Александринского театра. *«Не судьба»* — пьеса Н. А. Лейкина, шедшая на сцене Александринского театра в сезон 1865—1866 г. *Ригольбош* — см. примеч. 14. *Шлоссер Ф.* (1776—1861) — знаменитый немецкий историк. В конце 1850-х и в 1860-х годах на русский язык были переведены его многотомные сочинения: «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения французской империи» и «Всеобщая история». *Но так как фосфору в нем много...* Намек на статью Писарева «Физиологические этюды Молешотта» («Русское слово», 1861, № 7), в которой он, излагая взгляды Молешотта, писал, что «для работы нашего мозга необходим фосфор», «без фосфора нет деятельности мысли» и т. д. *Не воспевал он дамских ножек...* Имеется в виду известное место из «Евгения Онегина»: «Ах, ножки, ножки! Где вы ныне?» и т. д. *Жоли Н.* (1812—1885) — французский физиолог и медик. Возможно, впрочем, что речь идет о немецком физике Ф. Жолли (1809—1884). *Пуше Ф.-А.* (1800—1872) — французский ученый, автор ряда работ по зоологии, ботанике, физиологии; в 1866 г. на русском языке была издана его книга «Земля и небо. От незримой пылинки до беспредельности мира». *Мюссе.* Повидимому, это описка или опечатка, и речь идет об известном французском популяризаторе Ж. Масе (1815—1894), сочинения которого «История кусочка хлеба» и «Слуги желудка» были в середине 1860-х годов дважды изданы в русских переводах. *Омар* (592—644) — мусульманский халиф, «прославившийся» сожжением Александрийской библиотеки. *Назвал Лурлеей полногрудой.* «Полногрудая Лурлея» (Лорелея) — из стихотворения Аскоченского «Лурлеин утес». Обнаружив сборник «Стихотворений» мракобеса Аскоченского, изданный в Киеве в 1846 г., а в них, наряду с религиозными, и любовные мотивы, «Искра» неоднократно подвергала их беспощадному осмеянию. Особенно запомнилась и часто фигурировала в журналах 1860-х годов именно «полногрудая Лурлея». *Письмо Татьяны к Евгению Онегину.* В журнальном тексте к письму Татьяны было сделано следующее примечание: «В «Русском слове» в статье «Пушкин и Белинский» (1865 г., апрель, стран. 39—44) подробно объяснено, какое впечатление должно бы произвести письмо Татьяны на *настоящего* Онегина. Насколько я оставался верен новой программе — желающие могут узнать из вышеприведенной статьи». *Вот вам Вольмар и Ричардсон.* Юлия Вольмар — героиня «Новой Элоизы» Ж. Ж. Руссо. Ричардсон С. (1689—1761) — знаменитый английский романист, автор «Клариссы Гарлоу» и «Грандисона». О Руссо, Ричардсоне и героях их романов, как известно, говорится в «Евгении Онегине» в связи с характеристикой переживаний Татьяны. *Шелгунов Н. В.* (1824—1891) — критик и публицист радикального лагеря, сотрудник «Современника» и «Русского слова». *Якушкин* — см. примеч. 7. *Коломна* и *Петербургская сторона* — районы Петербурга. *Хромой, как Байрон, и каратель...* О писателе-юмористе Н. А. Лейкине; см. о нем примеч. 60. *Дроз Г.* (1832—1895)—французский писатель. *Пальмерстон Г.-Д.-Т.* (1784—1865) — многолетний руководитель внешней политики Ан-

глии в духе борьбы за мировое господство. *Мы отрицаем все — и баста.* Минаев вкладывает в уста Онегину слова Базарова. Ср. стихотворение «Отцы или дети?» и примеч. 21. *Юркевич-Литвинов П. А.* — издатель-редактор газеты «Народный голос» (1867). *Хан Э. А.* — издатель-редактор журнала «Всемирный труд» (1867—1872). *Мессарош Н. И.* — редактор журнала «Женский вестник» (1866—1868). *Поэт-швейцар Ефим Дроздов...* В одном из своих фельетонов Минаев также писал, что швейцар клуба Е. Дроздов, «пользующийся некоторою знаменитостью», «раздавал посетителям розовые листочки со стихами собственного изделия» (Что в имени тебе моем, «Февральские листки» — «Дело», 1870, № 2, с. 78.) Впоследствии он принимал какое-то участие в редактировании литературного отдела журнала М. О. Микешина «Пчела» (1876—1878). *Смотрите! Вот этюд мой «демон»...* О картине исторического живописца и портретиста М. Н. Алексеева, впервые выставленной им в Академии художеств в 1865 г. *«Русский вестник»* — см. примеч. 39. *«Невский сборник»* — «Невский сборник (учено-литературный)», г. I, СПб., 1867; был издан Вл. Курочкиным под редакцией Н. С. Курочкина; сборник объединил писателей демократического лагеря; в нем были напечатаны и стихи Минаева. *«Какая смесь одежд и лиц!»* — строка из «Братьев-разбойников» Пушкина. *Вот общий наш увеселитель...* О В. И. Аристове (1831—1903), который в те годы был близок к литературным кругам и являлся одним из заправил петербургского клуба художников. «Бессменно пребывавший и распоряжавшийся там, на правах диктатора, В. И. Аристов — с его моноклем, большими усами и неумеренно жизнерадостной суетливостью», — вспоминал о нем В. С. Лихачев («Литературно-политическая исповедь» — «Биржевые ведомости», 1909, утр. вып., № 11481). «Известен, как любитель «свободных художеств и как филантроп-увеселитель», — читаем в юмористическом словаре В. О. Михневича «Наши знакомые» (СПб., 1884, с. 7). См. также автобиографическую заметку Аристова в книге «Знакомые. Альбом М. И. Семевского», СПб., 1888, с. 163. В 1867 г. Аристов издал сборник стихотворений Минаева «В сумерках». *Что в клубе каждый член-«любитель»...* О спорах между действительными членами и остальными постоянными посетителями клуба — «членами-любителями» см. «Петербургский листок», 1867, № 178, статью «Быть или не быть». *Вот наш художник знаменитый...* М. О. Микешин; см. о нем примеч. 171. *В кружке Арсеньева бранит.* В 1865 — 1866 гг. И. А. Арсеньев (см. о нем примеч. 129) состоял редактором-издателем «Петербургского листка». По всей вероятности, имеются в виду возникшие между ним и собственниками газеты А. А. и Н. А. Зарудными материальные недоразумения, ставшие предметом судебного разбирательства («Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати», ч. 3, СПб., 1870, с. 595—671). В 1867 г. издателем «Петербургского листка» числился А. А. Зарудный. Возможно, впрочем, что речь идет о редакторе-издателе газеты «Народный голос» П. А. Юркевиче-Литвинове, также резко полемизировавшем с Арсеньевым. *«Поэт-солдат»* — П. К. Мартьянов (см. о нем примеч. 227); первый его сборник назывался «Стихотворения поэта-солдата» (1865). *Хомяков А. С.* (1804—1860) — один из вождей славянофильства; поэт, публицист, философ, богослов. *Горбунов И. Ф.* (1831—1895) — талантливый

актер, рассказчик и писатель, автор юмористических сцен из жизни городского мещанства, мелкого чиновничества и крестьянства. *Между артистов на эстраде.* В этой строфе отразилось наделавшее в свое время много шума чтение некоей Толмачевой на литературном вечере в Перми «Египетских ночей» Пушкина. Ср. также стихотворение В. Курочкина «„Египетские ночи" и петербургские фельетонисты» (1861). *Розенгейм* — см. примеч. 37. Следует отметить, что в строфах 12—14, 16—17 5-й главы есть еще целый ряд намеков и портретных зарисовок посетителей петербургского клуба художников, нуждающихся в расшифровке. *Ташкентцы* — см. примеч. 234. *Послать самарским мужичкам.* В 1872—1873 гг. в Самарской губернии был голод (напомню, что первую половину 6-й главы Минаев заимствовал из своего фельетона, напечатанного в январе 1874 г.). *«Гражданин»* — см. примеч. 93. *Лафарж М.-Ф.* (1816—1852) — героиня знаменитого французского уголовного процесса, обвинявшаяся в отравлении своего мужа.

261. «Искра», 1866, № 9, с. 116—117; № 10, с. 127—129; № 11, с. 141—142, подпись: Литературное домино. Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 243—265. Герой поэмы В. А. Соллогуба, помещенной в изданном М. П. Погодиным сборнике «Утро» — бывший студент Иван Белин. Если бы не самолюбие и не боязнь прослыть отсталым, он был бы «добрым малым» и вышел бы «в люди». Но его обуревают мечты о социальном преобразовании России, он произносит буйные речи на сходках молодежи. Однажды к Белину явился владелец того дома, в котором он жил, — глубокий старик. Он сообщил Белину, что ему угрожает арест, и рекомендовал отправиться в деревню к его внучке в качестве учителя ее мальчика. У внучки старика есть еще две красавицы-дочки. Белин начинает мечтать о любви и деревенском приволье и решает последовать совету старика. Товарищам же он сказал, что уезжает по очень важным делам, для осуществления своих революционных замыслов. В конце поэмы оказывается, что старик действовал по указанию квартального надзирателя, который таким образом избавился от беспокойного «нигилиста». Слова, напечатанные курсивом (кроме «ум его широкоплеч»), взяты из поэмы Соллогуба. *«Тарантас»* — роман Соллогуба, наиболее значительное его произведение. *С «сухих туманов» «Атенея»...* О статье Я. И. Вейнберга «Сухой туман» («Атеней», 1858, кн. 5), неоднократно служившей объектом для насмешек в журналистике 1860-х годов. *«Весть»* — см. примеч. 39. *Фогт* и *Молешотт* — см. примеч. 260 и 259. *Погодин* и *Катков* — см. примеч. 30 и 39. *Михно Н. В.* — драматург, переводчик, редактор журнала «Русская сцена». *Когда родился Карамзин?* Имеется в виду статья М. П. Погодина «О годе рождения Карамзина», напечатанная в сборнике «Утро». Впрочем, на эту же тему появились в 1865 г. также заметки М. Н. Лонгинова, С. Д. Полторацкого и А. Д. Галахова, высмеянные Минаевым в «Будильнике» (Юный библиофил, «Когда родился Карамзин?» — 1865, № 93, с. 372). *Меня Жуковский чтил как друга...* Насмешка над воспоминаниями Соллогуба, напечатанными незадолго до этого в «Русском архиве» (1865, № 5—6) и спародированными Минаевым в стих. «В кругу друзей у камелька...», а также над его куплетами, спетыми на юбилее П. А. Вяземского еще в 1861 г. («Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика Петра Андреевича Вяземского», СПб., 1861, с. 23; ср. также пародию В. С. Курочкина на эти куплеты — «Искра»,

1861, № 10, с. 144). *«Утренняя заря»* — альманах конца 1830-х — начала 1840-х годов, в котором печатал свои произведения Соллогуб. *В Париже ставил водевили* — см. примеч. 14. *В России драму написал.* О драме Соллогуба «Чиновник» (1856), наиболее известном произведении «обличительной» драматургии этих лет. *«Голос»* — см. примеч. 48. *«Маяк»* — см. примеч. 30. *Ростопчина Е. П.* (1811—1858) — поэтесса и романистка консервативного лагеря. *Курганов Н. Г.* (1726—1796) — писатель, автор «Письмовника», сборника анекдотов, рассказов и пр., пользовавшегося в свое время большой известностью. *И на работника Семена* — см. цикл «Лирические песни с гражданским отливом» и примеч. 42. *Грот Я. К.* (1812—1893) — историк литературы и лингвист; академик.

262. «Искра», 1871, № 23, с. 707—714, в цикле «Старые сказки на новый лад (для детей от 8-ми до 98-милетнего возраста)» — «Сказка 7-я»; напечатана без разделения на стихи — в строку, но каждая строфа — с абзаца; подпись: Л<итературное> д<омин>о. Печ. по сб. «Демон... Сказки», с. 161 — 190. *Зуев Н. И. (1823—*1890) — автор учебных руководств и пособий по истории и географии, издатель географических и исторических атласов и карт. *Погодин* — см. примеч. 30. *Гимназии классической* и т. д. В 1860-е годы велась ожесточенная полемика между сторонниками реального и классического образования; защитниками последнего были преимущественно представители реакционных кругов, с беспокойством смотревшие на бурное развитие естественных наук; в изучении древних языков они видели надежное средство отвлечь молодое поколение от материалистических и революционных идей. В 1871 г. был утвержден новый устав гимназий, согласно которому классические гимназии признавались единственным видом общеобразовательных учебных заведений, готовящих в университеты; лица, оканчивающие реальные училища, которые были открыты за несколько лет до этого, лишены были возможности обучаться в университетах. *Гиляров-Платонов Н. П.* (1824—1887) — публицист консервативного лагеря, близкий к славянофилам; редактор-издатель московской газеты «Современные известия». *Катков, Краевский, Суворин* — см. примеч. 39 и 106. В «Искре» это место отличается от окончательного текста. Здесь перечислялись некоторые издания, уже не существовавшие ко времени выхода сб. «Демон» («Всемирный труд», «Заря», «Беседа»), издания, только начавшие выходить в 1870—1871 гг. и названия которых звучали тогда более актуально, чем через несколько лет («Нива», «Новости»), «газета Корша», («С-Петербургские ведомости»), которая перешла затем в другие руки, и пр.

263. Впервые напечатана полностью в сб. «Демон. Сатирическая поэма. Сказки...», СПб., 1880. В настоящей книге печатается по этому сборнику (с. 3—16) 1-я песня поэмы без последних двух разделов. Половина 2-й песни и вся 5-я были напечатаны в «Биржевых ведомостях», 1878, № 317, в очередном фельетоне Минаева «Чем хата богата», под заглавием «Демон (Отрывки из поэмы)», за обычной подписью: М. Д. По видимому, в это время поэма была уже закончена. Половина 1-й песни и фрагменты 2-й перенесены Минаевым в поэму, с рядом исправлений, из его стихотворного фельетона «С птичьего полета» («Дело», 1874, № 1, с. 118—124), другая часть которого использована для 6-й главы «Евгения Онегина нашего времени». *Что у Ефремова в изданьи.* Ефремов П. А. (1830—1907) —

историк литературы и библиограф, редактор собраний сочинений Пушкина, Лермонтова и др.; первое издание сочинений Лермонтова под ред. Ефремова вышло в 1873 г. *Милль* — см. примеч. 14. *Одинокая вдова* — Евгения Монтихо (1826—1920), испанская графиня, жена Наполеона III. Вместе с Наполеоном III эмигрировала в Англию в 1870 г. После его смерти (1873 г.) вдохновляла бонапартистское движение во Франции, стремясь посадить на престол своего сына, о котором идет речь ниже: «Но жив *четвертый* Бонапарт!» *Столь пресловутый Генрих Пятый...* Генрихом V приверженцы королевской династии Бурбонов называли последнего представителя старшей линии Бурбонов графа А.-Ш.-Ф. Шамбора (1820—1883). После провозглашения республики в 1870 г. легитимисты прочили его на французский престол; однако, после 1873 г. он сошел с политической сцены. *Патти А.* (1843—1919) — знаменитая итальянская певица.

264. «Молва», 1880, № 314, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Эпиграф — из «Медного всадника» Пушкина. *Карс* и *Ардаган* — крепости, взятые русскими войсками в 1877 г. и присоединенные к России по Сан-Стефанскому договору. *Марков Е. Л.* (1835—1903) — беллетрист, критик и публицист умеренно-либерального лагеря. *Вейнберг Павел Исаевич* (1846—1904) — рассказчик, пользовавшийся успехом у мещанской публики, автор сценок из еврейского и армянского быта, юмор которых основан исключительно на передразнивании русской речи евреев и армян; с середины 1870-х годов — актер Александринского театра; брат поэта, переводчика и историка литературы Петра И. Вейнберга. *Барышев* и *Мартьянов* — см. примеч. 225 и 227. *Лазарев А. В.* — композитор, автор нелепых «ораторий»; давая концерты в Петербурге и за границей, исполнял себя и Бетховена с целью показать свое превосходство. *Кюи Ц. А.* (1835—1918) — композитор и музыкальный критик. Упоминание о шканцах (временных полевых укреплениях, окопах) — намек на вторую специальность Кюи. Он был военным инженером, профессором фортификации. *«Берег»* — крайне реакционная, субсидировавшаяся правительством газета, выходившая в 1880 г. под редакцией профессора-юриста П. П. Цитовича (1844—1913), автора ряда злобных памфлетов против Чернышевского и других представителей левого крыла русской общественной мысли. *«Русский вестник»* и *Катков* — см. примеч. 39. *Лейкин* — см. примеч. 60. *Щукин двор* — один из петербургских рынков — упомянут в связи с тем, что очерки и рассказы Лейкина с их поверхностным и грубоватым юмором пользовались большой популярностью в купеческой среде. *Проводит целый день на Волковом кладбище.* На «литераторских мостках» Волкова кладбища в Петербурге похоронено много выдающихся русских писателей и публицистов.

265. «Deutschland. Ein Wintermärchen». Перевод отдельных глав поэмы Гейне печатался в журналах и сборниках Минаева в 1865—1872 гг.; полностью — в «Сочинениях Генриха Гейне в переводе русских писателей» под ред. В. Чуйко, т. 13, СПб., 1881. III. Сб. «В сумерках», с. 299—301. Печ. по «Сочинениям» Гейне, с. 18—21. XII. Сб. «В сумерках», с. 321—322; с исправл., под заглавием «Волки» — в сб. «Песни и поэмы», с. 140—142. Печ. по «Сочинениям» Гейне, с. 53—55, где, наряду с новыми исправлениями, Минаев частично вернулся к первоначальному тексту. XX. «Неделя», 1869, № 1, с. 13—14, под заглавием «Под родным кровом (Из Гейне)». XXVII. «Искра», 1870, № 28, с. 935—938, под заглавием «Под не-

бом Пруссии (Из Гейне)», без 1-й и 7-й строф. Печ. по «Сочинениям» Гейне, с. 115—119. *Мейер К.* (1786—1870) — немецкий поэт, принадлежавший к реакционной «швабской школе». *Кернер К.-Т.* (1791—1813) — немецкий поэт, участник войн с Наполеоном, автор сборника стихотворений «Лира и меч». «Красный цвет знаменует французскую кровь» — строка из его стих. «Песнь черного охотника». *Де ла Мотт Фуке* (1777—1843), *Уланд Л.* (1787—1862), *Тик. Л.* (1773—1853) — немецкие поэты-романтики. *Ненавистная птица сидела...* Имеется в виду государственный герб Пруссии — орел. *Созову непременно я рейнских стрелков.* Рейнская область, расположенная по соседству с Францией и находившаяся одно время под ее протекторатом, испытала сильное влияние Французской революции. И в политическом и в экономическом отношении она значительно опередила феодальные германские государства. Население Рейнской области, после обратного ее присоединения к Пруссии в 1815 г., относилось к ней крайне враждебно. *Кольб Г.* (1798—1865) — редактор «Аугсбургской всеобщей газеты», в которой Гейне печатал свои статьи. По цензурным соображениям Кольб часто исправлял и сокращал их. *Эта лира ко мне перешла от того...* Речь идет об Аристофане. *Пайстетерос* и *Базилея* — персонажи его комедии «Птицы».

266. «Testament». «Искра», 1870, № 6, с. 223—226, с подзаголовком «Посмертное стихотворение Гейне», без 9-й строфы. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 217—218, где перевод значительно переработан.

267. «Chiaia». «Русское слово», 1861, № 6, с. 52—58, с посвящением Николаю Евстафьевичу Симакову и датой: 1 марта 1861 г. В сб. «В сумерках» (с. 100) посвящение снято. У Барбье вместо «Поэт» всюду «Сальватор». *Сальватор Роза* (1615—1673) — итальянский живописец, поэт и музыкант. Родился он недалеко от Неаполя, находившегося тогда под властью испанцев. Юношей, странствуя по Апулии и Калабрии, попал в руки разбойников и некоторое время жил среди них. Затем С. Роза переехал в Рим, где прославился полными жизни картинами из быта пастухов, солдат и бандитов. Язвительные сатиры восстановили против него римское общество, и он принужден был удалиться в Неаполь. Там он принял участие в народном восстании против испанцев, которым руководил рыбак Мазаниелло (1647) *Киая* — морское побережье возле Неаполя, где занимался рыбачеством Мазаниелло.

268. «Prologue». «Современник», 1861, № 11, с. 346—347, под заглавием «Ямб первый (Из Барбье)». Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 23—24, где перевод напечатан в значительно переработанном виде.

269. «Le gin». «Искра», 1866, № 33, с. 431—432, с надзаголовком «Ямбы и сатиры Барбье» и ссылкой на «Искру» 1865 г., где были напечатаны переводы из Барбье В. С. Курочкина. Печ. по сб. «В сумерках», с. 167—169.

270. «La conscience». «Дело», 1872, № 1, с. 60—62, с подзаголовком «Из «La légende des siècles» В. Гюго». Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. I, с. 39—42.

271. «Dans l'ombre» из сб. Гюго «L'année terrible». «Отечественные записки», 1875, № 3, с. 293—294, с подзаголовком «Из В. Гюго», без строк 25—28. Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. I, с. 43—44.

272. «Prélude» — вступление к сб. Гюго «Les chants du crépuscule». Сб. «Чем хата богата», отд. I, с. 1—4.

273. «Le chant des ouvriers». Сб. «В сумерках, с. 61—63,

под заглавием «Песня работников». Печ. по сб. «Песни и поэмы», с. 124—126, но с сохранением первоначального заглавия; в сб. «Песни и поэмы», по всей вероятности по цензурным соображениям, озаглавлено «Песня французских работников». Перевод был сделан Минаевым значительно раньше. Без сомнения, это о нем идет речь в журнале заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 9 октября 1863 г., где говорится, что «Песнь тружеников», равно как «Немезида» <из Барбье> и «Сказка о восточных послах», предназначавшиеся для «отдельного издания сочинений г. Минаева» (т. е. для 2-го тома «Дум и песен», вышедшего в свет только через год), запрещены комитстом.

274. «Les hommes utiles» «Искра», 1866, № 34, с. 443, без 5-й строфы. Печ. по сб. «В сумерках», с. 170—171. Строфа 5-я занимает у Надо третье место, а 6-й у него нет вовсе — она принадлежит Минаеву.

275. «Les prunes». «Будильник», 1879, № 7, с. 91, с подзаголовком «Из сборника «Les amoureuses» Альфонса Доде».

276. «Abel et Cain». «Искра», 1870, № 2, с. 57—58, с подзаголовком «С французского», но без указания автора. Стихотворение вызвало крайнее недовольство цензурного ведомства. «В № 2 газеты «Искра», — писало Главное управление по делам печати председателю С.-Петерб. ценз. комитета 30 января 1870 г., — помещено стихотворение под заглавием «Каин и Авель», разделяющее род человеческий на племя Авеля (люди имущие), слабеющее от разврата и грядущее коего представляется загадочным, и племя Каина (пролетариат), которое наконец сбросит свое иго, и тогда под напором его дрогнет шар земной. Находя это стихотворение крайне предосудительным, Совет Главного управления по делам печати полагал сделать редактору категорическое внушение, что при первом возобновлении подобной попытки, т. е. помещения стихов или статей с социалистическим и тенденциозным содержанием, он подвергнется предостережению» (Дело С.-Петерб. ценз. комитета, 1869, № 56).

277. Вольный перевод стихотворения Walter Raleigh (1552—1618) «The lie». Перевод (под заглавием «Завещание» и с подзаголовком «С английского») был запрещен цензурой и включен в «Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 году», т. 2, СПб., 1862, с. 162—164. Под окончательным заглавием, с подзаголовком «Песня», эпиграфом «Go, soul, the body's guest» (первый стих «The lie») и несколькими другими исправлениями — в «Искре», 1862, № 21, с. 293—294. С новыми исправл. — в сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 5—7. Печ. по сб. «В сумерках», с. 75—76. На протяжении нескольких лет перевод подвергся существенной переработке. В «Сборнике» и «Искре» первая строфа другая:

Душа! покидай мое тело
Под гнетом могильной плиты;
Будь вестницей истины ты,
Начни свое доброе дело
И, в мир проливая лучи,
Мир во лжи обличи.

Между 2-й и 3-й строфами с конца еще одна строфа:

Скажи, что уж многие годы
Искусство вне правды живет,

И чтит его только народ
По прихоти или из моды,
А скажут тебе: докажи!
Обличи их во лжи.

Последняя строфа также другая:

Когда ж твое грозное слово,
Карающей правды язык,
Услышит проклятия крик —
Душа! ко всему будь готова.
Пусть гонит и бьет тебя ложь:
Ведь души не убьешь...

В «Сборнике», кроме того, есть еще одна строфа между 2-й и 3-й с начала:

Скажи ты земному владыке,
Что силен он — в гимнах льстеца,
Что слушает он до конца
Восторга наемного крики,
А скажут тебе: докажи!
Обличи их во лжи.

Иная последняя строфа по сравнению с окончательным текстом сборника «В сумерках» и в «Думах и песнях»:

Но если свои идеалы
Ты нянчил в прихожих вельмож,
Где сам проповедовал ложь,
То лучше слагай мадригалы,
Дразни и желанья и слух
У нервозных старух.

В стихотворении Ралея тринадцать строф. Первоначальный текст перевода ближе к оригиналу; в окончательной редакции первая и последняя строфы принадлежат самому Минаеву. В некоторых других местах усилено социальное звучание стихотворения, и оно несколько приближено Минаевым к современности.

278. «Darkness». «Русский мир», 1860, № 75, с. 168—169. Печ. по сб. «В сумерках», с. 120—122.

279. «Childe Harold's good nigt» из «Childe Harold's pilgimage». «Русское слово», 1863, № 9, с. 154—156; с исправл., в составе всей поэмы — «Русское слово», 1864, № 1, с. 86—89. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 23—26.

280. Oh! weepfor those» из цикла «Hebrew melodies». «Русское слово», 1863, № 10, с. 127. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 22.

281. «The song of the shirt». «Будильник», 1865, № 64, с. 253. В сб. «Песни и поэмы» (с. 151) перевод посвящен И. И. Дмитриеву.

282. «The bridge». «Русское слово», 1864, № 11, с. 335—336.

283. «Tyrolské elegie». «Светоч», 1860, № 8, с. 3—16; с исправл. — в сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 57 — 67. Печ. по сб. «В сумерках», с. 128—136. Минаев сопроводил свой перевод рядом примечаний. В первом из них (к заглавию) он следующим образом охарактеризовал чешского поэта: «Имя Гавличка — одно из лучших и светлых имен чешской литературы. Поэт, любимый своим

народом, редактор «Народных новин», лучшей чешской газеты, по своему влиянию на чехов Гавличек возбудил неудовольствие и опасения австрийского правительства. В 1851 г. его схватили и отправили в крепость Бриксен, в Тироле, где он в продолжение 5 лет досиделся до чахотки и был наконец прощен, но, возвратившись в Прагу, чрез несколько времени умер. Переведенные мною элегии Гавличка пользуются у чехов огромною популярностью. В этих песнях поэт, смеясь ядовитым смехом оскорбленного, рассказывает луне, как его взяли австрийские жандармы и повезли в тюрьму. Среди жесткого смеха и иронического веселья — в песнях Гавличка вырываются порой чрезвычайно теплые, задушевные, поэтические звуки. Удалось ли мне в переводе передать характер и дух этих песен — не знаю; по возможности я держался как можно ближе к подлиннику, даже в самом размере песен». К строке «Я из края музыкантов»: «Намек на Чехию, где почти каждый чех — музыкант». К строке «Бросил я в него Законник»: «Законник — Reichsgesetzbuch — собрание австрийских законов и постановлений». К строке «Бах, как доктор...»: «Поэт играет словами: Бах, бывший австрийский министр, имел степень доктора». К строке «Торопил меня Дедера»: «Имя полицейского чиновника». К строке «Целый Брод толпою»: «Брод — город в Чехии». К строке «Я надвинул *подебрадку»:* «Шапка, которую носили чехи-патриоты, названная так в память чешского героя Юрия Подебрадского». — За несколько месяцев до появления перевода Минаева «Тирольские элегии» были напечатаны в «Русском слове» (1860, № 4, с. 289—300) в оригинале и в прозаическом переводе А. Ф. Гильфердинга. Этим прозаическим переводом и пользовался Минаев, а на основании предисловия и примечаний Гильфердинга он составил свои примечания. — Во 2-й гл., между стр. 16 и 17 Минаев опустил еще четыре строки. Привожу их в переводе Гильфердинга: «Вставайте, господин редактор, не пугайтеся. Ходим мы ночью, однако мы не разбойники, а только комиссия». В других местах также опущены некоторые любопытные детали. Гл. 2, стр. 25—28. У Гавличка говорится о бульдоге, что он «чересчур привык к habeas corpus: он англичанин». Гл. 3, стр. 13—16. У Гавличка: «что в Чехии очень душно, жаркие испарения и много вони после этой октроировки <т. е. после введения австрийской конституции 1849 г.>, просто тлетворная атмосфера». Гл. 8, стр. 59—60. У Гавличка: «приехал я скорее, чем ездит русский царь, на станцию в приятном расположении». Гл. 9, стр. 9—12, которыми заканчиваются «Тирольские элегии»: «Окружное начальство, помощника окружного, жандармерию — вот кого дали мне ангелами-хранителями в этой Сибири».

284. «Пчела», 1877, № 11, с. 167. Примеч. Минаева к заглавию: «Вилы — создание народной сербской поэзии — нечто вроде нимф, живущих в горах, лесах и долинах».

285. «Молыт мя, мамо, молыт...» «Пчела», 1877, № 26, с. 398. Примеч. Минаева к словам «сотню карагроший»: «Грош — 40 пар или 20 коп. ассигнациями. Кара — черный, по-турецки»; к словам «ходжей, хаджинок»: «Т. е. спутников и спутниц ко гробу господню». Оригинал болгарской песни см. в книге «Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар. Издал П. Бессонов», М., 1855, вып. 1, № XIX, с. 95—98.

КНИГИ Д. Д. МИНАЕВА[1]

Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта. Вып. I. СПб., 1859 (дата цензурного разрешения — 26 ноября 1859 г.).

Проказы чорта на железной дороге. Юмористическая поэма в стихах Темного человека. Вып. 1-й. СПб., 1862 (ценз. разреш. — 30 октября 1862 г.).

Проказы чорта на железной дороге. Юмористическая поэма в стихах Темного человека. Изд. 2-е, испр. и доп., СПб., 1863 (ценз. разреш. — 31 августа 1863 г.).

Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека). <Том 1>. Спб., 1863 (ценз. разреш. — 16 апреля 1863 г.).

Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека) <Том 2>. СПб., 1864 (ценз. разреш. — 3 ноября 1864 г.).

Евгений Онегин. Роман в стихах, сокращенный и исправленный по статьям новейших лже-реалистов Темным человеком. СПб., 1866 (ценз. разреш. — 10 ноября 1865 г.).

Здравия желаю! Стихотворения отставного майора Михаила Бурбонова. СПб., 1867.

В сумерках. Сатиры и песни Д. Д. Минаева. СПб., 1868 (вышла в декабре 1867 г.).

Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах Д. Д. Минаева. Изд. 2-е, доп., с прибавлением разных стихотворений. СПб., 1868 (ценз. разреш. — 17 февраля 1868 г.).

Песни и поэмы Д. Д. Минаева. СПб., 1870.

На перепутьи. Новые стихотворения и Либерал, комедия в пяти действиях. СПб., 1871.

Разоренное гнездо (Спетая песня). Комедия в четырех действиях. Песни и сатиры. СПб., 1876.

Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах Д. Д. Минаева. 3-е, испр. изд. с прибавлением новой главы и эпилога. СПб., 1877 (на обложке: 1878; ценз. разреш. — 6 марта 1877 г.).

Песни и сатиры и комедия Либерал в пяти действиях. СПб., 1878. (Это сборник 1871 г. «На перепутьи» без всяких изменений, но с новой титульной страницей.)

Демон. Сатирическая поэма. Сказки «Где лучше?», «Кто в лес, кто по дрова», «Белый орел», «Кому на свете жить плохо», «Урок метафизикам» Д. Д. Минаева. СПб., 1880 (вышла в августе 1879 г.).

Аргус. Юмористический альбом Д. Д. Минаева. СПб., 1880 (вышла в конце 1879 г.).

---

[1] В список вошли только сборники оригинальных стихотворных произведений Минаева.

Народные русские сказки для детей в иллюстрациях. 4 выпуска (вышли, повидимому, в 1880, но не позже начала 1881 г.).

Чем хата богата. Песни и рифмы Д. Д. Минаева. СПб., 1881 (вышла в августе 1880 г.).

Дедушкины вечера. Русские сказки для детей в стихах Д. Д. Минаева. СПб. (ценз. разреш. — 1 декабря 1880 г.).

Всем сестрам по серьгам. Юмористический сборник. Песни, сцены, эпиграммы и пр. СПб., 1881.

Людоеды или люди шестидесятых годов. Роман. Стихотворения, очерки и сказки. 2-е изд. Юмористического альбома «Аргус». СПб., 1881. (Это не 2-е издание «Аргуса», а тот же сборник с новой титульной страницей.)

Новые новинки, песни да картинки. Стихотворения Д. Минаева. СПб., 1882. (Для детей.)

Теплое гнездышко. Стихотворения Д. Минаева. СПб., 1882. (Для детей.)

Не в бровь, а в глаз. Собрание эпиграмм Дмитрия Минаева. СПб. — М., 1883.

Не в бровь, а в глаз. Собрание эпиграмм Дмитрия Минаева. 2-е изд., СПб. — М., 1898. (Это не 2-е изд., а изд. 1883 г. с новой титульной страницей.)

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Д. Д. Минаев. 1870-е годы. Фотография Н. Досс в Петербурге. Музей Института литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. Фронтиспис.

Д. Д. Минаев. Фотография 1860-х годов. Музей Института литературы. Между стр. 96 и 97.

Автограф стихотворения «Двое». Альбом М. И. Семевского — рукописное отделение Института литературы. Между стр. 112 и 113.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ[1]

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, а вторая (курсивом) номер примечания.

СОДЕРЖАНИЕ

II

III

IV

ПЕРЕВОДЫ

Г. Гейне

О. Барбье

В. Гюго

П. Дюпон

Г. Надо

А. Доде

Ш. Бодлер

В. Ралей

Байрон

Т. Гуд

Г. Лонгфелло

К. Гавличек

Народные песни

Ответственный редактор А. Федоров

Переплет и титул по эскизам художника М. Кирнарского. Технич. редактор А. Кирнарская. М 03175. Подписано к печати 7/VI 1947 г. Печ. л. $33^{5}/_{8}$. Уч.-изд. л. 31,9. А. л. 33,7. Тираж 10 000. Цена 18 р. 50 коп. Зак № 1667. Типография № 3 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета

